

*К*РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2025 **ТОМ 10** № 3

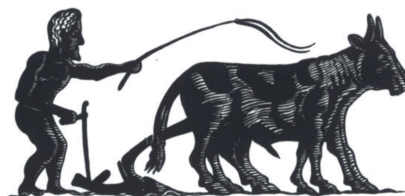
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)

А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС

М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ

И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС

И. А. Кузнецов, РАНХиГС

О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)

П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)

Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН

О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН

Н. И. Шагайда, РАНХиГС

С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова

В. Б. Безгин, Тамбовский государственный технический университет

С. М. Боррае Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)

С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)

В. Г. Виноградский, РАНХиГС

А. В. Гордон, ИНИОН РАН

В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН

Ким Чан Чжин, Университет Сунгконгэ, Сеул, Южная Корея

В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН

Э. Н. Крылатых, РАНХиГС

А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС

С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)

В. А. Мау, РАНХиГС

Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)

А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А. А. Никонова

Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)

А. Д. Радыгин, РАНХиГС

Судхир Кумар Сутхар, Университет Джавахарлала Неру (Индия)

В. Я. Узун, РАНХиГС

Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

Д. Челетти, Падуанский университет, Падуя (Италия)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 3, офис 2003

Телефон: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е. С. Никулина; Корректор И. Е. Кроль;

Дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС

В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;

Картина «Стелют лен». Шипицын А. В. 1934. Третьяковская галерея, Москва

© РАНХиГС, 2025

Содержание

Теория

<i>Merl S.</i> Collectivization and socialist agriculture (1917–1992): Revised comparison of the Soviet and East-European experience. Part II. Collectivization in Eastern Europe under Stalin and Khrushchev (1944–1962)	6
<i>Митрофанов С. В., Янбых Р. Г., Орлова Н. В., Николаев Д. В.</i> Демографические вызовы развитию сельских территорий и кадровое обеспечение АПК	38
<i>Fogel R.</i> What will be the fate of the rural youth in Paraguay?	68

История

<i>Белых А. А.</i> А. С. Пушкин как помещик	80
<i>Григорьев Д. П.</i> Отмена крепостного права в Михайловском: псковское имение Пушкиных в период проведения реформы 19 февраля 1861 года	103
<i>Семенюк А. С.</i> География фамилий крестьян Вилейского уезда по данным ревизских сказок 1795 года	117
<i>Ким Г. Н.</i> Неудавшийся опыт шелководства корейцев в русском и советском Приморье	133
Круглый стол журнала «Крестьяноведение», посвященный 100-летию юбилею профессора Виктора Петровича Данилова	153

Современность

<i>Еланская А. А.</i> Трансформация аграрной политики России в XXI веке: переход от поддержки производителей к поддержке потребителей?	182
<i>Фадеева О. П.</i> Цифровизация «сверху» в российском АПК: от проектов к реалиям	205
<i>Имангулов Л. Р.</i> Факторы территориальных различий оттока и возвратности сельской молодежи в постсоветской России	234
<i>Гусаков Т. Ю.</i> Крымские дачи: история и современность освоения сельско-городского пространства	261
<i>Рогозин Д. М.</i> Субъектность имеет значение: автоэтнография ухода за дементным отцом в условиях сельских ограничений.	289

Интервью с исследователем

<i>Гордеев А. В., Никулин А. М.</i> «Развивая культуру доверия»	306

Рецензии

<i>Ильиных В. А.</i> Попытка реконструкции поколенческой истории русского крестьянства в первой трети XX века.	325
<i>Ляпин Д. А.</i> Аграрное общество России на сломе эпох	333
<i>Гончарова И. В., Чувардин Г. С.</i> Поколение «революционного перелома» и современность: поиск баланса между традицией и инновацией	337
<i>Николашин В. П.</i> «Революционные» поколения: между «жаждой земли» и модернизационными вызовами	343

Научная жизнь

<i>Овчинцева Л. А.</i> Международный день кооперативов 2025	351

Russian peasant studies

Vol. 10. 2025. No 3

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)

A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE

I. V. Trotsuk, Deputy Editor, RUDN University, RANEPA

I. A. Kuznetsov, RANEPA

O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)

P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)

T. G. Nefedova, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences

O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

N. I. Shagaida, RANEPA

S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil), RANEPA

ADVISORY BOARD

A. I. Alekseev, Moscow State University

V. B. Bezgin, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation

S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)

S. Wegren, Southern Methodist University (USA)

V. G. Vinogradsky, RANEPA

A. V. Gordon, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

V. A. Il'inykh, Institute of History of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Kim Chang Jin, SungKongHoe University, Seoul, South Korea

V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

E. N. Krylatykh, RANEPA

A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA

S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)

V. A. Mau, RANEPA

S. Merl, University of Bielefeld (Germany)

A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science

E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)

A. D. Radygin, RANEPA

Sudhir Kumar Suthar Jawaharlal Nehru University (India)

V. Ya. Uzun, RANEPA

Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

D. Celetti, University of Padua, Padua, Italy.

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

<i>Merl S.</i> Collectivization and socialist agriculture (1917–1992): Revised comparison of the Soviet and East-European experience. Part II. Collectivization in Eastern Europe under Stalin and Khrushchev (1944–1962)	6
<i>Mitrofanov S. V., Yanbykh R. G., Orlova N. V., Nikolaev D. V.</i> Demographic challenges for Russian rural areas and their impact on staffing of agriculture	38
<i>Fogel R.</i> What will be the fate of the rural youth in Paraguay?	68

HISTORY

<i>Belykh A. A.</i> Pushkin as a landlord	80
<i>Grigoriev D. P.</i> Abolition of serfdom in Mikhailovskoye: Pushkins' Pskov estate under the reform of February 19, 1861	103
<i>Semenyuk A. S.</i> Geography of peasant surnames in the Vileysky uyezd according to the 1795 revision lists	117
<i>Kim G. N.</i> The failure of Korean sericulture in Russian and Soviet Primorye	133
Round table of the <i>Russian Peasant Studies</i> for the 100th anniversary of Professor Viktor Petrovich Danilov	153

THE PRESENT TIME

<i>Elanskaya A. A.</i> Russian agricultural policy in the 21st century: From producer support to consumer support?	182
<i>Fadeeva O. P.</i> Digitalization “from above” in the Russian agro-industrial complex: From projects to reality	205
<i>Imangulov L. R.</i> Territorial differences in migration patterns of the rural youth in post-Soviet Russia	234
<i>Gusakov T. Yu.</i> Crimean dachas: History and the current development of rural-urban space.	261
<i>Rogozin D. M.</i> Subjecthood matters: Autoethnography of caring for father with dementia under rural constraints.	289

INTERVIEWS

<i>Gordeev A. V., Nikulin A. M.</i> “Developing a culture of trust”	306

REVIEWS

<i>Ilinykh V. A.</i> An attempt to reconstruct the generational history of the Russian peasantry in the first third of the 20th century	325
<i>Lyapin D. A.</i> Russian agrarian society at the turn of the eras.	333
<i>Goncharova I. V., Chuvardin G. S.</i> Generation of the “revolutionary turning point” and the present time: In search of a balance between tradition and innovation.	337
<i>Nikolashin V. P.</i> “Revolutionary” generations: Between “thirst for land” and modernization challenges	343

SCIENTIFIC LIFE

<i>Ovchintseva L. A.</i> International Cooperative Day 2025.	351

Collectivization and socialist agriculture (1917–1992): Revised comparison of the Soviet and East-European experience.

Part II. Collectivization in Eastern Europe under Stalin and Khrushchev (1944–1962)

S. Merl

Stephan Merl, DSc (History), Professor, Bielefeld University, Universitätsstr., 25, 33615 Bielefeld, Germany. E-mail: stephan.merl@uni-bielefeld.de

Abstract. To reassess collectivization and socialist agricultural policy, it is necessary to keep the whole period in view, distinguishing the following phases with basically different political approaches: (1) collectivization under Stalin as based on class war and peasant subjugation to transfer capital from agriculture to industry; (2) collectivization under Khrushchev, striving to complete it, although this policy was basically put in question (in 1953 in the Soviet Union and in 1957 in the GDR and Hungary); (3) efforts to stabilize the economically weak collective farms in the 1960s after finishing collectivization and replacing Khrushchev; (4) the final turn to modernization of agriculture expecting economies of scale through different concepts of industrialization in the 1970s; (5) the failure of these concepts causing a cost trap and enforcing the rehabilitation of small-scale private agriculture in the 1980s. The first part showed how Stalin eliminated modernization from collectivization so that agriculture would serve industrialization. The second part focuses on collectivization in Eastern Europe under Stalin and Khrushchev, including temporary attempts to revise collectivization policy after Stalin's death. Stalin's combination of collectivization and class war was applied in Eastern Europe, determining the same fatal consequences for the social-economic capital of agriculture as in the Soviet Union and threats for domestic food supplies. Stalin's approach was criticized in the Soviet Union: in June 1953, Beria and Malenkov questioned Stalin's infallibility. The revision of collectivization in several East European countries (primarily Hungary, GDR and Czechoslovakia) aimed at the stabilization of collective farms, which required consolidation denied by Stalin: state investment in agriculture, payment for work and efficient machinery for large-scale farming. Based on the working models of collective farming, numerous private farmers were to join collective farms, which was blocked by Khrushchev insisting on completing collectivization first. With his ideological approach, he worsened the destruction caused by Stalin's collectivization, and was responsible for the exodus of more flexible workforce from agriculture in the Soviet Union. Only Hungary managed to make use of the potential of family labor. The third part will focus on the stabilization of collective farms after Khrushchev's removal from office and on the industrialization of agriculture, which started in socialist countries in the 1970s, two decades later than in the West.

Key words: collectivization of agriculture, Stalin, Khrushchev, Kadar, Ulbricht, socialist agriculture, mechanization, collective farms, industrialization of agriculture, modernization, Soviet Union, Eastern Europe, Hungary, GDR, small peasant farms, economies of scale, private plots, class war, myths of Stalin's infallibility, social differentiation

EDN: CAXXOY

The East European Communist Party leaders accepted Stalin's propaganda as truth, i.e., Soviet collectivization as a successful model to overcome rural underdevelopment and poverty by establishing large-scale socialist enterprises which also would provide capital for rapid industrialization. Until Stalin's death, Soviet collective farms were economically extremely weak, without sufficient machinery from the state-owned machinery-tractor stations (MTS) and with yields same as those of small farmers in the 1920s. Stalin did not care about agricultural modernization due to the focus on peasant subjugation at collective farms to transfer capital from agriculture to industry. In 1946, Stalin's attempt to prove the superiority of socialism over capitalism by abolition of food rations caused a new famine which took about one million of lives (Ganson, 2009). The data on the situation remained tabooed until his death.

The shortcomings of Stalin's collectivization and socialist agriculture become clear when compared to Eastern Europe. Stalin's combination of collectivization and class war was applied in Eastern Europe with the same fatal consequences, threatening domestic food supplies. I will describe the essence of collectivization in Eastern Europe under Stalin and the changes after his death. The first section focuses on the term "modernization". The second section describes how Stalin interfered with collectivization in Eastern Europe from 1944 to 1953 and the features of his approach. The third section considers how and why collectivization was questioned right after Stalin's death, first by Beria's and Malenkov's "New Course" and then after uprisings in Poland and Hungary by the request to prove the superiority of collective farming first. The fourth section explains why Khrushchev's insistence on the completion of collectivization (1957–1962) without considering economic costs caused additional problems. He was responsible for the exodus of qualified workers from Soviet agriculture in the late 1950s. Collective farms started to stabilize only after the end of collectivization and Khrushchev's removal from office. In Part III I will consider the policy changes necessary to stabilize collective farms in the 1960s and the attempts to modernize agriculture in the 1970s according to the model of "industrialized agriculture", which was diametrically opposed Stalin's model of collectivization: huge amounts of money were invested in agriculture, and Stalin's ban on non-agricultural activities at collective farms was lifted as it hindered integration of agriculture with the up- and down-stream sectors of industry.

S. Merl
Collectivization
and socialist
agriculture
(1917–1992):
Revised comparison
of the Soviet
and East-European
experience

Collectivization under Stalin: Myths and realities

Whether there was "modernization" of agricultural production should be judged by the results. Modernization implies more than just the

state supply of mechanized equipment or an increase in the farm size — a clear increase in efficiency (labor productivity, crop yield and livestock production). Modernization strongly depended on science in improving farming techniques and in supplying sufficient high-quality equipment for complex mechanization.

Despite Bauerkämper's claim (2002: 14–15), collectivization was not a project of “enforced modernization”. Stalin separated collectivization from modernization as a goal in itself, i.e., collectivization was only to subjugate peasants and to transfer capital from agriculture to industry. Under Stalin, permanent pressure and violence kept collective farms in the Soviet Union and Eastern Europe from falling apart¹. Thus, Viola's definition (2014: 50) of collectivization as a means of “state building” is contrary to the facts: to maintain power and keep faith in his infallibility, Stalin had to blame local officials for “mistakes”, which made well-functioning local administrations counter-productive for his purpose (Merl, 2017). Moreover, people still believed in the myth of “good tzar and incompetent, corrupt local officials”. This allowed Stalin to divert public attention from serious changes in his political course. Under pressure, local officials were effective in making peasants and then collective farms follow state orders (Part I). To assess the activities of local officials, it is necessary to answer the question of whether Stalin's orders could be fulfilled at all, since Stalin often gave impossible orders, for instance, when required that peasants “voluntary join” collective farms. No farmer with some implements and land would agree to work without payment at the collective farm, similar to the forced laborer of the regime. If the officials failed to “convince” farmers of joining the collective farm, they were accused of “incompetence” (Merl, 2024a). When choosing to report success in fulfilling Stalin's orders or failure in “convincing peasants to do voluntarily what they absolutely did not want to do”, success was always a better choice to avoid sanctions. In any case, Stalin was not interested in the population's trust in local administrations.

Mechanization under Stalin as not contributing to “modernization”

In the West, mechanization started for economic reasons (to substitute labor due to its increasing costs) and became permanent, steadily improving equipment and machinery to increase efficiency, while in the Soviet Union mechanization started in the conditions of huge rural underemployment. Under the “taking grain” campaign, the an-

1. See Part I: in the Soviet Union, the rich harvest of 1937 and then the WWII determined the collapse of collective farms. In Eastern Europe, several collective farms fell apart after the end of the state violence in June 1953 and the 1956 uprisings.

imal draft power was lost and had to be replaced. Mechanization was extremely expensive and increased underemployment (Part I) due to its key purpose to ensure the state control over collective farms and their members².

In the 1930s, after the start of production of tractors and some agricultural machinery according to world standards, there was no improvement. In the early 1950s, all agricultural machinery in the Soviet Union was outdated by Western standards. Moreover, the Soviet Union did not take part in the “green revolution” which took advantage of the achievements of agricultural science and ensured a sharp increase in yields of crop and livestock production (Merl 2016a; 2016b). To significantly improve machinery and equipment, it would have been necessary to build new factories for producing them (Merl 2020b; 2021).

In all East European countries collectivization also started before there was an economic need for mechanization. Already in the 1950s, only in the GDR and in the Czech part of Czechoslovakia, there was a shortage of rural labor, while in other East European countries, there was severe and distressingly high surplus of rural labor. Small peasant farming did not reach its limits by improving agricultural production in any country, which became evident by the successfully increased agricultural production in Yugoslavia and Poland after they stopped collectivization, while countries continuing collectivization faced problems even in domestic food supplies (Wädekin, 1974: 71–72; 1978: 12)³. Collectivization in Eastern Europe started, when there was not enough tractors or machinery; mechanized equipment for large-scale farming was in acute shortage even in the Soviet Union: only in 1950, the MTS reached the 1940 level of provision, since industrial production had already doubled (Wädekin, 1974: 87). Mechanized agricultural machinery was mostly available in Germany and Czech part of Czechoslovakia and belonged mainly to large farms and cooperatives.

Collectivization in Eastern Europe in 1944–1953: How Stalin interfered and why the significant national features were ignored

After Stalin’s victory over fascism, the East European Party leaders strived to apply his seemingly successful model of collectivization as a way to rapid industrialization and transformation of the backward

-
2. Mechanized equipment was provided only by state MTS, for which collective farms had to pay in kind by grain.
 3. After 1956, Poland showed an impressive increase of agricultural production; from 1953 to 1959, after the end of enforced collectivization, Yugoslavia also increased production significantly, then after 1963.

village, since the deplorable economic situation of Soviet collective farms was tabooed.

In Bulgaria and Yugoslavia, collectivization started directly after the end of the war without Stalin's signal: both countries freed themselves from German occupation on their own, and many peasants had participated in the partisan movement (Swain, 2014: 509–510)⁴. Although collectivization campaigns in Eastern Europe followed the same Soviet principles, such a campaign in Bulgaria was significantly different: it started earlier (1944) and already in the end of 1947 aimed at “total collectivization” (as in the Soviet Union in the end of 1929), forcing all peasants to join collective farms. Since March 1948, only one statute similar to the Soviet *artel* was allowed (Gruev, 2014: 329–338)⁵. In the end of 1950, the collectivization peak was reached with about 50% of peasant farms registered as collective farm members. However, as in the Soviet case, forced collectivization caused fierce peasant resistance and several uprisings endangering rule (Gruev, 2014: 352–356)⁶. On Stalin's recommendation, the collectivization campaign was stopped, but, like Stalin in March 1930, the Bulgarian Party leaders criticized local officials of “abuses”. Many collective farms fell apart, but eventually the riots stopped. Collectivization took a new turn — slowly and without pressure (Gruev, 2014: 352–356)⁷— and did not restart until Stalin's death. Only under Khrushchev's pressure Bulgaria restarted collectivization in 1956 and was the first to complete it in Eastern Europe in 1958, without any interruptions after the uprisings in Poland and Hungary (Swain, 2014: 499–501; Gruev, 2014: 358–368). In Bulgaria, the first MTS were organized in 1945, and even collective farms had some machinery. In 1948, MTS and machinery became state property. In 1948, MTS had 3,600 tractors, in 1953 — 11,300 tractors and 1,370 combines (Wädekin, 1974: 187–197).

By Stalin's order, in other East European countries collectivization as the final goal was forbidden to be mentioned during the land reform. Stalin claimed that first it was necessary to gain the trust of poor peasants and land workers and even stopped those Communist Party Leaders who wanted to start collectivization immediately (Swain, 2014).

4. Tito started collectivization in 1945, expecting that peasants would support it.

5. Since the end of 1944, “labor-cooperative farms” (TKZS) were organized and reached the number of 400 in 1948. In the fall of 1947, compulsory deliveries were introduced, taking almost all peasant grain for the state, while after joining the collective farm peasants were only to pay a tax for private land.

6. Collectivization came in waves, since campaigns stopped under fierce resistance (especially of peasant women that had less to fear).

7. On March 12, 1951, the Bulgarian Party leaders took the role of arbitrators and fair judges by blaming local officials of violence and arbitrariness, as if this was their conflict with peasants. The sudden retreat was announced on the radio. For the Soviet case, see Part I.

In 1948, Stalin suddenly changed his mind. At the Cominform meeting in June 1948 he criticized Tito who had already started collectivization, blaming him for underestimating the resistance of *kulaks* and the connection between class war and collectivization. Most East European Party leaders were used to guess Stalin's wishes, since he rarely gave clear orders. They understood that Stalin wanted them to start collectivization⁸. In December 1948, only the SED leaders got another order: given the political openness of the German question, Stalin demanded from Walter Ulbricht a strategy of revolutionary containment — to prevent revolution and class war against kulaks and collectivization (Scherstjanoi, 2007: 103–109, 591).

Most collectivization campaigns started in early 1949, and at first the pressure on peasants was generally not too strong⁹. When collectivization did not proceed as quickly as Stalin had expected, he increased pressure on the East European Party leaders. In 1951, Stalin demanded to declare class war against the kulaks to speed up collectivization. Arrests and mass repressions reached the peak during the winter of 1952/1953, just before Stalin's death (Swain, 2014: 525)¹⁰.

Ignoring the significantly different conditions in the East European countries

In most East European countries, small land holdings prevailed, but after the expropriation and expulsion of Germans some countries had a lot of free land: the Czech part of Czechoslovakia, Poland, and Hungary. Most countries were at the very start of industrialization as the Soviet Union in the end of the 1920s, while others (GDR and the Czech part of Czechoslovakia) had already been industrialized. All still predominantly agrarian countries suffered from rural underemployment, while the GDR and the Czech part of Czechoslovakia already felt a shortage of rural labor. Such differences could not help but significantly affect collectivization, but Stalin did not pay attention to them and demanded basically the same approach everywhere.

Czechoslovakia used the lands from which the Germans were expelled to organize state farms. The significant share of arable land with state farms explains why the government saw no need for rapid collectivization, intending not to hinder the further development of

8. Most Party leaders believed in Stalin's infallibility and feared his revenge for the wrong choice.

9. Hungary prepared its campaign in the fall of 1948 and started collectivization in 1949. Poland took first careful steps in September 1948 and started to put more pressure in 1949.

10. The terror stopped shortly after Stalin's death.

private farming (Rychlik, 2014: 181–189)¹¹. Only after the Communist coup d'état in June 1948, the Party Secretary Slansky changed this approach, putting collectivization on the agenda, as did other East European countries. The campaign started in May 1949, and already in July 1948, first “people’s cooperatives” and Machinery Rental Stations (MAS) were organized and in 1951, turned into state enterprises (Rychlik, 2014: 181–189; Bauerkämper, 2002: 205–221).

Compared to these differences between East European countries being ignored, most points mentioned in literature as “different approaches in Eastern Europe” (Swain, 2014: 502–504) are less important or even misunderstood. Indeed, in most East European countries land ownership remained unchanged: only Hungary in 1967 introduced “cooperative land property”, and Albania in 1946 de facto nationalized land plots larger than five hectares. However, land property lost importance under collectivization as owners could no longer dispose of their land. Certainly, there were no “mass deportations” under the class war, but Stalin died before collectivization in Eastern Europe reached that final stage. However, the class war was waged in all countries to speed up collectivization. The assertion that in Eastern Europe more types of statutes existed is misleading. Until the end of 1929, the Soviet Union had three types of statutes, after the start of total collectivization — only the *artel* statute; at the final stage of collectivization Bulgaria and Czechoslovakia also had only one type of statute similar to the Soviet *artel*; only the GDR allowed statutes of type 1 and 2 with lesser collective use at the final stage of collectivization and after its end in the 1960s¹².

In general, common elements of collectivization strategies are more important: what did Stalin aim at when insisted on including private plots in all East European statutes of fully socialized collective farms (type 3), even when, as in the GDR, the Party leadership at first refused to do it? In the Soviet Union, private plots were a precondition for the state to take the collective farms’ produce without risking their members death from hunger (Part I). It seems that Stalin considered the income distribution according to the remainder principle insufficient for the guaranteed survival of the East European collective-farm members without an access to private plots to provide themselves with additional food. At least one “learning effect” of the collectivization disaster in the Soviet Union should be mentioned: several countries postponed collectivization of animal husbandry, focusing on crop production. Soviet Union suffered from heavy losses of livestock during collectivization (1928–1932) and then after cutting

11. About 2 million Sudeten Germans were expelled. As there was no special land demand from Czechs, most of the land confiscated in 1948 was used to organize state farms.

12. Hungary and the GDR used three types, Romania only two, Albania postponed collectivization of animal husbandry (Wädekin, 1974).

off land from private plots (1939–1940). Similar heavy losses of livestock did not happen in Eastern Europe.

Features of Stalin's approach: Combination of collectivization and class war

Several elements of Stalin's collectivization were abandoned immediately after his death, especially the combination of collectivization with class war and social discrimination of collective farmers. Class war against *kulaks* to push other peasants into collective farms was the key element of Stalin's collectivization, which only Yugoslavia and China ignored, trying to restructure agriculture "with the significant peasant support" (Swain, 2014: 505). All East European countries started the class war at first economically by setting higher obligatory deliveries and taxes for *kulaks* — in Bulgaria in 1947, in other countries in 1948. In 1946, the GDR introduced different norms for obligatory deliveries by farm size, which worsened differentiation in 1948/49. Yugoslavia started the economic attack on *kulaks* in June 1948, Czechoslovakia — in 1950 (Swain, 2014: 518–519). Most countries, except for Yugoslavia, questioned the further existence of *kulak* farms in 1951, the GDR — in 1952 (Swain, 2014: 505, 516–520, 525). Although the Soviet term "kulak" was unfamiliar, until 1951 nearly all East European countries started to use it for their large peasant farms (Swain, 2014: 516).

To what extent the "class war" was ordered by Stalin is obvious from the fact that at first several countries allowed *kulaks* to join collective farms if they gave their means of production (Swain, 2014: 517–520). Only after Stalin's order to speed up collectivization, *kulaks* were forbidden to join collective farms; previously accepted *kulaks* were now expelled. Several countries (as Hungary in 1951) introduced "*kulak* lists" — registries of farms classified as *kulak*, which determined additional anxiety. From the start of show trials against *kulaks* in June 1952 in Czechoslovakia to the end of the year, the number of collective farm members doubled (Wädekin, 1974: 153).

The combination of class war and collectivization was the essence of Stalin's unique approach, which allowed both to put pressure on officials and to intimidate peasants, since there was no clear definition of "*kulak*" and his means of "exploiting" others — this had been the case in the Soviet Union in the late 1920s and now was the situation in all East European countries (Merl, 1981: Part I). This "lack of precision concerning who the class enemy was" (Swain, 2014: 516) made the class war a perfect weapon for as if "voluntary" collectivization. Due to the arbitrariness of the term, every peasant opposing collectivization could be declared a *kulak*; even the reluctance to join the collective farm was the basis. The fear of being declared a *kulak* was the most efficient way to make peasants join collective farms.

Peasants saw with their own eyes how *kulaks* were subject to arrests, show trials, expropriation, expulsion from home and farm, or deportation¹³. Even without “mass deportations” in Eastern Europe, such punishments of kulaks were effective to intimidate other farmers (Swain, 2014: 520).

Although Stalin repeatedly demanded the “voluntariness” of joining collective farms, he did not interfere in widespread mass repressions and arrests in the winter of 1952/1953 (Transcript, 1953). In the beginning of 1953, in Poland 254,000 peasants were imprisoned or punished (Jarosz, 2014: 124–125), which determined the anti-Communist sentiments of peasants (Swain, 2014: 505, 516–520, 525). Officials that refused to participate in collectivization campaigns were suspected of being “class enemies” or counterrevolutionaries, i.e., they had no alternative than to put pressure on peasants. Stalin insisted that local officials find more *kulaks* to exercise more pressure on peasants (Swain, 2014: 519). After Stalin’s death, class war and anti-kulak policies quickly disappeared from the agenda. In 1954, the GDR and Hungary announced the end of restriction against *kulaks*, which finally disappeared in the late 1950s.

How Stalin interfered: The case of the GDR

Historians often wanted to find clear orders given by Stalin and interpreted the lack of such orders as actions against Stalin’s will, which ignores the features of Stalin’s rule and how he created the myth of his infallibility. He often gave rather vague orders, forcing officials to figure out for themselves what he really wanted, which allowed him in case of failure to change his approach and blame those who followed his previous orders. Stalin used this tactic with the East European Party leaders to make them dependent on him: sometimes his orders were contradictory and not constant over time.

In a few cases, we have more precise information about Stalin’s intervention, such as a detailed study of Soviet actions in the Soviet Occupation Zone in Germany and the GDR (Scherstjanoi, 2007)¹⁴. Some Stalin’s orders confused the SED leadership: in December 1948, he demanded a strategy of the socialist revolution “containment” in order to improve food supply in competition with the Western parts of Germa-

13. There were deportations, for instance in Romania, but less often than in the Soviet Union. In Czechoslovakia repression against kulaks included resettlement or expulsion from home and farm. In Hungary, some *kulaks* were deported to labor camps (Swain, 2014: 520).
14. Scherstjanoi mistakenly expected from Stalin “rational action” and clear orders, which makes some her conclusions questionable. She argues that there are only a few notes on meetings with Stalin and that memorandums in Soviet archives differ from those in German archives (Scherstjanoi, 2007: 9–10).

ny, thus demonstrating the superiority of socialism (Scherstjanoi, 2007: 107–109, 591–595)¹⁵; in April 1952, he seemed surprised by the fact that there were no collective farms in the GDR. Despite his warning in December 1948, now he blamed the SED leaders that they did not start the fight against *kulaks* and did not organize collective farms.

The case of the GDR is of special interest, since the Soviet occupation authorities were permanently present to give advice and to control the policy of the SED and East Germany. In addition to Stalin's direct consultations with the SED leaders in Moscow in December 1948 and April 1952, there was constant indirect control and influence. As a rule, cooperation with officials from the Soviet Control Commission (SKK) and Soviet military administration (SMAD) was rather consistent. However, in times of crises as in 1952, the Soviets intervened harshly, paying little attention to the objections of German experts. In December 1948, on Stalin's order, they insisted on land-workers' protection law, and in the fall of 1952 — on allowing private plots at completely collectivized farms (type 3) (Scherstjanoi, 2007: 107–136, 605–606)¹⁶. At first the German side objected to private plots, but the SKK intervened and declared that the Soviet side would never allow nationalization of all livestock, insisting on preserving private plots at collective farms (Scherstjanoi, 2007: 404, 442) — 0.5 hectares, two cows and one horse or oxen.

On December 18, 1948, Stalin met with the SED leaders in Moscow (Scherstjanoi, 2007: 103–153)¹⁷, and the meeting lasted four hours. Stalin still believed in negotiations with the Western powers about the future of Germany and raised strategic questions related to large peasant farms. He ignored the latest statements of the SED leaders, focusing on their previous plans to expropriate large farmers. Stalin strongly disagreed and ordered to stop expropriations in order to ensure control over private farms by other means — Germany was to move towards socialism not directly but in zigzag. Stalin blamed Ulbricht and demanded control over private farms through economic rather than administrative measures (Scherstjanoi, 2007: 32, 104–105)¹⁸.

15. In 1948, the SED leaders were confused and asked after the meeting what Stalin meant by “too early” and what he wanted them to do. Pieck noted that the MAS were to be nationalized; however, according to the Soviet protocol, Stalin rejected nationalization. Such uncertainties caused many problems, since nobody dared to deviate from Stalin's orders.

16. In 1952, the SKK more often made decision without the German side, so the SED leaders could not clarify the situation directly with the Moscow Party leadership.

17. The German side was represented at the meeting by Pieck, Grotewohl, Ulbricht, and Oelßner, the Soviet side — by Stalin, Molotov and Semenov (the chief of the SMAD).

18. Stalin gave no detailed instructions; he did not object to the law on confiscating uncultivated land and forcing peasants to cultivate their land.

Stalin's next meeting with the SED leaders took place on April 1, 1952. Since mid-1951, the class war had become important in the GDR: rich peasants were now blamed for all deficiencies in people's food supply. Scherstjanoi (2007: 594–598) mentions “hysteria of sabotage” due to ignoring Stalin's warning in 1948. Stalin surprised the SED leaders with the question about collective farms in the GDR. Following his advice in 1948, the SED slowed down the socialist construction, hindering collectivization (Scherstjanoi, 2007: 423–424). When Ulbricht explained that the SED leaders had not organized collective farms in order not to threaten the unity of Germany, Stalin was upset. He blamed the SED leaders for not surrounding large farmers by producer cooperatives and emphasized the positive experience of Hungary to be followed (Scherstjanoi, 2007: 355–356). This situation showed to what extent Stalin did not know the state of German agriculture and how strongly he trusted the doubtful success reports of such Party leaders as Rakosi. Only after this meeting with Stalin, the SED leaders began to prepare for collectivization.

Scherstjanoi (2007: 594–601) did not understand that by blaming the SED leaders Stalin wanted only to change the strategy, so she interprets the attack on large private farmers in November 1952 as “a stubborn act of the SED leadership” ignoring Stalin's warning of 1948. As Stalin did not intervene, he certainly wanted the SED to start “liquidation of large peasants as a class”. In 1951, Stalin initiated similar attacks on *kulaks* in all East European countries. The fact that he sent to the GDR A. D. Stupov (Scherstjanoi, 2007: 361, 368)¹⁹, the official responsible for recommendations to the Bulgarian leaders, proves that Stalin wanted the GDR to start collectivization and class war. In April 1952, Stalin warned the SED leaders about “strictly voluntary” entry into collective farms, which is another example of his strategy to blame them later. In the GDR, collective farms could offer nothing to small farmers able to cultivate their fields on their own, this prevented their “voluntary” entry²⁰. Following Stalin's recommendation, the SED leaders sent a delegation to Hungary (Scherstjanoi, 2007: 360–367; Bauerkämper, 2002: 160–165)²¹. However, in April 1952, Stalin's main concern was not collectivization but urgent creation of army in the GDR.

19. Stupov headed the new SKK-section for agriculture in May 1952. The alarmed SED-leaders consulted with him to understand what Stalin meant by “surrounding” large farmers. They decided to send two delegations to the Soviet Union to study production and life at collective farms.
20. The Politburo copied Stalin's strategy to blame local officials for violence later by stressing the “absolutely voluntary” entry into collective farms.
21. Ulbricht went to Budapest with the delegation. They listened to lectures at the Hungarian Party High School, met Rakosi, Gerö and Hegedüs, and visited some collective and state farms. They did not recommend copying the Hungarian statutes.

Before the SED leaders could announce the start of collectivization at the Second Party conference, they had to get Stalin's approval. They sent him a letter on July 1 and got his approval on July 8 (Bauerkämper, 2002: 160–165). According to the resolution, collective farms were to be organized primarily in regions which large farmers had left. It forbade regional competition for the highest speed of collectivization between the regions. At the Party conference, Ulbricht announced that organization of collective farms was part of the “planned construction of socialism” (Scherstjanoi, 2007: 380, 371–373, 379), and strong pressure was put on large farmers. In 1952, the Soviet side worsened the situation by insisting on larger obligatory delivery norms for them. Many large farmers lost prospects for continuing farming. They were blamed for sabotage, their land was expropriated as not cultivated properly, and many fled to the West. Since September 1952, among the fugitives, the share of peasants had increased significantly: from January to June of 1953, of 11,000 farmers 5,873 were large farmers. The number of large farms in the GDR decreased by about 40% (Scherstjanoi, 2007: 172–189, 485–501; Steiner, 2004: 67–68).

Who joined collective farms and why?

In all East European countries primary the rural poor (farmers without implements, new farmers failing to cope with production, and agricultural workers) joined collective farms that had land but not implements and machinery. As the Soviet Union sent very few machines, all countries expropriated machinery from large farmers or (in Hungary and Bulgaria) from cooperatives. In all countries, farmers were skeptical about joining. After the first collective farms were organized, the situation worsened, and their miserable state became evident to everybody: lack of machinery, implements, competent leadership, and payment for work. In almost all countries, economic results of collective farms were worse than those of small peasant farms, so collective farms had nothing to offer farmers. Even strong tax pressure and obligatory deliveries had limited success²². Only expropriation from kulaks and mass arrests in the last days of Stalin's life forced many unwilling farmers to join collective farms.

In some countries (GDR, Poland and Hungary), there were people who knew the miserable situation of Soviet collective farms: they witnessed starvation and poverty in the Soviet countryside and considered Soviet collectivization a social disaster. In addition, during

22. In the GDR, most farmers joined only under hard pressure. From January to May 1953, the number of collective farms increased from 1,906 to 5,074 (Steiner, 2004: 73–74).

the WWII, Russian forced laborers on German farms described the situation very negatively. All this made the resistance even stronger (Bauerkämper, 2014: 411–425): out of local peasants, living in their villages for a long time, hardly anybody joined; often “new” farmers, who had received land only under the land reform after WWII, were ready to join, since they did not have farm implements and sometimes experience to stabilize their farm. In the GDR, about 30% of new farmers failed, many of them returned their land; only a third successfully stabilized their farms; 20,000 of farmers who joined had high debts and tried to get a new chance (Steiner, 2004: 67–68; Witkowski, 2014, 478–484)²³. Moreover, the “status” of land as “old” (inherited) or “new” strongly determined the willingness to join (Swain, 2014: 509–513). In Poland, there were tensions between farmers displaced from the East and resettled and local villagers (Jarosz 2014, 114–119)²⁴, in the GDR — between the resettled “new peasants” (from the lost eastern territories) and “local peasants”, mainly new peasants joined collective farms (Schöne, 2014: 150–152).

As hardly any farmer joined the collective farm voluntarily, local authorities violated the official order by putting hard pressure: it was the most severe in Romania, but in Bulgaria it also included arrests, show trials, deportations and death sentences²⁵. Severe repressions led to fierce and sometimes armed resistance, which in Bulgaria and Romania turned into local uprisings and revolts; often peasant women that had less to fear played a prominent role in such protests²⁶.

The supply of mechanized equipment was insufficient: when in the spring of 1949 in the GDR the MAS were organized, only every second MAS had a tractor. In 1949, the Soviet Union provided 1,000 tractors and 540 trucks. In 1950, the MAS were nationalized: their technical equipment was still poor, many tractors could not be used (Scherstjanoi, 2007: 110–145, 317–344). In the early 1950s, the

23. Governments supported collective farms therefore with privileges and sometimes with subsidies; their norms of obligatory deliveries were below the norms for other peasants.

24. In Poland, about 1 million peasants received land under the land reform, 620 thousand — in the “returned” territories

25. E.g.: in Bulgaria — death sentences, 4,208 families were deported in 1948–1951, in 1951 — show trials and many arrests (Gruev, 2014: 345, 354–355); in Romania — 2000 families lost land plots over 50 hectares, in 1951 — deportations from border regions to Yugoslavia, 44 thousands were resettled to special villages after riots (Irodachi, Dobrincu, 2014: 255, 263–264; Witkowski, 2014: 486–490; Swain, 2014: 522–525); in the GDR — in 1949, show trials against cooperative chairmen (Scherstjanoi, 2007: 292–316); in Czechoslovakia — show trials (Wädekin, 1974: 153).

26. E.g.: in Romania — several uprising in 1949–1950 and 1958 (Swain, 2014: 522–525); in Bulgaria — in July 1950, women’s uprising in three catholic villages (Gruev, 2014: 352–356); in Poland — armed gangs, resistance supported by the Catholic Church, women praying in the fields, singing religious songs and leaving meetings (Jarosz, 2014: 131–134).

MTS had 18,400 tractors — 21,383 were in private property (13,000 were owned by large farmers). In January 1953, local officials got the right to force tractor owners to rent tractors out. In 1953, the MTS increased their machinery by 28%, but labor and investment were still in short supply (Scherstjanoi, 2007: 485, 605). In Hungary, only in 1961, a decade after the end of collectivization, “most farms completely mechanized grain production and invested heavily in livestock buildings” (Swain, 1985: 28).

As most collective farms showed miserable economic results, collectivization in all countries threatened food supply. Czechoslovakia and the GDR had to return to or maintain food rationing: after small peasants had nearly restored the prewar food supply, collectivization campaigns determined a new reduction in production (Schöne, 2014: 151; Rychlik, 2014: 193–197; Kovacs, 2014: 217–220; Witkowski, 2014: 483–484; Wädekin, 1974: 155; Bauerkämper, 2002: 170)²⁷.

Peasant reaction — outmigration

In all East European countries, collective farmers reacted to the non-payment for work in the same way as in the Soviet Union in the 1930s (Part I): showed little interest in work, tried to find some other paid work or focused on their private plots. Even in the countries with labor surplus (Hungary, Bulgaria, Romania), peasants reacted in the same way. Collective farms could hardly find volunteers for work, complained about a shortage of workers but offered neither paid work nor full-time jobs all year round. As collective farms were not allowed to carry out non-agricultural activities, they could not make productive use of their labor surplus (except during sowing and harvesting) (Swain, 1985; Jarosz, 2014: 130; Kovacz, 2014: 215–216).

Under collectivization, low and unstable wages forced male workers to leave the countryside and look for jobs in the cities, which is why often only women joined collective farms (Wädekin, 1974: 139–148, 159; Swain, 1985)²⁸. In 1928–1929, when tractors had taken over the work in their fields, Soviet peasants reacted in the same way (Part I; Merl, 1985). In most East European countries, outmigration was easier and not limited to large farmers under severe pressure. Men left the countryside after the start of collectivization in the early 1950s, and again in 1957: collectivization accelerated the previously slow and reluctant outmigration of labor to cities (Wädekin, 1984: 136; Gruev, 2014: 359–360), which is why the elderly and women predominated in collective farms.

27. Czechoslovakia returned to rationing in 1951 (after its cancellation in 1948).

28. For instance, in Czechoslovakia often only one member of the family joined: in 1961, in 52.7% of households at least one family member worked outside the collective farm.

The problem of cultivating devastated land

In the GDR, some peasants did not cope with the high norms of obligatory deliveries and left their farms. The size of uncultivated land increased, and nobody wanted to take it due to the high norms of obligatory deliveries. In 1952, an increase in delivery norms worsened the situation — many large peasants fled to the West. In the Czech part of Czechoslovakia and partly in Hungary, the problem of uncultivated land was determined by the expulsion of Germans, but the result was the same: empty land and nobody willing to cultivate it (Bauerkämper, 2002; Scherstjanoi, 2007: 594–597; Rychlik, 2014: 193–195; Varga, 2014: 437).

While Czechoslovakia used devastated land to organize state farms, the GDR organized temporary “public agricultural enterprises” (ÖBL) that hired agricultural workers to cultivate it. Devastated land exacerbated the food supply problem due to low fertility (Bauerkämper, 2002: 170; Scherstjanoi, 2007: 172–189; Steiner, 2004: 67). An attempt of the SED leadership to turn the ÖBL into collective farms in 1952–1955 led to protests of agricultural workers, since this change meant the loss of guaranteed monthly wages and social benefits for workers: eight-hour working day, paid vacation, and paid sick leave (Bauerkämper, 2002: 386–389)²⁹. Even with the guaranteed minimum of seven German mark per unit of work this meant a sharp reduction in their previous monthly salary in the ÖBL. All this proves how unattractive work at collective farms was compared to work at state farms in Eastern Europe. And the situation of the GDR collective farmers was better than in other East European countries without a guaranteed minimum payment per unit of work.

Instead of modernization — a tribute to industrialization

Following Stalin’s strategy, all countries used collectivization as a means of rapid economic development by transferring capital from agriculture to industry. Even the GDR under Stalin’s pressure chose industrialization instead of agricultural development. From 1951 to 1955, investment in agriculture were below 1948–1950 level, while investment in industry increased sharply, especially in the raw materials industry, which had fatal consequences for agriculture. Instead of financial support, collective farms suffered from “additional withdrawal of investment funds” (Scherstjanoi, 2007: 159–160, 348,

29. Many agricultural workers moved to industry in protest, which determined a shortage of labor in the ÖBL. In 1954–1957, the turnover rate among agricultural workers reached 15%–20% per year.

478–484)³⁰. For Stalin’s collectivization without state funding, Swain (1985: 28) introduced a good term “collectivization on the cheap”³¹. Although such capital transfers declined after Stalin’s death, they continued under Khrushchev and finally ceased only in the 1960s after his removal.

Doubts about collectivization: From June 1953 to 1958

Collectivization as a “success model” was first questioned in the Soviet Union by new leaders refusing to continue Stalin’s collectivization policy. Some Party leaders around Stalin were aware of the miserable economic situation of collective farms and believed that only a fundamental change in agricultural policy would save the situation but did not dare to act while Stalin was alive. After Stalin’s death, they competed for succession and did not trust each other, realizing that the person who would implement a successful economic program would be the winner. Thus, everybody sought to hinder the implementation of their competitors’ programs, which made it impossible to discuss the best agricultural policy to increase production.

The first attempt at policy change was the “New Course” developed mainly by Beria and Malenkov. In June 1953, the new Soviet leaders ordered the Party leaders of the GDR and Hungary to come to Moscow. Collectivization in both countries had significantly worsened the internal food supply, which is why they asked Stalin for help with grain. In Moscow, they were shocked that the new leaders questioned the correctness of Stalin’s orders, i.e., claimed that Stalin was not infallible. Moreover, the policy of Ulbricht and Rakosi was harshly criticized although both had only followed Stalin’s orders. The Hungarian delegates were afraid (as before with Stalin) to misunderstand or misinterpret “recommendations” and kept a stenographic record of the speeches of their Moscow colleagues, which gives us a unique opportunity to look into the essence of the discussion at the meeting and to understand the views of the new Soviet leaders (Transcript, 1953; Merl, 2002: 205–207)³².

The critique focused on the central points of Stalin’s industrialization and collectivization policy and on state violence used to implement it. Primarily Malenkov and Beria criticized investment in the raw materials industries, Stalin’s orientation towards autarky, and forced nature of collectivization (mass repressions and arrests),

30. Moscow refused to make concessions in armaments, reparations and foreign trade.

31. A tribute for industrialization was also effective in Yugoslavia (Bokovoy, 2014: 299–300).

32. The transcript proves that Stalin used to give personal orders to the East European Party leaders, without informing other Moscow Party leaders.

which led to a reduction in agricultural production and a threat to food supply. The new leaders refused to provide help with grain, blaming the GDR and the Hungarian leaders for the situation, and ordered to immediately stop collectivization through mass repressions, to release ten thousand farmers from prisons and to introduce a policy ensuring food supply and an increase in agricultural production (Transcript, 1953; Merl, 2002)³³.

The new Soviet leaders refused to further tolerate the economic mismanagement of the East European countries under collectivization. Ulbricht and Rakosi stood at the center of criticism, so the new leaders demanded their replacement: Rakosi was replaced by Nagy, who introduced a different agricultural policy in Hungary; Ulbricht was not replaced due to the uprising of construction workers in Berlin on June 17, 1953 (Scherstjanoi, 2007: 552–584)³⁴. Construction workers went on strike as they did not benefit from changes: an increase in working norms was not canceled, which meant a significant reduction in payment. Moscow clearly showed that collectivization was no longer an end in itself and that its economic effects had to be considered and justified. Beria and Malenkov claimed that further collectivization would depend on economic results (collective farms had to prove their superiority over small private farms) and, contrary to Khrushchev, insisted on intensification of agricultural production.

At the time of Stalin's death, it would have been possible to stop collectivization and liquidate Soviet collective farms with poor economic results; however, such a decision was not even discussed. Later China liquidated people's communes, and the success of this approach, which became the starting point of China's economic growth, suggests that the Soviet economy could have benefited from the liquidation of collective farms. In 1953, the situation of Soviet collective farms was so miserable that their liquidation would have released their members' activity. Already the liberalization of agricultural policy from 1953 to 1958 led to a significant increase in production on private plots and improved food supply in the Soviet Union. Most works underestimate this fact, uncritically following Khrushchev's propaganda about the success of his virgin land development program (Merl, 2002; Wädekin, 1974: 228).

After the new Moscow leaders' intervention, collectivization was stopped in the GDR and Hungary: some collective farms were liqui-

33. On the visit of the SED-delegation to Moscow on June 2, 1953, see: Scherstjanoi, 2007: 552–584. The delegation was to improve the situation in the GDR by stopping the collectivization campaign, returning the expropriated land to large farmers, and reducing norms of obligatory deliveries by 15%.

34. After the return from Moscow, Herrnsstadt, a possible successor of Ulbricht, proposed to liquidate collective farms that were created by force and had no economic prospects without special subsidies and privileges.

dated and many enforced members left them. In the GDR, by February 1954, 564 collective farms were liquidated and 33,000 members left them; arrested peasants were released; expropriated land was returned to those former owners who returned from the West (Scherstjanoi, 2007: 570–584; Steiner, 2004: 79–81; Varga, 2021).

Stalin's death determined changes in the collectivization policy in many East European countries: everywhere collectivization slowed down and was freed from repression; without announcement, the Party leaders separated class war from collectivization; Hungary and Czechoslovakia stopped repressions against *kulaks*, which did not put an end to their discrimination. After Khrushchev ended the New Course in 1955 and replaced Nagy, Hungary restarted measures against *kulaks*, and only after the 1956 October uprisings, their discrimination finally ended; however, only in 1959 former kulaks were allowed to take leading positions in collective farms after two years of membership. In December 1954, the GDR allowed *kulaks*, albeit with restrictions, to join collective farms, but this measure gained significance only in 1957. In July 1956, Bulgaria allowed *kulaks* to join collective farms but not to take leading positions. In Poland, *kulaks* were allowed to join if they were loyal to the rule. Czechoslovakia allowed *kulaks* to take over the leadership (Swain, 2014: 506–507; Wädekin, 1974)³⁵.

Not all members of the new Soviet leadership supported the New Course. Khrushchev considered the Berlin uprising of construction workers as a sign of its failure and blamed Beria, its initiator, for the uprising. Khrushchev organized the July Plenum of the Central Committee in 1953 as a trial against Beria and managed to return supreme power to the Party, while Malenkov and Beria had tried to give it to government agencies (Merl, 2002; Merl, 2024b)³⁶. At the Plenum, Malenkov was among the few party leaders who honestly distanced themselves from Stalin, while Khrushchev tried to blame Beria for Stalin's crimes (Merl, 2024b)³⁷.

In September 1953, Khrushchev took the initiative in agricultural policy: he announced that Stalin had not solved the “grain problem” but ordered to falsify the grain statistics: a fictive “biological” harvest was introduced in 1933 — a third higher than the previously (and usually) reported “harvest in the barn” (Davies, 2018: 321–322; Merl, 2002), i.e., 30% of the reported grain did not exist. Thus, in his struggle for power, Khrushchev focused on “solving the grain problem” by starting the Virgin Land campaign: by promising to increase grain and ag-

35. In Czechoslovakia, the New Course led to the stagnation of collectivization. About half of the members had left collective farms, before the Party under pressure from Khrushchev decided to restart collectivization on June 29–30, 1955 (Wädekin, 1974: 197–198).

36. At the Plenum, the need to change agricultural policy was the only point of common agreement.

37. On Khrushchev's policy see, e.g.: Merl (2002) and Kramer (2017).

ricultural production, Khrushchev hoped to become Stalin's successor. After getting rid of Beria, Khrushchev successfully blocked Malenkov's program to improve consumption. Other leaders could not imagine that Khrushchev would successfully implement a new agricultural policy (Merl, 2002). The fictitious "success" of his Virgin Land program strengthened Khrushchev's position already in 1954 (Merl, 2002; Merl, 2019)³⁸, while Malenkov failed to implement his program due to the resistance of other leaders, and in January 1955, Khrushchev managed to get rid of him. Khrushchev stopped the New Course and insisted on restarting the collectivization campaign in all East European countries. In Hungary, he replaced Nagy, who had successfully improved the situation in the countryside, with Rakosi, which led to the split of the Hungarian Communist Party and to the uprising in October 1956.

Khrushchev's insistence on completing collectivization

Despite the disastrous results, Khrushchev insisted on continuing collectivization. He did not demand from collective farms to prove their superiority, suggesting that a simple increase in the size of farms or a change to state property would ensure economies of scale and increase yields. In the Soviet Union, he restarted amalgamation of collective farms and supported their transformation into state farms. To praise fictitious achievements of Soviet collectivization, he ordered a special propaganda booklet for the 1958 World Exhibition in Brussels.

Czechoslovakia, Hungary (Varga, 2021: 78–83), Bulgaria and Albania took up collectivization at the turn of 1956; even Poland restarted collectivization in February 1956. Only Bulgaria and Albania did not stop collectivization after uprisings in Poland and Hungary. By opposing Gomulka as the successor of Bierut, which the Communists wanted, Khrushchev also contributed to the uprising in Poland. Gomulka's approach to collectivization differed from that of Khrushchev (Merl, 2002; Swain, 2014: 501–502, 525–526)³⁹. Uprisings in Poland and Hungary were protests against collectivization. Some collective farms were spontaneously liquidated by their members. In Hungary, the number of collective farmers decreased sharply. In Poland, only 11% of peasants had joined collective farms, and in the fall of 1956 many members left them. In open contradiction with Khrush-

38. In the long run, this was a failure, since expenses were not justified: the huge supply of equipment would have had greater effects in the Central Black Earth regions without the enormous costs of grain transportation from distant regions. At the turn of the 1960s, wind erosion caused great damage, and since the mid-1960s the Soviet Union depended on grain imports from the West.

39. After the 1956 uprisings, collectivization pressure was also eased in Czechoslovakia and Romania. Yugoslavia stopped collectivization in 1953.

chev, Gomulka stopped forced collectivization and at the end of 1956 announced a national path to socialism. Like Tito before, Gomulka did not question the large-scale mechanized “socialist” agriculture as the final goal but refused to force farmers into collective farms by terror (Swain, 2014: 525–526; Varga, 2021: 83–97; Merl, 2002).

S. Merl
Collectivization
and socialist
agriculture
(1917–1992):
Revised comparison
of the Soviet
and East-European
experience

1957: The demand for open competition between collective and private farms

Despite Khrushchev’s insistence to focus on collectivization, after June 1953, Hungary and the GDR tried to stabilize collective farms by improving their members’ material situation and providing more agricultural machinery; Czechoslovakia changed its approach by providing investment and improving the material situation. I will consider first proposed strategic changes not implemented due to Khrushchev’s insistence on completing collectivization and then on measures taken for stabilizing the situation despite Khrushchev’s pressure.

The uprisings in Poland and Hungary made the leadership further review collectivization. Collective farms in all countries worked poorly: despite the state subsidies and privileges, they failed to outperform the small peasant economy, which updated the need to reconsider economic results of collective farms. In 1957, Hungary and the GDR started this revision, intending to stop special subsidies and privileges for collective farms: they were to prove their superiority over small private farms in open competition before collectivization would continue. This time collectivization was criticized by agricultural specialists, almost all of them were members of ruling parties. Were concerned about miserable economic results of collective farms and decided that if collective farms proved their superiority, this would impress and convince private farmers, and collectivization would be completed.

In the GDR, such a program of open competition was developed by K. Vieweg (Scholz, 1997), in 1956 the head of the GDR Institute of Agrarian Economics, who called for stopping subsidies for collective farms and focusing the future agricultural policy on increasing production at “optimal costs” (so that the state would not force agricultural reconstruction at any price). Vieweg insisted on providing equal opportunities for family farms — to buy means of production and to create traditional peasant cooperatives to improve farming. Thus, state subsidies should be used only to increase production and productivity, and agriculture should be economically regulated by prices. The Politburo member F. Oelßner held the same position and insisted on liquidating collective farms and MTS operating at a loss. Both Vieweg and Oelßner were repressed on the orders of Ulbricht: Vieweg lost his position as the head of the research institute already in March 1957 and was sentenced to twelve years in prison in May

1958; Oelßner was expelled from the Politburo in February 1958 (Bauerkämper, 2002: 176–181).

In Hungary, similar ideas were expressed by the “agrarian lobby”: J. Fehér and F. Erdei followed Nagy’s approach in 1953 and 1954 (Varga, 2021: 107–145). In Czechoslovakia, Zápotocký held the same position (Wädekin, 1974: 197–198)⁴⁰. All claimed that Stalin’s model needed certain changes and that a necessary precondition for a successful restart of mass collectivization would be stabilization of collective farms by means of mechanized agriculture, which would also convince farmers to join. The Party leaders recommended for the stabilization of collective farms to change the attitude to *kulaks* and other peasants not willing to join collective farms (Swain, 1985: 3; Varga, 2021). In 1957, Fehér with colleagues presented “agricultural theses” (Varga, 2021: 107–114)⁴¹: collective farms should improve their economic results without special state subsidies and privileges; the material situation of their members should be improved by the right to keep collective livestock on their plots, while the collective farm should provide fodder (Swain, 1985: 33).

In the Soviet Union, where collectivization was completed, there were primarily attempts to improve economic results of collective farms. The Soviet “agrarian lobby” (Venzher, Khudenko) demanded to liquidate the MTS and to distribute mechanized equipment among collective farms to make them “masters of their fields” (Merl, 2020b; Merl, 2021)⁴². In the mid-1960s, Khudenko proposed to release state and collective farms from the state command system, allowing their heads (directors) to organize production independently (Merl, 2020a).

Attempts to stabilize collective farms in Hungary after June 1953

After the meeting in Moscow, Nagy revised Hungary’s agricultural policy: he tried to strengthen remaining collective farms, many of which did not have necessary means of production. In 1954, for the first time a significant share of national investment (23%) went into

40. Zápotocký spoke out against Novotny: after Stalin’s death he insisted on organizing only cost-effective collective farms, whose members had the right to leave them. In March 1954, he repeated his proposals, but Novotny blocked suggested changes in June 1954.

41. In conflict with the Ministry of Agriculture, agricultural experts presented the final version of their theses in July 1957. They demanded to end the disadvantageous position of agriculture compared to industry, to improve the living standard of collective farmers and to partially revive the market. Large farms were to become primarily a means for developing agricultural production forces but reported little progress in modernizing agricultural production due to outdated machinery (Varga, 2021: 118–129).

42. Venzher’s idea was ruined by Khrushchev, who demanded that collective farms pay the full cost of equipment directly to the state.

agriculture; collective farms got more tractors than during collectivization under Stalin — from 1950 to 1953 (Swain, 1985: 28). When Khrushchev ended the New Course he replaced Nagy by his Stalinist predecessor Rakosi. He restarted forced collectivization in 1956, which led to uprisings in October and Soviet military intervention (Varga, 2021).

The uprising and collapse of collective farms caused a new rift in agricultural policy. Kádár's approach was more careful. Nagy's "spirit of reconciliation" temporarily shaped the policy of his regime. In 1957, he stopped obligatory deliveries and focused on the "agrarian thesis" as a different concept for further collectivization. However, under Krushchev's pressure Kádár restarted forced collectivization in 1958, but after a new failure returned to a more careful approach (Varga, 2021). In any case, Kádár reduced "the costs of joining a collective farm" and ideological attacks on private plots. He introduced a rent for the use of implements and land of members (Swain, 1985: 31–33)⁴³. Concessions for the use of family labor on plots were a decisive factor, since there was still no incentive to work on the collective farm that did not provide the same income as family farming (Swain, 1985: 33). Although only in the 1970s the Hungarian collective agriculture reached "a solid financial basis", concessions on private plots under Kádár played a decisive role in 1959–1961, when collectivization was completed. The government was ready "to provide sufficient funds to cover the costs of collectivization" and a solid productive base (Swain, 1985: 25–26, 29). Agriculture "was no longer considered a branch of the economy to extract surplus for industrial development": it got some funding to transform the production base and concessions to middle peasants and kulaks; collective farmers' material situation improved due to the "revised household plot regulations" (Swain, 1985: 26).

Hungary made political compromises: supported household production as compensation for meager wages on collective farms and tolerated the use of sharecropping (although subject to strong ideological criticism) first in 1954–1955, and since 1956 it was officially allowed to increase incentive to work⁴⁴; paid attention to quality aspects — remuneration based on a significant amount of output produced and including market elements (collective members sold many of the received agricultural products) spread after 1957, when there was a lot of land per member. Still in 1964, the share of wages paid in

43. In 1948, 0.86 hectares and livestock for personal use were allowed; in 1949–1950, the plot size was reduced to 0.43 ha and the permitted number of livestock was halved; in 1953, the plot size was increased to 0.57 ha.

44. See, e.g., Wädekin (1978: 191–192) on this "Nádudvár-system". Bulgaria and Romania used similar systems, but instead of payment in kind used wages in cash, depending on the value of produce

kind was high. Private plots helped to retain the labor force in rural areas (Swain, 1985: 48–49)⁴⁵.

Under Kádár “collectivization was no longer an end in itself but a method, whereby large-scale agriculture would bring about an ever-increasing standard of living” (Swain, 1985: 26). However, the continued progress in this direction was achieved only in 1967 — after the end of collectivization in 1961 and the replacement of Khrushchev in Moscow. In 1956, the government started to encourage the amalgamation of collective farms to increase their size and later rationalize production by funding through the agreed aid policy. After the liquidation of the MTS in January 1963, collective farms were allowed to own implements, including some agricultural machinery (Swain, 1985: 36–37; Wädekin, 1974: 174). Modernization was a difficult and lengthy process, which is proved by the fact that in the mid-1950s collective farms predominantly used horse traction and until the late 1960s — manual labor (Swain, 1985: 37–41).

Stabilization of collective farms in the GDR after 1953

The GDR also changed collectivization strategy after Stalin’s death to stabilize collective farms. In 1954, the most important changes concerned payment and social security: at fully socialized collective farms (type 3), the state introduced the guaranteed minimum (7 German marks) per unit of labor and included collective farmers into the social security system. Due to the low price for obligatory deliveries, most farms could not pay the minimum payment, and the state had to provide subsidies (Bauerkämper, 2002: 166–167). The state raised producer prices, reduced obligatory deliveries and paid fees for the implements that collective farmers were to hand over upon joining the collective farm (Swain, 2014: 508, 525–530). In December 1954, the 3rd Conference of Collective Farmers proposed to accept large farmers (Bauerkämper, 2002: 174). After Khrushchev stopped the New Course in 1955, there were concerns again about kulaks; only since 1957 they were really accepted, and the SED even expected that they would contribute with their expertise to the stabilization of collective farms (Bauerkämper, 2002: 389–390).

In March 1956, the 3rd Party Conference underlined the need to economically strengthen collective farms with long-term effects: it allowed to organize new collective farms of type 1 or 2 with a lesser level of socialization of the means of production even in villages with the collective farm of type 3. This was a concession to reluctant farmers to ease their entry but at the same time saved the

45. See, e.g., Wädekin (1978: 191–192) on this “Nádudvár-system”. Bulgaria and Romania used similar systems, but instead of payment in kind used wages in cash, depending on the value of produce.

state money as the state did not need to subsidize the minimum payment per unit of labor. Thus, collective farms of types 1 and 2 were allowed after the end of collectivization in the 1960s (Bauerkämper, 2002: 175).

Under Khrushchev's pressure to speed up collectivization, in October 1957, the 33rd Central Committee Plenum confirmed the goal of completing collectivization. Still believing Khrushchev's promise that collectivization would increase production, for 1958 the Plenum announced the abolition of food rationing and the reduction of imports. At the 5th Party Congress in July 1958, following Khrushchev, Ulbricht declared as the main goal to surpass West Germany's per capita food consumption within a few years, which caused significant pressure to act later (Bauerkämper, 2002: 181–183). After July 1958, the SED forced farmers to join collective farms and sent industrial workers to villages for agitation.

However, despite all efforts, the pace of collectivization slowed down by the end of 1958. The Party responded by attempting to make primarily underrepresented small farmers join collective farms. Ulbricht declared that collective farms should be strengthened to ensure the same standard of living individual farmers had before. As this did not happen, the SED returned to previously prohibited approaches and put pressure on farmers by demanding from local administrations "long-term plans for collectivization" in their regions (Bauerkämper, 2002: 384–389).

Stabilization of collective farms in Czechoslovakia

In 1958, the restarted collectivization in Czechoslovakia aimed at attracting middle and large farmers with authority in their village and at improving the situation of all collective farmers. Since 1957, members of collective farms were included in the public healthcare and social insurance systems and received old-age pensions. In exchange for handing over land that was in debt to the collective farm, farmers received state pensions: "Many kulaks took the chance to get rid of their farms for compensation". Collectivization was completed not because farmers were convinced, but because they understood that they had no alternative (Rychlik, 2014: 198–201).

After completing collectivization, Czechoslovakia provided significant state subsidies to stabilize collective farms and consolidate their production. A relatively high standard of living was achieved in rural areas. Professional managers took over the leadership and were interested primarily in weakening the state control and ensuring attractive prices. State subsidies and investments changed the face of the village. During the 1968 uprising, there were no attempts to return to private farming; however, in the spring of 1968, chairmen of collective farms required to reduce the strict state and party control

and to get the allowance to produce goods that could be sold on the market (Rychlik, 2014: 201; Merl, 2021).

Industrialization of agriculture started in the late 1960s: collective farms were turned into large agricultural complexes, sometimes including several villages. In the Czech part, the average collective farm grew from 610 hectares in 1970 to 2,459 hectares in 1980, in the Slovak part — from 832 to 2,720 hectares. As the standard of living at collective farms was satisfactory, their members became a social stratum loyal to the regime. In Czechoslovakia, the right of collective farms to engage in non-agricultural activities also played an important role: the 1975 statute even allowed to produce furniture, machinery and computers. At first these were rather exceptions, but since June 1988 such possibilities significantly expanded (Rychlik, 2014: 201–203). Due to significant changes in the Party policy after the end of collectivization, collective farms were finally accepted by all villagers, which is why in November 1989, collective farmers did not participate in uprisings — most of them were loyal to the regime and showed little interest in returning to private farming (Rychlik, 2014: 201–203).

Soviet Union: Khrushchev's disregard for the efficiency issues

When Stalin died, most Soviet collective farms were extremely weak: they paid hardly any money for work, and the available MTS machinery was significantly below the Western standard and the needs for large-scale production. Unlike the Party leaders in Hungary, GDR and Czechoslovakia, Khrushchev in his struggle for power focused on increasing grain production instead of improving efficiency: thus, instead of providing collective farms that were experiencing a shortage of machinery, he ordered to send almost all new machinery to the virgin lands (Merl, 2020b; 2021). Khrushchev's attempts to improve the extremely low wages on Soviet collective proved ineffective compared to the GDR, Czechoslovakia and even Hungary that compensated for low wages by allowing work on private land. The rise in agricultural producer prices was insufficient to even partially close the income gap for agricultural workers on state farms, most of which in the 1970s operated at a loss (Wädekin, 1978: Part III).

Khrushchev's ideas about socialist agriculture were simple: large-scale production should ensure economies of scale, thus providing similar living conditions in the city and the village. His idea of the final form of socialist agriculture can be seen from his concept of "agrotowns" (Jähnig, 1983). When starting the consolidation of mainly small collective farms in 1950, Khrushchev returned to the idea of building agrotowns, which first arose in the 1920s. After turning farms into large enterprises, this would be the final form of socialist agriculture — a new type of rural settlement for 5–10 thousand residents with all city amenities, the costs of creating which would be

borne by large enterprises (Jähnig, 1983: 42–44). Khrushchev ordered to build such an agrotown in the Cherkassy district, but the construction was stopped, when Stalin rejected the idea of agrotowns in 1951 and harshly criticized Khrushchev for it. In 1957, when Khrushchev came to power, he ordered to restart the project on the ruins left in 1951. The construction was completed in the summer of 1958 in the village of Khudyaki (Jähnig, 1983: 45–47).

In the mid-1950s, the plans for such settlements in rural areas were developed. The question was what to do with old villages and what the living conditions of collective farmers would ultimately be. In Khrushchev's imagination, the comprehensive modernization of rural economy and society would put an end to private farming and provide urban living conditions for rural residents. Thus, the size of the private plot was to be reduced to 0.1 hectare. Khrushchev's belief in "collectivization on the cheap" made him ignore the costs (as if covered by economies of scale). In December 1959, the Central Committee Plenum approved his plan, and the 1961 Party Program provided general guidelines for building agrotowns, which would replace simple farmhouses by modern apartments in multi-story buildings. After Khrushchev's removal from office, the program was stopped in 1968. The most fatal consequence of this project was the division of rural settlements into "perspective" and "non-perspective" (Jähnig, 1983: 51–68).

In the late 1950s, Khrushchev's failures reached their peak. He misjudged Soviet achievements in the field of mechanization: both the level and quality of machinery were significantly below the Western standard. At first, Khrushchev clung to the idea of "collectivization on the cheap", then he overestimated the effect of economies of scale in agriculture and started "mechanization on the cheap". After the liquidation of the MTS in 1958, he demanded from the economically weak collective farms to pay the full price for partially rotten machinery right away, as if it was new machinery, thus funding "his race to the moon". This overstrained the capacities of collective farms: they were unable to pay for the urgently needed additional new machinery and were even forced to reduce the already meager payments to their members, which had slightly increased after 1953 (Merl, 2020b; 2021; Bronson, Krueger, 1971). The worst part was that most tractor drivers receiving the status as workers in the MTS only in 1954 did not want to return to the miserable conditions of collective farm workers with uncertain wages paid in labor units (as in the GDR). Most tractor drivers decided to quit and move to cities. Thus, collective farms received tractors, but there were not enough trained drivers for them.

Khrushchev's campaign against private keeping of animals and private plots further worsened the situation by causing an outflow of those collective farmers who had hoped that that the softening of policy after Stalin's death would allow a return to private farming: more qualified and flexible people left the countryside in the late 1950s,

which greatly reduced the opportunities for a turn toward agricultural modernization after Khrushchev's removal (Wädekin, 1974: 86).

Completion of collectivization at the turn of the 1960s

Pressure to complete collectivization increased in its final stage — in Czechoslovakia in 1959, in the GDR in 1960, and in Hungary in 1961. Khrushchev announced the restart of collectivization in Eastern Europe in November 1957. Bulgaria that had not stopped the campaign in 1956 was the first to declare the completion of collectivization in 1958. Czechoslovakia restarted collectivization at the end of 1957, after Novotny became president: in 1958, about 75% of land were collectivized, and collectivization in the Czech part was declared completed in 1959⁴⁶. In the GDR, collectivization increased from 20% in 1953 to 40% in 1958, but the campaign intensified in 1958, when Grüneberg became the Central Committee secretary for agriculture. Finally, in January 1960, the “socialist spring” was declared to complete collectivization in a few months — before the start of spring sowing, which proves that the SED allowed for the possibility of forced collectivization. The harsh pressure on officials and violence against farmers reached their peak in March 1960 (Bauerkämper, 2002: 185–191)⁴⁷. Despite Ulbricht's promise, forced collectivization once again threatened food supply, especially of animal products (Steiner, 2004: 116–119). Hungary restarted collectivization at the end of 1958, setting February 1961 as the end of campaign. In completing collectivization, “psychological factors” played a role: after 1956, Hungary was a demoralized country, most farmers recognized the inevitability of collectivization (Swain, 1985: 26). In Romania, collectivization continued until 1962. In Albania, collectivization was completed in 1960, in mountainous areas — in 1967; collectivization of livestock was separated from the general campaign and was completed only in the 1980s (Swain, 2014: 525–526; Wädekin, 1974: 21)⁴⁸.

All these countries under Khrushchev used violence in campaigns; however, unlike collectivization under Stalin, they made some concessions to farmers to make life on collective farms bearable. There was no “class war” going on; instead, *kulaks*' entry into collective farms was considered an advantage for their management. After

46. In Slovakia, collectivization was completed only in 1971–1974 (Wädekin, 1974: 41; 1978: 299–322).

47. At the agricultural conference in Moscow on February 2–3, 1960, Ulbricht claimed that food self-sufficiency was possible only through collectivization. The arrival of work brigades in the village had a psychological effect — they left only after all peasants had joined a collective farm. According to the SED-slogans, joining meant peace, not joining — war (Swain, 2014: 520–523).

48. The campaign in Albania was interrupted between 1959 and 1965,

a decade of collectivization campaigns, the situation changed, and some farmers looked to the future differently: the importance of education increased, and the threat of not giving one's children a higher education seemed worse than a ban on private farming; some farmers began to consider land as a burden rather than a source of prosperity and abandoned private farming (Swain, 2014: 525–530). In all countries completing collectivization, production remained significantly below expectations: from 1950 to 1960, agricultural production growth in these countries was significantly lower than in Poland and Yugoslavia, relying on small private farms (Wädekin, 1974: 71–72; 1978: 12).

In the GDR, collectivization was completed (except for some mountainous areas) in May 1960. In 1957, collective farms had 25% of land, at the end of 1960 — 84%, but integrated large enterprises were not created — often there were several small collective farms of different types in one village. The number of collective farms of type 1 and 2 increased from 3,000 to 13,000 in 1960, and they had a third of agricultural area. In both types, collectivization of livestock was not completed. In the early 1960s, only 7% of the LPG of type 3 managed to pay the guaranteed minimum per unit of labor without subsidies, which proves how economically weak most collective farms were even in the GDR. The fact that some collective farmers simply left them on notice was another indicator of their instability. The SED sent brigades to consolidate farms. After the border with the West was closed by the Berlin Wall, the situation in collective farms slowly stabilized in 1963–1964 (Steiner, 2004: 90–92, 116–119). In all East European countries completing collectivization, there was a shortage of machinery and implements, wages were meager, economic results of collective farms barely kept pace with small peasant farming, and until the early 1960s, the influx of capital into agriculture was insufficient to strengthen large-scale production (Wädekin, 1978: 12–15).

In the 1960s, after the completion of collectivization in Eastern Europe and the removal of Khrushchev in the Soviet Union, it was urgently necessary to stabilize collective farms. A new phase of socialist agricultural policy will be described in Part III: the turn towards modernization through somewhat different concepts of industrialized agriculture aimed at bringing agricultural production closer to the upstream and downstream industrial sectors (production of inputs for agriculture, processing, storage and trade of agricultural products), which required cooperation and integration of farms (in some countries up to agricultural-industrial complexes).

Conclusion

Stalin's combination of collectivization and class war was copied in Eastern Europe and led to the same fatal social-economic consequence-

es in agriculture as in the Soviet Union and to the same threats to food supply. Stalin's approach was first criticized in the Soviet Union, when in June 1953, Beria and Malenkov questioned his infallibility. The revision of collectivization started in several East European countries, primarily in Hungary, GDR and Czechoslovakia, but was temporarily blocked by Khrushchev, insisting on finishing collectivization instead of stabilizing collective farms, which aggravated the catastrophe of Stalin's collectivization and determined the outflow of more flexible labor from agriculture. Only Khrushchev's replacement allowed stabilizing collective farms and starting agricultural modernization. Consolidation required what Stalin had refused to provide — huge state investments in agriculture, payment for work and efficient machinery for large farms.

References

- Bauerkämper A. (2002) *Ländliche Gesellschaft in der kommunistischen Diktatur. Zwangsmodernisierung und Tradition in Brandenburg 1945–1963*, Köln: Böhlau.
- Bauerkämper A. (2014) Collectivization as social practice: Historical narratives and competing memories as sources of agency in the collectivization campaign in the GDR. Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 401–431.
- Bokovoy M. K. (2014) Collectivization in Yugoslavia: Rethinking regional and national interests. Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 293–327.
- Bronson D. W., Krueger C. B. (1971) The revolution of Soviet farm household income 1953–1967. Millar J. R. (Ed.) *The Soviet Rural Community. A Symposium*, Urbana, pp. 214–258.
- Davies R. W., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S. G. (2018) *The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939* (= The Industrialization of Soviet Russia 7), London: Palgrave Macmillan.
- Ganson, N. (2009) *The Soviet Famine of 1946–47 in Global and Historical Perspective*. Palgrave Macmillan, New York.
- Gruev M. (2014) Collectivization and social change in Bulgaria, 1940s–1950s. Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 329–368.
- Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) (2014) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press.
- Irodachi C., Dobrinu D. (2014) The collectivization of agriculture in Romania, 1949–1962. Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 251–292.
- Jähniß W. (1983) *Die Siedlungsplanung im ländlichen Raum der Sowjetunion mit besonderer Berücksichtigung des Konzepts "Agrostadt"*. Kommission bei Duncker & Humblot, Berlin (=Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens, Bd. 123).
- Jaros D. (2014) The collectivization of agriculture in Poland: Causes of defeat. Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern*

- Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 113–146.
- Kovács J. Ö. (2014) The forced collectivization of agriculture in Hungary, 1948–1961. Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 211–247.
- Kramer M. (2017) The changing pattern of Soviet-East European relations 1953–1968. Naimark N., Pons S., Quinn-Judge S. (Eds.). *The Socialist Camp and World Power 1941–1960s*, Cambridge, pp. 139–169.
- Merl S. (1981) *Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. Die Anfänge staatlicher Lenkung der Landwirtschaft in der Sowjetunion 1925–1928*, München; Wien: Oldenbourg.
- Merl S. (1985) *Die Anfänge der Kollektivierung in der Sowjetunion. Der Übergang zur staatlichen Reglementierung der Produktions- und Marktbeziehungen im sowjetischen Dorf (1928–1930)*, Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Merl S. (2002) Entstalinisierung. Reformen und Wettlauf der Systeme 1953–1964. Plaggenborg S. (Ed.) *Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 5: 1945–1991. Vom Ende des Zweiten Weltkriegs bis zum Zusammenbruch der Sowjetunion*, Stuttgart: Anton Hiersemann, pp. 175–325.
- Merl S. (2012) *Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich* (= Das Politische als Kommunikation 9), Göttingen: Wallstein.
- Merl S. (2016a), Kak udalos Stalinu vosprepyastvovat “zelenoy revolyutsii” v Rossii? K voprosu o tormozenii agrarno-technicheskogo progressa (1927–1941) [How did Stalin manage to prevent the “green revolution” in Russia? On the slowdown of agrarian-technical progress (1927–1941)]. *Krestyanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost. Uchenye Zapiski*, no 10, Moscow, pp. 88–147.
- Merl S. (2016b) Why did the attempt under Stalin to increase agricultural productivity prove to be such a fundamental failure? On blocking the implementation of progress in agrarian technology (1929–1941). *Cahiers du Monde Russe*, vol. 57, pp. 191–220.
- Merl S. (2017) The pre-1941 local administration in the Soviet countryside: How effectively it worked, and what rules of political communication followed to prevent peasant rebellions? *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 2, pp. 53–78.
- Merl S. (2019) Reassessment of the Soviet agricultural policy in the light of today’s achievements. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 1, pp. 45–69.
- Merl S. (2020a) Agricultural reforms in Russia since 1856 to the present: Successes and failures in the international comparative perspective. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 2, pp. 56–87.
- Merl S. (2020b) Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986). *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 4, pp. 78–117.
- Merl S. (2021) Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: Internal aspects (1953–1986). *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 1, pp. 26–69.
- Merl S. (2024a) Stalin: Vor Erfolgen von Schwindel befallen. Zu den Fragen der kollektivwirtschaftlichen Bewegung. “100(o) Schlüsseldokumente” zur russischen und sowjetischen Geschichte im 20 Jahrhundert. URL: <https://www.100odokumente.de/Dokumente/Hauptseite>.
- Merl S. (2024b) Beschluss “Über die partei- und staatsfeindlichen Handlungen von Berija”. “100(o) Schlüsseldokumente” zur russischen und sowjetischen Geschichte im 20 Jahrhundert. URL: <https://www.100odokumente.de/Dokumente/Hauptseite>.
- Rychlik J. (2014) Collectivization in Czechoslovakia in comparative perspective, 1949–1960. Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 181–210.

S. Merl

Collectivization
and socialist
agriculture

(1917–1992):

Revised comparison
of the Soviet
and East-European
experience

- Scherstjanoi E. (2007) *SED-Agrarpolitik unter sowjetischer Kontrolle 1949–1953* (= Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Bd. 70: Veröffentlichungen zur SBZ-/DDR-Forschung im Institut für Zeitgeschichte), München.
- Schöne J. (2014) Ideology and asymmetrical entanglements: Collectivization in the German Democratic Republic. Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 147–180.
- Scholz M. F. (1997) *Bauernopfer der deutschen Frage. Der Kommunist Kurt Vieweg im Dschungel der Geheimdienste*, Berlin: Aufbau.
- Steiner A. (2004) *Von Plan zu Plan. Eine Wirtschaftsgeschichte der DDR*, Berlin.
- Swain N. (1985) *Collective Farms Which Work?* Cambridge.
- Swain N. (2014) Eastern European collectivization compared 1945–1962. Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 497–534.
- Transcript (1953) of conversations between the Soviet leadership and the Hungarian United Workers' Party delegation in Moscow on June 13, 1953. *Cold War International History Project*, no 10 (March 1998), pp. 81–86.
- Varga Zs. (2014) The appropriation and modification of the “Soviet model” of collectivization: The case of Hungary. Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 433–465.
- Varga Zs. (2021) *The Hungarian Agricultural Miracle? Sovietization and Americanization in a Communist Country*. Transl. by F. T. Zsigó, Lanham: Lexington Books.
- Viola L. (2014) Collectivization in the Soviet Union: Specificities and modalities. Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 49–77.
- Wädekin K-E. (1974) *Sozialistische Agrarpolitik in Osteuropa I. Von Marx bis zur Vollkollektivierung*. Kommission bei Duncker & Humblot, Berlin (= Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens, Bd. 63).
- Wädekin K-E. (1978) *Sozialistische Agrarpolitik in Osteuropa II. Entwicklungen und Probleme 1960–1976*. Kommission bei Duncker & Humblot, Berlin (= Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens, Bd. 67).
- Witkowski G. R. (2014) Collectivization at the grass roots level: State planning and popular reactions in Bulgaria, Romania, Poland, and the GDR, 1948–1960. Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 467–496.

Коллективизация и социалистическое сельское хозяйство (1917–1992): пересмотр советского и восточно-европейского опыта.

Часть 2: коллективизация в Восточной Европе при Сталине и Хрущеве (1944–1962)

Штефан Мерль, доктор исторических наук, профессор Билефельдского университета, Университетштрассе, 25, 33615, Билефельд (Германия).
E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

Аннотация. Для переоценки коллективизации и социалистической аграрной политики необходимо рассмотреть весь соответствующий исторический период, выделяя в нем следующие этапы, принципиально различающиеся политическими подходами: (1) коллективизация при Сталине, основанная на идеях классовой

борьбы и подавления крестьян в целях изъятия капитала из сельского хозяйства для нужд промышленности; (2) коллективизация при Хрущеве, который стремился ее завершить, несмотря на возникшие в ней сомнения (в 1953 году в Советском Союзе, в 1957 году — в ГДР и Венгрии); (3) усилия по стабилизации экономически слабых колхозов в 1960-е годы — после завершения коллективизации и смещения Хрущева; (4) окончательный разворот к модернизации сельского хозяйства в надежде на экономию за счет масштаба и применения разных вариантов индустриализации в 1970-е годы; (5) провал этих вариантов, что стало причиной ловушки невозвратных затрат и вынужденного возрождения мелких частных форм хозяйствования в 1980-е годы. Первая часть статьи показала, как Сталин устранил модернизацию из стратегии коллективизации, чтобы обеспечить индустриализацию за счет сельского хозяйства. Во второй части статьи акцент сделан на коллективизации в Восточной Европе при Сталине и Хрущеве, включая временные попытки пересмотра политики коллективизации после смерти Сталина. Предложенное им сочетание коллективизации с классовой войной было взято на вооружение в Восточной Европе, что привело к тем же фатальным последствиям для сельского социально-экономического капитала и к тем же продовольственным угрозам, что в Советском Союзе. Сталинский подход был подвергнут критике в СССР: в июне 1953 года Берия и Маленков высказали сомнения в непогрешимости Сталина. Пересмотр коллективизации в ряде восточноевропейских стран (прежде всего в Венгрии, ГДР и Чехословакии) был призван стабилизировать коллективные хозяйства посредством консолидации, которую отвергал Сталин (государственные инвестиции в сельское хозяйство, оплата сельскохозяйственного труда, эффективная техника для крупного сельскохозяйственного производства). На основе работающих моделей коллективного хозяйствования множество частных фермеров постепенно вступили бы в колхозы, однако этот путь был заблокирован Хрущевым, настаивавшем на быстрейшей тотальной коллективизации. Этот идеологический подход усугубил разрушения, порожденные сталинской моделью, в частности, обусловив в Советском Союзе отток наиболее гибкой рабочей силы из сельского хозяйства. Только Венгрии удалось эффективно использовать потенциал семейной организации труда. В третьей части статьи будет показана стабилизация колхозной системы после смещения Хрущева и индустриализация сельского хозяйства, которая началась в социалистических странах в 1970-е годы — на два десятилетия позже, чем на Западе.

Ключевые слова: коллективизация сельского хозяйства, Сталин, Хрущев, Кадар, Ульбрихт, социалистическое сельское хозяйство, механизация, колхозы, индустриализация сельского хозяйства, модернизация, Советский Союз, Восточная Европа, Венгрия, ГДР, малые крестьянские хозяйства, экономия за счет масштаба, частные земельные наделы, классовая война, миф о непогрешимости Сталина, социальная дифференциация

Демографические вызовы развитию сельских территорий и кадровое обеспечение АПК¹

С. В. Митрофанов, Р. Г. Янбых, Н. В. Орлова, Д. В. Николаев

Сергей Владимирович Митрофанов, кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий отделом экономики инноваций в сельском хозяйстве Института аграрных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Покровский б-р, 11, Москва, 109028, Россия.
E-mail: smitrofanov@hse.ru

Рената Геннадьевна Янбых, доктор экономических наук, заведующий отделом аграрной политики Института аграрных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Покровский б-р, 11, Москва, 109028, Россия. E-mail: ryanbykh@hse.ru

Надежда Владимировна Орлова, директор Института аграрных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Покровский б-р, 11, Москва, 109028, Россия. E-mail: nvorlova@hse.ru

Дмитрий Владимирович Николаев, эксперт отдела экономики инноваций в сельском хозяйстве Института аграрных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Покровский б-р, 11, Москва, 109028, Россия. E-mail: dvnikolaev@hse.ru

Аннотация. В статье исследуются демографические и институциональные вызовы сельских территорий России и их влияние на кадровое обеспечение агропромышленного комплекса (АПК). Авторы анализируют ключевые тенденции депопуляции, старения населения и урбанизации, которые приводят к сокращению трудовых ресурсов в сельском хозяйстве. Особое внимание уделяется структурным изменениям в возрастной и гендерной динамике сельского населения, миграционным процессам и деградации социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, культура), что усугубляет кадровый дефицит в АПК. Рассматривается влияние демографических изменений на рынок труда в сельской местности, включая рост скрытой безработицы, архаизацию форм занятости и снижение качества человеческого капитала. Анализируются региональные различия в демографической ситуации и их последствия для устойчивого развития сельских территорий. На основе статистических данных авторы прогнозируют дальнейшее сокращение численности сельского населения и ухудшение его возрастной структуры. Для преодоления этих вызовов предлагаются стратегические меры, включая развитие сельской инфраструктуры, стимулирование трудовой мобильности и внедрение современных технологий в АПК.

1. Исследование выполнено в рамках проекта «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ: «Качество жизни на сельских территориях: эволюция, оценка, перспективы».

EDN: FIPUNN

*С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбыл,
Н. В. Орлова,
Д. В. Николаев*
Демографические
вызовы развитию
сельских терри-
торий и кадровое
обеспечение АПК

Современная демографическая динамика в России формирует комплекс вызовов для устойчивого развития агропромышленного комплекса. Нарастание депопуляционных процессов, прогрессирующее старение населения и усиливающаяся урбанизация создают системные ограничения для воспроизводства трудовых ресурсов в сельском хозяйстве. Данная проблематика приобретает особую значимость в контексте обеспечения продовольственной безопасности и реализации комплексного развития сельских территорий.

Ключевым фактором риска выступает демографический дисбаланс, проявляющийся в устойчивой естественной убыли населения при одновременном изменении его возрастной структуры. Сокращение численности когорт репродуктивного возраста обуславливает долгосрочные негативные последствия для формирования трудового потенциала. Особую остроту эта проблема приобретает в сельской местности, где демографическое давление усугубляется миграционным оттоком экономически активного населения.

Процесс урбанизационной трансформации приводит к концентрации человеческого капитала в городских агломерациях, тогда как сельские территории сталкиваются с прогрессирующей депопуляцией. Такая пространственная асимметрия создает структурные диспропорции на рынке аграрного труда, где традиционно высока зависимость от местных трудовых ресурсов. Возникающий кадровый дефицит носит воспроизводственный характер, поскольку сокращается не только текущая численность работников, но и потенциальный приток молодежи в отрасль. Сложившийся дисбаланс между потребностями аграрного сектора и демографическими возможностями их удовлетворения требует комплексного научно-го осмысления.

Анализ существующих исследований позволяет выделить несколько ключевых направлений научного поиска в данной области.

В рамках демографических исследований (Vakulenko et al., 2025; Карцева и др., 2024; Захаров, 2023; Ростовская и др., 2025; Щегринец и др., 2024; Ильдарханова и др., 2022; Агеев, Золотарева, 2023; Корчагина, 2022) достаточно подробно изучены общие тенденции депопуляции и старения населения России, однако специальных работ, посвященных анализу региональных особенностей этих процессов в сельской местности, явно недостаточно.

Экономистами и учеными в области сельского хозяйства (Орлова и др., 2022; Шагайда, 2024; Абрашкина и др., 2021; Санду и др., 2022; Бердышев, 2020; Дубенок и др., 2020; Адуков, Адукова, 2020;

Худякова и др., 2020; Барчо и др., 2023) анализировались проблемы трудовых ресурсов в сельском хозяйстве, но преимущественно в контексте производственных показателей, без учета влияния демографических факторов.

Вопросы развития сельских территорий исследовались в работах социологов и экономистов (Янбых, 2022; Серова и др., 2021; Сарайкин и др., 2023; Ушачев и др., 2021; Бондаренко, 2020; Алтухов, 2021; Воронцова и др., 2021; Головина и др., 2020; Костяев, 2020), однако фокус этих исследований чаще направлен на социальные аспекты, а не на проблемы трудового потенциала.

Таким образом, в научной литературе явно прослеживается дефицит комплексных междисциплинарных исследований, рассматривающих во взаимосвязи демографическую динамику сельских территорий, трансформацию системы аграрного образования, потребности АПК в квалифицированных кадрах.

Особенно слабо изучены: механизмы адаптации системы подготовки кадров к демографическим вызовам, региональные различия в характере и последствиях демографической трансформации, эффективные модели управления человеческими ресурсами в условиях депопуляции.

Настоящее исследование направлено на системный анализ взаимосвязи демографических процессов и кадрового обеспечения АПК, а также выработку практических решений для устойчивого развития отрасли.

Цель исследования: анализ современных демографических, социальных и экономических тенденций развития сельских территорий России с целью выявления ключевых проблем и разработки стратегических направлений их устойчивого развития, включая формирование эффективной системы кадрового обеспечения АПК. Полученные результаты вносят вклад в понимание механизмов воспроизводства трудовых ресурсов АПК и создают основу для разработки адресных мер по оптимизации кадрового потенциала с учетом региональных особенностей.

Методология исследования

Исследование базируется на комплексном применении взаимодополняющих методов научного анализа, позволяющих обеспечить всестороннее изучение заявленной проблематики. Основу составил статистический анализ данных Росстата, Минсельхоза России с использованием методов дескриптивной статистики, корреляционно-регрессионного анализа и выявления долгосрочных тенденций.

Сравнительно-географический метод применен для выявления пространственных закономерностей и региональной дифференциации изучаемых процессов.

Институциональный анализ использован для изучения трансформации организационных структур и нормативно-правовых механизмов, регулирующих процессы воспроизводства трудовых ресурсов в аграрном секторе. Контент-анализ законодательных актов, стратегических документов и научных публикаций дополнен экспертными оценками представителей аграрных вузов и сельхозпредприятий, полученными в ходе полуструктурированных интервью.

Интеграция количественных и качественных методов позволила выявить как объективные демографические тенденции, так и их восприятие участниками аграрного сектора, что обеспечило научную обоснованность практических рекомендаций.

Демографические вызовы

Анализ демографического развития России за период 1955–2025 гг. раскрывает сложную картину фундаментальных изменений, затронувших все аспекты воспроизводства населения. Эти трансформации требуют детального рассмотрения через призму взаимосвязанных демографических процессов, каждый из которых внес свой вклад в формирование современной ситуации.

Советский период (1955–1991 гг.) характеризовался устойчивым демографическим ростом — население увеличилось с 111,2 до 149,0 млн человек (табл. 1).

Этот рост опирался на мощный демографический потенциал: суммарный коэффициент рождаемости достигал 2,81 ребенка на женщину, а средний возраст населения не превышал 32 лет. Молодая возрастная структура обеспечивала расширенное воспроизводство, а активное освоение новых территорий создавало условия для равномерного расселения. Однако уже в этот период начали проявляться первые признаки грядущих перемен — постепенное снижение рождаемости и начало урбанизационных процессов.

Переломный момент наступил в 1992 году, когда страна вступила в продолжительную фазу депопуляции. Естественная убыль населения достигла критических значений, составив в 2005 году -424 тысячи человек. Этот период демографического кризиса сопровождался кардинальными изменениями в возрастной структуре населения. Средний возраст россиян увеличился на 15,3 года — с 25,0 лет в 1955 году до прогнозируемых 40,3 лет в 2025 году. Особую тревогу вызывает изменение режима воспроизводства: от расширенного (коэффициент 2,11–2,81 в 1955–1965 гг.) до суженного (1,47 в 2025 г.), что значительно ниже порога простого воспроизводства (2,10). Как следствие, доля населения старше трудоспособного возраста неуклонно растет, создавая все большую нагрузку на социальную систему страны.

Таблица 1. Демография РФ: численность населения, миграционное движение, возрастная структура и урбанизация¹

Показатель	1955	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2022	2023	2024	2025
Численность населения, млн чел.	111.2	119.9	126.6	130.4	134.1	138.6	143.6	149.0	148.3	146.7	144.6	143.9	145.3	146.4	145.6	145.4	144.8	144.0
Годовой прирост/убыль, %	1.46	1.53	1.09	0.58	0.57	0.65	0.71	0.74	-0.09	-0.21	-0.29	-0.09	0.19	0.15	-0.27	-0.10	-0.43	-0.57
Абсолютный годовой прирост/убыль, млн чел.	1.55	1.75	1.34	0.75	0.75	0.89	1.00	1.08	-0.14	-0.31	-0.42	-0.13	0.27	0.21	-0.40	-0.14	-0.62	-0.82
Сальдо миграции, тыс. чел.	-95.9	-234.9	-138.1	-264.5	80.1	10.4	280.6	299.9	723.9	550.4	263.5	307.6	384.8	334.1	765.6	27.8	-178.0	-251.8
Средний возраст населения, лет	25.0	26.3	27.4	29.7	29.9	30.1	30.9	32.2	34.0	35.7	36.4	37.0	37.7	38.7	39.1	39.5	39.9	40.3
Суммарный коэффициент рождаемости	2.81	2.63	2.11	2.01	2.00	1.92	2.09	1.91	1.35	1.19	1.30	1.58	1.79	1.50	1.45	1.45	1.46	1.47
Плотность населения, чел./км ²	6.10	6.70	7.40	7.78	7.93	8.01	8.21	8.57	8.53	8.50	8.45	8.44	8.49	8.52	8.50	8.51	8.47	8.42
Доля сельского населения, %	51.0	46.3	41.9	37.6	33.7	30.5	28.4	27.3	26.6	26.8	27.0	26.7	26.7	26.6	26.0	25.8	25.4	25.0
Численность сельского населения, млн чел.	56.6	55.5	53.1	49.1	45.3	42.3	40.7	40.7	39.5	39.3	39.1	38.4	38.8	38.9	37.8	37.6	36.8	36.0
Доля в мировом населении, %	4.06	3.98	3.80	3.53	3.30	3.12	2.95	2.80	2.58	2.38	2.20	2.05	1.95	1.86	1.81	1.80	1.77	1.75
Численность мирового населения, млрд чел.	2.74	3.02	3.33	3.69	4.07	4.45	4.87	5.33	5.76	6.17	6.59	7.02	7.47	7.89	8.02	8.09	8.16	8.23
Место в мировом демографическом рейтинге	4	4	4	4	4	5	5	6	6	7	9	9	9	9	9	9	9	9

1. Таблица составлена на основе данных Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН и портала Worldometer.

Миграционные процессы на протяжении анализируемого периода играли неоднозначную роль в демографической динамике. Советский период (1955–1975 гг.) характеризовался преимущественно отрицательным сальдо миграции, достигшим пика в 1970 году (–264,5 тыс. человек). Однако постсоветские годы продемонстрировали резкий поворот — значительный миграционный приток, пик которого пришелся на 2022 год (+765,6 тыс. человек). Современные данные указывают на новую тревожную тенденцию — возврат к отрицательному миграционному балансу, который, по прогнозам, составит –251,8 тыс. человек в 2025 году. Эта динамика усугубляет и без того сложную демографическую ситуацию.

В глобальном контексте Россия последовательно теряет свои демографические позиции. Если в 1955 году на долю страны приходилось 4,06% мирового населения (4-е место), то к 2025 году этот показатель сократится до 1,75% (9-е место). Особую обеспокоенность вызывает прогнозируемое падение до 10–11-го места к 2030 году на фоне стремительного роста населения развивающихся стран.

Процессы урбанизации привели к радикальным изменениям в структуре расселения. Наиболее драматические преобразования произошли в сельской местности, где за рассматриваемый период абсолютная численность населения сократилась с 56,6 до 36,0 млн человек (–36,4%), а доля сельских жителей в общей численности населения упала с 51 до 25%. При этом официальные данные о плотности населения (рост с 6,10 до 8,42 чел./км²) скрывают крайнюю неравномерность распределения жителей по территории страны.

Возрастная структура сельского населения характеризуется ускоренным старением (табл. 2). Разрыв в среднем возрасте между городскими и сельскими жителями (3–5 лет) продолжает увеличиваться, причем эта разница обусловлена не большей продолжительностью жизни в городах, а катастрофическим оттоком молодежи из сел.

Согласно данным Росстата, численность сельского населения продолжает стремительно сокращаться, а его возрастная структура приобретает все более уродливые формы. Анализ данных периода с 1959 по 2024 год показывает устойчивое ухудшение кадрового потенциала сельских территорий. Численность трудоспособного населения сократилась с 30 до 19,9 млн человек, при этом наиболее значительные потери (42%) пришлось на ключевую продуктивную группу 20–39 лет. Структура трудовых ресурсов существенно ухудшилась: доля работников 40–54 лет выросла с 39 до 48%, тогда как молодежи 20–39 лет сократилась с 41 до 36%.

Особую тревогу вызывает катастрофическое сокращение детского населения — если в 1959 году в сельской местности насчитывалось 7,3 млн детей в возрасте 0–4 лет, то к 2024 году их число сократилось до 1,7 миллиона, уменьшившись в 4,3 раза.

Параллельно происходит стремительное старение сельского населения. Число жителей села старше 60 лет за этот же период выросло

Таблица 2. Динамика возрастной структуры городского и сельского населения России, тысяч чел.¹

Возрастная группа	1959	1979	1989	2002	2006	2010	2014	2016	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
1.	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Городское население	61611	94942	107959	106429	104818	105314	106549	108658	109327	109454	109563	109452	109982	109655	109527
в том числе в возрасте, лет:															
0-4	6087	7164	8498	4395	4972	5591	6326	6855	6919	6760	6487	6110	5704	5421	5172
5-9	5871	6508	8108	4683	4438	4986	5413	5825	6350	6546	6730	6982	7100	6990	6820
10-14	4333	5777	7599	7119	5511	4523	4770	5115	5392	5562	5739	5904	6187	6450	6637
15-19	4876	8782	7741	9658	8539	6178	5005	4835	4938	5056	5221	5300	5592	5640	5745
20-24	6694	9709	7385	8856	9227	9176	7760	6443	5363	5140	4942	4862	5360	5472	5586
25-29	5977	9060	9423	8150	8457	9165	9637	9604	8739	8035	7357	6588	6044	5676	5534
30-34	6424	6296	9812	7434	7854	8438	9056	9494	9943	9926	9893	9773	9254	8578	7847
35-39	3691	6153	9149	7505	6973	7741	8146	8556	8872	9448	9382	9497	9843	9991	9949
40-44	3486	7446	6156	9247	7957	6847	7371	7754	7980	8111	8228	8432	8646	8863	9096
45-49	3924	6258	5959	8693	8818	7753	6693	6757	7096	7280	7481	7568	7746	7801	7988
50-54	3181	6523	6970	7710	8004	8362	8092	7468	6770	6536	6439	6531	6701	6907	7005
55-59	2406	3700	5760	4152	6662	7443	7755	8002	7954	7778	7521	7104	6751	6447	6266
60-64	1743	3271	5803	5743	3331	5973	6672	6944	7130	7278	7305	7433	7497	7409	7250
65-69	1196	3409	3132	4417	5508	2991	4055	5494	5931	6086	6178	6244	6489	6542	6711
70 и более	1720	4857	6394	8554	8567	10144	9798	9512	9950	10212	10660	10924	11068	11468	12054
Из общей численности — население в возрасте:															
моложе трудоспособного ²⁾	16715	20848	25693	18019	16442	16108	17425	18758	19677	19926	20028	20075	20056	20008	19633
трудоспособном ³⁾	38629	60107	63618	67249	67172	65764	64131	63373	62115	61544	62536	62006	63821	63151	62015
старше трудоспособного ³⁾	6265	13958	18578	21049	21204	23408	24993	26527	27535	27984	26999	27171	26105	26496	27879

1. Таблица составлена на основе данных Росстата.

Сельское население	55923	42468	39063	38738	38418	37543	37118	37887	37553	37327	37186	36919	36998	36792	36624
в том числе в воз- расте, лет:															
0-4	7266	3359	3534	2004	2094	2377	2573	2657	2428	2272	2092	1970	1864	1774	1692
5-9	6544	3199	3252	2258	2073	2105	2249	2393	2523	2539	2579	2569	2502	2383	2254
10-14	4168	3735	2993	3287	2429	2087	2053	2139	2206	2263	2310	2353	2466	2523	2548
15-19	4099	3603	2227	3142	3313	2211	1951	1896	1878	1891	1940	1972	1958	2023	2098
20-24	4858	3286	2370	2610	2871	2993	2211	2002	1973	1974	1947	1914	1780	1820	1854
25-29	4614	2842	3134	2463	2597	2817	2885	2808	2381	2187	2070	1994	1945	1872	1849
30-34	4679	1720	3051	2403	2462	2542	2604	2725	2823	2792	2740	2650	2651	2456	2265
35-39	2732	2246	2535	2711	2454	2431	2468	2542	2553	2587	2621	2634	2817	2854	2838
40-44	2691	3039	1507	3299	2968	2424	2379	2466	2473	2483	2480	2483	2569	2601	2648
45-49	3243	3118	1996	2913	3252	2919	2494	2436	2403	2394	2415	2412	2490	2481	2496
50-54	2784	3193	2623	2361	2734	3121	3092	2888	2602	2485	2407	2361	2402	2404	2386
55-59	2345	1896	2639	1195	2062	2579	2879	3091	3095	3033	2922	2753	2678	2541	2434
60-64	1847	1794	2557	2240	1127	1859	2277	2501	2653	2749	2801	2867	2983	2960	2903
65-69	1468	2083	1378	1928	2191	1011	1214	1769	2006	2093	2161	2225	2336	2416	2523
70 и более	2583	3343	3252	3945	3791	4066	3789	3574	3556	3585	3701	3762	3557	3684	3809
Из общей числен- ности — население в возрасте:															
Моложе	18379	11126	10302	8308	7229	7018	7292	7602	7577	7504	7414	7312	7252	7152	6494
трудоспособного	29800	22852	20128	21692	22985	22218	21031	20826	20149	19818	20142	19875	20579	20290	19872
трудоспособном	7562	8478	8618	8729	8204	8306	8795	9459	9827	10005	9630	9732	9467	9350	10258

1) Мужчины и женщины в возрасте 0–15 лет. 2) До 01.01.2019 г. включительно — мужчины в возрасте 16–59 лет, женщины — 16–54 года; на 01.01.2020, 01.01.2021 гг. — мужчины в возрасте 16–60 лет, женщины — 16–55 лет; на 01.01.2022, 01.01.2023 гг. — мужчины в возра-
сте 16–61 года, женщины — 16–56 лет. 3) До 01.01.2019 г. включительно — мужчины в возрасте 60 лет и более, женщины — 55 лет и более;
на 01.01.2020, 01.01.2021 гг. — мужчины в возрасте 61 года и более, женщины — 56 лет и более; на 01.01.2022, 01.01.2023 гг. — мужчины
в возрасте 62 лет и более, женщины — 57 лет и более.

с 5,9 до 9,3 миллиона человек, а их доля в общей численности сельского населения увеличилась с 10,5 до 25,4%. Сегодня на одного сельского ребенка дошкольного возраста приходится 5,5 пенсионера, что делает простое воспроизводство населения физически невозможным.

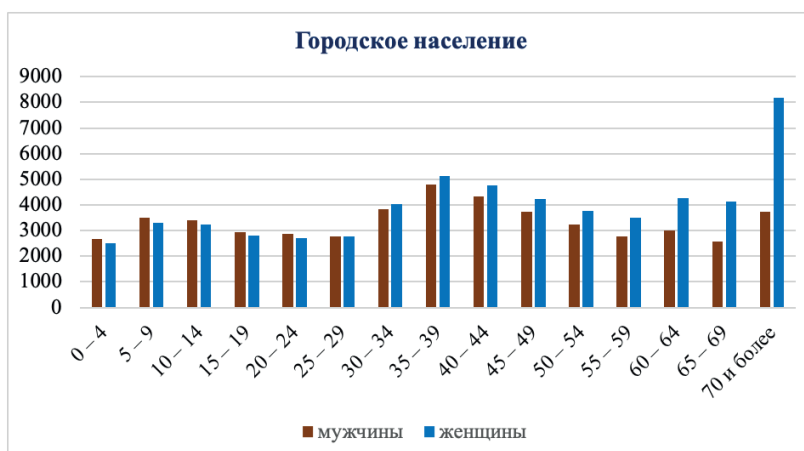
Особенно драматично выглядит ситуация с сельской молодежью. Численность молодых людей 15–19 лет сократилась с 3,6 миллиона в 1979 году до 2,1 миллиона в 2024 году — в 1,7 раза. Коэффициент демографической нагрузки в сельской местности достиг рекордной отметки в 825 нетрудоспособных на 1000 человек трудоспособного возраста, что на 11% превышает аналогичный показатель для городов (745/1000).

Ключевой проблемой современной сельской демографии России стал феномен избирательной миграции, приобретающий характер самоподдерживающегося процесса. Основной миграционный поток формируется людьми репродуктивного возраста (18–35 лет), что приводит к системному нарушению демографического баланса. Статистика показывает крайне неблагоприятное соотношение миграционных потоков: на 100 уезжающих из села приходятся лишь 35–40 приезжающих, причем 68% мигрантов составляют люди 18–35 лет, а среди прибывших преобладают лица предпенсионного возраста (55+).

Этот процесс обладает выраженным цепным характером — отъезд одних членов сообщества провоцирует последующие волны миграции, приводя к необратимому разрушению социальных связей и традиционных институтов сельской общины.

Современная демографическая ситуация в сельской местности России характеризуется выраженным гендерным дисбалансом, имеющим системный характер и значительные социально-демографические последствия. Согласно данным возрастно-половой структуры населения на 1 января 2024 года (рис. 1), наиболее остро проблема проявляется в старших возрастных группах. Среди сельского населения пенсионного возраста (60 лет и старше) наблюдается значительное преобладание женского населения — 5,5 миллиона женщин против 3,7 миллиона мужчин, что создает гендерный разрыв в 1,8 миллиона человек. Особенно выражена эта диспропорция в возрастной группе 65–69 лет, где на 100 мужчин приходится 130 женщин, и в группе 70 лет и старше с соотношением 195 женщины на 100 мужчин.

В трудоспособном возрасте демографическая ситуация имеет иную динамику по сравнению с пенсионными группами. В частности, общая численность мужчин в возрасте 20–49 лет составляет 7,2 миллиона человек, что превышает численность женщин — 6,7 миллиона, что создает дефицит в 472 тысячи потенциальных семейных партнерств. Особенно выражено преобладание мужчин в возрастных группах 25–34 и 35–44 лет, что обусловлено исторически сложившейся рождаемостью в соответствующие периоды, а также с их более высокой занятостью в сельскохозяйственном производстве.

*С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбыл,
Н. В. Орлова,
Д. В. Николаев*
Демографические
вызовы развитию
сельских терри-
торий и кадровое
обеспечение АПК

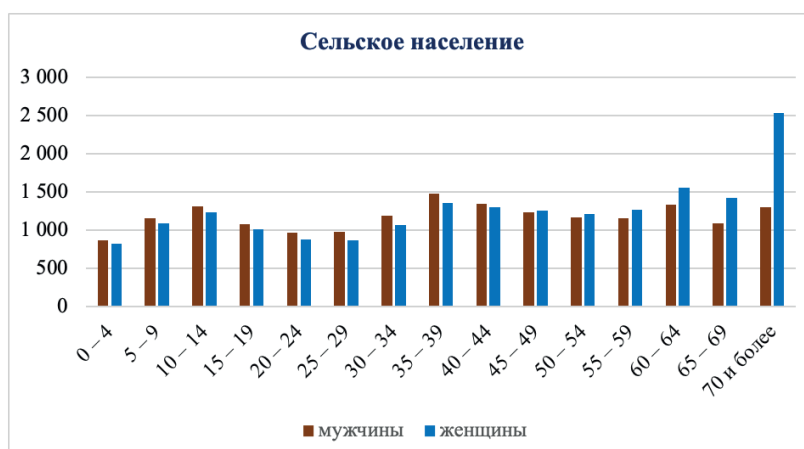

Рис. 1. Возрастно-половая структура городского и сельского населения России (на 1 января 2024 г.), тысяч чел.²

В возрастных группах 45-59 лет наблюдается превышение численности женского населения над мужским — на 179 тысяч человек. Наиболее значительный дисбаланс отмечается в группе 55-59 лет, где разрыв достигает 106 тысяч. Эта тенденция обусловлена более высокой смертностью мужчин в предшествующих возрастах, что связано с сочетанием биологических, социально-экономических и профессиональных факторов. В результате к предпенсионному и пенсионному возрасту формируется устойчивое преобладание женщин, которое становится системной характеристикой демографической структуры сельских территорий.

2. Рисунок составлен на основе данных Росстата.

В младших возрастных группах (0–19 лет) наблюдается устойчивое преобладание мужского населения: численность мальчиков и юношей составляет 4,4 миллиона человек против 4,2 миллиона девушек. Такая гендерная асимметрия характерна для всей возрастной группы и отражает типичную демографическую структуру рождаемости, при которой соотношение полов при рождении традиционно склоняется в пользу мальчиков.

Сложившаяся гендерная асимметрия имеет кумулятивный эффект, создавая самоподдерживающийся механизм демографического кризиса. Дефицит женщин в репродуктивных возрастах приводит к снижению брачности и, как следствие, к уменьшению показателей рождаемости. Это, в свою очередь, усугубляет процесс демографического старения и ухудшает долгосрочные перспективы воспроизводства сельского населения. Особую тревогу вызывает территориальная специфика проблемы — в отдаленных сельских районах гендерный дисбаланс достигает критических значений, что создает дополнительные социально-экономические вызовы для развития этих территорий.

Особенно критична ситуация в возрастной группе 25–34 года, традиционно наиболее важной для формирования семей и рождения детей, где наблюдается нехватка 240 тысяч мужчин. В возрастной категории 35–49 лет этот дефицит достигает 360 тысяч человек. Такая диспропорция приводит к усилению миграционного оттока женщин репродуктивного возраста из сельской местности в поисках партнеров.

Парадоксальным образом, в младших возрастных группах (15–24 года) наблюдается обратная тенденция — небольшое преобладание мужского населения (1,08 миллиона юношей против 1,02 миллиона девушек в возрасте 15–19 лет и 972 тысячи молодых мужчин против 881 тысячи женщин в группе 20–24 года). Однако этот временный демографический перекося не способен компенсировать существующие диспропорции в старших возрастных группах.

Сложившаяся гендерная асимметрия имеет кумулятивный эффект, создавая самоподдерживающийся механизм демографического кризиса. Дефицит мужчин в репродуктивных возрастах приводит к снижению брачности и, как следствие, к уменьшению показателей рождаемости. Это, в свою очередь, усугубляет процесс демографического старения и ухудшает долгосрочные перспективы воспроизводства сельского населения. Особую тревогу вызывает территориальная специфика проблемы — в отдаленных сельских районах гендерный дисбаланс достигает критических значений, где на 100 мужчин в возрасте 30–45 лет может приходиться до 142 женщин, что создает дополнительные социально-экономические вызовы для развития этих территорий.

Современное сельское население России характеризуется не только резкими межрегиональными различиями в численности и возрастной структуре, но и крайне неравномерным распре-

делением по территории, что отражается в показателях плотности (табл. 3). Наиболее выраженная депопуляция наблюдается в Нечерноземной зоне (Центральный и Северо-Западный федеральные округа). При этом доля сельского населения здесь составляет лишь 17,8% и 14,9% от общей численности, а его трудоспособная часть сокращается еще быстрее (17,7% и 14,3%). Такая ситуация ведет к прогрессирующему запустению территорий, сокращению сельскохозяйственного производства и деградации инфраструктуры.

В Южном и Северо-Кавказском федеральных округах, напротив, плотность сельского населения остается относительно высокой, что связано как с историческими особенностями расселения, так и с более высоким естественным приростом. Доля сельских жителей здесь достигает 36,7% и 49,1%, а доля трудоспособного населения — 36,1% и 47,9%. Однако именно в этих регионах наиболее остро проявляются проблемы этнодемографического баланса, обусловленные миграционными процессами и различиями в уровне рождаемости между этническими группами. Это создает дополнительные вызовы для устойчивого развития сельских территорий, включая вопросы занятости и социальной стабильности.

Особую тревогу вызывает ситуация в приграничных регионах (Дальний Восток, Сибирь), где изначально крайне низкая плотность сельского населения продолжает сокращаться. В ряде районов этот показатель не превышает 1–2 человек на квадратный километр, а в отдельных случаях опускается ниже критического порога, необходимого для устойчивого освоения территорий. Особую озабоченность вызывает продолжающийся отток молодежи и сокращение доли трудоспособного населения, которое уже составляет 25,1% и 23,4% соответственно. Эти тревожные тенденции создают комплексную угрозу не только для развития местного сельского хозяйства, но и для экономической и продовольственной безопасности страны в целом.

В условиях огромных, но слабо освоенных пространств депопуляция сельских районов приобретает стратегическое значение. Сокращение численности населения в этих регионах ведет к ослаблению хозяйственного присутствия и создает реальные риски потери контроля над стратегически важными территориями.

Особенно уязвимыми оказываются районы с экстремально низкой плотностью населения, где даже незначительное сокращение числа жителей может привести к необратимым последствиям. В долгосрочной перспективе эти процессы ставят под вопрос не только региональное развитие, но и национальные интересы России в области территориальной целостности и экономической безопасности. Сложившаяся ситуация требует незамедлительных мер по закреплению населения и созданию условий для устойчивого развития этих важных для страны регионов.

Таблица 3. Распределение населения по федеральным округам РФ, млн чел.³

Федеральный округ	Все население, человек					в том числе в трудоспособном возрасте				
	все население	городское население	сельское население	доля в процентах		все население	городское население	сельское население	доля в процентах	
				городское население	сельское население				городское население	сельское население
Центральный	40,20	33,03	7,17	82,2	17,8	23,24	19,14	4,10	82,3	17,7
Северо-Западный	13,84	11,78	2,06	85,1	14,9	8,17	7,00	1,17	85,7	14,3
Южный	16,62	10,52	6,10	63,3	36,7	9,63	6,15	3,48	63,9	36,1
Северо-Кавказский	10,25	5,22	5,03	50,9	49,1	6,17	3,21	2,96	52,1	47,9
Приволжский	28,54	20,66	7,88	72,4	27,6	16,25	11,91	4,33	73,3	26,7
Уральский	12,26	10,07	2,19	82,1	17,9	7,06	5,88	1,18	83,3	16,7
Сибирский	16,57	12,44	4,12	75,1	24,9	9,50	7,28	2,23	76,6	23,4
Дальневосточный	7,87	5,81	2,06	73,8	26,2	4,69	3,51	1,18	74,9	25,1

Проведенный анализ демографической ситуации в сельской местности России позволил выделить следующие системные проблемы:

1. Демографический дисбаланс гендерной структуры, проявляющийся в критическом преобладании женского населения в репродуктивных когортах. Данная диспропорция детерминирует снижение показателей брачности, сокращение репродуктивного потенциала территорий, устойчивый миграционный отток женского населения.
2. Кумулятивный эффект депопуляции, формирующий самовоспроизводящийся механизм демографического кризиса, при котором структурные диспропорции усиливают негативные тенденции:
 - дефицит мужского населения → снижение репродуктивной активности → сокращение численности новых поколений → усугубление демографического старения;
 - ухудшение возрастной структуры → рост демографической нагрузки → снижение экономической активности → деградация социальной инфраструктуры.
3. Пространственная дифференциация проблематики, которая характеризуется выраженной региональной спецификой.

3. Таблица составлена на основе данных Росстата.

кой, поляризацией демографического развития, формированием зон устойчивой депопуляции.

Социально-экономические последствия включают: структурные дисбалансы на рынке труда, снижение эффективности аграрного сектора, рост бюджетной нагрузки на социальное обеспечение, утрату человеческого капитала сельских территорий.

Выявленные тенденции свидетельствуют о необходимости разработки комплексной системы мер демографической политики, учитывающей региональную специфику.

*С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбыл,
Н. В. Орлова,
Д. В. Николаев*
Демографические
вызовы развитию
сельских терри-
торий и кадровое
обеспечение АПК

Кадровые вызовы

В условиях структурной трансформации экономики, технологической модернизации и урбанизации на протяжении последних трех десятилетий произошло значительное сокращение численности и доли работников, занятых в сельском хозяйстве (рис. 2).

В 1991 году в аграрном секторе России было занято 8,75 млн человек, что составляло 12,1% от общей численности занятого населения. В последующие годы наблюдалось постепенное сокращение как абсолютных показателей, так и доли сельскохозяйственных работников в структуре занятости. К 2023 году численность занятых в этом секторе уменьшилась до 3,99 млн человек (5,7%), то есть сократилась более чем в два раза. Среднегодовые темпы снижения составили 2,43%, что свидетельствует о глубоких структурных сдвигах в экономике.

Динамика занятости в сельском хозяйстве на протяжении анализируемого периода не была равномерной и включала несколько фаз. Первый этап (1991–1998 гг.) характеризовался плавным сокращением численности работников — с 8,75 млн до 6,97 млн чел. Этот процесс был связан с общим экономическим кризисом переходного периода, снижением государственной поддержки аграрного сектора, а также оттоком рабочей силы в другие сферы экономики.

Если в 2001 году в сельском хозяйстве работало 7,9 млн человек, то к 2023 году этот показатель снизился до 3,99 млн. Данная динамика во многом отражает процессы механизации и автоматизации сельскохозяйственного производства, укрупнения предприятий, рост числа агрохолдингов и сокращения малых предприятий, которые традиционно отличались более высокой трудоемкостью.

Важным аспектом анализа является также изменение доли сельского хозяйства в общей структуре занятости. За рассматриваемый период этот показатель снизился с 12,1% в 1991 году до 5,7% в 2023 году, что соответствует общемировой тенденции уменьшения вклада аграрного сектора в экономику по мере развития промышленности и сферы услуг. Наиболее интенсивное сокращение доли занятых в сельском хозяйстве пришлось на 2000-е годы — с 14,5% в 2000 году до 7,75% в 2010-м. Это совпало с периодом активно-

го роста нефтегазового сектора и расширения сферы услуг, которые привлекали трудовые ресурсы из менее продуктивных отраслей, включая сельское хозяйство.

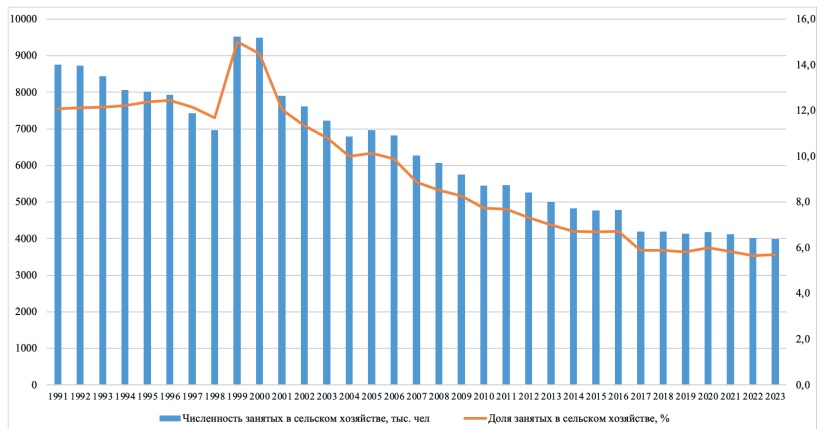

Рис. 2. Динамика численности занятых в сельском хозяйстве⁴

В 2010-х годах темпы сокращения занятости в аграрном секторе замедлились. Численность работников стабилизировалась в диапазоне 4–5 млн человек, а их доля в общей занятости колебалась в пределах 5–6%. Такая динамика может объясняться достижением определенного «оптимума» для текущего уровня технологического развития сельского хозяйства, а также мерами государственной поддержки, включая программы импортозамещения, реализованные после 2014 года.

На динамику занятости в сельском хозяйстве влияет комплекс факторов, среди которых можно выделить технологические изменения, демографические процессы и экономическую политику. Автоматизация и внедрение современных методов земледелия снижают потребность в рабочей силе, а отток молодежи из сельской местности в города усугубляет проблему кадрового обеспечения аграрного сектора. В то же время в отдельные периоды, такие как посткризисные 1999–2000 и 2014–2015 годы, наблюдался кратковременный рост занятости в сельском хозяйстве, связанный с его ролью «амортизатора» в условиях экономической нестабильности.

Таким образом, анализ данных за 1991–2023 годы позволяет сделать вывод об устойчивой тенденции сокращения занятости в сельском хозяйстве России, что соответствует общемировым закономерностям структурной трансформации экономики. Несмотря на уменьшение количества занятых, продуктивность сельского хозяйства растет благодаря интенсификации производства.

4. Рисунок составлен на основе данных ILOSTAT.

В перспективе можно ожидать дальнейшего сокращения занятости в этом секторе, однако более медленными темпами, с возможной стабилизацией на уровне 3,5–4,0 млн человек. Указанная динамика требует разработки комплексных мер по переподготовке сельской рабочей силы и созданию альтернативных источников занятости на сельских территориях.

Анализ динамики среднемесячной заработной платы работников сельского хозяйства России в 2013–2023 годах выявляет устойчивый рост номинальных показателей во всех федеральных округах с существенной вариацией темпов роста между регионами и временными периодами, отражая как общие тенденции развития аграрного сектора, так и его региональные особенности (рис. 3).

Начиная с 2013 года, когда среднероссийский показатель составлял 16 852,8 рубля, заработная плата в сельском хозяйстве демонстрировала поступательный рост, достигнув к 2023 году 54 634,6 рубля. Такой трехкратный рост номинального показателя свидетельствует о серьезной трансформации отрасли, однако требует более детального рассмотрения с учетом региональной дифференциации и инфляционных процессов. Особенно показательным стал период 2022–2023 годов, когда на фоне начала специальной военной операции и связанных с ней экономических санкций темпы роста заработных плат не только не замедлились, но в некоторых регионах даже ускорились.

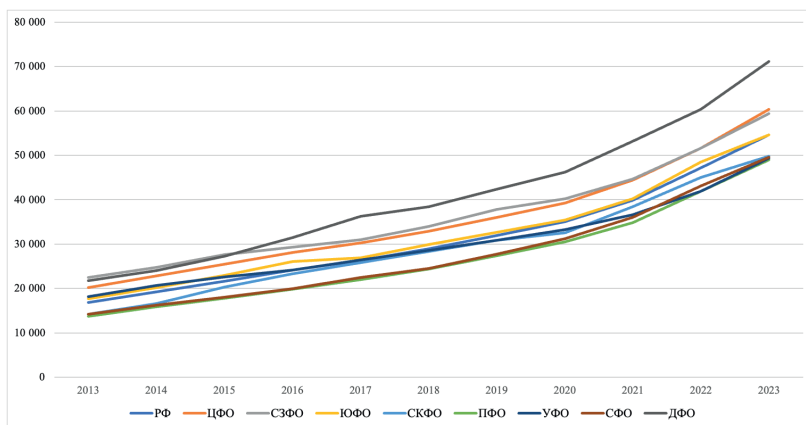

Рис. 3. Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства (без субъектов малого предпринимательства)⁵

Межрегиональный анализ выявляет устойчивую иерархию федеральных округов по уровню оплаты труда в сельском хозяйстве. На протяжении всего рассматриваемого периода безусловным ли-

5. Рисунок составлен на основе данных Росстата.

дером остается Дальневосточный федеральный округ, где в 2023 году средняя заработная плата достигла 71 162,9 рубля. Такое положение объясняется комплексом факторов, включая особые климатические условия, требующие повышенных компенсационных выплат, а также реализацию государственных программ по стимулированию экономического развития дальневосточных регионов. Северо-Западный и Центральный федеральные округа традиционно занимают вторую и третью позиции соответственно, что коррелирует с их более высоким уровнем экономического развития в целом.

На противоположном конце спектра находится Приволжский федеральный округ, где даже в 2023 году средняя заработная плата в сельском хозяйстве не достигла 50-тысячного рубежа (49 036,4 рубля). Такое отставание может быть связано с преобладанием в этом регионе малых форм хозяйствования, которые обладают ограниченными финансовыми возможностями для повышения оплаты труда. Однако следует отметить, что именно в Приволжском федеральном округе в 2022 году был зафиксирован один из самых высоких темпов роста заработных плат (20,3%), что может свидетельствовать об определенной корректировке сложившейся диспропорции.

Особый интерес представляет динамика зарплат в сельском хозяйстве Северо-Кавказского федерального округа, который за анализируемый период продемонстрировал наиболее высокие темпы роста — с 14 185,2 рубля в 2013 году до 49 886 рублей в 2023 году. Такой четырехкратный рост существенно превышает среднероссийские показатели и свидетельствует об эффективности региональных программ развития агропромышленного комплекса. Примечательно, что в 2022 году, на фоне начала специальной военной операции, этот округ показал один из самых высоких темпов роста заработных плат (17,1%), что может быть связано с переориентацией сельскохозяйственного производства в условиях изменения внешнеэкономической конъюнктуры.

Анализ динамики межрегиональных различий показывает постепенное сокращение разрыва между округами по уровню оплаты труда в сельском хозяйстве. Если в 2013 году соотношение между максимальной и минимальной заработной платой составляло 1,64 раза, то к 2023 году этот показатель уменьшился до 1,45 раза. Наблюдаемое сокращение межрегионального разрыва в уровне заработных плат сельскохозяйственных работников представляет собой результат сложного взаимодействия экономических, технологических и социальных факторов. Данный процесс отражает глубинные трансформации аграрного сектора российской экономики, происходящие под влиянием объективных закономерностей развития. Основу наблюдаемой конвергенции составляет структурная перестройка сельскохозяйственного производства, проявляющаяся в следующих ключевых аспектах:

1. Институциональные изменения: концентрация производства и формирование вертикальной интеграции холдингов привели к стандартизации кадровой политики и унификации подходов к оплате труда. Этот процесс сопровождался существенным укрупнением сельхозпредприятий, что способствовало выравниванию условий занятости между регионами.
2. Технологическая модернизация: автоматизация производственных процессов, внедрение современных систем управления и распространение передовых агротехнологий создали предпосылки для постепенного выравнивания производительности труда. Особенно заметно это проявилось в ранее отстающих регионах, где диффузия инноваций происходила ускоренными темпами.
3. Рыночные механизмы: усиление конкуренции за квалифицированные кадры, повышение мобильности рабочей силы и формирование общероссийского рынка аграрного труда создали естественные стимулы для сокращения зарплатных диспропорций. Эти процессы дополняются демографическими изменениями, включая миграционный отток из регионов с традиционно низкой оплатой труда.
4. Государственное регулирование: целевые программы развития проблемных регионов и субсидирование инвестиционных проектов создали институциональные условия для сокращения диспропорций.

Сохраняющийся разрыв отражает объективные различия производственных условий, включая региональную специализацию производства, дифференциацию транспортной доступности, климатические особенности, степень локализации перерабатывающих предприятий.

Таким образом, наблюдаемая конвергенция заработных плат является закономерным следствием комплексной модернизации аграрного сектора и развития общенационального рынка сельскохозяйственного труда. Данная тенденция свидетельствует о повышении зрелости отрасли и ее интеграции в единую экономическую систему страны, при этом сохраняющиеся различия отражают объективные условия хозяйствования в различных регионах России.

Период 2022–2023 годов, несмотря на сложные внешнеэкономические условия, характеризовался сохранением положительной динамики заработных плат в сельском хозяйстве. Среднероссийский показатель вырос на 18,3% в 2022 году и на 15,8% в 2023 году, что существенно превышает темпы роста многих других отраслей экономики. Данный феномен отражает скорее кризисные тенденции, нежели действительное улучшение ситуации в аграрном секторе. Фундаментальной причиной номинального роста заработных плат в аграрном секторе выступает острая демографическая диспропорция сельских территорий, где критическая нехватка специа-

листов продуктивного возраста привела к выраженному структурному дисбалансу трудовых ресурсов. В этих условиях повышение зарплат превратилось не в инструмент мотивации, а в отчаянную попытку сельхозпредприятий сохранить минимально необходимый кадровый состав.

Параллельно происходит концентрация рабочей силы в крупных агрохолдингах, где статистика заработных плат зачастую искусственно завышается за счет различных схем оптимизации отчетности. Реальные доходы работников при этом демонстрируют противоположную динамику из-за гиперинфляции в сегментах сельхозтехники, горюче-смазочных материалов и других ключевых ресурсов. Санкционное давление дополнительно усугубило ситуацию, вызвав необходимость замещения иностранных специалистов (Флоринская, 2024) и приведя к резкому удорожанию логистики и импортных компонентов.

Парадоксальным образом, за статистикой формального роста скрываются тревожные тенденции: фактическая нагрузка на одного работника увеличилась в 1,5–2 раза, растет производственный травматизм из-за хронических переработок, социальные гарантии постепенно эродировать, а доля неформальной занятости продолжает увеличиваться. Таким образом, наблюдаемый рост заработных плат следует интерпретировать не как признак оздоровления отрасли, а как симптом глубокого системного кризиса сельского рынка труда, где повышение оплаты стало вынужденной мерой выживания в условиях катастрофической утраты человеческого капитала и разрушения традиционных моделей сельской занятости.

Ситуация на рынке труда сельских территорий претерпевает радикальную трансформацию: массовый отток квалифицированных кадров сопровождается ростом скрытой безработицы и архаизацией форм занятости.

Феномен скрытой безработицы в сельской местности в современных условиях приобретает специфические черты, обусловленные процессами вахтовой и маятниковой трудовой миграции. Эти параллельно существующие формы пространственной мобильности рабочей силы формируют качественно новую модель занятости сельского населения, при которой формальная принадлежность к категории занятых маскирует реальное отсутствие возможностей для трудовой самореализации по месту постоянного проживания.

Современные исследования (Nikulina, 2023) позволяют выделить два основных механизма формирования скрытой сельской безработицы. Первый связан с вахтовой занятостью, предполагающей длительное (от нескольких недель до месяцев) пребывание работников вне места постоянного проживания. Вторым обусловлен маятниковой миграцией, характеризующейся регулярными (зачастую ежедневными) поездками на работу в городские центры. Оба этих процесса имеют общую экономическую природу, будучи вызваны деградацией местных рынков труда вследствие сокращения

сельскохозяйственного производства, закрытия перерабатывающих предприятий и отсутствия альтернативных рабочих мест. Однако они по-разному проявляются в социально-демографических процессах сельских территорий.

Важнейшей особенностью рассматриваемого феномена является его «скрытый» характер, обусловленный несовершенством системы статистического учета. Действующая методология, фиксирующая население по месту регистрации, а не фактического проживания и трудовой деятельности, приводит к искусственному завышению показателей занятости в сельской местности. В результате формируется искаженная картина экономической реальности, затрудняющая разработку адекватных мер региональной политики.

*С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбыл,
Н. В. Орлова,
Д. В. Николаев*
Демографические
вызовы развитию
сельских терри-
торий и кадровое
обеспечение АПК

Обсуждение возможных последствий на рынке сельского труда

Социально-демографические последствия исследуемых процессов носят системный и многоаспектный характер. Вахтовая миграция приводит к физическому оттоку наиболее активной части населения, тогда как маятниковая миграция, сохраняя формальную связь работников с сельской местностью, тем не менее переносит основную часть их экономической активности в городские центры. В обоих случаях наблюдается фрагментация сельских сообществ, ослабление традиционных форм общественной жизни и упрощение социальной структуры поселений. Особую тревогу вызывает формирование устойчивого демографического дисбаланса, выражающегося в преобладании в сельской местности лиц пенсионного и предпенсионного возраста при одновременном сокращении репродуктивного потенциала территорий.

Экономические последствия исследуемых процессов проявляются в нескольких взаимосвязанных аспектах. Во-первых, происходит устойчивая «утечка» человеческого капитала, когда наиболее квалифицированные и мобильные работники переориентируются на городские рынки труда. Во-вторых, снижение локального потребительского спроса ведет к свертыванию предпринимательской активности и деградации сферы услуг в сельской местности. В-третьих, возникает парадоксальная ситуация, когда налоговые поступления от экономической деятельности мигрантов аккумулируются преимущественно в городских бюджетах, тогда как расходы по содержанию социальной инфраструктуры для формально зарегистрированного населения ложатся на сельские территории.

Особого внимания заслуживает проблема профессиональной деградации сельских жителей. Вынужденные зачастую заниматься в городах низкоквалифицированным трудом, они постепенно теряют профессиональные навыки, связанные с сельскохозяйственной деятельностью. При этом отсутствие официального статуса безработного лишает их доступа к программам профессиональной пере-

подготовки, что в перспективе снижает возможности восстановления аграрного потенциала территорий.

Преодоление негативных последствий скрытой безработицы требует разработки комплексной системы мер. Приоритетными направлениями должны стать: совершенствование методик учета занятости населения с учетом реальных, а не формальных мест приложения труда; стимулирование диверсификации сельской экономики; создание современных рабочих мест в агропромышленном комплексе и смежных отраслях; развитие инфраструктурных проектов, повышающих привлекательность жизни в сельской местности.

Современные процессы трансформации сельского рынка труда характеризуются выраженной тенденцией к архаизации занятости, что проявляется в возрождении докапиталистических форм трудовых отношений и деградации современных институтов рынка труда. Данный феномен представляет собой сложный социально-экономический процесс, имеющий многоуровневую природу и оказывающий системное влияние на развитие сельских территорий.

Одним из наиболее показательных проявлений архаизации выступает возрождение натуральных форм хозяйствования. Эмпирические исследования фиксируют, что в отдельных сельских регионах часть населения перешла на самозанятость и натуральное производство, где личное подсобное хозяйство становится основным источником жизнеобеспечения. Этот процесс отражает глубокую трансформацию экономического поведения сельских жителей, вынужденных в условиях кризиса формального сектора занятости возвращаться к архаичным моделям хозяйствования. Важно отметить, что подобная трансформация сопровождается существенным снижением товарности сельскохозяйственного производства и ростом потребительского характера ЛПХ.

Параллельно наблюдается устойчивый рост неформальной занятости, приобретающий в сельской местности институциональный характер. Исследования (Киреенко, Невзорова, 2018; Волохова, 2022; Муханова, 2023) подтверждают устойчиво высокий уровень неформальной занятости в аграрном секторе, где, согласно официальной статистике, доля работников без официального оформления трудовых отношений стабильно превышает 20% от общей численности занятых в отрасли. Особенностью данного процесса является формирование устойчивой системы трудовых отношений, полностью исключающей официальное оформление, социальные гарантии и пенсионные отчисления. Такая модель занятости воспроизводит формы найма, характерные для доиндустриального периода развития экономики.

Процессы деградации трудовых отношений проявляются в возрождении патриархальных форм найма, что представляет собой особый интерес с точки зрения институциональной экономики. Наблюдаются несколько характерных моделей:

1. Найм по родственным и клановым связям, где трудовые отношения подменяются отношениями личной зависимости и родственной солидарности.
2. Трудовые договоры с элементами личной зависимости, воспроизводящие черты традиционного патронажа.
3. Натуральные формы оплаты труда (продукцией, услугами), характерные для натурального хозяйства.

Эти формы трудовых отношений демонстрируют удивительную устойчивость и способность к воспроизводству в современных условиях, что свидетельствует о глубокой институциональной трансформации сельского рынка труда.

Еще одним проявлением архаизации выступает рост сезонной и временной занятости, приводящий к разрушению системы постоянных трудовых отношений. В агропромышленном комплексе доля сезонных работников достигает 30% от общего числа занятых, что воспроизводит модели занятости, характерные для ранних стадий развития капитализма. Такая форма трудовых отношений не только снижает уровень жизни работников, но и дестабилизирует весь социально-экономический уклад сельских территорий.

Институциональный анализ данных процессов позволяет сделать вывод о формировании в сельской местности особой модели рынка труда, сочетающей элементы современных и архаичных экономических отношений. Эта гибридная система обладает значительной устойчивостью, но одновременно создает серьезные препятствия для модернизации аграрного сектора и устойчивого развития сельских территорий. Преодоление негативных последствий архаизации занятости требует комплексного подхода, учитывающего как экономические, так и социокультурные аспекты данной проблемы.

Таким образом, современная демографическая ситуация сельских территорий РФ характеризуется комплексом взаимосвязанных кризисных явлений, требующих принципиально новых подходов к организации системы подготовки кадров для агропромышленного комплекса. Проведенный анализ выявляет две фундаментальных проблемы, формирующих системный вызов устойчивому развитию сельских регионов.

Первая проблема заключается в глубокой демографической деформации, проявляющейся не только в абсолютном сокращении численности сельского населения, но и в качественном изменении его структуры. Критическое увеличение доли лиц старше трудоспособного возраста сопровождается нарастающим гендерным дисбалансом, где дефицит мужчин репродуктивного возраста достиг 800 тысяч человек. Эти процессы приводят к нарушению естественных механизмов воспроизводства сельского населения и формированию устойчивой тенденции депопуляции.

Вторая проблема обусловлена нарастающим технологическим разрывом между потенциалом цифровой трансформации агропро-

мышленного комплекса и фактической готовностью сельских территорий к внедрению инновационных решений. Несмотря на революционные изменения в области precision farming, Интернета вещей, Big Data и биотехнологий, их практическая реализация сдерживается дефицитом квалифицированных кадров, обладающих необходимыми компетенциями.

Проблема обеспечения АПК квалифицированными кадрами в России усугубляется недостаточным качеством образования, которое не соответствует требованиям современного высокотехнологичного сельского хозяйства. В условиях перехода к АПК 4.0, характеризующемуся внедрением цифровых и биотехнологий, автоматизации и искусственного интеллекта, качество подготовки специалистов становится критически важным. Однако российские аграрные вузы сталкиваются с рядом проблем, ключевыми из которых являются: устаревшие программы, отсутствие современной материально-технической базы, дефицит квалифицированных преподавателей, слабое взаимодействие с бизнесом. Низкий уровень сотрудничества с предприятиями затрудняет адаптацию программ под реальные потребности отрасли.

По нашим оценкам, при сохранении текущих тенденций к 2035 году отрасль столкнется с серьезными проблемами: сокращением общей численности работников — до 3,0 млн человек, снижением доли квалифицированных кадров и ухудшением возрастной структуры.

Заключение

Проведенное исследование выявило системный кризис кадрового обеспечения АПК, где демографический коллапс сельских территорий усугубляется технологическим отставанием системы подготовки специалистов. Преодоление этой ситуации требует не точечных мер, а комплексной трансформации, интегрирующей четыре ключевых направления:

1. Образовательная модернизация: от традиционных подходов — к АПК 4.0.

Требуется кардинальное обновление системы аграрного образования через формирование научно-производственных кластеров, обеспечивающих тесную интеграцию учебного процесса с реальным сектором. Ключевой акцент должен делаться на формировании гибридных компетенций: традиционные образовательные программы необходимо дополнять современными модулями по цифровым технологиям, инженерной подготовке, экономике агробизнеса и др.

Можно ожидать, что реализация федерального проекта «Кадры в АПК» создаст стимулы для привлечения и закрепления специалистов в отрасли. Система компенсации предприятиям до 90% затрат на целевое обучение обеспечит прямой канал подготовки кадров под конкретные производственные задачи.

Одновременно создание сети агроклассов в сельских школах (18 тыс.) будет способствовать ранней профориентации и формированию устойчивого интереса к аграрным профессиям. Эти меры, подкрепленные значительным финансированием, потенциально заложат основу для системного обновления кадрового потенциала отрасли.

Особое значение приобретает внедрение практико-ориентированных моделей обучения, доказавших свою эффективность в немецкой системе дуального образования, где сочетание теоретической подготовки с работой на производственных предприятиях позволяет сократить период адаптации выпускников и повысить качество их подготовки. Такой комплексный подход — от школьных агроклассов до целевой подготовки в вузах — создает непрерывную систему подготовки кадров для высокотехнологичного агропрома.

2. Инфраструктурный рывок: не выживание, а развитие.

Во-первых, необходимо кардинальное улучшение качества жизни в сельской местности через модернизацию социальной инфраструктуры. Во-вторых, необходим переход от фрагментарного поддержания инфраструктуры к созданию современных multifunctional центров, способных трансформировать качество жизни на селе. На начальных этапах особое внимание следует уделить развитию телемедицины и дистанционного образования, что особенно актуально для удаленных территорий.

В-третьих, требуется разработка комплексной системы экономических стимулов для молодых специалистов в сочетании с гарантиями трудоустройства и профессионального роста. Для аграрного сектора подобная программа должна учитывать специфику отрасли, включая возможность получения земельных участков и стартового капитала для организации собственного дела. Для предотвращения оттока молодежи важно не только внедрять программы привлечения, но и обеспечивать долгосрочные перспективы карьерного роста и социальной защищенности.

В-четвертых, необходимо развитие альтернативных форм занятости и предпринимательства в сельской местности. Мировой опыт показывает, что диверсификация сельской экономики (агротуризм, ремесленные производства, переработка сельхозпродукции) позволяет создать дополнительные рабочие места и повысить привлекательность жизни в сельской местности. Особый потенциал имеет поддержка семейных фермерских хозяйств, доказавших свою устойчивость в условиях кризисов.

3. Технологическая модернизация как фактор повышения эффективности использования человеческого капитала.

Сокращение трудовых ресурсов в сельском хозяйстве может быть компенсировано ростом производительности труда через внедрение современных технологий. Опыт стран с высокоэффективным сельским хозяйством (например, Израиль, Нидерланды) демонстрирует, что автоматизация и цифровизация позволяют существенно снизить зависимость от демографических факторов.

Ключевым направлением должно стать массовое внедрение технологий точного земледелия, включая системы спутникового мониторинга, автоматизированного полива и внесения удобрений, роботизированной сельхозтехники. Это требует создания системы непрерывного профессионального образования, позволяющей действующим работникам освоить новые технологии. Особую роль здесь могут сыграть корпоративные учебные центры крупных агрохолдингов и мобильные бригады техподдержки.

Одновременно необходимо развивать систему прогнозирования потребности в кадрах различной квалификации, что позволит образовательным учреждениям оперативно адаптировать свои программы под меняющиеся требования рынка труда. Важным инструментом здесь может стать создание отраслевого атласа новых профессий и компетенций в АПК. Еще одним значимым инструментом для прогнозирования кадровых потребностей является HR-аналитика. Использование математических моделей и аналитики данных позволит сельскохозяйственным предприятиям более точно планировать численность персонала, а также минимизировать затраты на найм и обучение сотрудников.

4. Совершенствование системы управления персоналом на предприятиях АПК.

Трансформация подходов к управлению человеческими ресурсами в АПК должна учитывать как отраслевую специфику, так и современные тенденции в кадровом менеджменте. Особое значение приобретает развитие систем мотивации, сочетающих материальные и нематериальные стимулы.

На уровне отдельных предприятий необходимо внедрять современные HR-практики, включая: гибкие системы оплаты труда, учитывающие квалификацию и результаты работы; программы корпоративного жилищного строительства и социальной поддержки; системы наставничества и профессионального роста; мероприятия по укреплению корпоративной культуры и формированию чувства сопричастности.

Особое внимание должно быть уделено работе с молодыми специалистами, включая программы адаптации и формирования кадрового резерва. Опыт ведущих агрохолдингов показывает, что

инвестиции в молодые кадры окупаются за счет повышения лояльности и снижения текучести персонала.

Можно констатировать, что текущие меры поддержки АПК носят точечный и реактивный характер. Нужна стратегия опережающего развития, где образование, инфраструктура и технологии работают как единый механизм. Без этого Россия рискует получить «две сельских экономики»: несколько высокотехнологичных агрохолдингов — и обширные депрессивные территории, где АПК существует лишь номинально. Выбор должен быть сделан сейчас — в пользу комплексной модернизации, а не постепенной деградации.

*С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбыл,
Н. В. Орлова,
Д. В. Николаев*
Демографические
вызовы развитию
сельских терри-
торий и кадровое
обеспечение АПК

Библиография

- Агеев А. И., Золотарева О. А. (2023). Демографическая политика в России: оценка результативности // Вопросы статистики. Т. 30. № 2. С. 53-71.
- Адуков Р. Х., Адукова А. Н. (2020). Укрепление кадрового потенциала сельхозорганизаций как наиболее целесообразное направление господдержки сельского хозяйства в условиях кризиса // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 11 (68). С. 32–39.
- Алтухов А. И. (2021а). Пространственное развитие сельского хозяйства и сельских территорий страны — основа обеспечения национальной продовольственной безопасности // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. № 3. С. 86-93.
- Алтухов А. И. (2021б). Современные проблемы пространственного развития сельского хозяйства страны и возможные подходы к их решению // Экономика сельского хозяйства России. № 11. С. 2-12.
- Барчо М. Х., Хецуриани К. Т., Пивень А. Е., Лагутинский А. С. (2023). Современное состояние и перспективы развития кадрового потенциала АПК России // Естественно-гуманитарные исследования. № 1 (45). С. 36-41.
- Бердышев В. Е., Скороходова Н. В., Чистова Я. С. (2020). Проблема обеспеченности агропромышленного комплекса России инженерными кадрами // Агроинженерия. № 6 (100). С. 74-80.
- Бондаренко Л. В. (2020). Программно-целевой подход к развитию сельских территорий // АПК: экономика, управление. № 2. С. 47-62.
- Волохова М. А. (2022). Анализ безработицы: источники создания дополнительных рабочих мест // АПК: экономика, управление. № 4. С. 11-18.
- Воронцова Н. В., Мерзлов А. В., Мухаметзянов Р. Р., Платоновский Н. Г. (2021). Оценка привлекательности сельских территорий с точки зрения внутренней миграции населения в России и странах ЕС // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 6. С. 40-47.
- Головина С. Г., Миколайчик И. Н., Смирнова Л. Н. (2020). Социально-экономические условия развития человеческого капитала сельских территорий // Аграрный вестник Урала. № 8 (199). С. 65-79.
- Демографическое самочувствие регионов России (2025). Национальный демографический доклад-2024 / Отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. Вологда: Вологодский научный центр РАН.
- Дубенок Н. Н., Иванов А. И., Чесноков Ю. В., Янко Ю. Г. (2020). Актуальные вопросы научного и кадрового обеспечения развития мелиорации в Нечерноземье // Вестник российской сельскохозяйственной науки. № 6. С. 14-19.
- Захаров С. В. (2023). История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. Т. 10. № 1. С. 4-43.

- Ильдарханова Ч. И., Ибрагимова А. А., Абдульязнов А. Р. (2022). Динамика естественного движения населения как угроза демографической безопасности России // Народонаселение. Т. 25. № 3. С. 4-17.
- Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. (2024). Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа // Крестьяноведение. Т. 9. № 2. С. 153-179.
- Киреевко А. П., Невзорова Е. Н. (2018). Теневая экономика в регионах России: вклад городской и сельской местности // Регион: Экономика и Социология. № 1 (97). С. 191-216.
- Корчагина Т. А. (2022). Современное состояние демографической безопасности в России // Российский экономический вестник. Т. 5. № 1. С. 106-115.
- Костяев А. И. (2020). К вопросу о научных основах разработки стратегий развития сельских территорий // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. Т. 21. № 4. С. 462-474.
- Муханова М. Н. (2023). Предпринимательство в российском аграрном секторе // Вопросы теоретической экономики. № 4. С. 155-173.
- Орлова Н. В., Серова Е. В., Николаев Д. В. и др. (2020). Инновационное развитие агропродовольственного комплекса в России. Agriculture 4: докл. к XXI Агр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Санду И. С., Демишкевич Г. М., Рыженкова Н. Е. (2022). Кадровый потенциал как фактор инновационного развития АПК // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 12 (94). С. 114-123.
- Серова Е. В., Наумов А. С., Янбых Р. Г., Орлова Н. В., Абдолова С. Н. (2021). Проблемы сельского развития и новые подходы к их решению в России // Международный сельскохозяйственный журнал. № 6 (384). С. 10-16.
- Ушачев И. Г., Бондаренко Л. В., Чекалин В. С. (2021). Основные направления комплексного развития сельских территорий России // Вестник Российской академии наук. Т. 91. № 4. С. 316-325.
- Ушачев И. Г., Серков А. Ф., Чекалин В. С., Харина М. В. (2021). Долгосрочная аграрная политика России: вызовы и стратегические приоритеты // АПК: экономика, управление. № 1. С. 3-17.
- Флоринская Ю. Ф. (2024). Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (63). С. 223-232.
- Худякова Е. В., Водяников В. Т., Бердышев В. Е., Скороходова Н. В., Чистова Я. С. (2020). Проблемы обеспечения организаций АПК управленческими кадрами и пути их решения // Аграрный вестник Урала. Специальный выпуск «Экономика». С. 92-100.
- Щегринцев М. А., Золкин А. Л., Свердликова Е. А., Гиршевич О. Л. (2024). Влияние демографических сдвигов на экономику Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. № 1 (162). С. 354-359.
- Янбых Р. Г. (2022). О стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года // Экономическое развитие России. Т. 22. № 5. С. 50-54.
- Nikulina Yu. N. (2023). Rural employment in Russia: Present conditions and prospects for agricultural and non-agricultural sectors // Russian Journal of Economics. Vol. 9. № 4. P. 351-370.
- Saraikin V. A., Nikulina Y. N., Yanbykh R. G. (2023). Subjective well-being of rural residents in Russia: Factors and their significance // Economic Sociology. Vol. 24. № 1. P. 71-105.
- Serova E. V., Naumov A. S., Yanbykh R. G. (2021). New approaches to rural development in Russia // Wieś i Rolnictwo. Vol. 9. № 2. P. 27-45.
- Shagaida N. I. (2024). Is It Possible to Quickly Eliminate Labor Shortage in Russian Agriculture? // Russian Peasant Studies. № 9(2). P. 139-152.

- Vakulenko E., Gorskiy D., Kondrateva V., Trofimenko I. (2025). Periods of high uncertainty: How fertility intentions in Russia changed during 2022-2023 // *Demographic Research*. Vol. 52. № 29. P. 939-970.
- Yanbykh R. G., Saraikin V. A., Zvyagintseva O. S. (2023). Use of common resources by rural communities in Russia: Problems of collective choice // *Russian Journal of Economics*. Vol. 9. № 4. P. 407-423.

С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбых,
Н. В. Орлова,
Д. В. Николаев
Демографические
вызовы развитию
сельских терри-
торий и кадровое
обеспечение АПК

Demographic challenges for Russian rural areas and their impact on staffing of agriculture

Sergey V. Mitrofanov, PhD (Agriculture), Head of the Department of Economics of Innovation in Agriculture, Institute of Agrarian Research, National Research University Higher School of Economics. Pokrovsky Bl., 11, Moscow, 109028, Russia.
E-mail: smitrofanov@hse.ru

Renata G. Yanbykh, DSc (Economics), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Agrarian Policy, Institute of Agrarian Research, National Research University Higher School of Economics. Pokrovsky Bl., 11, Moscow, 109028, Russia. E-mail: ryanbykh@hse.ru

Nadezhda V. Orlova, Head of the Institute of Agrarian Research, National Research University Higher School of Economics. Pokrovsky Bl., 11, Moscow, 109028, Russia.
E-mail: nvorlova@hse.ru

Dmitry V. Nikolaev, Expert, Department of Economics of Innovation in Agriculture, Institute of Agrarian Research, National Research University Higher School of Economics. Pokrovsky Bl., 11, Moscow, 109028, Russia.
E-mail: dvnikolaev@hse.ru

Abstract. The article considers the demographic-institutional challenges of Russian rural areas and their impact on staffing of the agro-industrial complex (AIC). The authors focus on such key trends as depopulation, aging and urbanization, which reduce labor resources in agriculture, on structural changes in the age and gender dynamics of rural population, migration and degradation of social infrastructure (health, education, culture), which exacerbates the shortage of personnel in agriculture. The article describes the impact of demographic changes on the rural labor market in terms of growing latent unemployment, archaization of employment and declining quality of human capital, and regional differences in the demographic situation and their implications for sustainable rural development. Based on statistical data, the authors predict a further decline in rural population and a deterioration in its age structure, proposing such measures as the development of rural infrastructure, labor mobility and modern technologies in agriculture.

Key words: rural areas, demography, human resources, agriculture, urbanization, labor resources, migration, social infrastructure

References

- Adukov R. Kh., Adukova A. N. (2020) Strengthening the human resources of agricultural enterprises as the most appropriate direction of state support for agriculture under crisis. *Economy, Labor, Management in Agriculture*, vol. 11, no 68, pp. 32–39.
- Ageev A. I., Zolotareva O. A. (2023) Demographic policy in Russia: An assessment. *Issues of Statistics*, vol. 30, no 2, pp. 53–71.

- Altukhov A. I. (2021) Current problems of spatial development of agriculture and possible approaches to their solution. *Economics of Agriculture of Russia*, no 11, pp. 2–12.
- Altukhov A. I. (2021) Spatial development of agriculture and rural territories as a basis of national food security. *Bulletin of the Kursk State Agrarian University*, no 3, pp. 86–93.
- Barcho M.Kh., Khetsuriani K. T., Piven A. E., Lagutinsky A. S. (2023) Current state and prospects for the development of human resource potential in Russia's agro-industrial complex. *Natural-Humanitarian Studies*, vol. 1, no 45, pp. 36–41.
- Berdyshev V. E., Skorokhodova N. V., Chistova Ya.S. (2020) Engineering personnel availability in Russian agriculture. *Agricultural Engineering*, vol. 6, no 100, pp. 74–80.
- Bondarenko L. V. (2020) Program-targeted approach to rural development. *AIC: Economics, Management*, no 2, pp. 47–62.
- Dubenok N. N., Ivanov A. I., Chesnokov Yu.V., Yanko Yu.G. (2020) Current issues of scientific-personnel support for land reclamation in the Non-Black Earth Region. *Bulletin of the Russian Agricultural Sciences*, no 6, pp. 14–19.
- Florinskaya Yu.F. (2024) Labor migration to Russia: Reduction of flows under the little changing geography. *Journal of the New Economic Association*, vol. 2, no 63, pp. 223–232.
- Golovina S. G., Mikolaichik I. N., Smirnova L. N. (2020) Social-economic conditions for the development of human capital in rural areas. *Agrarian Bulletin of the Urals*, vol. 8, no 199, pp. 65–79.
- Ildarkhanova Ch.I., Ibragimova A. A., Abdullazhanov A. R. (2022) Dynamics of the population natural movement as a threat to Russia's demographic security. *Demography: Theory and Practice*, vol. 25, no 3, pp. 4–17.
- Kartseva M. A., Mkrtchyan N. V., Florinskaya Yu.F. (2024) Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative and qualitative analysis. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 2, pp. 153–179.
- Khudyakova E. V., Vodyannikov V. T., Berdyshev V. E., Skorokhodova N. V., Chistova Ya.S. (2020) Problems of providing agro-industrial complex with management personnel and their solutions. *Agrarian Bulletin of the Urals*, no 13, pp. 92–100.
- Kireenko A. P., Nevzorova E. N. (2018) Shadow economy in Russian regions: Urban and rural areas contributions. *Region: Economics and Sociology*, vol. 1, no 97, pp. 191–216.
- Korchagina T. A. (2022) Current state of demographic security in Russia. *Russian Economic Bulletin*, vol. 5, no 1, pp. 106–115.
- Kostyaev A. I. (2020) Scientific basis for rural development strategies. *Agricultural Science of the Euro-Northeast*, vol. 21, no 4, pp. 462–474.
- Mukhanova M. N. (2023) Entrepreneurship in the Russian agricultural sector. *Issues of Economic Theory*, no 4, pp. 155–173.
- Nikulina Yu.N. (2023) Rural employment in Russia: Current state and prospects for agricultural and non-agricultural sectors. *Russian Journal of Economics*, vol. 9, no 4, pp. 351–370.
- Orlova N. V., Serova E. V., Nikolaev D. V. et al. (2020) Developing Innovations for the Russian Agro-Industrial Sector. *Agriculture 4.0: Report for the 21st April International Academic Conference on Economic and Social Development*, Moscow: HSE Publishing House.
- Rostovskaya T. K., Shabunova A. A. (Eds.) (2025) *Demographic Well-Being of Russian Regions: National Demographic Report–2024*, Vologda: Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.
- Sandu I. S., Demishkevich G. M., Ryzhenkova N. E. (2022) Human resources potential as a factor of innovative development of the agro-industrial complex. *Economy, Labor, Management in Agriculture*, vol. 12, no 94, pp. 114–123.
- Saraikin V. A., Nikulina Yu.N., Yanbykh R. G. (2023) Subjective well-being of rural residents in Russia: Factors and their significance. *Economic Sociology*, vol. 24, no 1, pp. 71–105.

- Serova E. V., Naumov A. S., Yanbykh R. G. (2021) New approaches to rural development in Russia. *Wies i Rolnictwo*, vol. 189, no 4, pp. 27–45.
- Serova E. V., Naumov A. S., Yanbykh R. G., Orlova N. V., Abdolova S. N. (2021) Rural development problems and new approaches to their solution in Russia. *International Agricultural Journal*, vol. 6, no 384, pp. 10–16.
- Shagaida N. I. (2024) Is it possible to quickly eliminate labor shortage in Russian agriculture? *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 2, pp. 139–152.
- Shchegrinets M. A., Zolkin A. L., Sverdlkova E. A., Girshevich O. L. (2024) Impact of demographic shifts on the economy of the Russian Federation. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, vol. 1, no 162, pp. 354–359.
- Ushachev I. G., Bondarenko L. V., Chekalin V. S. (2021) Main directions of integrated development of rural areas in Russia. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 91, no 4, pp. 316–325.
- Ushachev I. G., Serkov A. F., Chekalin V. S., Kharina M. V. (2021) Long-term agricultural policy in Russia: Challenges and strategic priorities. *AIC: Economics, Management*, no 1, pp. 3–17.
- Vakulenko E., Gorsky D., Kondratyeva V., Trofimenko I. (2025) Periods of high uncertainty: How fertility intentions in Russia changed in 2022–2023. *Demographic Research*, vol. 52, no 29, pp. 939–970.
- Volokhova M. A. (2022) Analysis of unemployment: Sources of additional jobs. *AIC: Economics, Management*, no 4, pp. 11–18.
- Vorontsova N. V., Merzlov A. V., Mukhametzyanov R. R., Platonovsky N. G. (2021) Assessment of the attractiveness of rural areas in terms of internal migration in Russia and the EU. *Economy of Agricultural and Processing Enterprises*, no 6, pp. 40–47.
- Yanbykh R. G. (2022) On the strategy of sustainable development for rural areas of the Russian Federation until 2030. *Economic Development of Russia*, vol. 22, no 5, pp. 50–54.
- Yanbykh R. G., Saraikin V. A., Zvyagintseva O. S. (2023) The use of common resources by rural communities in Russia: Issues of collective choice. *Russian Journal of Economics*, vol. 9, no 4, pp. 407–423.
- Zakharov S. V. (2023) History of fertility in Russia: From generation to generation. *Demographic Review*, vol. 10, no 1, pp. 4–43.

С. В. Митрофанов,
Р. Г. Янбых,
Н. В. Орлова,
Д. В. Николаев
Демографические
вызовы развитию
сельских террито-
рий и кадровое
обеспечение АПК

What will be the fate of the rural youth in Paraguay?

R. Fogel

Ramón Fogel, DSc (Sociology), Research Director, Centro de Estudios Rurales Interdisciplinarios (CERI). Cruz del Defensor 1816 casi, Asunción 001421, Paraguay.
E-mail: ceripy@gmail.com

Abstract. The paper considers the relationship between the structure of human capital and the intensive displacement of young peasants in contemporary Paraguay. In the description of the agrarian economy, the author defines the peasant sector as a part of the agrarian structure with dynamics strongly determined by agribusiness which is integrated into the neoliberal agrifood regime as an important component of globalized markets. The author's approach to the study of human capital and migration of young farmers is based on Amartya Sen's theory of human capital, according to which both the development of actors' ability to increase production and the definition of the valuable type of life are closely associated with the dominant means of socialization affecting the rural youth (educational possibilities, information-communication technologies, other means for producing meanings). Today these means are dominated by hegemonic knowledge in the interests of large corporations.

Key words: rural youth, human capital, displacement of young peasants, Paraguay, agrarian economy, peasant economy, agribusiness, neoliberal agrifood regime

EDN: HASCJE

Introductory notes

Today rural population represents 31% of the total world population of 6,187,644 due to the intensive rural-urban migration which has peculiarities in a society that did not achieve the level of industrial urban development. The social-economic and demographic situation in rural areas, especially of young peasants, is affected by both features of family-economic units and regional dynamics. In turn, the peasant sector is part of the agrarian structure dominated by agribusiness that expands due to accumulation by dispossession in the agro-based country (for instance, in 2022 in Paraguay GDP per capita reached 6,260 USD and has significantly increased in recent years). In the economy Paraguay as a country with an agrarian base, the expanded agricultural production stands out and together with agribusiness constituted a quarter of GDP from 2008 to 2019 and 43% of exports (Birbaumer, 2024).

In such an agrarian structure, agribusiness grows rapidly at the expense of the peasant sector, GMOs are its main products under

the state priorities of extensive growth based on its comparative advantages. Compliance with the roadmap developed by the United States experts, the subsequent national support for large biotechnology corporations and the unconditional agreement of the Paraguayan state with the imperatives of transnational capital bore economic fruits with negative collateral effects for human health and environment. Agrarian extractivism as a result of the neoliberal agri-food regime has transgenic soybeans as an emblematic crop in Paraguay, which with some other crops constitutes 95% of the country's cultivated area (CAN, 2022), making Paraguay today the most transgenized country according to the ISAAA (International Service for Agricultural Biotechnology Applications), since the largest part of its area is occupied by transgenic crops (ISAAA, 2017).

The paper considers the relationship between expulsion of young peasants from rural areas and the theory of human capital; the author's ideas are based on the secondary analysis of national censuses data and relevant publications. The data of agricultural censuses allowed to identify changes in the agrarian structure of Paraguay in the last fifteen years, while the data of the Integrated Household Survey of the National Institute of Statistics (2023) helped to identify the relationship between educational and labor market possibilities. The author also refers to the data collected in the ongoing research project conducted by the CERI on the social-demographic situation of the rural youth in Paraguay.

Agribusiness and the peasant economy

Table 1 shows the remarkable growth of the transgenic soybeans share in the agrarian economy of Paraguay: from 1,200,000 hectares cultivated in the 1999–2000 agricultural year to 3,504,707 hectares in the 2023–2024 agricultural year. The government policy favors exports based on such a productive specialization determined that in the border departments of the Eastern Region, there are dynamically expanding zones of Brazilian agriculture. Thus, since the 1970s, the Paraguayan economic development is associated with the Brazilian economic miracle, which allowed Paraguay to stop being a stagnant and recessive economy associated with the crisis of the dominant traditional oligarchy (Hill, 1993).

Table 1. Situation with transgenic soybeans in Paraguay, selected years (Fogel, Valdez, 2022; CAPECO, 2024; INBIO 2024)

Agricultural year	Area (hectares)	Harvest volume	Yield (kg/ha)
1999–2000	1200000	2911423	2426
2003–2004	1936623	3911415	2020

2009–2010	2680182	6462429	2411
2013–2014	3254982	8189542	2516
2015–2016	3380480	9216937	2823
2019–2020	3500000	10250800	2929
2020–2021	3400000	9518600	2800
2021–2022	3300000	4380736	1327
2022–2023	3687091	9859716	2700
2023–2024	3504707	10002020	2854

The production of transgenic soybeans is typical for extractive economies of the neoliberal agri-food regime due to the advances of genetic engineering and interests of large biotechnology corporations and the state (Cáceres, 2015; Ezquerro-Cañete, Fogel, 2018). In Paraguay, the production of transgenic soybeans is associated with land grabbing by Brazilian soybean growers: they are direct producers but subordinate to large corporations that control technology, processing and marketing; thus, there are two directions for the outflow of surplus product from the country.

Both the expansion of capitalist development in agriculture and public policies created favorable conditions for reproducing this productive system to such an extent that expansion of soybeans in Paraguay was much more intensive than in other countries of the region — the cultivated area increased by 2.3 times from 2002 to 2016 (Fogel, Valdez, 2022). Although in recent years the expansion of the soybean frontier has slowed down, in the intercensal period 2008–2022, there has been an increase by more than 43 % in the cultivated area and a more than doubling of the area under transgenic corn (Table 2), while the area under commercial rice cultivation increased fivefold during the intercensal period. Concerning the traditional peasant agricultural crops, basically used for food, their crops decreased substantially in the period under consideration.

Table 2. Sown area (in ha) of main agricultural crops

Crops	2008	2022	Variation
Normal soybeans harvest and zafriña	2463510	3539808	43.7%
Normal corn harvest	296434	229120	-22.7%
Zafriña harvest corn	472469	963090	103.8%
Irrigated rice	33870	205744	507.5%

Cassava (Birbaumer, 2024)	1411470	125464	-9,3%
Other crops	29224	29975	2,6%
Total	3436977	5093201	48,2%

Source: Author's calculations based on the data of agricultural censuses (CAN, 2008; 2022)

The contrast between the remarkable growth of agribusiness, reflected in the cultivated area of transgenic soybeans, and the peasant sector, reflected in the cultivated area of cassava (its main crop) is presented in Table 3: from 1991 to 2022, while the area under oil-seed crops increased sevenfold, the area under cassava decreased substantially. This expansion of agribusiness completely reconfigures the agrarian structure, turning the rural space into soybean deserts.

Table 3. Cassava and soybean cultivated area (in ha) (CAN, 1991; 2008; 2022)

Year	Cassava	Index	Soy	Index
1991	160762	100	500000	100
2008	1411470	88	2463510	498
2022	125464	78	3539808	704

In 2022, the population living on 291,497 farms decreased by 40% compared to 2008, and 87% of this reduction was in farms of less than 20 hectares, i.e., peasant farms, which seem to be disappearing. In the analysis of this situation, the critical agrarian-studies perspective is relevant as based on historical materialism which focuses on class modes of production and particularly on the development of the capitalist mode of production and the class struggle associated with it. The 1917 Russian Revolution revived the still ongoing debate between Chayanov, Lenin and Kautsky, which considers the extent of capitalist relations' penetration into the peasant economy, causing differentiation of proletarians and capitalist entrepreneurs (Shanin, 1974; Kay, 2015; Bernstein et al, 2018). The question is whether this differentiation takes place in Paraguay.

More development, less employment

Given that transgenic soybeans, the flagship crop of agribusiness, are capital-intensive, the number of paid workers on business farms fell by 58% from 2008 to 2022. The paradox is that as agribusiness grows, employment declines: according to the 2022 Agricultural Census, productive units of less than 5 hectares hired 80 workers per 1,000 hectares, while large agricultural compa-

nies of 10,000 and more hectares hired an average of 1.1 workers per 1,000 hectares (Birbaumer, 2024). The comparison of the data of 1991 and 2008 censuses shows a substantial decrease in temporary paid labor which reached 74.8%, while permanent paid labor remained unchanged. Thus, in Paraguay at the current stage of agrarian capitalism, agribusiness separates the peasant from land without out proletarianization. The capital-labor relationship is displaced by the capital-nature one, and to this extent Lenin's thesis about the development of agrarian capitalism as resulting in a social structure with antagonistic classes in relation to production is not implemented.

Large soybean companies, which certainly were not established by rich peasants, with their highly developed technologies displace peasants without providing employment possibilities, and temporary proletarianization is basically determined by those peasant units that hire labor to meet their needs, and only in a few cases these are rich peasants and capitalist entrepreneurs. Thus, in the prevailing historical circumstances, we do not witness the formation of the peasant working class based on the division of labor, same material interests (even the group of uprooted and migrants) and a common conscience of those being dispossessed; those who have already been uprooted become dependent on multiple strategies that include precarious jobs in urban belts and receiving remittances. The uprooting increases the atomization of peasant productive units and weakens the peasant actor; in addition to the growing heterogeneity of material interests, there are regional differences. Likewise, the rural class struggle connected with land (in Paraguay with the agro-export economy) weakens, since the class conflict is of a local scale.

Chayanov's ideas on the organization and development of the peasant economy are still useful for understanding the contemporary situation: the economic size of the family unit is determined by the intensity of land use, which creates the strata of small peasants (poor), large family units (rich peasants) and middle peasants. As for the demographic cycle of the peasant economy, Chayanov argues that the heads of families grow old, which starts the replacement cycle, and in this way the peasant economy is reproduced (Nikulín et al, 2023; Shanin et al, 2024). Considering the demographic cycle of the peasant economy in Paraguay, from 2008 to 2022 the age group of 15–24 years old decreased by 66% (the youth), while the group aged 65 and older increased by 13%, indicating that the rural population is aging, and in the medium term the peasant economy will not be able to reproduce. In this scenario, society will feel the reduction of food; it should be noted that in the last ten years the value of imported food has doubled (Table 4), and the lack of generational change would exacerbate the problem of food insecurity.

Table 4. Food imports in Paraguay (BCP, 2019)

R. Fogel
What will be the
fate of the rural
youth in Paraguay?

Year	Value	Volume
	(thousands of US \$)	(tons)
2008	338237	277754
2010	361867	300475
2014	493400	348975
2016	452903	346025
2018	573227	508634
2020	499494	647565
2022	676377	*639903
2023	*712883	*555730

* Values are subject to change

There are various consequences for the displaced rural population that cannot adequately integrate into the urban world, since separation from land means losing the habitual way of life, and the youth is the most vulnerable in such a situation. I consider as the main factors pushing young peasants from the countryside the features the family economic unit, regional dynamics and human capital, which means that agribusiness has a strong impact on the agrarian structure, being driven by the neoliberal agri-food regime that operates at the global level. Paraguay has such a specific feature as the state capture by agribusiness. The ruling elite, in exchange for political and economic support of large corporations and Brazilian soybean growers, provides tax exemptions and deregulates their activities. With the lowest taxes in the region (OECD, 2021), there is little room for public investment in human capital, and Paraguay is among the countries with the lowest school performance.

Agribusiness contributes to the economic growth measured by GDP but at the same time destructs biodiversity and worsens the environment and human health due to the increasing and indiscriminate use of pesticides. For instance, in Paraguay cancer mortality rates are still higher than the economic growth (Figure 1); it should be noted that the WHO considers the Bayer's use of glyphosate (herbicide from Monsanto) a cause of cancer. Infant mortality due to deformities, morbidity and mortality due to neurological disorders, which are determined by environmental factors, have also increased (Fogel, 2018).

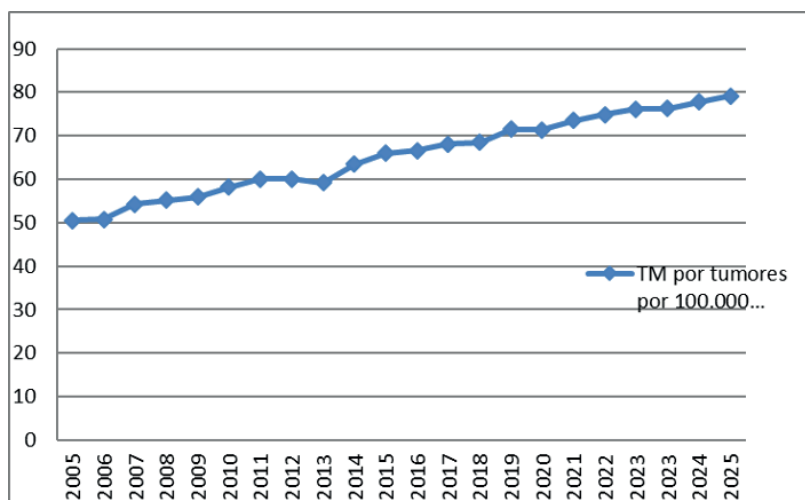

Figure 1. Cancer mortality rate per 100,000 in Paraguay

Source: Ministerio de Salud Pública y Bienestar Rural 2005–2022

With some regional variations, agribusiness constitutes a factor that strongly affects the peasant economy and pushes younger generations from the countryside, responding to the globalized markets' imperatives, i.e., national economic actors operate at the global level. The key actors in agribusiness are those linked to the neoliberal food regime, including representatives of large transnational corporations that use biotechnology. They are the most important economic protagonists in the neoliberal food regime: Table 5 shows the main transnational corporations operating in Paraguay and overseeing the entire production process (processing, export and/or distribution of biotechnological products, especially soybeans, soybean oil and beef), since medium-sized and large agribusiness entrepreneurs are subordinated to global corporations.

Table 5. Largest exporters/importers in Paraguay in 2022 (US \$)

Corporation	Export	Import
Cargill	676145059	34302233
Beef	569495446	15261181
Frigorífico Concepción	560775492	31281
ADM	357438239	781695
Compañía Paraguaya de Granos	342692454	ND

Agrofértil (Grupo Sarabia)	267996748	88416182
COFCO S.A.	131855781	ND
Mosaic S.R.L.	ND	194003759
Monsanto S.A.	1653	40950560
Syngenta S.A.	1571217	107017688
Sodrugestvo	63672633	ND

Source: Centro de Importadores del Paraguay, 2023

On the global scale, some of these transnational corporations control the production of inputs, others monopolize the export of agribusiness products or control processing. Five corporations — Syngenta, Dow, BASF, DuPont and Bayer-Monsanto — control 75% of the market. Their economic power, media support and dishonest practices largely explain the support of their ideas by local professionals who extol the benefits of the system. Of the eleven largest agribusiness companies in imports and exports, two export beef (Brazilian owned and control most of the beef processing and export). In beef production, Brazilian companies participate at all stages — production, processing, export and distribution. Large corporations are connected to the capital of the Global North; however, many transnational corporations are basically Brazilian.

In recent years, the participation of capital from other countries of the Global South (in addition to Brazil) has increased; thus, part of the COFCO capital belongs to the Chinese who also participate in the Syngenta. Giant Chinese corporations produce highly toxic pesticides, for instance paraquat. Russia is also present among the largest corporations of agribusiness (Sodrugestvo). Among the key agribusiness actors in Paraguay, there are Brazilian producers of soybeans, who got the best land in the department bordering Brazil in the Eastern region. The continuous expansion of the Brazilian economy in Paraguay is based on land grabbing, control of soy production and livestock agribusiness, processing and export of beef and maquila. On the other hand, Brazil is also an importer of wheat, rice, corn and meat; therefore, in alliance with Brazil Paraguay joins global value chains with soybeans, meat and recently rice. Soy is an expression of Brazilian geopolitical power and one of the pillars of its participation in the multipolar world; soy contributes to the Brazilian payment balance with China and facilitates the Brazilian control of land in different countries, including in Africa (Oliveira, 2016).

In the analysis of the behavior of young peasants in general and of their migration orientations Amartya Sen's theory of human capital (2003) is of special relevance. According to this theory, both agents' abilities (to increase production) and their definition of a decent life are closely associated with the dominant means of socialization, that is, educational possibilities, information-communication technologies

and in general means of producing meanings, which today seem to support the interests of large corporations. As for the education system, the PISA-D tests show that seven out of ten Paraguayans do not understand what they read and that Paraguay is second to last in the ranking of countries that passed the test (Ultima Hora, 2023c); due to peasant emigration, many rural schools were closed (Sanabria et al, 2024). The educational system, including universities, hinders the employment of young people in agriculture. According to the Integrated Household Survey of the National Institute of Statistics and the ongoing research of CERI (Sanabria et al, 2024), there is the following relationship between educational level and employment in agriculture¹: the longer young people remain in the education system, the more they become disconnected from agriculture².

In Paraguay, development understood as exclusively GDP growth denies human development (functional illiteracy, diseases). The longer young people remain in the education system, the lesser are chances for their employment in agriculture. The image supported the information-communication technology discredits the technology of peasant and ecologically friendly agriculture; young people can no longer imagine themselves with a hoe in hand and other traditional implements, since such practices are discredited by the media. Five television channels owned by agribusiness extol its advantages, thus, changing the definition of what is valuable in life, which was developed in the theory of human capital by Amartya Sen. The CERI field study showed that young people associated with *Via Campesina*, a coalition from the Global South, have different ideas about the value of life and production in agriculture compared to those imposed by global agribusiness. From the peasant-economy perspective, large agribusiness corporations are perpetrators from both the Global North and the Global South.

Private higher education implies careers that do not suggest agrarian or rural employment: economic programs focus on marketing and business administration, while agronomy — on agribusiness,

1. The 2023 Continuous Household Survey data was used; the multivariate logistic regression model was applied: response variable — occupation in the agricultural and non-agricultural sectors; explanatory variables — social-demographic (gender, years of study, type of household according to its members and region) and social-economic characteristics (type of employment and type of household according to the poverty level).
2. Young family members who do not receive wages are 50% more likely to work in the agricultural sector, followed by self-employed (26%) and employers (16%). Those in extreme poverty are 28% more likely to work in agriculture. Each additional year of education reduces this probability by 2%, and being a woman reduces it by 24%, indicating a gender gap. Young people in Caaguazú have a 7% higher chance of being employed in agriculture, while in Cordillera this chance is 11% lower compared to San Pedro.

excluding agroecology. Thus, one university with the largest number of branches in the regions of the country has the slogan “to train leaders in agribusiness” and a cooperation agreement with the Monsanto³. Moreover, the academic career implies following ideas disseminated by scientific journals of the large publishing platforms that reproduce hegemonic knowledge. They extol the benefits of advanced technology and biotechnology, in general supporting economic deregulation and protection of large corporate investment. Researchers are required to publish in the so-called ‘high impact’ journals of the large publishing platforms, but for research results to be published, they must follow theories of hegemonic knowledge (such as genetic engineering, monocultures of the neo-liberal agri-food regime, biofuels and green hydrogen production, etc.).

References

- BCP (2019). Banco Central del Paraguay 2008–2024. *Boletín de Comercio Exterior — Trimestral — BCP 2008–2018*. URL: <https://www.bcp.gov.py/boletin-de-comercio-exterior-trimestral-i400>.
- Bernstein H., Friedmann H., van der Ploeg J. D., Shanin T., White B. (2018) Cincuenta años de debate sobre los campesinos, 1966–2016. *Journal of Peasant Studies*, vol. 45, no 4, pp. 689–714.
- BID, BIRF, y Paraguay. Dirección General de Estadística y Censos (1998). Encuesta integrada de hogares en Paraguay. *Primer Taller Regional Planificación y Desarrollo de Encuestas de Hogares para la Medición de las Condiciones de Vida* (LC/R.1826, pp. 297–304). URL: <https://hdl.handle.net/11362/31084>.
- Birbaumer G. (2024) *Paraguay ante una encrucijada: qué hacer con la agricultura familiar*, A-Fines.
- Cáceres D. M. (2015) Accumulation by dispossession and socio-environmental conflicts caused by the expansion of agribusiness in Argentina. *Journal of Agrarian Change*, vol. 15, no 1, pp. 116–147.
- Cámara Paraguaya de Exportadores y Comercializadores de Cereales y Oleaginosas (CAPECO) (2024) Estadísticas de la soja: Área de siembra, producción y rendimiento. URL: <http://capeco.org.py>.
- CAN Dirección de Censos y Estadísticas Agropecuarias (1991) *Censo Agropecuario Nacional 1991*, Ministerio de Agricultura y Ganadería.
- CAN Dirección de Censos y Estadísticas Agropecuarias (2008) *Censo Agropecuario Nacional 2008*, Ministerio de Agricultura y Ganadería.
- CAN Dirección de Censos y Estadísticas Agropecuarias (2022) *Censo Agropecuario Nacional 2022*, Ministerio de Agricultura y Ganadería.
- DNA Dirección Nacional de Aduanas (2022) El ranking de importadores y exportadores de Paraguay. URL: <https://www.cip.org.py/dna-ranking-de-importadores>.
- El surtidor (2023) La mano carbonizada del mercado. URL: <https://elsurti.com/reportaje/2023/09/12/mercado-de-carbono-paraguay>.
- Ezquerro-Cañete A., Fogel R. (2018) Un golpe anunciado. *La Cuestión Agraria y los Gobiernos de Izquierda en América Latina*, pp. 89–118. URL: <https://doi.org/10.2307/j.ct-vn96goz.6>.

3. URL: <https://www.sancarlos.edu.py>; URL: <https://www.cursosycarreras.com.py/carreras-universitarias-T-2?page=2>.

- Fogel R. (2018) Las fuerzas productivas en el desarrollo agrario en el Paraguay. URL: <http://pyglobal.com/ojs/index.php/novapolis/article/view/96>.
- Fogel R., Valdez S. (2022) Agronegocio sojero y ganadero en el Paraguay. Análisis de su expansión y autodestrucción. *Defensa del territorio, la cultura y la vida ante el avance extractivista*, pp. 63–74, Buenos Aires.
- Hill A. (1993) *El milagro brasileño del Paraguay: evolución y perspectiva*, Asunción: CDE.
- INE Instituto Nacional de Estadísticas (2024) *Encuesta de Hogares Continua 2023*, Asunción.
- Instituto de Biotecnología Agrícola (INBIO) (2024) Estadísticas de cultivos biotecnológicos en Paraguay. URL: <https://inbio.org.py>.
- ISAAA International Service for the Acquisition of Agri-Biotech Applications (2017) *Biotech Crop Adoption Surges as Economic Benefits Accumulate in 22 Years*. ISAAA Brief No. 53–2017, New York: Ithaca.
- Kay C. (2015). The agrarian question and the neoliberal rural transformation in Latin America. *European Review of Latin America and the Caribbean Studies*, vol. 100, pp. 73–83.
- Lang M., Bringel B., Manahan M. A. (2023) Transiciones lucrativas, colonialismo verde y caminos hacia una justicia ecosocial transformadora. Lang M., Bringel B., Manahan M. A. (Eds.). *Más allá del colonialismo verde: Justicia global y geopolítica de las transiciones ecosociales*, pp. 15–50), CLACSO.
- Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2023) Utopias of Alexander Bogdanov and Alexander Chayanov: The choice of rural-urban development and its consequences for rural human capital and social differentiation. *Russian Peasant Studies*, vol. 8, no 4, pp. 23–40.
- O'Connor J. (1991) Condiciones de producción: Por un marxismo ecológico, una introducción teórica. *Ecología Política*, vol. 113, no 1.
- OCDE Organización para la Cooperación y el Desarrollo Económicos (2021). Statutory income tax rate. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=78166>.
- Oliveira G. (2016) La geopolítica de la soja brasileña. *Revista de Estudios Campesinos*, vol. 43, no 2, pp. 348–372.
- Pereira L. I. (2021) Los regímenes de control del territorio: el Paraguay como espacio de acumulación de capital. *Novapolis*, vol. 18, pp. 55–77.
- Sanabria D., Paredes R., Valdez S., Fogel R., Valdez N., Rios C., Torales M. (2024) *Juventud Rural y Sector Agrícola: IX Encuentro de Investigadores*, CERI.
- Sen A. (2003) *La Libertad Individual Como Compromiso Social*, Editorial Abya Yala.
- SENAVE. 2007–2015 *Anuarios Estadísticos Asunción Paraguay*. URL: <http://www.senave.gov.py/boletin-estadistico.html>.
- Shanin T., van der Ploeg J. D., Nikulin A., Trotsuk I. (2024) *Peasants: Chayanov's Recovered Essays*. URL: <https://practicalactionpublishing.com/book/2885/peasants>.
- Última Hora (2023a) Paracel apunta a impulsar economía en Concepción. URL: <https://www.ultimahora.com/paracel-apunta-impulsar-economia-concepcion-n3033798>.
- Última Hora (2023b) Ejecutivo decreta una zona franca para Atome en Villeta. URL: <https://www.ultimahora.com/ejecutivo-decreta-una-zona-franca-para-atome-en-villeta>.
- Última Hora (2023c) Paraguay, penúltimo en Pisa. URL: <https://www.ultimahora.com/paraguay-penultimo-en-pisa>.
- Van der Ploeg J. D. (2023) Social differentiation of the peasantry (Chayanovian). *Journal of Peasant Studies*, vol. 50, no 4, pp. 1261–1273.
- Wesz Jr. V. J. (2022) Soybean production in Paraguay: Agribusiness, economic change and agrarian transformations. *Journal of Agrarian Change*, vol. 22, no 2, pp. 317–340.

Какая судьба ждет сельскую молодежь Парагвая?

Рамон Фогель, доктор социологических наук, научный директор Центра междисциплинарных аграрных исследований. Ул. Круз дел Дефенсор 1816, Асунсьон, 00142, Парагвай. E-mail: ceripy@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена взаимосвязь между структурой человеческого капитала и интенсивным вытеснением молодежи с сельских территорий современного Парагвая. Описывая состояние аграрной экономики страны, автор определяет крестьянский сектор как часть аграрной структуры, развитие которой в значительной степени определяется интересами агробизнеса как компонента неолиберального агропродовольственного режима и важной части глобализированных рынков. Авторский подход к изучению человеческого капитала и миграции молодых фермеров (сельского населения) основан на предложенной Амартией Сеном концепции человеческого капитала, согласно которой и развитие способностей экономических акторов в целях наращивания производства, и трактовка ими ценной/достойной жизни тесно связаны с теми инструментами социализации, что воздействуют на сельскую молодежь (образовательные возможности, информационно-коммуникационные технологии, другие средства производства значений). Сегодня все эти инструменты подчиняются доминирующим системам знания, которые функционируют в интересах крупных корпораций.

Ключевые слова: сельская молодежь, человеческий капитал, вытеснение молодых крестьян, Парагвай, аграрная экономика, крестьянское хозяйство, агробизнес, неолиберальный агропродовольственный режим

R. Fogel

What will be the
fate of the rural
youth in Paraguay?

А. С. Пушкин как помещик

А. А. Белых

Андрей Акатович Белых, доктор экономических наук, зам. директора Центра прикладной истории Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571. Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: abelykh@inbox.ru

Аннотация. А. С. Пушкин писал, что «дух словесности» частично «зависит от состояния писателей». Это относилось и к самому Пушкину — его жизнь в большой степени зависела от материальных условий. В экономической жизни Пушкина выступал в пяти ипостасях: чиновник, литератор и книгоиздатель, карточный игрок, помещик, горожанин-семьянин. В статье Пушкин рассматривается как помещик. Показано, что по воспитанию и образованию он, как и большинство дворян его времени, не был готов к управлению хозяйством. В деятельности Пушкина как помещика выделяются три периода: 1830–1831 гг. («Помещик»), 1834–1835 гг. («Менеджер») и 1836 г. («Наследник»). Одним из факторов, позволивших Пушкину жениться, стало то, что отец в 1830 г. предоставил ему 200 крестьянских душ в деревне Кистеневе. Заложив их в Сохранной казне и получив кредит в размере 40 000 руб., Пушкин смог дать в долг матери Н. Гончаровой 11 000 руб. на приданое и обеспечить расходы на семейную жизнь. В 1834 году, понимая, что родовое имение Болдино находится в сложном финансовом положении, Пушкин решил взять управление делами в свои руки. Он смог получить дополнительный кредит под крестьян, ранее заложенных отцом, поменял управляющего Кистеневым. Однако значимых успехов ему достичь не удалось, и в 1835 году он отказался от управления Болдиным. В 1836 году, после смерти матери, владевшей Михайловским, Пушкин стал одним из наследников и предполагал полностью выкупить имение. Финансовые и другие жизненные обстоятельства не позволили этого сделать. В статье рассчитаны доходы Пушкина как помещика. Сумма составила около 24 тыс. руб. (ранее считалось, что его помещичьи доходы были незначительными). В общей сумме доходов Пушкина эта величина составляет 7,7%. Проведенный анализ показывает, что попытка заняться управлением имениями была ошибкой. Подтверждается сделанный самим Пушкиным вывод о том, что «настоящее место писателя есть его ученый кабинет».

Ключевые слова: Пушкин, крепостное право, Болдино, Михайловское, управление имениями

EDN: NLQTYC

В статье о Вольтере, опубликованной в третьем номере «Современника», А. С. Пушкин писал, что «...несмотря на множество материалов, собранных для истории Вольтера (их целая библиотека), как человек деловой, капиталист и владелец, он еще весьма мало известен» (Пушкин, XII: 78)¹. О самом Пушкине тоже собрано

1. Произведения и письма Пушкина цитируются по полному академическому изданию с указанием номера тома и страницы.

и опубликовано «множество материалов». Известно, где поэт жил, что читал, каковы были его взаимоотношения с друзьями и противниками, кто из женщин попал в его донжуанский список. Существуют «Летописи» и «Хроники» жизни Пушкина, опубликованы фундаментальные издания документов. Одна лишь библиография отечественных и иностранных работ, посвященных Пушкину, может составить много томов. Тем не менее Пушкин как «человек деловой» и «владелец» (если использовать его слова, сказанные о Вольтере), безусловно, «еще весьма мало известен». Немногочисленные работы, в которых исследуется экономическая жизнь Пушкина, переизданы нами в книге «Пушкин и финансы» (Белых, 2021б). В ней помещена и изданная в 1928 году книга П. Е. Щеголева «Пушкин и мужики», представляющая важный вклад в пушкиноведение. До сих пор это, пожалуй, была единственная работа, в которой рассматривалась деятельность Пушкина как помещика². Сегодня, впрочем, ряд оценок Щеголева нуждается в пересмотре — об этом, в частности, говорится в данной статье.

В нашей статье «А. С. Пушкин: доходы и долги» уже исследовалась деятельность Пушкина как помещика, но основное внимание уделялось только двум аспектам: взаимодействию с банками и получению доходов от имения Кистеневое (Белых, 2021б). В настоящем исследовании помимо этих вопросов рассматриваются взгляды Пушкина на взаимоотношения помещиков и крестьян, а также его практическая деятельность по управлению имениями.

Образование и формирование взглядов Пушкина

Для оценки управленческой деятельности Пушкина полезно знать, каковы были его экономические познания и как он умел считать. Изначально эти знания приобретаются при обучении. Хрестоматийные строки «мы все учились понемногу — чему-нибудь и как-нибудь» вполне относятся и к домашнему образованию Пушкина. Воспитателями Пушкина и его сестры Ольги были иностранцы, обучение шло по-французски. По воспоминаниям сестры, учился он лениво, труднее всего ему давалась арифметика. Тем не менее Пушкин смог успешно сдать вступительные экзамены в Лицей.

Лицей был образовательным учреждением нового типа, его проект был разработан выдающимся реформатором М. М. Сперанским. В высочайше утвержденном постановлении о Лицее от 12 августа 1810 года говорилось: «Учреждение Лицея имеет целью образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы Государственной. <...> В Лицее преподаются предметы учения,

2. В 2006 году в издательстве «Захаров» вышла книга П. А. Щеголева «Помещик Пушкин и другие очерки», но она содержит только отрывки из его прежних работ.

важным частям Государственной службы приличные и для благовоспитанного юноши необходимо нужные»³. Редкий случай — программа обучения была включена в постановление об образовании Лицея, то есть утверждалась самим императором. Обучение было бесплатным, оно длилось шесть лет и приравнивалось к университетскому. Воспитанники жили на полном обеспечении, по-видимому, это повлияло на решение родителей Пушкина отправить его в Лицей.

Вступительные экзамены в Лицей Пушкин сдавал 9 августа 1811 года и получил следующие оценки: «В грамматическом познании языков: российского — *очень хорошо*, французского — *хорошо*, немецкого — *не учился*, в арифметике — *знает до тройного правила*, в познании общих свойств тел — *хорошо*, в начальных основаниях географии и начальных основаниях истории — *имеет сведения*» (ДБ 1, 2007: 146). Понятно, что начальные познания Пушкина в математике были слабыми; тройное правило — это просто правило пропорции. Но, во всяком случае, в постановлении об основании Лицея были зафиксированы требования к знаниям, которые должны быть «потребны для вступления». И в области арифметики было необходимо «знание, по крайней мере до тройного правила» (п. 5). Полученная Пушкиным оценка давала возможность поступить.

В какой степени воспитанники получали экономические знания? В течение всех шести лет лицеистам преподавалась математика, на четвертом году обучения был курс статистики, на пятом году публичное право и «экономия политическая, со сравнением трех главных ее систем: коммерческой, экономистов и Смита». На следующий год воспитанники должны были представить «собственные сочинения на разные предметы экономии политической».

Курс права читал Александр Сергеевич Куницын, известно, что его занятия оказали большое влияние на Пушкина («им светлая лампада зажжена»). В книге «Право естественное» Куницын писал: «Каждый человек внутренне свободен и зависит только от законов разума... Кто нарушает свободу другого, тот поступает противу его природы, и как природа людей, несмотря на различие их состояния, одинакова, то всякое нападение, чинимое несправедливо на человека, возбуждает в нас негодование» (Куницын, 1818: 21). Нет сомнений, что эти идеи Куницын внушал воспитанникам Лицея.

Хотя в постановлении о Лицее говорилось о подготовке воспитанниками самостоятельных работ по политической экономии, возможно, это требование не выполнялось. Во всяком случае, в воспоминаниях лицеистов такие работы не упоминаются.

К сожалению, у нас нет точной информации и о том, как в Лицее преподавались государственная экономия и финансы. Выпуск-

3. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание 1. № 24325. Т. 31. С. 310.

ной экзамен по этому предмету Пушкин успешно сдал 23 мая 1817 года. В свидетельстве об окончании Лицея его знания в этой области были признаны «весьма хорошими»⁴. О таких предметах, как статистика и математика, было сказано, что ими Пушкин всего лишь «занимался» (ДБ 1, 2007: 280–281).

По итогам обучения выпускники были разделены на два разряда. Лучшие, попавшие в первый разряд, получили чин титулярного советника (9-й класс в Табели о рангах), а выпускники из второго разряда, в том числе и Пушкин, — чин коллежского секретаря (10-й класс). Пушкин был определен на службу в Коллегию иностранных дел с жалованием 700 руб. в год.

Согласно традиционному представлению о творчестве и деятельности Пушкина, после выхода из Лицея он находился в оппозиции к власти. При этом Пушкин, хотя и получал жалование как чиновник, фактически не нес никаких служебных обязанностей. На противоречивость этой ситуации не могли не обратить внимания современники. Пушкин дружил со многими будущими декабристами, в частности с Николаем Ивановичем Тургеневым. Знаменитую оду «Вольность» Пушкин «вполовину сочинил» в его комнате (Черейский, 1989: 449). В то же время Тургенев выговаривал Пушкину за эпиграммы против правительства, и «не раз давал ему чувствовать, что нельзя брать ни за что жалованье и ругать того, кто дает его». Пушкин даже «вздумал вызвать» Тургенева на дуэль, но потом «письмом просил прощения» (Заозерский, 1926: 121–122).

В 1819 году Пушкин написал стихотворение «Деревня», в нем ярко проявилось то «негодование», о котором писал Куницын. Описывая ситуацию в деревне, Пушкин не жалеет ярких красок: «барство дикое, без чувства, без закона» «насильственно» присвоило «и труд, и собственность, и время земледельца». Известный русский философ Г. П. Федотов в статье «Пушкин: певец империи и свободы» писал: «“Деревня” рисует крепостное рабство в России мрачными, тяжелыми красками. Таким видел его Радищев. Злодейства господ, изображенные здесь, как будто вопиют о мести. Восстание угнетенных было бы в этом случае естественным, даже с художественной точки зрения, разрешением» (Федотов, 2000: 162). Но Пушкин видит решение проблемы в реформе, проводимой «сверху» (Пушкин, II — 1: 83):

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

4. В свидетельствах об окончании Лицея фигурировали четыре вида оценок знаний — «превосходные», «весьма хорошие», «хорошие» и «занимался».

Пушкин ожидает, что рабство будет отменено «по манию царя» и тогда над отечеством взойдет прекрасная заря просвещенной свободы. Строго говоря, в этом стихотворении не было ничего оппозиционного. Более того, известно, что в том же 1819 году оно было представлено Александру I генералом И. В. Васильчиковым. Реакция императора была позитивной — он сказал Васильчикову: «Поблагодарите Пушкина за благородные чувства, вдохновляющие его стихи» (Цявловский, 1958).

Позднее, уже во время южной ссылки, Пушкин возвратился к теме крепостного права. В «Заметках по русской истории XVIII века», датированных 2 августа 1822 года, он высказал мысль о том, что благодаря централизованной государственной власти России удалось избежать «чудовищного феодализма», при котором «закоренелое рабство» могло бы быть уничтожено только в результате «страшного потрясения». Его оценка текущего состояния дел была достаточно оптимистичной: «...нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас на ряду с просвещенными народами Европы» (Пушкин, XI: 15). Объединение всех сословий против крепостного права, конечно, очевидное преувеличение Пушкина. Большое число (если не большинство) помещиков были против отмены крепостного права вплоть до начала 1860-х годов. Однако верховная власть, особенно после восстания декабристов, задумывалась о крестьянской реформе. Николай I в течение более 20 лет создал несколько секретных комитетов, которые рассматривали крестьянский вопрос. Только революции 1848 года в Европе привели к остановке этого процесса — вплоть до нового царствования.

Наряду с абстрактным призывом к освобождению крестьян Пушкин выдвинул тезис о первостепенной важности просвещения. В записке «О народном воспитании», поданной Николаю I в ноябре 1826 года, Пушкин, оценивая события 14 декабря 1825 года, утверждал: «...одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия» (Пушкин, XI: 44). Неприязнь к революционным потрясениям отразилась и в художественных произведениях Пушкина. Широко известна цитата из повести «Капитанская дочка»: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» В «Пропущенной главе» эта сентенция продолжалась так: «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка» (Пушкин, VIII: 383–384).

В 1830-е годы Пушкин сам получил опыт взаимоотношений с крестьянами, уже в качестве помещика. Итогом его размышлений о крестьянском вопросе можно считать заметки 1836 года, получившие название «Путешествие из Москвы в Петербург». Написанные

для печати как альтернатива запрещенной книги А. Н. Радищева, они, конечно, учитывали потенциальные цензурные ограничения. Тем не менее в них отражались взгляды Пушкина. Он вновь возвращается к теме просвещения и формулирует важное положение: «Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков» (Пушкин, XI: 258). Нет оснований считать, что Пушкин отказался от юношеских идеалов и перестал надеяться на отмену крепостного права. Но теперь он делает акцент на эволюционном развитии событий, а не на одномоментном «падении рабства» по решению царя.

Описание положения крестьян теперь радикально отличается от картины, представленной в стихотворении «Деревня»: «Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен <...> Помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своего крестьянина доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст выработывать себе деньги. <...> В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. <...> Конечно: должны еще произойти великие перемены, но не должно торопить времени и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...» (Пушкин, XI: 257–258).

Реальность, с которой сам Пушкин столкнулся, став помещиком, была, конечно, совсем иной. К этому мы еще вернемся. Здесь отметим, что рост просвещения должен был бы выражаться не только в увеличении образованности и смягчении нравов, но и в повышении культуры промышленности и земледелия, в успехах науки, том числе аграрной. В России в конце XVIII — начале XIX века прогресс в этой области был достаточно медленным. С. Я. Боровой справедливо отметил, что, хотя и возникали «такие очаги дворянской агроэкономической мысли, как Московское общество сельского хозяйства (1818 г.), Общество сельского хозяйства юга России (1828 г.)», но «все опыты передовой агрикультуры носили, как правило, дилетантский характер и не имели хоть сколько-нибудь заметных экономических последствий» (Боровой, 1958: 180).

Взгляды Пушкина на взаимоотношения помещиков и крестьян нашли отражение не только в его публицистических работах, порой они более четко формулировались в его художественных произведениях. Так, герой незавершенного «Романа в письмах» пишет другу: «Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипло-

матические депеши... Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более мы имеем над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении» (Пушкин, VIII — 1: 52–53). Глубокая мысль! Но для хорошего управления крестьянами недостаточно желания, которое, впрочем, у русских помещиков часто отсутствовало. Нужны были знания о сельском хозяйстве и умение управлять, а их не хватало подавляющему большинству помещиков. Не стал исключением и сам Пушкин.

Практическая деятельность

В деятельности Пушкина как помещика можно выделить три периода: 1830–1831 годы («Помещик»), 1834–1835 годы («Менеджер») и 1836 год («Наследник»).

Помещик

Формально помещиком Пушкин стал в 1830 году. В апреле 1830 года он написал родителям, что намерен жениться на Натали Гончаровой, попросил благословения, сообщил о том, что ее состояние расстроено, и высказал надежду на их помощь. Отношения Пушкина с родителями были далеко не идеальны, но в этот важный момент отец сделал для сына, пожалуй, все, что мог. Формально у Сергея Львовича Пушкина было в Болдине больше тысячи крепостных, но они в основном были заложены под несколько кредитов. В июне 1830 года отец передал Пушкину часть крестьян из принадлежавшего ему в Болдине села Кистенево — 200 свободных от залога душ. По условию передачи Пушкин имел право получать от них доход, использовать в качестве залога по банковскому кредиту, но не мог продавать. Пушкин собирался получить кредит, и для оформления необходимых документов ему нужно было самому поехать в Болдино.

Административные проблемы, связанные с наличием к С. Л. Пушкину финансовых требований, несколько затянули оформление передачи крестьян, и Пушкин смог отправиться в путь только в конце августа 1830 года. Он приехал в Болдино 4 сентября. Началась знаменитая первая болдинская осень. Из-за эпидемии холеры и введенных карантинных мер Пушкин смог уехать из Болдина только 29 ноября. За это время он написал более 60 произведений, включая последние главы (8-ю и 9-ю) «Евгения Онегина», маленькие трагедии и «Повести Белкина».

Нас, конечно, интересуют хозяйственные дела Пушкина. Прежде всего, ему необходимо было поименно разделить 476 крестьян, проживавших в Кистеневе, на тех, кто оставался у отца, и тех, кто переходил к нему. 11 сентября Пушкин подал в уездный суд проше-

ние о вводе во владение имения. 16 сентября 1830 года он получил Вводный лист на владение Кистеневым. В тот же день 69 крестьян, являвшихся представителями 200 душ мужского пола, подписали Присяжный лист, приняв обязательство «быть в полном повиновении и послушании» у нового помещика (ДБ 2, 2010: 100). Позднее, 6 октября, произошло разделение земли — на землю Сергея Львовича и на землю Александра Сергеевича. 17 октября Пушкин получил Свидетельство Нижегородской палаты гражданского суда о благонадежности залога Кистенева, в котором говорилось: «Споров на сие имение не имеется, указного ареста и запрещения нет, казенной недоимки не числится» (ДБ 2, 2010: 120). Этот документ был необходим Пушкину для получения кредита под залог имения — ни один банк не выдал бы кредита под залог актива, имеющего обременение. На самом деле, о чем в Нижнем Новгороде еще не знали, накануне, 16 октября, Санкт-Петербургская палата гражданского суда наложила арест на имение Пушкина за неплатеж 500 руб. некоему В. И. Кистеру⁵ по заемному письму Пушкина 1820 года. Письмо было выдано в связи с карточным проигрышем. Этот арест сыграл свою роль позднее, при обращении Пушкина за кредитом (об этом ниже).

О действиях Пушкина как помещика в период первого пребывания в Болдине не осталось почти никаких свидетельств. Скорее всего крестьянскими делами он просто не занимался. Сохранилось письмо кистеневских крестьян Пушкину, в котором они просили «избавить нас от нынешнего правления» (имелся в виду Михайло Калашников) и разрешить им выбрать своего начальника (ДБ 2, 2010: 105). Пушкин на эту просьбу не отреагировал. Во время михайловской ссылки дочь Калашникова Ольга была его любовницей и забеременела⁶. В 1825 году Калашников с семьей был отправлен в Болдино, где Ольга родила сына, который вскоре умер. Возможно, все это стало причиной снисходительного отношения Пушкина к Калашникову.

Еще одно событие — известная по рассказу самого Пушкина проповедь крестьянам, произнесенная с амвона: «Холера послана вам, братцы, оттого, что вы оброка не платите, пьянствуете. А если будете продолжать так же, то вас будут сечь. Аминь!» (Боборыкин, 1965: 66). Крестьяне Кистенева находились на оброке, который взимался трижды в год — были мартовская, июльская и ноябрьская

5. Кистер был дельцом, покупавшим и продававшим векселя.

6. Автор серьезных исследований по истории крестьянского вопроса в России А. Н. Долгих, упомянув об этом романе Пушкина с крепостной крестьянкой, утверждал, что «в стихотворении “Деревня” поэт, очевидно, признавался и в своих собственных грехах: “Здесь девы юные цветут для прихоти бесчувственной злодея...”» (Долгих, 2016: 67). Долгих не обратил внимания на то, что «Деревня» написана в 1819 году, а в Михайловское Пушкин был сослан в 1822 году.

трети. Величина оброка была 18 руб. в год с одной души, то есть сумма оброка, причитавшаяся Пушкину, составляла 3600 руб. в год. Видимо, проблемы с его сбором действительно существовали, иначе не было бы необходимости в пушкинской проповеди.

Пушкин уехал из Болдина 29 ноября и прибыл в Москву 5 декабря. Он предполагал взять кредит в Московской Сохранной казне, хотя основное время он проводил не в Москве. Понятно, почему он обратился в Московскую, а не в Санкт-Петербургскую казну, где кредитовался его отец. Это был, прежде всего, вопрос логистики и пересылки документов. Для получения кредита необходимо было собрать справки о залоге, а Кистенев находилось в Нижегородской губернии, оно было намного ближе к Москве, чем к Санкт-Петербургу.

Когда Пушкин приехал в Москву, Сохранная казна была еще закрыта из-за карантина, об этом Пушкин пишет П. А. Плетневу 9 декабря: «...ломбард закрыт и я на мели». К сожалению, нам неизвестно, когда Пушкин смог подать заявку на кредит, сколько времени и как она рассматривалась. В всяком случае, 29 января 1831 года в журнале Сохранной казны Московского опекунского совета появилась запись: «10 класса чиновнику Александру Сергеевичу Пушкину под деревню выдано января 29 дня 40 000 руб.» (ДБ 2, 2010: 140). Величина кредита определялась просто. По закону, за заложенную крестьянскую душу из деревень, расположенных в губерниях первого разряда, полагалось выдавать 200 руб. кредита. Сельцо Кистенев находилось как раз в такой губернии — в Нижегородской, поэтому при залоге 200 крестьян общая сумма кредита составляла 40 тыс. руб.

Пушкин писал Плетневу 16 февраля 1831 года: «...заложил я моих 200 душ, взял 38 000 — и вот им распределение: 11 000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданым, — пиши пропало. 10 000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17 000 на обзаведение и житие годичное» (Пушкин, XIV: 152). Но при этом возникает вопрос: почему Пушкин пишет только о 38 тыс. руб.?

Прежде всего отметим, что условия кредитования для Пушкина были достаточно благоприятными. Он взял кредит на 37 лет, а с 1 января 1830 года ставка по таким кредитам была снижена до 5% годовых, годовое погашение основного долга составляло 1%, итого — 6%. При этом не производился вычет 5% от суммы кредита в пользу инвалидов Отечественной войны 1812 года (для Пушкина это было бы 2 тыс. руб.). Правда, при выдаче кредита взималась комиссия в размере 1,5%⁷. Для «банковых установлений», как тогда назывались банки и сохранные казны, законодательно определялся и график погашения долга.

7. ПСЗ-2. № 3399. Т. 5. Ч. 1. С. 4. § 4.2 b.

При получении кредита 1,5% от 40 тыс. руб., то есть 600 руб. были вычтены в пользу Сохранной казны. Кроме того, к моменту выдачи Пушкину кредита до Московской сохранной казны дошла информация Петербургской сохранной казны об аресте средств по иску Кистера, поэтому было решено «500 р. с неустойкою и процентами вдвое 1000 р., обратить в Сохранную Казну впредь до разрешения, и билет хранить Казначею с денежною Казною особо»⁸. Итак, уменьшение суммы на 1600 руб. до 38 400 руб. объяснено, логично предположить, что Пушкин в письме Плетневу просто округлил сумму.

Однако по правилам Сохранной казны Пушкин должен был стать вкладчиком. «И он внес в кассу казны 1000 руб. В алфавите вкладчиков появляется запись: “1831 г. февраль. 10 класса Пушкин Александр Сергеевич № 41862”» (Пушкин Ю., 1974: 3). Как будто возникает противоречие: сумма денег, полученных Пушкиным, должна была уменьшиться до 37 400 руб. Вероятность ошибки Ю. Пушкина почти исключена — он сам был сотрудником архива, в котором хранились документы Сохранной казны. По-видимому, внесенные Пушкиным средства были оформлены в виде вкладного билета и именно об этом билете шла речь в процитированном выше решении Сохранной казны. Попросту говоря, вклад Пушкина был заблокирован до решения вопроса о претензии Кистера.

По поводу экономического значения Кистенева у исследователей господствует точка зрения, высказанная еще Б. М. Модзалевским: «Именьице было небольшое и захудалое, и пользы Пушкину было от него мало... — тем более что перед свадьбой он заложил его тысяч за 40, — и впоследствии доходы шли главным образом на покрытие долга Опекунскому совету» (Модзалевский, 1928: 464).

Прежде всего отметим, что единовременное получение под залог имения крупной суммы денег — уже немалая польза. Не будь у Пушкина этих денег, женитьба на Наталье Гончаровой просто не состоялась бы, и вся история его жизни сложилась бы иначе.

Экономика полученного кредита выглядела совсем неплохо. Ежегодные платежи в Сохранную казну составляли 6% от суммы кредита, то есть 2400 руб., годовой доход от оброка — 3600 руб. Итак, формально — 38 тыс. руб. сразу и чистый годовой доход в 1200 руб. — это вполне приемлемая схема. Впрочем, с самого начала кое-что пошло не так. Пушкин, взяв кредит в январе 1831 года, только через полгода, 3 августа, в письме П. В. Нащокину попросил его узнать у знакомого служащего Сохранной казны, сколько и когда нужно платить процентов. Постскрипту письма тоже замечательен: «Да растолкуй мне, сделай милость, каким образом платят в Ломбард. Самому ли мне приехать? Доверенность ли кому прислать? или по почте отослать деньги?» (Пушкин, XI: 204). Странно,

8. Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 года. Ф. 127. Оп. 1. Д. 321. Л. 47 об.

что Пушкин не удосужился спросить об этом при получении кредита. Конечно, все три варианта платежей были возможны, правда, при почтовой пересылке возникали дополнительные затраты. Собственно, текст этого письма — это все, что нужно знать о Пушкине как заемщике. Неизвестно, ответил ли Нащокин на эти вопросы и узнал ли Пушкин, как можно вносить платежи. Известно лишь, что он не платил по кредиту первые три года.

Вернемся к письму Пушкина Плетневу. Он пишет, что дал теще 11 тыс. руб. потому, что ее «дочь должна быть с приданым». Якобы у Гончаровых не было денег, поэтому Пушкину пришлось дать в долг будущей теще Наталье Ивановне 11 тыс. руб. Вопрос о приданом обсуждался еще в 1830 году. Поначалу предполагалось, что дедушка Афанасий Николаевич даст Наталье 300 душ, и Наталья Ивановна еще 200. Пятьсот душ — вполне солидное приданое. Но оказалось, что имения Афанасия Николаевича обременены залогами, на предполагавшемся в качестве приданого имении висел большой долг, который пришлось бы отдавать самому Пушкину. Возникли и технические препятствия. Наталья Ивановна сама была помещицей, в ее имении в Яропольце было больше 1700 душ, и значительная доля крестьян не была заложена. Однако она отказалась выделять часть своего имения дочери под тем предлогом, что Пушкин впоследствии мог продать полученную собственность кому-то, кто станет для нее неприятным соседом. Предлог был явно надуманным — в дарственной можно было прописать запрет на продажу либо требование согласования покупателя. Таким образом, помещицы владения Пушкина в результате женитьбы не увеличились.

Традиционно в пушкинистике считается, что семейство Гончаровых находилось в очень стесненных обстоятельствах. Изучение архива Гончаровых позволяет внести в это представление существенные корректировки, однако анализ финансов Гончаровых и их денежных взаимоотношений с Пушкиным заслуживает отдельной публикации. Здесь все же отметим, что наличие больших долгов не помешало А. Н. Гончарову 11 февраля 1831 года получить от купцов Чешихина и Прянишникова заем в размере 100 000 руб.⁹ Знал ли Пушкин об этом конкретном событии, неизвестно, но, очевидно, он понимал — деньги у Гончарова есть. Видимо, в этом причина резкой характеристики Афанасия Николаевича, данная Пушкиным в письме Нащокину в октябре 1831 года: «Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000¹⁰ — и ничего своей внучке не дает» (Пушкин, XIV: 237).

9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 196. Л. 2.

10. Отметим, что сумма долга Н. И. Гончаровой Пушкину была не 12 000, а 11 000 руб.

Пушкин женился на Наталье Гончаровой 18 февраля 1831 года. Тема Кистенева, проживающих там крестьян надолго перестала быть в центре его внимания. 17 мая управляющий селом М. И. Калашников послал Пушкину письмо, в котором докладывал о благополучной обстановке в имении, спрашивал разрешения увеличить размер оброка (примерно на 12%) и утверждал, что это не приведет к росту недоимок (ДБ 2, 2010: 155). Пушкин, по-видимому, на письмо не ответил, либо письмо не сохранилось. Во всяком случае, размер оброка не был увеличен.

Следующее посещение Болдина состоялось в 1833 году. Пушкин приехал 1 октября и уехал 9 ноября. С писательской точки зрения вторая болдинская осень тоже была плодотворной: написаны «Медный всадник», «Пиковая дама», Пушкин работал над «Историей Пугачева». Хозяйственными делами, по-видимому, он интересовался несколько больше, чем в прошлый приезд. У него даже возникла мысль приобрести соседнее имение умершего в 1830 году дяди, Василия Львовича. По поручению Пушкина Калашников запросил справки о положении дел в имении: оказалось, что оно было обременено большими долгами, существовали задолженности по платежам.

В конце октября Пушкин получил челобитную, состоящую из 12 пунктов: крестьяне жаловались, что от управления Калашникова они пришли в «великое разорение» (ДБ 2, 2010: 335–337). Пушкин опять никакого решения не принял.

Сергей Львович Пушкин был недоволен Калашниковым и для своей части имения подыскал нового управляющего — белорусского дворянина И. М. Пеньковского. Сергей Львович хотел получить объективную информацию о Болдине и просил сына разобраться с положением дел в имении. Пушкин просьбу отца выполнил. 6 ноября 1833 года он писал жене: «Здесь я было вздумал взять наследство Вас.<илия> Льв.<овича>. Но опека так [ограбят] ограбила его, что <нельзя> и подумать; разве не заступится ли Бенкендорф: попробую, приехав в П.<етер>Б.<ург>. При сем письмо к отцу» (Пушкин, XV: 93). К сожалению, это письмо Пушкина к отцу не сохранилось. Фраза про ограбление имения Опекой выглядит довольно странно — разве опекуны набрали долгов, потратили деньги и не соблюдали график платежей по кредитам?

Близкое знакомство с положением дел в имении привело Пушкина к мысли о том, что Болдино нужно спасать, иначе оно будет разорено и родители на старости лет останутся без средств. Он принял решение самому взяться за управление. Из Болдина Пушкин 9 ноября выехал в Москву, затем в Петербург. В столицу 22 ноября из Михайловского приехали его родители. Уже 24 ноября 1833 года Пушкин в письме к Нащокину сообщал: «Отца видел, он очень рад моему предложению взять Болдино. Денег у него нет» (Пушкин, XV: 96).

ИСТОРИЯ

Пушкин принял управление Болдиным в апреле 1834 года. В какой степени он был готов к этому? Вспомним толки жителей города NN, узнавших, что Чичиков покупает крестьян на вывод в Херсонскую губернию. Управляющий казенными фабриками доказывал, что крестьяне должны быть «пред глазами Чичикова и чтоб он держал их в ежовых рукавицах» и «не полагаясь на другого». Ему возражали: зачем возиться самому, Чичиков может найти управителя. «Да, найдете управителя: все мошенники!» — «Мошенники потому, что господа не занимаются делом». — «Это правда, — подхватили многие. — Знай господин сам хотя сколько-нибудь толку в хозяйстве да умей различать людей — у него будет всегда хороший управитель» (Гоголь, 2012: 146). Действительно, для успеха топ-менеджеру необходимо понимать свой бизнес и уметь подбирать людей.

Фактически Пушкин взял на себя функции кризисного менеджера. При этом он, конечно, не разбирался в сельском хозяйстве. Тем не менее его первые шаги в сфере управления были совершенно правильными. Сначала Пушкин решил получить информацию о текущем состоянии дел в имении — с момента отъезда из Болдина прошло уже пять месяцев, да и тогда он вряд ли интересовался экономикой имения. 13 апреля он сообщает Пеньковскому, что по делам Болдина тот должен обращаться к нему, требует отчета о средствах, переданных Пеньковским отцу, об остатках хлеба, несобранном оброке и недоимках. Он также дает задание подготовить к сентябрю подворную опись Болдина (Пушкин, XV: 126). Пушкин завел тетрадь для учета доходов и расходов («Щеты по части управления Болдина и Кистенева»). Конечно, ведение «щетов» отнимало у него немало времени.

На самом деле у Пеньковского еще в январе была подготовлена подробная опись Болдина на 1 января 1834 года: для каждого двора указывалось наличие лошадей, коров, иного домашнего скота, а также запасов хлеба (Летописи..., 1936: 127–132). Правда, в этой описи была информация только о той части, которая относилась к имению Сергея Львовича. Однако, поскольку доля крестьян, переданных Пушкину, составляла около 20% от общего числа, эти данные были вполне показательны для всего Болдина. Вспомним, что Пушкин считал, что корова у крестьянина в Европе — роскошь, а в России отсутствие коровы — ужасающая бедность. Для села Болдино на 152 двора приходилось 144 коровы, при этом у 62 дворов вообще не было ни одной коровы. Для Кистенева (в отцовской части) в 80 дворах было 96 коров, но в 26 дворах коров не имелось. В целом доля крестьян, не имевших коров, составляла 38%. В обоих селах у 65 дворов не было лошадей — 28%. Эта картина сильно отличалась от благостного описания положения русского крестьянина в «Путешествии из Москвы в Петербург». Напомним также, что в этой работе Пушкин с одобрением пишет

о том, что крестьянин порой уходит на заработки на 2000 верст. Но при этом, как жаловался ему управляющий, «...болдинские крестьяне оброчные, которые проживают для заработков в Уральском и в разных отдаленных местах, оттуда не высылают оброка, за ними весь мартовский и петровский оброк, по оному случаю никак невозможно исправно доставлять оный, всего тягол 30 в отлучке» (ДБ 2, 2010: 422).

Второе, что Пушкину было необходимо сделать, это понять, что происходит с кредитной задолженностью. По его просьбе С. А. Соболевский в середине апреля получил в Опеке справку о займах Сергея Львовича и о его просроченной задолженности. Общая сумма текущей задолженности по шести займам составила около 177 тыс. руб., ежегодно нужно было платить 11,8 тыс. руб., просрочка равнялась 11 тыс. руб. (ДБ 2, 2010: 406–407). Впрочем, в имении были еще 74 не заложенные души. Кроме того, Соболевский полагал, что можно было оформить дополнительный кредит (надбавку) под залог уже заложенных душ. С. В. Березкина отметила, что Пушкин «странным образом» не передал эту справку Пеньковскому, который «постоянно путался в выплатах по займам, предполагая ошибки и двойные взыскания со стороны Опекунского совета» (Там же). Действительно, у отца Пушкина было два займа по 20 тыс. руб. и два займа по 5 тыс. руб., взятые в разное время, — ошибиться в графике платежей, не имея точных данных о структуре задолженности, было очень легко.

То, что Пушкин не дал необходимой информации Пеньковскому — очевидная управленческая ошибка, даже если учесть, что он собирался поставить вместо него нового управляющего — немца Карла Рейхмана (при передаче дел Пеньковский сообщил бы ему все необходимые данные о платежах). П. А. Осипова, владелица соседнего с Михайловским имения Тригорское, предупреждала Пушкина в письме от 17 июня 1834 года, что Рейхман — честный дурак и не сможет толком управлять. В ответном письме от 29 июня Пушкин четко сформулировал свою позицию: «Я не могу довериться ни Михайле <Калашникову>, ни Пеньковскому, ибо знаю первого и не знаю второго. Не имея намерения поселиться в Болдине, я не могу и помышлять о том, чтобы восстановить имение, которое, между нами говоря, близко к полному разорению; я хочу лишь одного — не быть обворованным и платить проценты в Ломбард. Улучшения придут впоследствии» (Пушкин, XV: 330). Впрочем, Осипова волновалась напрасно: Рейхман приехал в Болдино 30 мая, ознакомился с ситуацией, понял, что не справится, обнаружил злоупотребления Калашникова и через две недели уехал.

Цели, которые Пушкин поставил перед собой, были достаточно скромными: для того чтобы не было воровства и осуществлялись регулярные платежи по кредитам, не нужно было пытаться управлять самому, достаточным стало бы назначение хорошего управляющего. Таким, в чем Пушкин в конце концов убедился, был Пень-

ковский. В итоге, когда Пушкин отказался от управления имением, Пеньковский вполне справлялся со всеми задачами.

Но летом 1834 года Пушкин еще не был уверен, кому можно доверить управление. Пока же он занялся кредитными делами. Он попытался получить дополнительный кредит под своих уже заложенных крестьян. В принципе можно было получить добавку в 50 руб. за каждую крестьянскую душу, но для этого требовалось, чтобы у его крестьян было не менее 5 десятин на душу. В Кистеневе земли было мало: на 476 крестьян приходилась 1461 десятина 91 квадратная сажень. В среднем чуть больше трех десятин на одного крестьянина. При первоначальном получении кредита такой показатель не имел значения, но такая низкая обеспеченность крестьян землей сделала получение дополнительных денег невозможным. Такое правило может показаться бюрократическим препятствием, однако на самом деле в нем была вполне понятная логика. Сохранная казна исходила из того, что помещик должен погасить кредит, а доходы помещика зависели от крестьян. Для согласия Казны на увеличение суммы кредита под залог уже находящихся в залоге крестьян, у нее должна быть уверенность, что они смогут обеспечить помещику доход, достаточный для погашения увеличенного кредита. Следовательно, у этих крестьян должно быть достаточно земли.

Единственное, что Пушкин смог сделать, это оформить кредит под еще не заложенных отцовских крестьян. 19 июля 1834 года под залог 76 душ было получено 13 242 руб. (ДБ 2, 2010: 407). Собственно, новый кредит составлял 15 200 руб., но полученная на руки сумма была уменьшена из-за комиссии Казны в размере 1,5% и необходимости погасить имевшуюся у Сергея Львовича задолженность по платежам. Вся эта хозяйственная деятельность раздражала Пушкина, 15 июля он писал жене в Полотняный завод: «У меня большие хлопоты по части Болдина. Через год я на все это плюну — и <за>ймусь своими делами» (Пушкин, XV: 181).

Пушкин мог бы получить новый кредит и для себя — к 1834 году число принадлежащих ему мужчин в Кистеневе, по сравнению с 1831 годом, увеличилось, по новой переписи их числилось уже 226 человек (ДБ 2, 2010: 409). 2 мая 1834 года Калашников советовал Пушкину заложить этих новых крестьян, поскольку все равно нужно было заниматься кредитом Сергея Львовича. Действительно, оформлять в залог 102 или 76 человек — разница невелика. То, что Сергей Львович кредитовался в Петербургской Сохранной казне, а Пушкин — в Московской, не стало бы большой проблемой. Дополнительные доходы — 26 душ × 200 руб. = 6200 руб. — были бы для Пушкина совсем не лишними (комиссия в 1,5% составила бы всего 93 руб.). Но по непонятным причинам Пушкин этому совету не последовал — это было еще одной управленческой ошибкой.

Третий и последний раз Пушкин приехал в Болдино 13 сентября 1834 года. Значимых хозяйственных решений, по-видимому, Пуш-

кин и в этот приезд не принимал, но сменил старосту Кистенева П. Петрова (в связи с жалобами крестьян) и наконец решил дать отставку Калашникову. Теперь управляющим и Болдиным и Кистеневым стал Пеньковский. Странно, но у Пушкина вновь возникли мысли о покупке части Болдина, принадлежавшей В. Л. Пушкину, и во время приезда он вел об этом переговоры. Естественно, никаких результатов они не дали.

По-видимому, Пушкин рассчитывал, что в Болдине его вновь посетит вдохновение. Но что-то пошло не так, литературные дела не задались: была написана только «Сказка о золотом петушке». Около 25 сентября он писал жене: «Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нет — так с богом и в путь» (Пушкин, XV: 192–193). «Расписаться» не получилось, Пушкин отправился в дорогу уже 30 сентября. Это посещение Болдина было самым коротким — он пробыл там только 17 дней.

Занимаясь делами семейства, Пушкин как будто забыл о том, что у него есть свой кредит. Еще в начале 1832 года надо было внести в Сохранную казну 2400 руб., но он этого не сделал. По уставу Сохранной казны, при отсутствии своевременного платежа заемщику предоставлялся льготный период в 4 месяца — «на исправление». Если заемщик за это время вносил треть от нужной суммы, ему давалось дополнительно 4 месяца, а при внесении еще одной трети — еще 4 месяца на уплату всего оставшегося долга. При невыполнении хотя бы одного из этих условий заемщику должно было поступать требование о немедленной уплате всего долга, а в случае неуплаты заложенное имение поступало в управление Опекунского совета. Схема вполне логичная и достаточно лояльная по отношению к заемщикам.

Пушкин не вносил платежей не только за 1832, но и за 1833 и 1834 годы. Сумма накопившегося долга составила 7200 руб. (2400 руб. за каждый год). Сохранная казна длительное время не обращала на это внимания, что говорит о низкой эффективности ее работы. Только в октябре 1834 года дело дошло суда. В конце октября Пеньковский сообщил Пушкину об угрозе описи Кистенева. 10 ноября Пушкин ответил, что долг оплатит сам, «а из доходов Болдина не должно тратить ни копейки» (Пушкин, XV: 200–201). Оплату Пушкин не произвел, но дал Пеньковскому поручение добиться отсрочки на 4 месяца. После трех лет просрочки и при полном отсутствии платежей добиваться еще 4 месяцев отсрочки — эта задача была явно невыполнимой. Пеньковскому, конечно, отказали, и он, понимая, что Кистенево вот-вот отнимут, без разрешения Пушкина произвел требуемый платеж. При этом Пеньковский частично использовал пушкинские деньги из кистеневского оброка, а 4920 руб. взял из болдинских доходов Сергея Львовича. Об этом Пеньковский написал Пушкину 9 апреля 1835 года. Пушкин молчаливо согласился с его действиями. Комментируя эту ситуацию, Березкина делает правильный вывод: «Деньги за Кистенево, взятые из доходов Сер-

гея Львовича, не были возмещены сыном, и это, по сути дела, было вознаграждение за управление нижегородскими имениями» (ДБ 2, 2010: 466). Щеголев полагал, что «с момента вступления в управление имением для себя лично Пушкин не пользовался крепостными доходами» (Белых, 2021а: 351). Это мнение Щеголева, как отметила Березкина, было ошибочным (ДБ 2, 2010: 527).

В 1835 году Пушкин, по-видимому, не предпринимал никаких действий по управлению отцовским имением, во всяком случае, документов об этом не сохранилось. Но его, безусловно, тяготила ответственность.

9 апреля 1835 года Пеньковский предложил Пушкину перевести всех оброчных крестьян на барщину, что, по его мнению, увеличило бы его доход до 30 тыс. руб. Пеньковский писал также, что «на уход земли сделал 45 борон железных» (ДБ II, 2010: 526). Использование железной бороны — единственное упоминание о технологических усовершенствованиях в хозяйствах Пушкиных. Переход на барщину действительно был бы выгоднее для помещика Пушкина: управляющему было бы проще контролировать работу крестьян, а при сборе оброка были значительные недоимки.

Пушкин ничего не ответил, он уже был готов отказаться от управления Болдиным. Об этом он сообщил Пеньковскому в письме от 1 мая 1835 года: «Все ваши распоряжения и предположения одобряю в полной мере. В июне думаю быть у вас. Дела мои в П.<етер>Б.<урге> приняли было худой оборот, но надеюсь их поправить. По условию с батюшкой, доходы с Кистенева отныне определены исключительно на брата Льва Сергеевича и на сестру Ольгу Сергеевну. Следственно, все доходы с моей части отправлять, куда потребует сестра или муж ее Ник.<олай> Ив.<анович> Павлищев; а доходы с другой половины (кроме процентов, следующих в ломбард) отправлять ко Л.<ьву> С.<ергеевичу>, куда он прикажет. Болдино останется для батюшки. На днях буду писать вам обстоятельнее» (Пушкин, XVI: 22–23).

Более обстоятельного письма Пеньковскому Пушкин, насколько нам известно, не написал, да и о чем ему было писать — распоряжение было совершенно ясным и четким. В то же время пушкинская формулировка об «одобрении предположений» Пеньковского вряд ли позволила бы тому полностью отменить оброк и перевести всех крестьян на барщину.

Пушкин в Болдино больше не приезжал и экономическими проблемами имения отца не занимался. Приняв решение о том, что доходы от его кистеневских крестьян будут поступать сестре и ее мужу, он потерял интерес и к своим крепостным. Когда Павлищев стал выяснять у Пеньковского, можно ли увеличить доход от Кистенева, тот 28 апреля 1836 года обратился к Пушкину. По мнению Пеньковского, это было возможно только путем увеличения оброка (ДБ 2, 2010: 672). По-видимому, Пеньковский помнил, что Пушкин ничего не сказал на его предложение о пе-

реходе на барщину. В письме от 14 июня 1836 года Пушкин ответил ему на оба вопроса, и о барщине, и об оброке: «Оброка прибавлять не надобно. Если можно и выгодно Кистеневу положить на пашню, то с Богом. Но вряд ли это возможно будет» (Пушкин, XVI: 127). На самом деле, и Калашников и Пеньковский постепенно переводили оброчных крестьян «на пашню», то есть на барщину, не дожидаясь согласования со стороны Пушкина (ДБ 2, 2010: 422, 526).

Щеголев дал следующую оценку менеджменту Пушкина: «Результаты управления: Пушкин провел операцию залога кистеневских душ и заткнул дыры в болдинском хозяйстве, погасил скопившиеся недоимки и освободил имение от угрозы описи и взятия в опеку. Но некоторый материальный успех не уравнивает моральным уроном.хлопоты отравили существование самому Пушкину и не прибавили фавору у родственников. <...> Одна простодушная Ольга Сергеевна вступилась перед мужем в защиту брата: «Он очень порядочный и дела понимает, хотя и не деловой»» (Белых, 2021а: 365).

С оценкой Щеголева согласиться сложно. Залог крестьян был стандартной операцией, ее мог провести любой уполномоченный человек. Недоимки были погашены не Пушкиным, а управляющим Пеньковским. Утверждение Щеголева об освобождении имения от угрозы описи просто неверно. В мае 1835 года Пушкин отказался от управления, а уже в июне Пеньковский писал ему, что «в сельце Кистеневе в части Сергея Львовича производится опись» (Пушкин, XVI: 31). Архивные данные свидетельствуют, что попытки описи имений Сергея Львовича происходили неоднократно. В своем письме Пеньковский просил дать ему возможность самому совершать платежи в Опекунский совет, что, конечно, упростило бы процедуру, однако Пушкин таких полномочий ему не предоставил. Причина понятна: он отказался от управления имением отца и не имел полномочий давать распоряжения по управлению его доходами.

Какова же была общая величина доходов Пушкина как помещика? Щеголев, основываясь на «щетах» Пушкина, приводит несколько цифр: общая сумма за 1834 год — 1060 руб. дохода. В 1835 году, как писал Щеголев, прихода не было (Белых, 2021а: 356–357, 362). Это неверно, но ошибка Щеголева объясняется просто: Пушкин, при ведении счетов, акцентировал внимание на расходах и не вносил всех доходов, получаемых от Кистенева и Болдина. В работе (Белых, 2021б) показано, что в 1831–1833 годах оброк получался в сумме 3600 руб. в год, т.е. составил 10 800 руб., и дана оценка оброка за последующие годы — около 8000 руб.; итого — 18 800 руб. (Пушкин распорядился, чтобы с мая 1835 года полагающийся ему оброк поступал сестре Ольге). Если добавить 4920 руб., о которых говорилось выше, то доход Пушкина от нижегородских имений составил 23 700 руб.

ИСТОРИЯ

Надежда Осиповна, мать Пушкина, сама была помещицей, ей принадлежало Михайловское. После того как 29 марта 1836 года она умерла, возникли вопросы, связанные с делением наследства тремя детьми и мужем. По действовавшему законодательству муж, Сергей Львович, должен был получить одну седьмую часть, дочь Ольга — одну четырнадцатую, остальное должно было быть разделено поровну между сыновьями — Александром и Львом. Таким образом, Пушкину причиталось $11/28$ наследства, то есть около 40% (подробнее см.: Белых, 2024б).

Теоретически можно считать, что в 1836 году Пушкин мог бы получить 40% от доходов Михайловского за 9 месяцев — с апреля по декабрь. К сожалению, данных о размерах этих доходов найти не удалось. Существует только письмо Павлищева Пушкину от 11 июля 1836 года, в котором дано описание экономического положения Михайловского (Пушкин, XVI: 136–139). В это время Павлищев находился в Михайловском, он упоминает о том, что ему удалось получить приходно-расходную книгу за 1835 год (о дальнейшей судьбе этой книги ничего не известно). Ведомости приходов и расходов за 1836 год должен был вести староста, назначенный Павлищевым, но выполнил ли он это поручение и если да, то сохранились ли эти ведомости, также неизвестно. В своем письме Павлищев утверждал, на основании данных за 1835 год, что Михайловское приносило годовой доход в 3600 руб. Поскольку предполагалось, что Пушкин выкупит доли остальных наследников, от доходности имения зависела цена выкупа. Задачей Павлищева было доказать, что Михайловское имеет высокие доходы, поэтому к его данным надо относиться с осторожностью. Более реалистичной представляется оценка Щеголева, хорошо знакомого с документами о Михайловском: «...доход с него был ничтожный, около 2000–3000 руб. ассигнациями» (Белых, 2021а: 312). Отметим, что Михайловское было совсем небольшим имением и для того количества крепостных, которое в нем было, такой доход был нормальным. Примем среднюю оценку — 2500 руб., 40% от этой величины составляет 1000 руб. за год, за 9 месяцев Пушкин мог бы получить 750 руб.

Общий доход Пушкина как помещика составил около 24 450 тыс. руб. ($23\ 700 + 750$). Основная часть этой суммы — точные величины, взятые из документов, меньшая часть — 8750 руб. — наша оценка. Но важно соотношение доходов Пушкина как помещика с другими его доходами, а они тоже имеют оценочную компоненту. Доходы Пушкина от литературной и издательской деятельности составляли около 260 000 руб., жалование чиновника — 30 350 руб. (Белых, 2021б: 78).

Итак, общая сумма доходов Пушкина составляла 314 800 руб. ($260\ 000 + 30\ 350 + 24\ 450$), при этом доля помещичьих доходов — 7,77%. Эта доля невелика, но она значительно больше, чем принято считать.

А. А. Белых

А. С. Пушкин как

помещик

Пушкин был сторонником отмены крепостного права, но если в молодости он, по-видимому, надеялся на быстрое решение этого вопроса, то впоследствии стал рассчитывать на эволюцию, на постепенное распространение просвещения. Вместе с тем не стоит впадать в крайности. Так, утверждается, что «стоит отказаться от трактовки великого нашего национального поэта как поэта крестьянского и ярого борца за освобождение крепостных. Данный вопрос, конечно, был в орбите его интересов, но отнюдь не преобладал в них, и об этом надо говорить прямо» (Долгих, 2016: 69). Никто из серьезных пушкинистов даже в советское время не пытался представить Пушкина ни «крестьянским поэтом», ни «ярким борцом за освобождение крепостных». Исследователь несколько наивно упрекает Пушкина в том, что «в своих деревнях он не проводил даже тех скромных преобразований, что делали тот же реальный Тургенев или виртуальный Онегин («Ярем он барщины старинной оброком легким заменил...»»)» (Долгих, 2016: 67). О каких пушкинских деревнях идет речь, неясно, во всяком случае в Кистеневе крестьяне и так были на оброке.

По своему воспитанию и образованию Пушкин не был готов к управлению помещичьим хозяйством. Он обладал определенными знаниями об экономике и экономической науке, полученными в Лицее, но в аграрных вопросах он не разбирался и экономикой сельского хозяйства не интересовался. В библиотеке Пушкина было несколько номеров «Журнала общепользных сведений» за 1835 год, содержащих данные о промышленности и сельском хозяйстве. Однако этот журнал был ему подарен и номера остались неразрезанными.

Пушкины не были квалифицированными эффективными помещиками. Да, имения были заложены, платежи вовремя не вносились. Но это было массовым явлением. Статистика Нижегородского уезда свидетельствует, что «с конца XVIII века до падения крепостного права 65% помещичьих имений состояло в Опеке за долги. Из 221 селения в уезде с помещичьими крестьянами описи за долги подверглись 143 селения» (Снежневский, 1905: 10). Деньги, получаемые помещиками в банках, тратились на личные нужды и практически не использовались для развития сельского хозяйства. Пушкины и в этом не отличались от большинства помещиков. Выше мы приводили цитату из письма Пушкина Осиповой, в котором он сформулировал свои цели: не быть обворованным и иметь достаточно доходов для платежей по кредиту. Об улучшениях, считал Пушкин, можно будет подумать потом.

То, что Сохранная казна недостаточно жестко контролировала платежи Пушкиных, было обычным явлением. При высокой степени задолженности помещиков банкам реальное изъятие залогов происходило редко. По официальным данным, с 1824 по 1837 год

было продано за долги только 25 поместий (с 3696 душами) и обращено в собственность казны (с уплатой банковского долга) три поместья с 13 336 душами (Боровой, 1958: 187).

Коротко говоря, деятельность Пушкина как помещика была совершенно обычной для своего времени. И это понятно — он был гением в литературе и великим человеком, однако из этого не следовало, что он мог быть хорошим менеджером в аграрной сфере. Поэт сам это понимал, и мы закончим наше исследование последней фразой Пушкина из статьи о Вольтере: «Что из этого заключить? что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственностью, но печалют благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества; что настоящее место писателя есть его ученый кабинет, и что, наконец, независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы» (Пушкин, XII: 81).

Библиография

- ДБ 1. (2007). Александр Сергеевич Пушкин. Документы к биографии: 1799–1829 / Вступ. ст., сост. В. П. Старк; подгот. текста С. В. Берёзкиной, И. В. Васильевой и др., примеч. С. В. Берёзкиной, В. П. Старка. СПб.: Искусство-СПб.
- ДБ 2. (2010). Александр Сергеевич Пушкин. Документы к биографии: 1830–1837 / Сост. С. В. Берёзкина, В. П. Старк; подгот. текста С. В. Берёзкиной, И. В. Васильевой и др.; примеч. С. В. Берёзкиной. СПб.: Пушкинский Дом.
- Архив опеки Пушкина (1939). Летописи Государственного литературного музея. Кн. 5. Ред. и комм. П. С. Попова. М.: Гос. лит. музей.
- Белых А. А. (2024а). Пушкин, семья, деньги // Логос. № 2. С. 235–270.
- Белых А. А. (ред.) (2021а). Пушкин и финансы: [сборник статей] / Сост., науч. ред. А. А. Белых. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Белых А. А. (2021б). А. С. Пушкин: доходы и долги // Пушкин и финансы: [сборник статей]. М.: Изд. дом «Дело». С. 16–80.
- Белых А. А. (2024б). Сколько стоило пушкинское имение Михайловское? // Крестьяноведение. № 2. С. 20–38.
- Боборыкин П. Д. (1965). Воспоминания в 2 т. М.: Художественная литература. Т. 1.
- Боровой С. Я. (1958). Кредит и банки России. (Середина XVII в. — 1861 г.). М.: Госфиниздат.
- заозерский А. И. (1926). Вторая оправдательная записка Н. И. Тургенева / Памяти декабристов. Л.: Изд. АН СССР. Т. 2. С. 99–163.
- Гоголь Н. В. (2012). Мертвые души. Полное собрание сочинений и писем в двадцати трёх томах. М.: Наука. Т. 7.
- Долгих А. Н. (2016). А. С. Пушкин и крестьянский вопрос в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2 (64). С. 66–70.
- Куницын А. С. (1818). Право естественное. СПб.
- Летописи Государственного литературного музея. (1936). Кн. 1. М.: Журнально-газетное объединение.
- Модзалевский Б. М. (1928). Примечания // Пушкин А. С. Письма. Т. 2. 1826–1830. М.: Государственное издательство.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
- Пушкин Ю. (1974). История пушкинского вклада // Вечерняя Москва. 30 ноября. № 280. С. 3.

- Снежневский В. И. (1905). Материалы для истории крепостного хозяйства в Нижегородском уезде // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород. Т. VI. С. 10–75.
- Федотов Г. П. (2000). Певец Империи и Свободы // А. С. Пушкин. Pro et Contra. Т. 2. СПб.: Изд. Русского христианского гуманитарного института. С. 149–168
- Цявловский М. А. (1958). Представление «Деревни» Пушкина Александру I // Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. М. — Л.: Изд-во АН СССР. С. 382–385.
- Черейский Л. А. (1989). Пушкин и его окружение. Л.: ЛО изд. «Наука».

Pushkin as a landlord

Andrei A. Belykh, DSc (Economics), Deputy Head of the Centre of Applied History, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia.
 E-mail: abelykh@inbox.ru

Abstract. A. S. Pushkin wrote that “the spirit of literature” to some extent “depends on the financial status of writers”, which also applied to him. From an economic point of view, he played five roles: a civil servant, a writer and publisher, a card player, a landlord, and a family man. This article presents Pushkin as a landlord, although his upbringing and education did not prepare him for estate management; however, at that time, it was typical for most noblemen. The author identifies three periods in Pushkin’s activity as a landlord: 1830–1831 — landlord, 1834–1835 — manager, 1836 — heir. In 1830, Pushkin’s father gave him 200 peasants in the village Kistenevo, which was one of the factors of Pushkin’s marriage. Having pledged these peasants in the Safe Treasury for a loan of 40 thousand roubles, Pushkin was able to give a loan of 11 thousand roubles to Gonchrova’s mother, which was used as a dowry and, in addition, as a means of covering family expenses. In 1834, Pushkin realized that his family estate Boldino was in critical financial straits and decided to take over the estate management. He took another loan for the peasants already pledged by his father and changed the estate manager. However, Pushkin was not particularly successful, and in 1835 he refused to manage the Boldino estate. In 1836, his mother, the owner of Mikhailovskoye, died. Pushkin was one of the heirs and wanted to buy out the whole estate; however, financial and other circumstances did not allow him to do it. The article presents Pushkin’s income as a landlord — about 24 thousand roubles (before his landlord’s income was considered insignificant), i.e., 7.7% of his total income. Thus, Pushkin’s attempt to manage estate was a mistake, and the author shares Pushkin’s opinion that “the writer’s place is in his office”.

Key words: Pushkin, landlord, serfdom, Boldino, Mikhailovskoye, estate management

References

- Aleksandr Sergeevich Pushkin. *Documenty k biografii. 1830–1837* (2010) [Documents for the Biography. 1830–1837], Saint Petersburg: “Pushkinsky Dom”.
- Aleksandr Sergeevich Pushkin. *Documenty k biografii. 1799–1829* (2007) [Documents for the Biography. 1799–1829], Saint Petersburg: Iskustvo-SPb.
- Arkhiv Opeki Pushkina (1939) [Archives of Pushkin’s Trust]. Ed. and comm. by P. S. Popov, Moscow: Izd-vo Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya.
- Belykh A. A. (2021b) A. S. Pushkin: dokhody i dolgi [A. S. Pushkin: Incomes and debts]. *Pushkin i finansy*, Moscow: Izd. dom “Delo”, pp. 16–80.

- Belykh A. A. (2024a) Pushkin, semya, dengi [Pushkin, family, money]. *Logos*, no 2, pp. 235–270.
- Belykh A. A. (2024b) Skolko stoilo pushkinskoe imenie Mikhailovskoye? [What was the price of Pushkin's family estate Mikhailovskoye?]. *Russian Peasant Studies*, no 2, pp. 20–38.
- Belykh A. A. (Ed.). (2021a) *Pushkin i finansy* [Pushkin and Finance], Moscow: Izd. dom "Delo".
- Boborykin P. D. (1965) *Vospominaniya v 2 t.* [Memoirs, in. 2 vols.], Moscow: Khudozhestvennaya literatura, vol. 1.
- Borovoy S. Ya. (1958) *Kredit i banki Rossii (seredina XVII v. — 1861 g.)*. [Credit and Banks in Russia (Mid-18th — 1861)], Moscow: Gosfinizdat.
- Chereisky L. A. (1989) *Pushkin i ego okruzhenie* [Pushkin and His Circle], Leningrad: Izd. "Nauka".
- Dolgikh A. N. (2016) A. S. Pushkin i krestyansky vopros v Rossii [A. S. Pushkin and the peasant question in Russia]. *Istoricheskie, Filosofskie, Politicheskie i Yuridicheskie Nauki, Kulturologiya i Iskuststvovedenie. Voprosy Teorii i Praktiki*, no 2, pp. 66–70.
- Fedotov G. P. (2000) Pevets imperii i svobody [Singer of empire and freedom]. A. S. *Pushkin. Pro et Contra*, Saint-Petersburg: Izd. RKHGI, vol. 2, pp. 149–168.
- Gogol N. V. (2012) Mertvye dushi [Dead souls] *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 23 t.*, Moscow: Nauka, vol. 7.
- Kunitsyn A. S. (1818) *Pravo estestvennoe* [Natural Law], Saint Peterburg.
- Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya* (1936) Kn. 1. [Chronicle of the State Literary Museum (1936) Book 1], Moscow: Zhurnalno-gazetnoe ob`edinenie.
- Modzalevsky B. M. (1928) Primechaniya [Notes]. *Pushkin A. S. Pisma. T. 2: 1826–1830*, State Publishing House of the RSFSR.
- Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij v 16 t.* [Complete Works in 16 vols.], Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959.
- Pushkin Yu. (1974) Istoriya pushkinskogo vkladu [Story of Pushkin's deposit]. *Vechernyaya Moskva*, November 30, no 280, p. 3.
- Snezhnevsky V. I. (1905) Materialy dlya istorii krepostnogo khozyajstva v nizhegorodskom uезде [Materials on the history of serfdom in the Nizhny Novgorod uyezd]. *Dejstviya Nizhegorodskoj gubernskoj uchenoj arkhivnoj komissii*, Nizhny Novgorod, vol. VI, pp. 10–75.
- Tsyavlovsky M. A. (1958) Predstavlenie "Derevni" Pushkina Aleksandru I [Presentation of Pushkin's Village to Alexander I]. *Pushkin. Issledovaniya i materialy*, Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, vol. II, pp. 382–385.
- Zaozersky A. I. (1926) Vtoraya opravdatelnaya zapiska N. I. Turgeneva [Second defensive note]. *Pamyati dekabristov*, Leningrad: Izd. AN SSSR, vol. 2, pp. 99–163.

Отмена крепостного права в Михайловском: псковское имение Пушкиных в период проведения реформы 19 февраля 1861 года

Д. П. Григорьев

*Дмитрий Павлович Григорьев, аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории, Псковский государственный университет. 180000, г. Псков, пл. Ленина, дом 2; экскурсовод, Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник). 181370, Псковская область, Пушкиногорский район, р.п. Пушкинские Горы, бул. им. С. С. Гейченко, д. 1.
E-mail: grigorievdp11@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению процессов, протекавших в годы отмены крепостного права в псковском имении, принадлежавшем детям А. С. Пушкина. На основе архивных документов и ранее опубликованных материалов рассмотрены некоторые элементы механизма проведения крестьянской реформы и ее экономические последствия в отдельно взятом имении. Обращение к указанной проблематике на микроуровне позволяет не только дополнить представление о ходе социально-экономических преобразований, но и осветить малоизученные страницы в истории пушкинских мест. Центральное место в работе занимает проблема изменений в крестьянском землевладении и землепользовании, которые оказывали значительное влияние на дальнейшее существование крестьянского хозяйства, выступая в качестве одного из ключевых факторов, определявших развитие сельскохозяйственного производства. Продемонстрированы некоторые итоги перераспределения земельных ресурсов в имении. Дореформенная дифференциация крестьянских хозяйств в подушной обеспеченности удобной землей нивелировалась в ходе реформы, приводя этот показатель в имении к поуездному и погубернскому среднему уровню. Также затронут вопрос о роли личных качеств и решений конкретных дворян-землевладельцев, чьи управленческие практики влияли на местные условия существования вчерашних крепостных и их адаптацию к новым хозяйственным реалиям. Можно отметить, что личность помещика оставалась немаловажным обстоятельством, от которого зависело положение крестьянина в пореформенную эпоху.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Г. А. Пушкин, крестьянская реформа Александра II, землевладение, землепользование, аренда

EDN: IMXKPG

В современной историографии основной акцент в изучении истории Михайловского закономерно сделан на первой трети XIX века — времени непосредственного пребывания А. С. Пушкина в Псковском крае. Последующие страницы истории имения реже входили в круг научных интересов исследователей, в связи с чем ряд вопросов получил недостаточное освещение. Одним из них является

ся судьба Михайловского в период проведения реформ Александра II, за которыми последовали масштабные социально-экономические изменения. Особый интерес в изучении истории дворянских имений представляет реализация положений крестьянской реформы 1861 года.

Судьба Михайловского и его окрестностей в данный период рассматривалась в статьях и книгах Т. С. Гейченко, Е. В. Шпиневой, В. Г. Никифорова (Гейченко, Шпинаева, 2012; Никифоров, 2001, 2015). В них были опубликованы документы семьи Пушкиных, приведены сведения о жизни отдельных деревень Опочецкого уезда, затронут вопрос о наследовании имения. Статья А. А. Белых посвящена финансовым взаимоотношениям Пушкиных в контексте владения Михайловским, в том числе и после смерти поэта (Белых, 2024). Отдельные страницы из жизни потомков А. С. Пушкина, их пребывание в Псковской губернии освещены в биографических исследованиях В. М. Русакова и Г. А. Галина (Русakov, 1992; Галин, 2009). Наконец, в качестве обобщающей работы, обозначающей канву событий, происходивших в Михайловском после смерти поэта, следует выделить диссертацию А. Е. Гавриловой, в которой прослеживается путь от дворянской усадьбы к музею-заповеднику (Гаврилова, 2015). Однако в задачи перечисленных работ не входил анализ процессов, происходивших в имении Пушкиных в пору реформ Александра II и конкретно крестьянской реформы 1861 года.

В связи с рассматриваемой проблематикой необходимо упомянуть труды Г. М. Дейча, С. Г. Кащенко, Н. П. Никитиной, В. Н. Никулина, непосредственно посвященные как изучению отмены крепостного права в Псковской губернии, так и социально-экономическим последствиям ее проведения (Дейч, 1957, 1962, 1964; Кащенко, 1996; Никитина, 1999; Никулин, 2005). Специфика данных работ состоит в рассмотрении процессов и явлений, протекавших на региональном, губернском уровне, что не предполагало детального обращения к истории отдельных дворянских владений. Таким образом, в историографии псковских владений Пушкиных остаются пробелы и вопросы, изученные недостаточно полно.

Комплекс исторических источников, используемых при рассмотрении крестьянской реформы 1861 года, на сегодняшний день описан достаточно полно. В данной работе использованы как архивные материалы, так и ранее опубликованные источники. Привлечены документы, хранящиеся в фонде Главного выкупного учреждения (Российский государственный исторический архив. Ф. 577) и в фонде Псковского губернского по крестьянским делам присутствия (Государственный архив Псковской области. Ф. 80), в число которых вошли: выкупное дело, уставные грамоты, специальные геометрические планы и т.д. Несомненный интерес в рамках заявленной темы представляет Архив Опекы Пушкина, в котором содержится разнообразная хозяйственная документация, переписка членов Опекы и родственников А. С. Пушкина (Архив опеки Пушкина,

1939). Также в данной публикации представлены ревизские сказки, из которых при составлении уставных грамот бралась информация о численности крестьянского населения в имении Пушкиных накануне реформы.

Владельцы Михайловского

Еще в 1836 году, после смерти Н. О. Пушкиной, матери поэта и владелицы Михайловского, возник вопрос о наследовании и разделе имения. Из переписки Пушкина с Н. И. Павлищевым и П. А. Осиповой следует, что поэт предполагал возможность сохранения Михайловского за собой, но произойти этому было не суждено — в январе 1837 года состоялась дуэль на Черной речке. Процесс раздела наследства тянулся на протяжении нескольких лет и завершился лишь в 1844 году оформлением купчей крепости, согласно которой «недвижимое имение <...> состоящее в Псковской губернии Опочецкого уезда село Михайловское, в коем писанных по 8 ревизии 80 душ мужеска пола», стало собственностью детей поэта — Александра, Марии, Григория и Натальи (Гейченко, Шпинаева, 2012: 169). В дальнейшем Мария и Наталья отказались от прав на недвижимые имения в пользу братьев, и к 1861 году Михайловское осталось в полной собственности сыновей А. С. Пушкина — Александра и Григория.

Фактически хозяйствовал в Михайловском младший сын поэта Григорий (1835–1905), который поселился в Опочечком уезде в 1866 году, выйдя в отставку с военной службы (Русаков, 1992: 75). О первых годах пребывания Григория Александровича в Михайловском свидетельствуют мемуары его племянницы Е. Н. Бибиковой: «...имение было бездоходное — леса, пески и болота. Сдавали крестьянам земли, жили скудно... Жили в двух комнатах, во флигеле, а дом требовал ремонта. Единственным развлечением была охота... Григорий славился как знаменитый стрелок...» (Галин, 2009: 136). Единоличным владельцем Михайловского он стал в 1870 году, заключив вместе со старшим братом раздельную запись, копия которой сохранилась в выкупном деле: «Раздел учинен нами полюбовно и уравнительно, сообразно качеству и достоинству земли без малейшей друг другу обиды и достающиеся каждому из нас имения переходят к нам: 1. Со всеми землями, лесами, водами и всякого рода угодьями <...> 2. С господскими домами и со всеми другими строениями к имениям принадлежащими, а также со всеми оброчными статьями и заведениями...»¹.

1. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 577. Оп. 31. Д. 778. Л. 11 об.

ИСТОРИЯ

Еще до окончательного раздела имения Г. А. Пушкин занимался разрешением вопросов, связанных с прекращением крепостного состояния крестьян в опочечких владениях Пушкиных. Из докладной записки по делу о выкупе земли временнообязанными крестьянами у помещика Г. А. Пушкина следует, что к началу проведения крестьянской реформы имение Михайловское включало в себя 6 деревень Цыбловского сельского общества: Лежнево, Вороново, Косохново, Брюхово, Морозово и Казино (оно же Цыблово)². По 10-й ревизии в деревнях числилось 64 души мужского пола и 82 души женского пола. В усадьбе проживали еще 3 д. м. п. и 9 д. ж. п. дворовых людей (Архив опеки Пушкина, 1939: 326–339). 1 мая 1862 года Г. А. Пушкин представил шесть подготовленных уставных грамот мировому посреднику 1-го Святогорского участка Опочечкого уезда В. Сокольскому. По результатам проверки грамоты были признаны «составленными правильно». В каждой деревне до реформы насчитывалось следующее количество земли: Лежнево — 96 дес. 1005 кв. саж., Морозово — 38 дес. 800 кв. саж., Брюхово — 150 дес. 983 кв. саж., Вороново — 78 дес. 300 кв. саж., Казино — 103 дес. 200 кв. саж., Косохново — 136 дес. 2000 кв. саж. В общей сложности до реформы у крестьян в пользовании состояли 603 дес. 488 кв. саж., из них под крестьянскими усадьбами — 5 дес. 2192 кв. саж.

К сожалению, в уставных грамотах данных деревень отсутствует дифференциация дореформенного надела на удобные и неудобные земли. Однако некоторая информация, содержащаяся в уставных грамотах и приложенных к ним документах, все же дает возможность выдвинуть предположение о количестве удобной земли, состоявшей в пользовании крестьян до реформы. В четвертом параграфе второго отдела уставных грамот указано количество удобной земли, предоставляемой крестьянам на выкуп, к примеру: «...деревне Лежневой предоставляется в постоянное пользование полное количество земли по расчету высшего размера душевого надела, то есть семьдесят десятин удобной...»³. Там же находятся сведения о количестве неудобной земли, которую Григорий Александрович передавал крестьянам безвозмездно по их желанию. Далее к параграфу прилагается примечание, в котором указана площадь отрезаемой земли и подчеркивается пожелание крестьян оставить за собой эти отрезки на срок в пять лет. С этой целью между Г. А. Пушкиным и крестьянами были заключены условия, согласно которым крестьяне арендовали у Григория Александровича все отрезки. Важно то, что и в уставных грамотах, и в условиях на аренду арендуемые отрезки обозначены как «постоянные поко-

2. РГИА Ф. 577. Оп. 31. Д. 778. Л. 50.

3. РГИА Ф. 577. Оп. 31. Д. 778. Л. 19.

сы, пахотные поля и лес»⁴, то есть причисляются к удобным землям. Данная картина наблюдается во всех шести грамотах. Следовательно, суммировав полученные крестьянами по итогам реформы удобные земли и арендованные отрезки, можно получить количество удобной земли, находившейся в пользовании каждой деревни до реформы. В таблице 1 представлен итог расчетов и степень обеспеченности земель на 1 душу м. п.

Таблица 1. Обеспеченность крестьян удобной землей до проведения реформы 1861 года

Деревни	Душ м. п. накануне проведения реформы	Удобной земли до реформы (дес.)	Удобной земли на 1 душу м. п. до реформы (дес.)
Лежнево	14	94,6	6,8
Морозово	4	37,8	9,5
Брюхово	13	139,8	10,8
Вороново	8	74,5	9,3
Казино (Цыбलोво)	14	94,8	6,8
Косохново	11	130,3	11,8
Итого	64	571,8	8,9

Источник: ГАПО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 712; Д. 713; Д. 714; Д. 715; Д. 716; Д. 717.

Таким образом, средний размер дореформенного надела на душу мужского пола в имении Пушкиных составил 8,9 дес. Для сравнения следует отметить, что по Опочецкому уезду средний размер дореформенного крестьянского надела составлял 5,4 дес., а для крестьян, состоявших на барщине, — 5,6 (Кащенко, 1996: 59).

Во втором разделе уставных грамот обозначены размеры надела, полагавшегося крестьянам в Опочецком уезде по итогам проведения реформы. Для данной местности «высший» и «низший» размеры надела составляли: 5 дес. и 1 дес. 1600 саж. соответственно. Согласно приговору и грамотам, крестьяне желали получить для выкупа положенный высший размер надела из расчета 5 дес. земли на душу м. п. Как было отмечено ранее, помимо этого, Г. А. Пушкин на безвозмездной основе предоставлял им в пользование некоторое количество неудобной земли. Итоги реформы указаны в таблице 2.

4. Государственный архив Псковской области (далее — ГАПО). Ф. 80. Оп. 1. Д. 716. Л. 7.

ИСТОРИЯ

Деревни	Земли, поступившей в пользование крестьян по итогам реформы (дес.)		Абсолютное изменение (отрезки)	
	Удобной	Неудобной	Десятин	%
Лежнево	70	1,8	24,6	26%
Морозово	20	0,5	17,8	47%
Брюхово	65	10,7	74,8	53%
Вороново	40	3,6	34,5	46%
Казино (Цыболово)	70	8,3	24,8	26%
Косохново	55	6,5	75,3	58%
Итого	320	31,5	251,8	44%

Источник: ГАПО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 712; Д. 713; Д. 714; Д. 715; Д. 716; Д. 717.

Из таблицы 2 следует, что произведенная отрезка была достаточно существенной. Крестьяне деревень Лежнево и Казино лишились четверти своих угодий. В деревнях Морозово, Брюхово, Вороново и Косохново эта цифра была еще больше: к владельцу отходила половина удобных земель, находившихся в пользовании крестьян до реформы. В упомянутой выше раздельной записи 1870 года указано, что коллежский советник Г. А. Пушкин «принял на свою долю имение Михайловское состоящее в Псковской губернии в Опочецком уезде заключающее одна тысяча пять сот десятин, из коих триста двадцать составляют крестьянский надел...»⁵. В результате в собственности Г. А. Пушкина после отрезки, передачи крестьянам неудобной земли и проведения выкупной операции оставалось 1148,5 дес. земли. Таким образом, он вошел в число 14,5% крупных дворян-землевладельцев Псковской губернии, чьи имения насчитывали более 1 тыс. дес. земли (Никулин, 2005: 102).

По итогам реформы обеспеченность крестьян земельным наделом на душу сократилась. По уставным грамотам средний размер надела составил 5 дес. удобной земли на душу м. п. Это заметно меньше, чем было ранее, однако несколько больше средних показателей для Опочецкого уезда (4,7 дес. после реформы, как в целом по уезду, так и для крестьян, состоявших на барщине) (Кашенко, 1996: 60). Между тем представляется, что расчет подушевой обеспеченности крестьян землей после проведения реформы также стоит провести с учетом изменения численности населения. Ведь к тому моменту, когда в 1879 году выкупная сделка между Г. А. Пушкиным и крестьянами была завершена, количество душ мужского пола в деревнях увеличилось по сравнению с данными из уставных грамот. При таком пересчете средний размер крестьянского надела в бывшем имении Пушкиных составлял уже 4 дес.

5. РГИА Ф. 577. Оп. 31. Д. 778. Л. 10 об. — 11.

Таблица 3. Подушевая обеспеченность землей после завершения выкупной операции

Деревни	Душ м. п. в 1872–1877 гг.	Удобной земли (дес.)	Удобной земли на 1 душу после реформы (дес.)
Лежнево	17	70	4,1
Морозово	7	20	2,9
Брюхово	15	65	4,3
Вороново	8	40	5,0
Казино (Цыблово)	18	70	3,9
Косохново	15	55	3,7
Итого	80	320	4,0

Источник: ГАПО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 712; Д. 713; Д. 714; Д. 715; Д. 716; Д. 717. Списки населенных мест Российской империи. Вып. 34: Псковская губерния. СПб., 1885. С. 238–239.

Очевидно, что для крестьянского хозяйства значение имело не только общее количество удобной земли, но и специфика ее использования в рамках аграрного производства. В специальных геометрических планах, приложенных к уставным грамотам, и докладной записке указывалась раскладка по угодьям для предоставляемого на выкуп крестьянского надела. Это дает возможность оценить обеспеченность крестьян пахотными землями, санным покосом, выгонами, лесом и проанализировать порядок землепользования, складывавшийся в результате реформы.

Таблица 4. Структура крестьянского земельного надела по итогам реформы 1861 года

Деревни	Земли по категориям угодий										Итого (дес.)
	Усадьба		Пашня		Покос		Покос с ку- старником		Заросли		
	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	
Лежнево	1,0	1,4	37,9	54,1	20,0	28,6	11,1	15,9	—	—	70
Морозово	0,6	3,0	14,7	73,5	3,2	16,0	1,5	7,5	—	—	20
Брюхово	0,9	1,4	25,5	39,2	10,6	16,3	28,0	43,1	—	—	65
Вороново	1,4	3,5	25,5	63,8	9,5	23,8	3,6	9,0	—	—	40
Казино (Цыблово)	1,0	1,4	31,4	44,9	22,6	32,3	15,0	21,4	—	—	70
Касохново	1,0	1,8	24,3	44,2	—	—	23,2	42,2	6,5	11,8	55
Итого	5,9	1,8	159,3	49,8	65,9	20,6	82,4	25,8	6,5	2,0	320

Источник: ГАПО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 712; Д. 713; Д. 714; Д. 715; Д. 716; Д. 717; РГИА Ф. 577. Оп. 31. Д. 778. Л. 500б.

Д. П. Григорьев
Отмена крепостного права в Михайловском: псковское имение Пушкиных в период проведения реформы 19 февраля 1861 года

Наблюдается диспропорция в структуре земельных угодий. В деревнях Морозово и Вороново пашня занимала больше половины площади удобной земли, составляя 73% и 64% соответственно. Обратная картина сложилась в Брюхово, где пашня составляла 39%. В среднем по имению в результате реформы на 1 десятину пахотных угодий в лучшем случае приходилась 1 десятина сенокоса. Такое соотношение в перспективе могло отрицательно сказаться на развитии животноводства. Департамент земледелия в середине XIX в. отмечал необходимость на одну десятину пашни иметь «по крайней мере одну десятину лугов, приносящих 150 пудов сена хорошего качества» (Островский, 2013: 63). Для примера, по данным урожайной статистики, за 1889 год средний сбор сена с десятины в Псковской губернии составил: 77,3 пуда с заливных лугов, 74,7 пуда с незаливных лугов⁶. В. А. Остафьев в своей работе «Луга и пастбища» также приводит заметки о качестве лугов и выгонов в Псковской губернии: «Пастбища наши настолько скудны, что корова, проходив целый день, возвращается голодной и утомленной от непроизводительной ходьбы... Пастбищем служат заболоченные места, покрытые кочками, мелким кустарником, так что корова не только не может наестся, но возвращается часто совершенно больной, от поедания дурных и ядовитых трав, произрастающих на таких пастбищах» (Остафьев, 1882: 3). Таким образом, для выпаса скота зачастую приходилось использовать угодья, считавшиеся неудобными, а также паровые поля, что влекло за собой организацию принудительного севооборота в крестьянских хозяйствах, то есть одновременное использование пара в качестве выгона в рамках трехполья. Последнее, в свою очередь, ограничивало возможности развития агрикультуры: смены системы земледелия и севооборотов в отдельных хозяйствах, которые были вынуждены действовать в рамках общинного землепользования.

Не менее заметным итогом было отсутствие лесных угодий, включение которых в надел было ограничено 29-й статьей «Местного положения»⁷. Между тем лес был необходим в качестве ресурса для получения топлива и строительства, что периодически толкало крестьян на незаконную вырубку. Любопытным свидетельством могут выступить воспоминания бывшего слуги Г. А. Пушкина — Федора. Давая положительную характеристику Григорию Александровичу, он отмечает наличие факта незаконных порубок леса: «[Г. А. Пушкин] не был мелочным. Бывало, в лесу на охоте услышит звуки топора — где-то идет порубка. Тут он старался свер-

6. Урожай 1889 года в 60 губерниях Европейской России // Статистика Российской империи. Т. IX. СПб., 1890. С. 109.

7. Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях Великороссийских, Новороссийских и Белорусских // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. № 36662. Т. 36. Ч. 1. С. 237.

нуть в сторону, чтобы не встретиться с порубщиком и не затевать тяжбы. К крестьянам относился хорошо... Если кто-либо из крестьян не мог возвратить долг в течение года-двух, Григорий Александрович говорил: "...нужно простить человеку долг, раз он не может его вернуть"» (Галин, 2009: 154).

Описанные трудности были типичны для большинства крестьянских хозяйств как на уездном, так и на губернском уровнях. В 1881 году в Опочецком уезде распределение угодий в крестьянском наделе выглядело так: участки под усадьбами составляли всего 4%, пахотные земли — 56%, луга занимали около 19% земель, пастбища (выгон) — 11%, лес — 10%. Эти показатели практически совпадали с усредненными показателями всей губернии: усадьбы — 3%, пашня — 53%, луга — 23%, выгон — 8%, лес — 12%⁸. В данном случае положение бывших крепостных Пушкиных отличалось почти полным отсутствием леса и угодий, специально предназначенных под выгон для скота. Все это создавало предпосылки для втягивания крестьян в арендные отношения.

Крестьянские повинности и арендные отношения

Интерес представляет информация о повинностях крестьян, указанная в четвертом отделе грамот. До реформы крестьяне находились на барщине, срок которой составлял «по три дня мужеских и по три дня женских в неделю с тягла»⁹. По подсчетам С. Г. Кащенко, до реформы в Псковской губернии на барщине состояла большая часть крестьян — 60%, в Опочецком уезде — 35,4% (Кащенко, 1996: 59, 78). По обоюдному соглашению с Г. А. Пушкиным все крестьяне перешли на оброк с 1 января 1863 года. За высший размер душевого надела размер оброка был установлен по 8 рублей в год с 1 души м. п. Оброк крестьяне обязаны были выплачивать в два срока: к 1 января и к 1 июля. По числу душ была определена сумма оброка, причитавшаяся с каждой деревни за год: Лежнево — 112 руб., Морозово — 32 руб., Брюхово — 104 руб., Воронново — 64 руб., Казино — 112 руб., Косохново — 88 руб. В общей сложности со всех деревень в год причиталось 512 руб. Из этой суммы и был вычислен размер выкупной ссуды, которую крестьяне должны были получить для выкупа земельного надела у Г. А. Пушкина, — 6826 руб. 67 коп.

Составленные уставные грамоты 28 июня 1862 года были прочитаны домохозяевам, которые без каких-либо возражений подписали их. Однако к осуществлению выкупной операции Г. А. Пуш-

8. Подсчитано по: Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. 4: Распределение земель по угодьям в Европейской России, за 1881 год. СПб., 1884. С. 70–73.

9. РГИА. Ф. 577. Оп. 31. Д. 778. Л. 29 об.

кин приступил лишь в конце 1870-х годов. Из докладной записки известно, что выкупное объявление «Коллежского Советника Григория Александровича Пушкина» поступило в Главное выкупное учреждение 13 декабря 1877 года¹⁰. После устранения недочетов в уставных грамотах и проведения всех бюрократических процедур 21 августа 1879 года выкупная сделка была разрешена. Тем самым завершалось временнообязанное положение бывших крепостных семьи Пушкиных в Михайловском.

Есть основания считать, что положение бывших крепостных в Михайловском несколько облегчалось лояльным отношением со стороны Г. А. Пушкина. Прежде всего это выразилось в готовности предоставлять крестьянам в аренду все отрезанные земли, при этом назначив невысокую цену за десятину земли. Как было отмечено, при составлении уставных грамот были заключены условия, согласно которым крестьяне «пожелали оставить в своем пользовании на пять лет со дня утверждения Положения, все пахотные поля, постоянные покосы и лес, <...> превышающие размер высшего надела и подлежащие отойти в полное распоряжение владельцев. За означенную землю и лес мы <...> обязуемся платить ему, Пушкину, ежегодно по одному рублю с десятины, <...> внося сумму в два срока 1-го января и 1-го июля. <...> Обязуемся пашни и покосы не запускать и надлежащим образом обрабатывать. Лес рубить только самим для своего домашнего употребления, но отнюдь не продавать на сторону и строго охранять его от посторонних, чьих-либо порубок...»¹¹. Обращает на себя внимание то, что Г. А. Пушкиным была установлена общая цена за десятину вне зависимости от способа ее использования крестьянами и категории угодий, к которой земля относилась. Между тем в Псковской губернии цены за аренду разных угодий различались существенно. Известно, что самые высокие цены устанавливались для территорий, использовавшихся под посев льна. В конце 1870-х годов они могли колебаться от 10 до 40 рублей за десятину по Опочецкому уезду (Лебединский, 1886: 59) и в отдельных случаях по губернии доходили до 130 рублей (Никитина, 2002: 123). Для посева озимых или яровых хлебов в Опочецком уезде этот показатель изменялся в пределах от 5 до 9 рублей (Лебединский, 1886: 59). Отдельные цены устанавливались на аренду выгонов и сенокосных угодий.

В качестве любопытного примера можно привести хозяйственную деятельность помещика, хорошо знакомого А. С. Пушкину, — Алексея Николаевича Вульфа (1805–1881), который в пореформенную эпоху жил в Тригорском и был соседом уже для сына поэта. В 1860-х годах в своем распоряжении по делам имения Вульф писал: «Десятину лугового покоса отдавать за 12 рублей или за обработку 1600 кв. саж. земли в каждом поле. Под обработкой разумею все ра-

10. РГИА. Ф. 577. Оп. 31. Д. 778. Л. 50.

11. ГАПО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 716. Л. 7.

боты начиная от пахания до ссыпки хлеба в закрома»¹². В таком контексте выплата в 1 рубль за десятину выглядит почти символической.

Уже в 1899 году после продажи Михайловского в казну, готовясь к отъезду, Григорий Александрович принял у себя корреспондента газеты «Сын Отечества» А. Яблоновского. Корреспондент отметил, что крестьяне арендуют у Пушкина землю на очень выгодных условиях. Местные купцы, с которыми он беседовал, утверждали, что крестьяне платили за аренду сумму в пять раз меньшую, чем можно было с них взять, пользуясь безвыходностью их положения. В беседе с Яблоновским Пушкин признается, что его волнует дальнейшая судьба его бывших крепостных после продажи Михайловского государству: «Теперь я, впрочем, уже успел привыкнуть к мысли об отъезде, и меня только беспокоит участь крестьян: они очень встревожены продажей имения и положительно заваливают меня просьбами и заявлениями. Дело в том, что моя земля находится в центре их владения, обойтись без этой земли они положительно не могут — отсюда и беспокойство. В настоящее время они пользуются землей на условиях для них необременительных. Впоследствии же, когда имение перейдет в другие руки, мне совершенно неизвестно, как с ним поступят: останутся ли они при прежнем положении, или арендная плата будет повышена. Признаюсь, я очень опасаясь именно последнего. Если будет решено содержать предполагаемую богадельню для литераторов с доходов от имения, то крестьяне понесут очень чувствительные убытки, а мне бы до последней степени этого бы не хотелось. <...> Все это должно решить псковское дворянство, а как оно поступит — сказать не берусь, хотя для меня было бы, конечно, очень больно, если бы с имением Михайловского у крестьян связывалось представление, как о чем-то тяжелом для них» (Яблоновский, 1899: 2–3).

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что в деревнях, принадлежавших Г. А. Пушкину, складывалась распространенная для того времени ситуация. До реформы заметно наличие более выраженной дифференциации в обеспеченности крестьян землей: размеры надела на душу в отдельных деревнях могли существенно различаться. В ходе реформы происходит сглаживание этого показателя. Сокращение крестьянских наделов и деформация их структуры приводили к затруднениям при обеспечении потребностей и воспроизводстве крестьянского хозяйства. Крестьяне нередко теряли жизненно необходимые им угодья, прежде всего сенокосы, выгоны и леса. При сокращении сенокосных угодий и пастбищ затруднялось развитие

12. Из фондов Пушкинского заповедника. Приказание А. Н. Вульфа. 1860-е гг. Копия. ПЗ-НВФ — 1154.

животноводства, что в конечном счете вело к падению урожайности на неплодородных и неудобренных полях, поскольку от содержания скота зависело получение удобрений. Лес же был необходим для получения топлива, строительных работ, починки жилых и хозяйственных построек. В дальнейшем ситуация усугублялась ростом численности населения, что приводило к еще большему сокращению средних размеров крестьянских наделов. Отмеченные обстоятельства предопределяли развитие арендных отношений и необходимость для крестьян приобретать дополнительные земельные участки.

Библиография

- Архив опеки Пушкина (1939) // Летописи Государственного литературного музея. Кн. 5 / Ред. и комм. П. С. Попова. М.: Гос. лит. музей.
- Белых А. А. (2024). Сколько стоило пушкинское имение Михайловское? // Крестьяноведение. Т. 9. № 2. С. 20–38.
- Гаврилова Е. А. (2015). Пушкинские места псковской земли в 1837–1945 гг.: от дворянской усадьбы к государственному заповеднику. Дисс. ... канд. ист. наук (07.00.02). СПб.: СПбГЭУ.
- Галин Г. А. (2009). Дети и внуки Пушкина. М.: Новый индекс.
- Гейченко Т. С., Шпинева Е. В. (2012). О принадлежности села Михайловского в некоторых документах послепушкинской поры // «Михайловская Пушкиниана»: сборник статей. «Музей в истории. К столетию первого музея в с. Михайловском». Материалы XIV февральских чтений им. С. С. Гейченко. Вып. 53. Сельцо Михайловское: Пушкинский заповедник. С. 164–205.
- Дейч Г. М. (1957). Ближайшие последствия реформы 1861 г. в Псковской губернии по данным уставных грамот // Псковский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова. Ученые записки. Вып. 4. С. 78–97.
- Дейч Г. М. (1962). Крестьянство Псковской губернии во второй половине XIX и в начале XX в. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук (07.00.00). Л.
- Дейч Г. М. (1964). Об уставных грамотах как историческом источнике. (По материалам Псковской губернии) // Труды ЛОИИ. Вып. 7: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященный 75-летию проф. С. Н. Валка. Л.: Наука. С. 231–237.
- Кашенко С. Г. (1996). Отмена крепостного права в Псковской губернии (опыт компьютерного анализа условий реализации крестьянской реформы 19 февраля 1861 г.). СПб.: Издательство С.-Петербургского университета.
- Лебединский А. И. (1886). Очерк крестьянского сельского хозяйства в Псковской губернии // Труды Вольного экономического общества. № 9. С. 46–66.
- Никитина Н. П. (1999). Крестьянская поземельная община Северо-Запада России, 1861–1906 гг. Дисс. ... канд. ист. наук (07.00.02). Псков.
- Никитина Н. П. (2002). Арендные отношения в Псковской деревне в пореформенное время // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 16. Псков. С. 122–130.
- Никифоров В. Г. (2001). Дело о приобретении села Михайловского в казну // «Михайловская Пушкиниана»: сборник статей. «Земли родной минувшая судьба». История усадеб «Пушкинского уголка» и судьбы их обитателей. Вып. 17. М., С. 57–69.
- Никифоров В. Г. (2015). Деревни Пушкинского края: история, население, судьбы (конец XVIII — начало XX века). Т. 2: Псковская губерния, Опочецкий уезд (ныне Псковская область, Пушкиногорский район). Деревни прихода Воскресенской церкви Воронича. СПб.: Славия.

Никулин В. Н. (2005). Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX — начале XX в. Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. И. Канта.

Островский А. В. (2013). Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб.: Полторак.

Остафьев В. А. (1882). Луга и пастбища: их рациональное пользование в средней и северной полосах России. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена.

Русаков В. М. (1992). Рассказы о потомках А. С. Пушкина. СПб.: Лениздат.

Яблоновский А. (1899) Поездка в Михайловское. У Григория Александровича Пушкина // Сын Отечества. № 39. 10 февраля. С. 2–3.

Д. П. Григорьев
Отмена крепостного права в Михайловском: псковское имение Пушкиных в период проведения реформы
19 февраля
1861 года

Abolition of serfdom in Mikhailovskoye: Pushkins' Pskov estate under the reform of February 19, 1861

Dmitry P. Grigoriev, PhD Student, National and World History Department, Pskov State University. Lenina Pl., 2, Pskov, 180000, Russia; Guide, State Memorial Historical-Literary and Natural-Landscape Museum-Reserve of A. S. Pushkin "Mikhailovskoye" (Pushkin Museum-Reserve). S. S. Geychenko Bl., 1, Pushkinskie Gory, Pskov Region, 181370, Russia. E-mail: grigorievdp11@mail.ru

Abstract. The article considers the situation in the Pskov estate owned by A. S. Pushkin's children after the abolition of serfdom. Based on the archival documents and research publications, the author describes some elements of the peasant reform and its economic consequences in this estate. Such a micro-level perspective allows not only to better understand the ideas of social-economic transformations implemented under the reform but also to fill in the unclear pages of history of Pushkin places. The author focuses on changes in the peasant landownership and use, which had a significant impact on the peasant economy as the key factors of agricultural production, and on some results of land redistribution. The pre-reform differentiation of peasant farms in per capita provision with convenient land was leveled under the reform, and the estate indicator approached the uyezd and province average. The author also considers the importance of personal qualities and decisions of representatives of the nobility — landowners whose management practices affected local conditions of former serfs and their adaptation to the new economic realities: the personality of the landowner was important for the peasant position in the post-reform era.

Key words: A. S. Pushkin, G. A. Pushkin, Mikhailovskoye estate, reforms of Alexander II, serfdom abolition, landownership and land use, rent

References

Arkhip ovpeki Pushkina (1939) [Archive of the Pushkin Trust]. Ed. by P.S. Popov, Moscow: Izd-vo GLM.

Belykh A. A. (2024) Skolko stoilo pushkinskoye imenie Mikhailovskoye? [How much did Pushkin's Mikhailovskoye estate cost?]. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 2, pp. 20–38.

Gavrilova E. A. (2015) *Pushkinskie mesta pskovskoy zemli v 1837–1945 gg.: ot dvoryanskoj usadby k gosudarstvennomu zapovedniku* [Pushkin's places in the Pskov Region in 1837–1945: From the Noble Estate to a State Reserve]. PhD Thesis, Saint Petersburg: SPbSUE.

Galin G. A. (2009) *Deti i vnuki Pushkina* [Pushkin's Children and Grandchildren], Moscow: Novy indeks.

- Geichenko T. S., Shpineva E. V. (2012) O prinaldzhnosti sela Mikhailovskogo v nekotoryh dokumentah poslepushkinskoj pory [On the ownership of Mikhailovskoye in some post-Pushkin era documents]. *Mikhailovskaya Pushkiniana*, no 53. Mikhailovskoye: Pushkinsky Zapovednik, pp. 164–205.
- Deich G. M. (1957) Blizhajshie posledstviya reformy 1861 g. v Pskovskoj gubernii po dan-nym ustavnyh gramot [Immediate consequences of the 1861 Peasant Reform in the Pskov Province according to charter documents]. *Pskov State Pedagogical Institute Scientific Notes*, no 4, pp. 78–97.
- Deich G. M. (1962) *Krestyanstvo Pskovskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX i v nachale XX v.* [Peasantry of the Pskov Province in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. PhD Thesis, Leningrad.
- Deich G. M. (1964) Ob ustavnyh gramotah kak istoricheskom istochnike (Po materialam Pskovskoj gubernii) [On charter documents as a historical source (Based on the materials from the Pskov Province)]. *Proceedings of the Leningrad Branch of the Institute of History*, vol. 7, pp. 231–237.
- Kashchenko S. G. (1996) *Otmena krepostnogo prava v Pskovskoj gubernii (opyt kompyuternogo analiza uslovij realizatsii krestyanskoj reformy 19 fevralya 1861 g.)* [Serfdom Abolition in the Pskov Province (Results of the Computer Analysis of the February 19, 1861, Peasant Reform Implementation)], Saint Petersburg: Izd-vo SPbU.
- Lebedinsky A. I. (1886) Ocherk krestyanskogo selskogo khozajstva v Pskovskoj gubernii [Essay on the peasant economy in the Pskov Province]. *Proceedings of the Free Economic Society*, no 9, pp. 46–66.
- Nikitina N. P. (1999) *Krestyanskaya pozemel'naya obshchina Severo-Zapada Rossii, 1861–1906 gg.* [Peasant Land Community in the Northwest of Russia, 1861–1906]. PhD Thesis, Pskov.
- Nikitina N. P. (2002) [Rental relations in the Pskov village after the reform]. *Pskov*, no 16, pp. 122–130.
- Nikiforov V. G. (2001) Delo o priobretenii sela Mikhailovskogo v kaznu [On the purchase of the Mikhailovskoye estate for the treasury]. *Mikhailovskaya Pushkiniana. History of Pushkin's Estates and the Fate of Their Inhabitants*, no 17, Moscow, pp. 57–69.
- Nikiforov V. G. (2015) Derevni Pushkinskogo kraja: istoriya, naselenie, sudby (konets XVIII — nachalo XX veka). T. 2. Pskovskaja gubernija, Opochetsky uyezd (nyne Pskovskaja oblast, Pushkinogorsky rajon) [Villages of the Pushkin region: History, population, destinies (late 18th — early 20th centuries). Vol. 2. Pskov Province, Opochetsky district (now Pskov Region, Pushkinogorsky district)]. *Derevni prikhoda Voskresenskoj tserkvi Voronicha*, Saint Petersburg: Slaviya.
- Nikulin V. N. (2005) *Pomeshchiki Severo-Zapada Rossii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv.* [Landowners in the Northwest of Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries], Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta.
- Ostrovsky A. V. (2013) *Zernovoe proizvodstvo Evropejskoj Rossii v kontse XIX — nachale XX vekov* [Grain production in European Russia in the Late 19th — Early 20th Centuries], Saint Petersburg: Poltorak.
- Ostafyev V. A. (1882) *Luga i pastbishcha: ih ratsionalnoe polzovanie v srednej i severnoj polosah Rossii* [Meadows and Pastures: Their Rational Use in the Central and Northern Zones of Russia], Saint Petersburg: Izd. A. F. Devriena.
- Rusakov V. M. (1992) *Rasskazy o potomkah A. S. Pushkina* [Stories about Descendants of A. S. Pushkin], Saint Petersburg: Lenizdat.
- Yablonovsky A. (1899) Poezdka v Mikhailovskoye. U Grigoriya Aleksandrovicha Pushkina [Trip to Mikhailovskoye. Visiting Grigory Alexandrovich Pushkin]. *Syn Otechestva*, no 39, February 10, pp. 2–3.

География фамилий крестьян Вилейского уезда по данным ревизских сказок 1795 года

А. С. Семенюк

Александр Сергеевич Семенюк, кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоинформатики, Белорусский государственный университет. 220030, Минск, пр. Независимости, 4, Республика Беларусь.

E-mail: geo-semenuk@yandex.ru

Аннотация. Изучение географии фамилий позволяет выявить историческую и пространственную специфику словообразования на различных территориях. В данной статье обобщен опыт геоинформационного картографирования фамилий жителей Вилейского уезда Минской губернии по материалам ревизских сказок 1795 года. В качестве минимальной единицы исследования использовалась одна семья (двор). В программном комплексе ArcGIS 10.3 была создана база геоданных с рядом векторных слоев, в процессе оцифровки дворы (фамилии) добавлялись к тем населенным пунктам, где они были локализованы. После завершения оцифровки с помощью операции выборки по атрибуту были выделены в отдельные слои крестьянские вторичные фамилии с наиболее распространенными формантами. По результатам проведенных исследований было выявлено, что наиболее распространенными формантами фамилий на территории Вилейского уезда являются -ович, -евич, -ич, -иц и -ский, -цкий. Также следует отметить значимую встречаемость фамилий с формантами -онок, -ёнок и -ик, -чик, первые из которых в основном локализованы в северной и восточной части уезда, а вторые распространены относительно равномерно. Использование адаптированного для антропонимических исследований индекса Симпсона позволило выявить типы населенных пунктов с повышенным (город Вилейка, местечки, села) и пониженным (деревни) разнообразием формантов фамилий крестьян. Из всех групп населения наибольшим числом выявленных формантов отличаются фамилии крестьян, что свидетельствует о произвольности их выбора и свободе словообразования, не ограниченной рамками социального статуса, в отличие от фамилий шляхты и духовенства.

Ключевые слова: география фамилий, Вилейский уезд, продуктивность формантов, геоинформационное картографирование, историческая география, ревизские сказки, индекс разнообразия Симпсона, социальные группы, населенные пункты

EDN: JFXYAJ

Искусство давать собственные имена является неотъемлемой частью человеческой природы и зависит как от личного опыта, характера, уровня знаний индивида, так и от общего культурного контекста, принадлежности к конкретной социальной страте, этнической группе. В этом смысле фамилии, ведущие свое происхождение от прозвищ, кличек, выступают ценными свидетелями развития языковых форм в предыдущие века. Исследованием фа-

милый занимается антропонимика — одно из направлений ономастики, изучающее собственные имена людей, их отдельные элементы, происхождение, развитие, распространение. Встречаемость фамилий различна и определяется как частотой употребления тех или иных основ, так и особенностями словообразования на разных территориях, бытовавших там диалектов. В этой связи изучение географии фамилий позволяет выявить историческую и пространственную специфику словообразования на различных территориях. Поскольку с конца XIX века наметилась тенденция к массовому перемещению сельского населения в города, для определения коренных для данной территории фамилий целесообразно изучение исторических документов. Ревизские сказки представляют собой важный источник данных, позволяющий получить наиболее полную картину распространения фамилий в определенный период времени, являясь, по сути своей, аналогом современных переписей населения. В данной статье обобщен опыт геоинформационного картографирования фамилий жителей Вилейского уезда Минской губернии по материалам ревизских сказок 1795 года.

Происхождение и становление современных форм фамилий — сложный процесс, занявший на территории современной Беларуси от двух до нескольких веков. У дворянского сословия (шляхты) относительно устойчивые формы фамилий известны с XV века (Бірыла, 1963: 49). Они либо происходят напрямую от прозвища прославившего их род предка (Кишка, Корсак, Хмара), либо имеют форму отчества, со временем закрепившуюся в виде фамилии (Войнич, Домашевич, Чехович), либо связаны с обретением родовых поместий (Голубицкий, Достоевский, Залеский). Становление фамилий крестьян в разных частях Беларуси происходило в XVIII — начале XIX века, причем если в Западном Полесье устойчивые формы фамилий крестьян известны с первой четверти XIX века¹, то на северо-западе, где располагался Вилейский уезд, они существовали уже в середине XVIII века². Первую группу составляют односложные фамилии, совпадающие с прозвищем предка (первичные фамилии), в качестве основы для них использовались названия растений и животных (Бурак, Ворон, Лис), предметов одежды, быта (Деруга, Кочерга, Салоп), видов деятельности (Бондар, Карчмит, Рымар), признаков внешности или характера (Долгий, Жила, Крикун), имена собственные (Глеб, Клим, Михась). Первичные фамилии встречаются повсеместно, проследить какие-либо закономерности их распространения на сегодняшний день не представляется возможным. Вторую группу составляют видоизмененные фамилии, образованные от первичных с помощью типичных суффиксов (формантов)

1. Литовский государственный исторический архив (далее — ЛГИА). Ф. 634. Оп. 1. Д. 22. Л. 131–141.
2. Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф. 1816. Оп. 1. Д. 9. Л. 436об.–437.

или их сочетаний (вторичные фамилии): Авреичевич, Апанасёнок, Белогривец, Горелик, Дашинский, Малафеев, Полочанин, Пятюк, Савеня, Слесаренко). Встречаемость вторичных фамилий с определенным формантом, напротив, зависит от территории (Бірыла, 1988: 24–58) и потому представляет особый интерес для географических исследований.

Вопрос пространственной встречаемости фамилий с различными формантами до сих пор недостаточно освещен в научной литературе на постсоветском пространстве. Во многом это связано с тем, что фамилии, как правило, являются объектом изучения языковедов, которые акцентируют свое внимание на происхождении и истории развития фамильных форм (Никонов, 1974: 9; Унбегаун, 1989: 8–9; Бірыла, 1966: 4). Не владея в полной мере географическим методом исследования, современные специалисты по лингвистике зачастую оставляют в стороне вопрос распространения фамилий, в виде исключения останавливаясь на встречаемости отдельных онимов (Гурская, 2011: 7–9) или анализе состава антропонимии конкретного региона (Мезенко, 2013: 77–125; Trzeciak, 2016: 49–66). В России ключевые исследования в области географии фамилий были проведены В. А. Никоновым (Никонов, 1988: 33–55), в Беларуси — академиком Н. В. Бирилло (Бірыла, 1988: 24–58). Обе работы были опубликованы в последние годы существования СССР в условиях государственного финансирования теоретической науки. В настоящее время возможности проведения масштабных исследований географии фамилий ограничены их трудоемкостью, сложностью получения данных и отсутствием источников финансирования, притом что развитие компьютерных технологий позволяет значительно упростить статистический анализ данных и обеспечить их картографическую интерпретацию на новом техническом и методическом уровне.

Зарубежные научные публикации, посвященные географии фамилий, более многочисленны. Во многом это связано с генеалогическими базами геоданных фамилий по многим странам (Австрия³, Великобритания⁴, Германия⁵, Италия⁶, Чехия⁷ и др.), созданными как на основании современных источников, так и исторических документов. Часть данных картографических ресурсов находится в открытом доступе, часть функционирует на платной основе. Основная цель данных приложений — про-

3. Geogen Austria. URL: <https://christoph.stoepel.net/ViewSoftware?id=202> (дата доступа: 03.04.2025).

4. GB Names. URL: <https://apps.edrc.ac.uk/gbnames/> (дата доступа: 03.04.2025).

5. Geogen Deutschland. URL: <https://geogen.stoepel.net/> (дата доступа: 03.04.2025).

6. Gens Project. URL: <http://www.gens.info/italia/it/turismo-viaggi-e-tradizioni-italia> (дата доступа: 03.04.2025).

7. Kde Jsme. URL: <https://www.kdejsme.cz/> (дата доступа: 03.04.2025).

ведение генеалогических и генетических исследований. В научном ракурсе наиболее представлены два направления изучения географии фамилий. Первое направление — географическое — рассматривает фамилии прежде всего как важный источник пространственной информации (Cheshire, Longley, Singleton, 2010: 401–409; Cheshire, Longley, 2012: 309–325; Cheshire, Longley, Yano, Nakaya, 2013: 539–555; Cheshire, 2014: 99–117; Shi, Li, Wang, Chen, Yuan, Stanley, 2018: 1–10). Пространственное распределение фамилий выступает здесь как основание для выделения антропонимических регионов, и решение данной задачи авторы видят в использовании методов ГИС (геостатистики, сетевого анализа и др.). Второе направление — биологическое — оперирует фамилиями различного языкового происхождения как источником информации о генетическом родстве групп населения и исторических миграциях этнических сообществ (Boattini, Lisa, Fiorani, Zei, Pettener, Manni, 2012: 235–270; Cabral, Branco, Costa, Caravello, Tasso, Peixoto, Mota-Vieira, 2005: 634–645; Darlu, Bloothoof, Boattini, Brouwer, 2012: 169–214; Mikerezi, Xhina, Scapoli, Barbujani, Mamolini, Sandri, Carrieri, Rodriguez-Larralde, Barrai, 2013: 232–243). Здесь картографический способ отображения данных выступает как эффективное дополнение к методам антропологии и популяционной генетики.

На территории Беларуси отмечается довольно большое разнообразие образующих вторичные фамилии формантов, что объясняется ее положением на границе между Востоком и Западом, а также особенностями местных диалектов. По данным Н. В. Бирилло (Бірыла, 1988: 18), подтвержденным спустя 30 лет В. П. Лемтюговой (Лемтюгова, Гапоненко, 2018: 31–32), наиболее продуктивными формантами белорусских фамилий являются -ов, -ев, -ин/-ын (Шестаков, Корнеев, Ходин, Косицын), -ский, -цкий (Поплавский, Рабицкий), -ович, -евич, -ич, -иц (Селиванович, Лукашевич, Ролич, Коробчиц), -енко (Шупенко), -ук/-юк, -чук (Ярук, Бильдюк, Марчук), -ик, -чик (Коростик, Шаповальчик), -онок, -ёнок (Ершонок, Демидёнок), -ец, -овец (Одынец, Боговец), -еня (Анисеня), -ак/-як (Минчак, Берняк). Согласно Бирилло, на северо-западе Беларуси доля фамилий на -ович, -евич, -ич, -иц составляет 20–30%, доля фамилий на -ский, -цкий в основном колеблется в районе 10–20%, местами достигая 30%, доля других формантов не превышает 5–10% (Бірыла, 1988: 28, 36, 42–43, 47, 51, 55). Целью настоящего исследования является уточнение данных, полученных Бирилло, посредством локализации фамилий в конкретных населенных пунктах Вилейского уезда и анализа состава вторичных фамилий, распространенных 230 лет назад на изучаемой территории.

Образованный в 1793 году Вилейский уезд площадью около 6400 км² первоначально входил в состав Минской, с 1843 года — Виленской губернии. Он включал в себя территорию большей ча-

сти современных Вилейского, Молодечненского и Мядельского районов Минской области, частично — территории Воложинского, Логойского, Минского районов Минской области, Глубокского, Докшицкого, Поставского районов Витебской области Беларуси. На территории уезда выделяется четыре физико-географических района. Центральную и западную часть занимает пологоволнистая водно-ледниковая Нарочано-Вилейская низменность, которую окаймляет цепь конечноморенных возвышенностей: Ошмянская на юго-западе, Минская — на юге и востоке, Свенцянские гряды — на севере. Распространенные на возвышенностях относительно плодородные дерново-подзолистые суглинистые почвы сильно распаханы. На низменности освоены главным образом супесчаные почвы, в то время как песчаные почвы заняты крупными лесными массивами, на севере расположена Нарочанская группа озер площадью 100 км². В связи с этим плотность населения уезда неравномерна: выделяется три ареала его концентрации — на севере в районе Свенцянских гряд, на юге в районе Ошмянской и Минской возвышенностей, а также в центральной части к северу от реки Вилии (рис. 1). Уездный город Вилейка расположен на берегу Вилии, в указанный период времени река являлась частью важного торгового пути, по которому барками доставляли воск, лен, пеньку, льняное и конопляное масло в порт Кёнигсберг, а оттуда в обратном направлении — железо, вино, сахар, кофе, сельдь и прочие импортные товары⁸. Помимо Вилейки, значимыми местными центрами торговли и ремесел являлись местечки Долгиново, Молодечно, Радошковичи, Дуниловичи, Новый Мядель.

В качестве источника данных для исследования были использованы ревизские сказки Вилейского уезда 1795 года⁹. Поскольку данная территория вошла в состав Российской империи в результате Второго раздела Речи Посполитой в 1793 году, информация о населении в данных документах представлена на русском и польском языке. Ревизские сказки в делах сгруппированы по именам помещиков и арендаторов. Местоположение малых деревень и фольварков уточнялось по экономическим примечаниям к атласу Минской губернии¹⁰, где содержатся сведения об имениях и их владельцах, населенных пунктах, количестве дворов в них, численности населения и текстовые примечания землеописательного характера.

8. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1350. Оп. 312. Д. 89. Л. 36106.

9. ЛГИА. Ф. 515. Оп. 15. Д. 135–147.

10. РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 89. Л. 347–454.

Рис. 1. Вилейский уезд на рубеже XVIII–XIX вв.

Источник: составлено автором

В процессе исследования был создан проект в среде ГИС в программном комплексе ArcGIS 10.3. Сначала была создана база гео-данных с рядом векторных слоев, которые включали различные категории населенных пунктов (город Вилейка, местечки, деревни) и группы населения, выделенные в ревизских сказках (крестьяне, шляхта, духовенство, евреи, старообрядцы, татары, иностранцы). Поскольку в одном дворе (доме) обычно проживали представители одной семьи, для упрощения оцифровки фамилий в качестве минимальной единицы исследования использовалась одна семья, т.е. один двор (дом). Для определения местоположения населенных пунктов использовалась подложка из трехверстовых топографических карт Шуберта середины XIX века на территорию Вилейского уезда (масштаб 1:126 000). В случае возникновения трудностей с нахождением населенных пунктов привлекались дополнительные источники — польские топографические карты 1920–1930-х годов

масштаба 1:25 000¹¹. В процессе оцифровки дворы (фамилии) добавлялись к тем населенным пунктам, где они были локализованы, а жители расположенных при деревнях фольварков добавлялись к этим деревням. Всего было оцифровано 11 949 фамилий крестьян, 1008 — шляхты, 167 — духовенства, 32 — старообрядцев, 20 — татар, 8 — иностранцев, расположенных в одном городе, 22 местечках и 1175 деревнях Вилейского уезда. Оцифровка еврейских фамилий в местечках не велась ввиду того, что в данный период времени их стабильные формы еще не сформировались (в ревизских сказках 1795 года встречаются только сочетания имени и отчества, например, Герцик Янкелевич, Гилер Беркович, Ицко Бенъяминович в местечке Илье¹²).

После завершения оцифровки были выделены в отдельные слои крестьянские вторичные фамилии с наиболее распространенными формантами: -ович, -евич, -ич, -иц; -ский, -цкий; -онок, -ёнок; -ик, -чик; -ук/-юк, -чук; -ец, -овец. Для того чтобы изучить встречаемость данных групп фамилий на территории Вилейского уезда, была построена сеть квадратов размером 5×5 км. Данный шаг сети обусловлен плотностью населенных пунктов в уезде и обеспечивает достаточный уровень детальности антропонимического исследования. Затем по каждому квадрату была получена статистическая информация о количестве и процентном соотношении фамилий с разными формантами. В результате были получены картосхемы пространственного распределения фамилий с разными формантами (рис. 2). Затем для каждого квадрата был определен формант-доминант, на который приходится больше всего фамилий, а при наличии форманта с продуктивностью свыше 75% от доминанта — субдоминант. Для составления совмещенной картосхемы, где представлена информация о продуктивности формантов на территории исследования (рис. 3), каждый квадрат был закодирован и окрашен в цвета формантов-доминантов и субдоминантов (двухцветная штриховка). В отдельных квадратах наблюдалось равное распределение фамилий между тремя формантами (трехцветная штриховка).

11. MAPSTER. Przeglądarka skorowidzów. Wojskowy Instytut Geograficzny — mapa szczegółowa Polski 1:25 000 (1929—1939). URL: <http://igrek.amzp.pl/mapindex.php?cat=WIG25> (дата доступа: 03.01.2025).

12. ЛГИА. Ф. 515. Оп. 15. Д. 139. Л. 784об.—785.

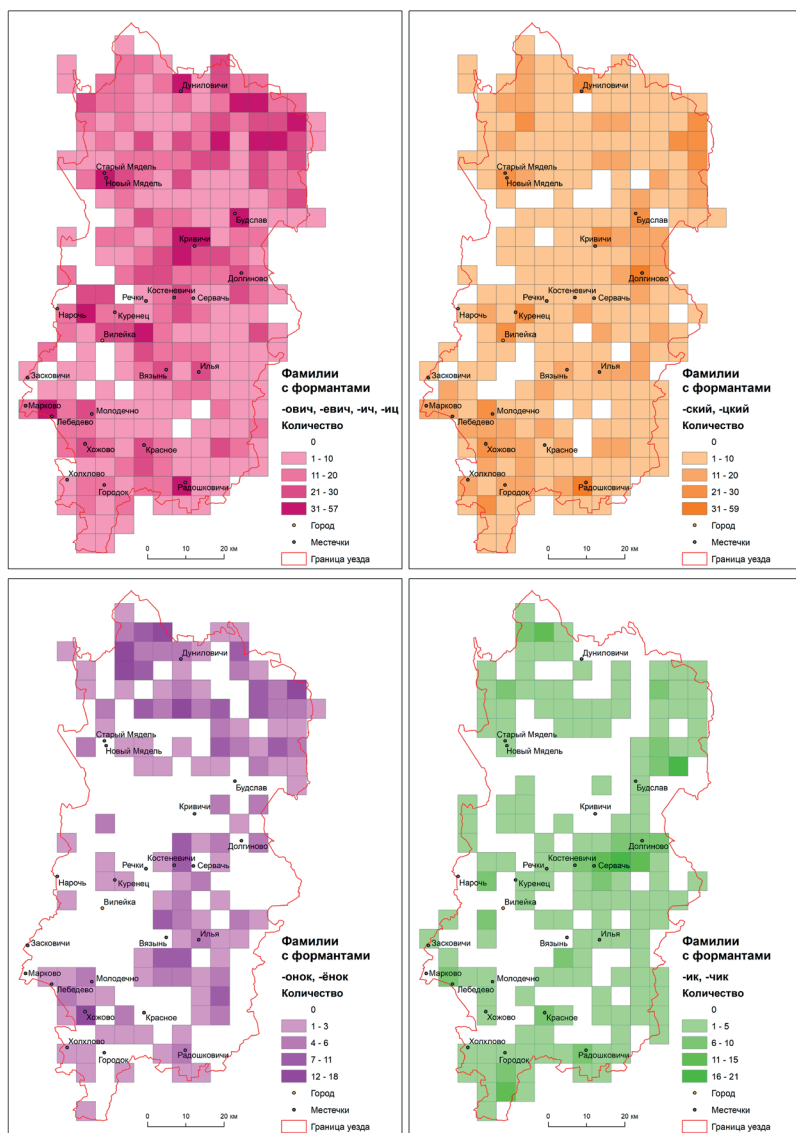

Рис. 2. Распространение крестьянских фамилий с основными формантами на территории Вилейского уезда

Источник: составлено автором

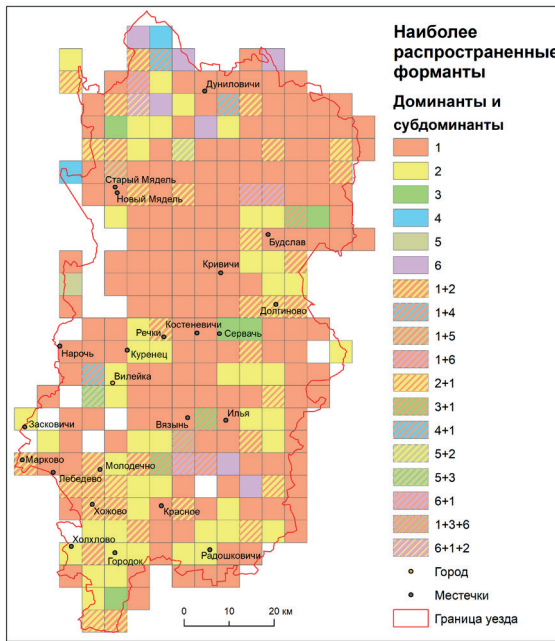

Рис. 3. Форманты-доминанты и субдоминанты в крестьянских фамилиях Вилейского уезда: 1 — -ович, -евич, -ич, -иц; 2 — -ский, -цкий; 3 — -ик, -чик; 4 — -ук/-юк, -чук; 5 — -ец, -овец; 6 — -онок, -ёнок
Источник: составлено автором

Первичные фамилии распространены по территории уезда относительно равномерно. На большей части территории исследования их доля составляет от 25 до 55%. Наиболее часто встречаются простые фамилии, произошедшие от апеллятивной лексики: Жук (54 семьи), Козел (47), Мороз (46), Ка(о)птюх (31), Ра(о)гач, Трубач (по 28).

Из вторичных фамилий в Вилейском уезде наиболее распространены фамилии с формантами -ович, -евич, -ич, -иц (3475 записей), ведущие свое происхождение от отчеств. Продуктивность данных формантов в основном колеблется между 15 и 40% (среднее значение — 30,2%), что несколько выше, чем в исследовании Н. В. Бирилло. Минимальные значения продуктивности характерны для юга, востока и северо-запада уезда, максимальные — для территории нынешнего Мядельского района. Наиболее часто встречаются формы фамилий, образованные от имени предка: Янович/Янкович/Янукович (66 семей), Е(Я)рмакович (60), Зене(о)вич/Зенке(о)вич (45), Войтехович (40), Юревич/Юрке(о)вич (35), Томке(о)вич, Микулич (по 34).

Следующими по встречаемости в Вилейском уезде идут форманты -ский, -цкий (1983 записи), которые могут иметь как па-

тронимическое происхождение, так и указывать на определенное географическое название. Продуктивность данных формантов в основном изменяется от 3 до 25% (среднее значение — 16,2%), что в целом соответствует исследованию Н. В. Бирилло. Данные фамилии имеют низкую встречаемость в центральной части уезда, при этом самая высокая их доля (50–60%) отмечается на востоке (район Долгиново и Будслава) и юге (район Вязьни и Красного). На территории уезда наиболее часто встречаются следующие фамилии на -ский, -цкий: Романовский (50 семей), Ча(е)рнявский (42), Глинский (32), Яновский/Янковский (29), Завадский/Завацкий (27), Лубневский, Малиновский, Петровский (по 24).

Фамилии с формантами -онок, -ёнок и -ик, -чик встречаются на территории уезда одинаково часто (493 и 490 записей соответственно, средняя продуктивность у обеих групп — 3,9%) и происходят от родового имени предка или его занятия, обе группы формантов имеют уменьшительное значение. Фамилии на -онок, -ёнок практически не встречаются в центральной части уезда и в основном локализованы на севере и востоке, где продуктивность данных формантов достигает 40%, хотя в основном колеблется в пределах 5–15%. Фамилии на -ик, -чик распределены по территории исследования более равномерно, продуктивность данных формантов обычно не превышает 10%. Фамилии данного типа почти не встречаются на территории современного Мядельского района и имеют локальную концентрацию в районе местечка Сервачь, где продуктивность формантов достигает 35%. Наиболее распространенные в уезде фамилии на -онок, -ёнок — Кравчонок (30 семей), Матюшонок (28), Ковалёнок (20), Литвинёнок (18), Альхимёнок, Войтешонок/Войтусёнок, Михал(е)ёнок (по 13), на -ик, -чик — Дубовик (35 семей), Лещик (31), Коростик (24), Навойчик (18), А(О)трощик, Лозовик (по 11), Крупенчик (10).

Фамилии с формантами -ук/-юк, -чук имеют локальное распространение (240 записей), обычно они характеризуют родовое имя предка. Данные форманты также имеют уменьшительное значение, их продуктивность на территории уезда в основном не превышает 6% (среднее значение — 2%), в северной части местами достигая 25% за счет частой встречаемости 1–2 фамилий. Наиболее распространенные на территории исследования фамилии данного типа — Ка(о)стюк (21 семья), Татарчук (14), Ярук (12), Працук (10), Терлюк (9), Выдрук, Харук (по 7).

Фамилии с формантами -ец, -овец встречаются локально (179 записей), как правило, они происходят от родового имени, но имеются и производные формы от названий населенных пунктов. Продуктивность данных формантов обычно не превышает 5% (среднее значение — 1,3%), однако на территории нынешнего Мядельского района местами достигает 20% за счет 1–2

распространенных фамилий. Наиболее часто в Вилейском уезде встречаются следующие фамилии на -ец, -овец: Волынец (18 семей), Лукьянец (13), Курец, Шорец (по 9), Воронец, Мелец (по 8), Храмец (7).

Из других редких формантов на территории исследования следует отметить формант -ин/-ын (131 запись), фамилии с которым чаще встречаются на северо-востоке уезда (современный Докшицкий район). Примечательно, что распространенные в Вилейском уезде фамилии данного типа зачастую имеют этнонимическое или географическое значение — Лит(ц)вин (22 семьи), Полянин (15), Полочанин (11), Га(о)ранин (9), Татарин, Турчин (по 7).

Продуктивность формантов -ов/-ев и -енко в Вилейском уезде незначительна (26 и 24 записи соответственно), формант -еня представлен единичной фамилией (Попеня).

Как показали исследования географии фамилий, проведенные в западной части Брестской области (Семенюк, 2021: 108–109), разнообразие встречающихся в фамилиях формантов неодинаково в разных типах населенных пунктов: в местечках оно выше, чем в деревнях. Для того чтобы математически подтвердить или опровергнуть этот тезис на примере населенных пунктов Вилейского уезда, для города Вилейки, местечек, сёл и деревень на территории исследования были рассчитаны индекс Симпсона и доля первичных фамилий в процентах. Индекс разнообразия Симпсона (D) обычно используется для анализа встречаемости биологических видов в экологических исследованиях (Simpson, 1949: 688), однако данный показатель применим и для определения разнообразия формантов вторичных фамилий в населенных пунктах. Он рассчитывается по формуле (1):

$$D=1/\sum(N_i/N)^2, \quad (1)$$

где N_i — численность вторичных фамилий с определенным формантом в данном населенном пункте;

N — общая численность вторичных фамилий в населенном пункте.

Иными словами, чем больше представлено различных формантов и чем более равномерно они распределены в структуре вторичных фамилий, тем выше индекс разнообразия Симпсона.

В свою очередь, доля первичных фамилий характеризует степень развитости словообразовательных форм, трансформации исходных прозвищ во вторичные фамилии.

Вычисленные средние значения индекса Симпсона и доли первичных фамилий для различных типов населенных пунктов Вилейского уезда представлены в таблице.

Таблица. Показатели разнообразия формантов фамилий крестьян Вилейского уезда по различным типам населенных пунктов

Тип населенных пунктов	Индекс Симпсона (D)	Доля первичных фамилий, %
Уездный город Вилейка	2,06	27,50
Местечки	2,15	37,47
Сёла	2,17	37,32
Деревни (общ.)	1,70	41,34
Казённые деревни	1,65	45,37
Церковные деревни	1,73	40,33

Анализ таблицы показывает, что в городе, местечках и селах индекс разнообразия Симпсона превышает 2, в то время как в деревнях его среднее значение составляет 1,7, причем в деревнях, принадлежавших церкви, разнообразие формантов вторичных фамилий крестьян несколько выше среднего, а в казенных деревнях — ниже. Распределение значений доли первичных фамилий в различных населенных пунктах имеет схожую картину. Доля первичных фамилий среди крестьян города Вилейки составляет всего 27,5%, средний показатель в местечках и селах — 37%, а в деревнях он колеблется от 40 в церковных до 45% в казенных имениях. Таким образом, мы можем констатировать, что на рубеже XVIII–XIX вв. в Вилейском уезде доля вторичных фамилий, равно как и разнообразие их формантов в городе, местечках и селах были выше, чем в деревнях. Вероятнее всего, высокая интенсивность социальных контактов в узловых населенных пунктах приводит к большему распространению среди фамилий крестьян развитых словообразовательных форм, образованных посредством различных формантов.

Среди шляхты Вилейского уезда доминируют фамилии на -ский, -цкий (продуктивность — 49,8%, наиболее часто встречаемые формы — Малиновский, Речицкий, Яновский/Янковский, Каме(и)нский), в качестве субдоминантов выступают форманты -ович, -евич, -ич, -иц (продуктивность — 28,7%, наиболее распространенные формы — Родевич, Неве(я)рович, Харевич). Встречаемость данных фамилий примерно одинакова во всем уезде, пространственных закономерностей их распределения выявить не удалось. Форманты -ик, -чик, -ук/-юк, -чук, -ин/-ын и -ец в фамилиях шляхты представлены единично, форманты -онок, -ёнок, -ов/-ев, -еня и -енко отсутствуют. Среди первичных фамилий шляхты наиболее распространены такие формы, как Гинтовт, Кисель, Петрашко, Яцына, Голуб.

У представителей духовенства Вилейского уезда также преобладают фамилии на -ский, -цкий (продуктивность — 41,3%) и -ович, -евич, -ич, -иц (34,7%), форманты -ик, -чик, -ин и -ец встречаются единично, форманты -ук/-юк, -чук, -онок, -ёнок, -ов/-ев, -еня

и -енко отсутствуют. Данная особенность связана с тем, что духовенство в Речи Посполитой в основном формировалось из представителей шляхты, о чем свидетельствуют ревизские сказки 1795 года.

Особую этнографическую группу в Вилейском уезде составляли пришедшие из России старообрядцы-пилипоны (липоване). Они компактно населяли несколько деревень (Ровы, Железовщина, Слижово, Крапивно на северо-западе уезда, Шабловщина на юго-востоке), сохраняя веру и уклад своих предков и ведя замкнутый образ жизни, что наложило отпечаток и на преобладающие среди их фамилий форманты. Свыше двух третей фамилий старообрядцев (68,8%) образовано с помощью форманта -ов/-ев, который практически не встречается среди местных крестьян, что подчеркивает русское происхождение пилипонов. Еще 12,5% фамилий старообрядцев приходится на форманты -онок, -ёнок; форманты -ович, -евич, -ин встречаются единично.

Еще одну этническую группу составляют татары, проживавшие в южной части Вилейского уезда, которая в настоящее время относится к Молодечненскому району. С конца XIV века прибывшие в Великое княжество Литовское татары занимались военным делом и ремеслами, что обеспечивало им значимое место в обществе. Фамилии укоренившихся татар со временем обросли славянскими формантами: 70% занимают фамилии на -ский, -цкий (Якубовский, Щуцкий, Гембицкий, Юшинский), еще 10% приходится на формант -евич (Базаревич). Остальные фамилии татар относятся к первичным.

Таким образом, можно констатировать, что наибольшим разнообразием формантов среди различных групп населения Вилейского уезда характеризуются фамилии крестьян.

По результатам проведенных исследований можно сделать ряд выводов. Во-первых, наиболее распространенными формантами фамилий на территории Вилейского уезда являются -ович, -евич, -ич, -иц и -ский, -цкий, что соотносится с данными Н. В. Бирилло, хотя средние значения продуктивности данных групп формантов получились немного выше; вероятнее всего, это связано с интенсивными процессами миграции населения в XX веке, которые привели к выравниванию структуры фамилий. При этом следует отметить значимую встречаемость фамилий с формантами -онок, -ёнок и -ик, -чик, первые из которых в основном локализованы в северной и восточной части уезда, а вторые распространены относительно равномерно.

Во-вторых, использование адаптированного для антропоники-ческих исследований индекса Симпсона позволило выявить типы населенных пунктов с повышенным и пониженным разнообразием формантов фамилий крестьян. Если в уездном городе Вилейке, местечках и селах индекс разнообразия Симпсона в среднем превышает 2, то в деревнях он колеблется около 1,7, что, по-видимому, обусловлено различной интенсивностью социальных связей между их жителями и внешним миром. Об этом же свидетельствует и различный процент доли первичных фамилий, указывающий на значи-

тельную степень преобразования исходного лексического субстрата в фамилиях обитателей узловых населенных пунктов.

В-третьих, из всех групп населения Вилейского уезда наибольшим числом выявленных формантов отличаются фамилии крестьян, что во многом свидетельствует о произвольности их выбора и свободе словообразования, не ограниченной рамками социального статуса. В то же время в фамилиях шляхты, духовенства и даже татар господство формантов -ский, -цкий и, в меньшей степени, -ович, -евич, -ич, -иц служило средством самоидентификации их носителей как представителей привилегированных социальных групп. Для старообрядцев сохранение в фамилиях форманта -ов/-ев являлось еще одним атрибутом, преследовавшим цель противопоставления своих общин окружающему обществу в чуждой для них языковой и культурной среде.

Применение геоинформационных технологий в антропонимических исследованиях показало свою высокую эффективность. Использование инструментов пространственного анализа позволило не только оперативно рассчитать искомые количественные показатели, но и выявить географические закономерности встречаемости фамилий с различными формантами на территории уезда, представить результаты исследования в наглядном картографическом виде.

Полученные данные показывают перспективность изучения вопросов антропонимики, связанных с историей и географией. В интересах научного поиска необходимо расширять подобные исследования на другие территории и временные периоды. Использование новых научных методов и технологий, а также междисциплинарных подходов открывает перед специалистами по ономастике новые горизонты познания.

Библиография

- Гурская Ю. А. (2011). Особенности концептуализации древних европейских фамилий // Вестник Томского государственного университета. № 346. С. 7–14.
- Лемтюгова В. П., Гапоненко И. О. (2018). Корни наших фамилий. Минск: Звезда.
- Мезенко А. М., Скребнева Т. В. (2013). Антропонимное пространство Витебщины: монография. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова.
- Никонов В. А. (1974). Имя и общество. М.: Наука.
- Никонов В. А. (1988). География фамилий. М.: Наука.
- Семенюк А. С. (2021). География фамилий униатского населения западной части Брестской области в первой трети XIX в. // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 5. Біялогія. Навукі аб Зямлі. № 1. С. 104–111.
- Унбегаун Б. О. (1989). Русские фамилии / Пер. с англ., общ. редакция Б. А. Успенского. М.: Прогресс.
- Бірыла М. В. (1963). Беларускія антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў (рускай, украінскай, польскай). Мінск: Выд-ва Акад. навук БССР.
- Бірыла М. В. (1966). Беларуская антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы. Мінск: Навука і тэхніка.

- Бірыла М. В. (1988). Тыпалогія і геаграфія славянскіх прозвішчаў. Мінск: Навука і тэхніка.
- Boattini A., Lisa A., Fiorani O., Zei G., Pettener D., Manni F. (2012). General method to unravel ancient population structures through surnames, final validation on Italian data // *Human Biology*. Vol. 84. № 3. P. 235–270.
- Cabral R., Branco C. C., Costa S., Caravello G., Tasso M., Peixoto B. R., Mota-Vieira L. (2005). Geography of surnames in the Azores: Specificity and spatial distribution analysis // *American Journal of Human Biology*. Vol. 17. № 5. P. 634–645.
- Cheshire J. A. (2014). Analysing surnames as geographic data // *Journal of Anthropological Sciences*. № 92. P. 99–117.
- Cheshire J. A., Longley P. A. (2012). Identifying spatial concentrations of surnames // *International Journal of Geographical Information Science*. Vol. 26. № 2. P. 309–325.
- Cheshire J. A., Longley P. A., Singleton A. D. (2010). The surname regions of Great Britain // *Journal of Maps*. № 6. P. 401–409.
- Cheshire J. A., Longley P. A., Yano K., Nakaya T. (2013). Japanese surname regions // *Papers in Regional Science*. Vol. 93. № 3. P. 539–555.
- Darlu P., Bloothoof G., Boattini A., Brouwer L. (2012). The family name as socio-cultural feature and genetic metaphor: From concepts to methods // *Human Biology*. Vol. 84. № 2. P. 169–214.
- Mikerezi I., Khina E., Scapoli C., Barbujani G., Mamolini E., Sandri M., Carrieri A., Rodriguez-Larraide A., Barrai I. (2013). Surnames in Albania: A study of the population of Albania through isonymy // *Annals of Human Genetics*. Vol. 77. № 3. P. 232–243.
- Shi Y., Li L., Wang Y., Chen J., Yuan Y., Stanley H. E. (2018). Regional surname affinity: A spatial network approach // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 168. P. 1–10.
- Simpson E. H. (1949). Measurement of diversity // *Nature*. Vol. 163. P. 688.
- Trzeciak Ł. (2016). Antroponimia Kresów Południowo-Wschodnich w XVII i XVIII wieku — na przykładzie rzymskokatolickiej parafii w Żółkwi. Tom 1: monografia naukowa. Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne.

Geography of peasant surnames in the Vileysky uyezd according to the 1795 revision lists

Alexander S. Semenyuk, PhD (Geography), Associate Professor, Faculty of Geography and Geoinformatics, Belarusian State University. Nezavisimosti Av., 4, Minsk, 220030, Belarus. E-mail: geo-semenuk@yandex.ru

Abstract. The study of geography of surnames reveals the historical-spatial features of word formation in different territories. The article presents the results of the geoinformation mapping of surnames in the Vileysky uyezd of the Minsk Governorate based on the 1795 revision lists and a family (yard) as a minimal research unit. The author created a geodatabase with vector layers in the ArcGIS 10.3 software package: yards (surnames) were added to their local settlements; after digitization, peasant secondary surnames with the most common formants were divided into layers with the attribute selection operation. Thus, the most common formants of surnames in the Vileysky uyezd were -ovich, -evich, -ich, -its, -sky, and -tsky. There were many surnames with formants -onok, -yonok and -ik, -chik, the former were localized mainly in the northern and eastern parts of the uyezd, and the latter were relatively evenly distributed. The Simpson index adapted for anthroponymic research allowed to identify the types of settlements with greater (Vileyka town, miasteczki) and lesser (villages) diversity of formants of peasant surnames. Of all the population groups, peasant surnames have the largest number of identified formants, which testifies to their arbitrary choice and freedom of word formation, not limited by the social status as the surnames of gentry and clergy.

Key words: geography of surnames, Vileysky uyezd, productivity of formants, geoinformation mapping, historical geography, revision lists, Simpson's diversity index, social groups, settlements

- Biryła M. V. (1963) *Belaruskija antrapanimichnyja nazvy w ih adnosinach da antrapanimichnyh nazvaw inshyh slavjanskich mow (ruskaj, ukrainskaj, polskaj)* [Belarusian Anthroponymic Names in Relation to Anthroponymic Names of other Slavic Languages (Russian, Ukrainian, Polish)], Minsk: Vydavectva Akademii navuk BSSR.
- Biryła M. V. (1966) *Belaruskaja antrapanimija. Ulasnyja imjony, imjony-mjanushki, imjony pa backu, prozvivshchy* [Belarusian Anthroponymy. Personal Names, Nicknames, Patronymics, Surnames], Minsk: Navuka i tekhnika.
- Biryła M. V. (1988) *Typalogija i geagrafija slavjanskich prozvivshchaw* [Typology and Geography of Slavic Surnames], Minsk: Navuka i tekhnika.
- Boattini A., Lisa A., Fiorani O. et al (2012) General method to unravel ancient population structures through surnames, final validation on Italian data. *Human Biology*, vol. 84, no 3, pp. 235–270.
- Cabral R., Branco C. C., Costa S., Caravello G., Tasso M., Peixoto B. R., Mota-Vieira L. (2005) Geography of surnames in the Azores: Specificity and spatial distribution analysis. *American Journal of Human Biology*, vol. 17, no 5, pp. 634–645.
- Cheshire J. A. (2014) Analyzing surnames as geographic data. *Journal of Anthropological Sciences*, no 92, pp. 99–117.
- Cheshire J. A., Longley P. A. (2012) Identifying spatial concentrations of surnames. *International Journal of Geographical Information Science*, vol. 26, no 2, pp. 309–325.
- Cheshire J. A., Longley P. A., Singleton A. D. (2010) The surname regions of Great Britain. *Journal of Maps*, no 6, pp. 401–409.
- Cheshire J. A., Longley P. A., Yano K., Nakaya T. (2013) Japanese surname regions. *Papers in Regional Science*, vol. 93, no 3, pp. 539–555.
- Darlu P., Bloothoof G., Boattini A., Brouwer L. (2012) The family name as socio-cultural feature and genetic metaphor: From concepts to methods. *Human Biology*, vol. 84, no 2, pp. 169–214.
- Gurskaya Yu. A. (2011) Osobennosti kontseptualizatsii drevnih evropejskih familij [Features of conceptualization of ancient European surnames]. *Tomsk State University Journal*, no 346, pp. 7–14.
- Lemtjugova V. P., Gaponenko I. O. (2018) *Korni nashih familij* [Roots of Our Surnames], Minsk: Zvjazda.
- Mezenko A. M., Skrebneva T. V. (2013) *Antroponimnoe prostranstvo Vitebshchiny* [Anthroponymic Space of the Vitebsk Region], Vitebsk: VGU im. P. M. Masherova.
- Mikerezi I., Xhina E., Scapoli C. et al (2013) Surnames in Albania: A study of the population of Albania through isonymy. *Annals of Human Genetics*, vol. 77, no 3, pp. 232–243.
- Nikonov V. A. (1974) *Imja i obshchestvo* [Name and Society], Moscow: Nauka.
- Nikonov V. A. (1988) *Geografija familij* [Geography of Surnames], Moscow: Nauka.
- Semenjuk A. S. (2021) Geografija familij uniatskogo naselenija zapadnoj chasti Brestskoj oblasti v pervoj treći XIX v. [Geography of surnames of the Uniate population in the western part of the Brest Region in the first third of the 19th century]. *Bulletin of Brest University. Series 5: Biology. Earth Sciences*, no 1, pp. 104–111.
- Shi Y., Li L., Wang Y. et al (2018) Regional surname Affinity: A spatial network approach. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 168, pp. 1–10.
- Simpson E. H. (1949) Measurement of diversity. *Nature*, vol. 163, p. 688.
- Trzeciak L. (2016) *Antroponimia Kresów Południowo-Wschodnich w XVII i XVIII wieku — na przykładzie rzymskokatolickiej parafii w Żółkwi. T. 1*, Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne.
- Unbegaun B. O. (1989) *Russkie familii* [Russian Surnames], Moscow: Progress.

Неудавшийся опыт шелководства корейцев в русском и советском Приморье

Г. Н. Ким

Герман Николаевич Ким, доктор исторических наук, профессор, директор Института азиатских исследований, Казахский Национальный университет им. аль-Фараби; 050060, Казахстан, Алматы, Карасай батыра, 95, каб. 459. E-mail: gerkim@mail.ru

Аннотация. В Российской империи XIX века шелководство получило развитие в ряде регионов: на Кубани, Северном Кавказе, в Ставрополье, Туркестанском крае и дальневосточном Приморье. В соседней с русским Дальним Востоком Корее оно было заимствовано из Древнего Китая, поэтому некоторые корейцы-переселенцы имели практические навыки в полном цикле шелководства — от выращивания тутовых деревьев до производства шелковой ткани. Хотя основной хозяйственной деятельностью корейских крестьян-переселенцев оставалось земледелие, имевшие опыт других традиционных промыслов продолжали ими заниматься в России. С победой большевистской власти и коллективизации сельского хозяйства шелководство превратилось в артельное (колхозное) производство. Однако ряд объективных причин — климатические условия Приморья, удаленность от центров шелкопрядения, отсутствие местной инфраструктуры для производства шелковых тканей, партийно-правительственные директивы по развитию шелководства в южных регионах страны, а также последовавшая в 1937 году депортация корейцев в Казахстан и Среднюю Азию — положили конец начатому делу. История зарождения и развития шелководства корейцев в Приморье, несмотря на неудавшийся опыт, заслуживает отдельного исследования. В статье на основе различных источников — архивных документов, опубликованных сборников материалов, публикаций в периодической печати на русском и корейском языках, а также научных трудов по истории корейцев в русском и советском Приморье — анализируются: локализация тутовых плантаций, методы шелководства, экономические аспекты производства и реализации шелководческой продукции на внутреннем и внешнем рынках сбыта. Также выявляются причины неудавшегося опыта шелководства в советском Приморье.

Ключевые слова: Приморский край, корейцы-переселенцы, артель, тутовник, шелкопряд, коконы, шелкоткачество, экспорт

EDN: JGTXSO

На Дальнем Востоке, охватывающем территории России, Китая и Кореи, шелководством занимались издревле. Выращивание шелкопрядов и производство шелка получили распространение в Корее в I–II веках до н. э. и развивались на протяжении веков. В недавнем прошлом Корея не включалась в карту маршрутов Шелкового пути, хотя она участвовала в торговом и культурном обмене на древней торговой магистрали, соединявшей Восточную и Юго-

Восточную Азию с Южной и Центральной Азией, с Восточной Африкой и Южной Европой.

Шелководство получило развитие в Корее в раннее Средневековье, когда страна находилась в зависимости от Китая. В XIX веке оно стало важной отраслью сельского хозяйства и продолжало расти после аннексии страны Японией, расширявшей производство шелка для покрытия растущих потребностей, в том числе в военной промышленности, медицине и т.д. (Kimura, 2018: 28–29). В колониальный период в Корее существенно увеличилось число крестьянских хозяйств, занятых выращиванием тутовых деревьев, листья которых служили кормом для гусениц шелкопрядов (*Bombyx mori*)¹. Корейское шелководство велось в большей степени как семейное дело, в форме кустарного производства, служившее дополнительным источником дохода крестьянских хозяйств. Шелк использовался для изготовления традиционных тканей, таких как атлас и шелк-сатин, из которых шили праздничную одежду, церемониальные наряды и предметы домашнего обихода. Шелк был предметом роскоши, на рынках шелковые изделия служили средством обмена на другие товары, а незначительные излишки производства вывозились из Кореи. К концу XIX века ввоз недорогого текстиля и шелка из Китая и Японии вызвали затруднения в традиционной корейской шелководческой отрасли (Kim, Ha-Brookshire, 2015: 109–126).

Корейские переселенцы, прибывшие несколькими волнами иммиграции на русский Дальний Восток, в основном занимались выращиванием зерновых и овощных культур. В Приморье предприимчивые корейцы стали также высаживать тутовые деревья, взращивать шелкопрядов, разматывать ручную шелковую нить и ткать шелковое полотно. О шелководстве на русском Дальнем Востоке одним из первых упомянул штабс-капитан П. А. Гельмерсен, отметивший в своем отчете, что «следует посвятить особое внимание в Южно-Уссурийском крае, где есть дикий шелкоичный червь, питающийся дубом»².

В очерке писателя В. В. Крестовского, побывавшего в начале 1880-х годов на Дальнем Востоке, упоминается опыт местного садовода по фамилии Ветергоф, который на собственные средства развел фруктовый рассадник из 6 тысяч деревьев и 600 экземпляров разных видов тутовника (Крестовский, 1882: 793). В конце XIX века шелководством в Приморье занялся промышленник, купец 1-й

1. *Bombyx mori* (лат.) — бабочка из домашнего тутового шелкопряда. Дикий тутовый шелкопряд обитает в северных областях Китая и на юге Приморского края России.

2. Выписка из отчета Генерального штаба капитана Гельмерсена о поездке в гавань Посыет в 1865 г.: Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока (далее — РГИА ДВ). Ф. 87. Оп. 1. Д. 278. Л. 50–540б.

гильдии и общественный деятель А. Д. Старцев, завезший в 1897 году из Китая партию куколок тутового шелкопряда, из которых образовались коконы, послужившие сырьем для шелковых нитей. На Промышленной выставке в Хабаровске в 1913 году он удостоился за этот успешный опыт Бронзовой медали Комитета шелководства Москвы (Старцев, 2006).

Шелководство корейских переселенцев Приморья привлекло внимание местных краеведов, чиновников и предпринимателей и, как следствие, о нем появились публикации в дальневосточных газетах и журналах, а также статистических сборниках, но они были краткими и однообразными по содержанию. В числе авторов, упоминавших шелководство корейцев на Дальнем Востоке, следует назвать краеведа А. В. Кириллова (Кириллов, 1894), генерала от инфантерии, краеведа И. П. Надарова (Надаров, 1887). Особо следует отметить Приамурского генерал-губернатора Л. Н. Гондатти (1911–1917), который ранее изучал шелководство и совершил поездки в Китай, Японию, Среднюю Азию. В 1886 году он был избран секретарем Комитета шелководства Императорского Московского общества сельского хозяйства и занимал эту должность до середины 1893 года (Дубинина, 1997).

Найти обобщенные сведения о шелководстве в Приморье дореволюционного периода крайне затруднительно из-за отсутствия документальных источников и публикаций. Однако осенью 1916 года в журнале «Приморский хозяин» вышел обстоятельный многостраничный отчет заведующего Славянским лесничеством Теодора Л. Гродецкого об опыте посадки тутовых деревьев, выкормке шелководческого червя, доставке и распределении европейской и японской грены по деревням и селам, преимущественно по корейским: Барабаш, Славянка, Адими, Краббе, Посъет, Новокиевка, Янчихе и Тизинхе³.

Первые публикации о хозяйственной и культурной жизни корейского населения в советском Приморье стали регулярно выходить в первой половине 1920-х годов в корейскоязычной периодической печати Дальнего Востока, в первую очередь в ежедневной газете «Сенбон» (선봉, «Авангард»). Очерки, интервью и заметки о шелководстве в Приморье и корейцах, занятых выращиванием тутовых деревьев и разведением шелкопрядов, эпизодически печатались в краевых газетах, таких как «Тихоокеанская звезда», «Красное знамя», а также журналах «Революция и национальности», «Советское Приморье», «Приморский хозяин» и др. Газетно-

3. Гродецкий Т. (1916). Опыт посадки тутовых деревьев и выкормки шелководческого червя в районе Славянского лесничества в 1916 году // Приморский хозяин. № 10. С. 13–21.

журнальные статьи характеризовались описательностью и повторением известных фактов⁴.

Ценные сведения содержатся в публикации Т. П. Гордеева, основанной на личных наблюдениях и данных, собранных им во время поездки в корейское село Синеловку в 1915 году (Гордеев, 1923: 232–240). В 1926 году в журнале «Советское Приморье» вышла статья А. Д. Лелякова о состоянии и перспективах развития шелководства в Приморье, содержание которой в основном заимствовано из очерка Т. П. Гордеева, причем без ссылки на этот труд (Леляков, 1926: 46–47). Упоминания о занятии корейцев шелководством содержатся в работах авторов 1920–1930-х годов (Аносов, 1928: 54–65; Выпасов, 1929; Али Закир, 1931; Петров, 1929; Тен, 1935).

После длительного перерыва, вызванного депортацией корейцев и наложенным табу на исторические исследования «неблагонадежных» в оценках сталинского режима народов, в хрущевскую оттепель вышла в свет 250-страничная книга Ким Сын Хва «Очерки по истории советских корейцев», в которой шелководству посвящалось чуть более двух страниц (Ким Сын Хва, 1965: 185–188).

С конца 1980-х годов по настоящее время в России вышли в свет книги историков А. И. Петрова, Н. Ф. Бугая, С. Г. Нам, Ж. Г. Сон (Петров, 2001; Бугай, 2007; Нам, 1998; Сон, 2013) и других авторов, в которых шелководство лишь упоминалось как один из дополнительных промыслов корейцев советского Приморья, либо вообще не упоминалось. Б. Д. Пак преодолел в своей монографии характерное для книг по общей истории корейцев России и СССР тиражирование известных фактов касательно корейского опыта выращивания тутовых деревьев и разведения шелкопрядов в Приморье, уделив, однако, шелководству неполные три страницы (Пак, 1995: 201–203). За последнее десятилетие опубликованы десятки статей по истории корейцев на советском Дальнем Востоке, однако ни одна из них не содержала в своем названии слово «шелководство».

Хотя монография «Корея — российское Приморье. Путь к взаимопониманию», изданная известным ученым-краеведом Н. Г. Мизь в соавторстве с политологом А. А. Бреславцем, не содержит отдельной главы, но в ней история шелководства корейцев Приморья получила наибольшее на сегодняшний день освещение (Мизь, Бреславец, 2009). В вышедшей через четыре года во Владивостоке книге В. Пака (Пак, 2013) повторяются сведения, содержащиеся в вышеупомянутой монографии.

Данная статья представляет собой дебют научной публикации, специально посвященной теме шелководства корейцев в русском и советском Приморье. Особое значение для нас в теоретическом и методологическом плане имели труды ученых, внесших вклад в понимание сложных взаимосвязей между этническими куль-

4. Вырезки из «русских газет» 1921–1930 годов см.: Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 7986. Оп. 1. Д. 104, 105, 106.

турными практиками и сельскохозяйственными системами. Один из признанных экспертов Эдда Л. Филдс-Блэк презентовала в своей монографии уникальное сочетание междисциплинарных источников и методов для хроники развития технологии выращивания риса в Западной Африке и западноафриканской диаспоры американских штатов Южная Каролина и Джорджия. Историческая реконструкция Филдс-Блэк рисоводства в доколониальной Африке резко контрастирует с предыдущими публикациями американских африканистов о вкладе выходцев из Западной Африки в развитие рисоводства в южных штатах Америки (Fields-Black, 2014). Рефухио И. Рочин, профессор в области аграрной экономики, приобрел известность своими исследованиями латиноамериканских этнических общин и их вклада в сельское хозяйство (Rochin and Valdés, 2000). Эколого-экономические и этнокультурные детерминанты развития разных отраслей сельского хозяйства продолжают привлекать внимание исследователей всех регионов планеты. Так, один из коллективных научных трудов посвящен изучению использования этническим меньшинством «яо» традиционных знаний для адаптации сельского хозяйства в горных районах Вьетнама (Son, Chi, Kingsbur, 2019).

В статье использовались разнообразные источники: документы из российских архивов, материалы статистических сборников, справочников по сельскому хозяйству Дальнего Востока, публикации в газетах и журналах Приморья, а также в периодической печати на корейском языке. Часть сведений подчерпнута из статей и очерков краеведов, журналистов и ученых, изучавших историю советских корейцев на Дальнем Востоке.

Краткий контекст исследования

Массовое переселение корейцев на российский Дальний Восток началось в первой половине 1860-х годов, продолжалось волнообразной иммиграцией и постоянным просачиванием малых групп переселенцев через неплотные границы в треугольнике Россия — Корея — Китай до конца 1920-х годов, когда советское правительство ввело запрет несанкционированных выездов и въездов в страну. В первые десятилетия корейские переселенцы, проживавшие в Приморье в образованных ими поселениях (хуторах, деревнях и селах), сохраняли традиционные отношения в семье и общине, следовали своим обычаям и обрядам, говорили на родном языке. Несмотря на все попытки сдерживания эмиграции из Кореи и иммиграции в Россию, численность корейцев на русском Дальнем Востоке постоянно росла и составила в канун большевистской революции около 100 тысяч человек, из которых более 80 тысяч пустили корни в Приморье, а остальные — в Приамурье, Забайкалье, на Камчатке и Сахалине (Петров, 2000; Петров, 2004).

Октябрьская революция провозгласила лозунги справедливости, свободы и равенства всех народов. Корейцы с оружием в руках боролись за установление большевистской власти, ибо эта борьба слилась воедино с антияпонским освободительным движением. Безземельные и бесправные корейские крестьяне, вынужденные на кабальных условиях арендовать пашенные и целинные земли, стали объединяться в ТОЗы, артели, коммуны и колхозы. Нелучайно Посыетский район, известный как «корейский», стал одним из первых районов сплошной коллективизации. В 1930-х годах дальневосточные корейцы представляли собой сложившуюся, со своими устоями, традициями общность людей. На Дальнем Востоке действовали десятки корейских земледельческих и рыболовецких колхозов. Корейцы принимали самое активное участие в экономической и общественной жизни Дальневосточного края. В советском Приморье бурно развивалась национальная культура корейцев, формировалась национальная интеллигенция, на корейском языке выходили газеты, журналы, действовали корейское издательство, радиовещание, театр, педагогический институт, корейские отделения в вузах, педагогические училища, техникумы, культурно-просветительные учреждения (Пак, 1995: 216–223). Однако дальневосточные корейцы стали первыми из народов Советского Союза, испытавших на себе тотальную и форсированную депортацию по этническому признаку, после которой последовали насильственные переселения многих других этнических групп. Около 175 тысяч депортированных корейцев не по своей воле оказались в Казахской и Узбекской ССР (Бугай, 2014: 116–139). На новом месте они ценой неимоверных усилий заложили фундамент будущей жизни и внесли заметный вклад в развитие экономики, культуры, образования, науки и спорта Советского Союза.

Зарождение шелководства в корейском селе Синельниково

В истории шелководства в Приморье конца XIX века ключевое место занимает корейское село Синельниково, располагавшееся по обоим берегам р. Суйфун. Годом его образования одни считают 1868-й, а другие 1870 год. Название села пишется в архивных документах по-разному: Синельниково или Синеловка, однако они имеют одинаковое происхождение от фамилии генерал-губернатора Восточной Сибири Н. П. Синельникова (1870–1874), которому принадлежала инициатива расселять корейских переселенцев подальше от границы среди русских населенных пунктов.

В 1878 году чиновник особых поручений при Главном управлении Восточной Сибири В. Висленев обследовал село и дал его описание. По его наблюдениям, оно имело протяженность по долине реки около 10 километров и состояло из 92 дворов (фанз) общей численностью 404 человека, в том числе 247 мужского пола, 157 жен-

ского пола, из общего числа сельчан-корейцев 28 человек были крещенными в православии (Висленев, 1884: 7–18). Со временем Синельниково превратилось в одно из самых зажиточных корейских сел и в 1899 году в нем проживали 163 корейские семьи. Основным занятием сельчан-корейцев было земледелие, а дополнительный заработок давал лов рыбы в р. Суйфун (Ким, 2022: 251–255).

Начало шелководного промысла в Приморье в новом XX веке связывают с именем Ивана Ана (Анси) из села Синельниково, пересадившего на свой участок выросшие самосевом сеянцы дикой шелковицы. Затем он устроил на одной десятине (1,09 га) своей земли первую плантацию тутовых деревьев, выращенных из семян, привезенных из Кореи. Ему удалось получить завезенную из Кореи партию яиц бабочки тутового шелкопряда, из которых вывелись гусеницы, давшие после окукливания шелковые коконы. В 1908 году Иван Ан впервые в крае получил около 30 фунтов (12 кг) коконов и 6 пудов (98 кг) шелка. Через семь лет у него была плантация из 440 тутовых деревьев, саженцы, растущие на грядах, большое помещение, в котором размещались шелководня, морильня, шелкомотальня, прядильня с ткацким станком (Мизь, Бреславец, 2009: 32).

Постановка шелководного дела у И. Ана и у других жителей села Синеловки описывается в очерке Т. П. Гордеева, наблюдавшего в течение ряда лет за шелководным производством и проявившего активное содействие распространению шелководства в крае: «В хозяйстве у И. И. Ана получают ткани различной ширины — в 33,5 см или 64 см, причем могут быть выработаны ткани 8 узоров. Цветные нитки получают окрашиванием их фуксином с содой в разные цвета. Для получения 50–60 аршин (1 аршин равен 71,1 см) ткани нужно 8–9 рабочих часов. Работают по шелководству главным образом старики и дети, получая плату натурой в виде кусков шелка на юбку, шаровары и т.д. Полученный материал идет на домашние надобности и в продажу не поступает. Стоимость одного аршина самодельной ткани И. И. Ан оценил в 1915 г. от 20 коп. Отбросы от размотки коконов дают шелковую вату; ее варят с содой и употребляют как обычную вату, например, для одеял» (Гордеев, 1923: 232–240).

Одновременно с И. Аном шелководством в Синеловке занимались еще несколько корейских хозяйств. С. И. Цой, односельчанин Ана, имел плантацию из 100 молодых тутовых деревьев, однако не мог расширить посадки из-за невозможности приобрести дополнительный земельный участок. Через пять лет с начала занятия шелководством он получил материал на изготовление 300–350 аршин материи, а в 1919 году на 100 аршин материи. Другой синеловец И. М. Пак через четыре года занятия шелководством имел плантацию из 50 старых и 20 молодых тутовых деревьев. В 1917 году он произвел материал на 100–150 аршин шелка, в 1919 году — только на 20 аршин (Мизь, Бреславец, 2009: 33–34). Причиной сокра-

щения объемов полученного всеми корейскими шелководами материала для производства шелковой ткани между 1917 и 1919 годом была неблагоприятная погода.

Примечательно, что все упомянутые корейцы — жители села Синельниково имели русские имена и отчества, что не характерно для большинства корейских крестьян-переселенцев Приморья конца XIX — начала XX века. Эти изменения в традиционной антропонимической модели корейцев свидетельствуют о длительности и интенсивности общения жителей села с русскими, владении русским языком и принятии православной религии (Джарылгасинова, 1980). Можно говорить о том, что на Дальнем Востоке возникла своеобразная «контактная зона» (contact zone) — концепция, презентованная лингвистом Мэри Луиз Пратт изначально для обозначения обширных географических пространств, где культуры встречаются, сталкиваются, борются друг с другом и взаимообогащаются (Pratt, 1991: 33–40), но позднее это понятие стало толковаться расширительно. Русское и советское Приморье, в особенности Посыетский и другие районы с высокой долей корейского населения, следует рассматривать как «локальную контактную зону», в которой русские, корейцы, китайцы, казачество, староверы и другие этнические и социальные группы контактировали между собой в разных сферах хозяйственной и культурной жизни. Возникшая коммуникация содействовала обмену трудовыми навыками и опытом хозяйственной деятельности, возникновению доверия и вела к взаимной выгоде от установленных отношений.

В отчете заведующего Славянским лесничеством Т. Л. Градецкого упоминаются еще другие корейцы-шелководы, к примеру, крестьянин деревни Янчихе Николай Пак, которому Новокиевское сельскохозяйственное общество выделило грену, выписанную из Европы. Именно у него и служащего почтово-телеграфной конторы в Славянке по фамилии Ляш грена прошла успешную метаморфозу, ибо оказалась у людей, знакомых с этим делом. К тому же было достаточно сырья для корма, так как поблизости от села сохранились старые посадки тутовника. Результаты выкормки европейской грены в корейских деревнях оказались сравнительно высокими, к примеру, в хозяйстве Николая Пака выход коконов на один кг составил 1140 штук, в то время как нормальным считался выход коконов от 400 до 700 шт. на килограмм⁵.

Большевистская власть придавала важное значение шелководческой отрасли, о чем свидетельствует Постановление Совета труда и обороны (СТО) от 29 апреля 1921 года «О восстановлении

5. *Городецкий Т.* (1916). Опыт посадки тутовых деревьев и выкормки шелководческого червя в районе Славянского лесничества в 1916 году // Приморский хозяин. № 10. С. 17–18.

и развитии шелководства в РСФСР»⁶. В нем говорилось о необходимости разработки специальной производственной программы, включающей в себя сохранение и расширение площади тутовых насаждений и воссоздание сети шелководческих станций для научно-опытных исследований и обучения навыкам и умениям по шелководству местного населения. Предлагалось разработать и внести в Совет народных комиссаров проект Положения о натурналоге на шелковичные коконы и разработать принципы товарообмена с хозяевами-шелководами. Предписывалось обязать Народный комиссариат просвещения по соглашению с Народным комиссариатом земледелия организовать кафедры по шелководству при высших учебных заведениях, распространять знания и умения по этой отрасли как посредством единой трудовой школы, так и внешкольным путем⁷. Хотя Приморье в момент принятия Постановления находилось под контролем Дальневосточной республики (1920–1922) и формально не входило в состав РСФСР, его влияние на шелководство в регионе осуществлялось через политическое, административное и экономическое взаимодействие между ДВР и Москвой. Дальневосточная республика, созданная временно как буферное пространство между Россией и Японией, фактически находилась под контролем Москвы и действовала в тесной координации с советской властью (Саблин, 2020).

Результаты занятия шелководством корейских жителей с. Синельниково обозначили перспективы того, что Приморье может стать районом шелковой отрасли, так как природно-климатические условия подходили для тутовых деревьев (шелковицы), причем как дикорастущих, так и выращиваемых на плантациях. Климат оказался не самым благоприятным, но позволял разведение шелкопрядов.

Важное значение в развитии новой отрасли имели научные изыскания, опытная и селекционная работа, создание методических пособий по распространению корейского опыта шелководного дела. Этим и другими вопросами изучения шелководства занималось основанное в 1916 году Южно-Уссурийское отделение Русского географического общества (ЮУО РГО). В 1917 году в хозяйство известного шелководы И. Ана руководство ЮУО РГО направило сотрудницу М. Т. Иванову, чтобы она в течение сезона наблюдала и вела полевой дневник. На основании записей Ивановой были подготовлены методические рекомендации для практического занятия шелководством. Она также собрала образцы материалов для изготовления школьных наглядных коллекций. Позже сотрудники ЮУО РГО подготовили 400 экземпляров коллекций и распределили их по школам, где предполагалось устройство тутовых плантаций.

6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 18473. Л. 1.

7. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 18473. Л. 2.

Для изучения возможностей расширения шелководства в 1918 году ЮУО РГО обустроило собственную плантацию тутовых деревьев (*Morus alba L.*), а через год под руководством ботаника Е. Н. Клобуковой-Алисовой начались практические опыты выкармли шелковичных червей и получения коконов. От Ивана Ана были получены семена шелковицы, которые высели на опытных участках отделения. Семена взошли, сеянцы пережили зиму и весной следующего, 1921 года были пересажены в питомнике. В 1924 году сотрудники Отделения, изучившие местный корейский опыт выращивания шелковицы, получили около 300 тыс. штук грен (Коляда, 2012: 63–64). В результате проведенной работы в 1928 году при ЮУО РГО была создана Дальневосточная краевая опытная шелководная станция, деятельность которой представлена в отчете ее основателя А. З. Федорова, ранее обнаружившего при археологических раскопках свидетельства занятия шелководством древних насельников Приморья в VII веке (Фисенко, 2014: 140). В 1930 году шелководческая опытная станция получила статус зональной, при ней росли 2 тыс. тутовых деревьев восьмилетнего возраста. Для изучения менеджмента производства шелка А. З. Федоров совершил поездку в Азербайджан, Грузию, Дагестан, Астраханскую область. По результатам ознакомительного тура по регионам шелководства было подготовлено методическое пособие по выкармке шелкопрядов (Федоров, 1932). Однако с реорганизацией ЮУО РГО шелководная станция прекратила свою деятельность, а сам А. З. Федоров был заключен в Хабаровскую тюрьму, но позже его освободили из-за недоказанности обвинения⁸.

Ранее, в 1929 году, между ЮУО РГО, Государственной импортно-экспортной конторой Госторга РСФСР и Приморским союзом сельскохозяйственных и кредитных кооперативов был составлен проект договора о совместной работе по развитию шелководного дела, который так и не был подписан сторонами. Но именно в этом году в двенадцати колхозах были созданы шелководные отделы, плантации шелковицы и выстроены черводонни⁹.

Шелководческие артели и колхозы

В результате продвижения властями шелководческого дела в Приморье к весне 1926 года насчитывалось около 200 семей, вовлеченных в зарождающуюся новую отрасль сельского хозяйства. Кроме шелководов-частников возникли восемь шелководческих артелей,

8. Федоров Александр Зиновьевич (1886–1945). Воспоминания о ГУЛАГе / Электронный ресурс. URL: <https://vgulage.name/authors/fedorov-aleksandr-zinovevich/> (дата обращения: 09.07. 2025).

9. 선봉 [Газета «Сенбон» («Авангард») — орган печати Приморского комитета РКП(б)]. 1930. 27 апреля. С. 3.

из которых наиболее крупными были «Ханбалайская» (недалеко от Никольска-Уссурийского) и «Красный Восток» (бухта Гайдамак). При этих артелях для желающих заняться шелководством организовали практические курсы¹⁰.

Шелководческая артель «Красный Восток», образованная в 1925 году, состояла исключительно из корейцев. Члены артели трудились на общих основаниях и оплата распределялась в натуральной форме. За время своего существования (1925–1928) артель распространила в Приморье свыше 260 тыс. тутовых деревьев в качестве плантационного материала. Из них 15 тыс. штук были отправлены в г. Благовещенск садовой кооперации «Опыт». В 1928 году артель дала 1,6 тонны сырых коконов. С помощью артели «Красный Восток» Никольск-Уссурийский окружком ВКП(б) провел полутра-месечные курсы по шелководству, издал методическое руководство для распространения среди корейского населения. Исходя из спроса и потребности среди корейских сельчан, артель «Красный Восток» открыла дополнительно постоянные курсы по шелководству на 20 человек, которые предполагалось расширить до 80 учащихся. Однако возможности оказались ограниченными, так как не хватало инструкторов, способных провести обучающие курсы и обеспечить население необходимыми знаниями и навыками (Ким Сын Хва, 1965: 187). В соответствии с текущими экономическими и политическими задачами артель «Красный Восток» стала частью более масштабной программы развития шелководства в Приморье. На пути к расширению артели возникло препятствие — нехватка земли, но краевое земельное управление не выделило необходимую площадь сельхозугодий. Несмотря на проблемы, артель показала, что шелководство может стать доходной отраслью экономики края. В 1928 году каждый гектар плантации с тутовыми деревьями четвертого года посадки давал 1000–1500 руб. прибыли¹¹.

В 1925–1926 годах Владивостокское земельное управление совместно с шелководческими артелями ввезло из Кореи более миллиона саженцев шелковицы, которые распределили по шелководным хозяйствам. Небольшие, в 500–1000 деревьев, плантации шелковицы закладывались при школах, крестьянских комитетах, женотделах, других общественных организациях¹².

В книге «Корейцы в Уссурийском крае» С. Аносов пишет, что в 1925 году в Приморье были заложены плантации шелковицы в 15 корейских селениях общим числом 3 тыс. тутовых саженцев. Организовано две шелководных артели в Никольск-Уссурийском уезде

10. Доклад уполномоченного по корейским делам при Владивостокском окружном земельном управлении Хван Шектая о шелководственном курсе во Владивостоке. 23 июня 1927: РГИА ДВ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 940. Л. 17–19.

11. 선봉. 1928. 22 сентября. С. 4.

12. РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 318. Л. 1–6.

в 75 000 тутовых деревьев и Владивостокском уезде — в 1000 тутовых саженцев. Шелководной артелью «Красный Восток», организованной в 1926 году, заложен шелководный питомник из более чем 100 тыс. тутовых саженцев (Аносов, 1928: 38–39).

В июле 1926 года во Владивостокской газете «Красное знамя» вышло интервью с инструктором по шелководству А. Леяковым, в котором отмечалось, что шелководству в Приморье, начавшемуся в корейском селе Синельниково, уже более 20 лет. По его словам, в 1926 году шелководством занимались 12 артелей с более чем с 10-летним стажем и около 85 хозяйств с меньшим опытом шелководческого дела, ставшим самой доходной отраслью сельского хозяйства¹³.

В своей статье в журнале «Советское Приморье» А. Леяков привел в качестве доказательства своих слов расчеты: «На один гектар высаживается от 900 до 1200 штамбовых деревьев тутовника. Таким образом, доход с плантации с гектара будет идти в таком порядке: 1-й год — 50–70 руб., 2-й год — 200–250 руб., 3-й год — 400–500 руб., 4-й год — 700–800 руб. и 5-й год около 1000 руб. Средняя же продолжительность возраста дерева, когда оно дает максимум кормового материала, исчисляется в 12–15 лет. Что в среднем на гектар плантации дает доход в 12–15 тысяч рублей за этот период. Это расчет при штамбовой посадке дерева, которая практиковалась населением до настоящего времени. Теперь идет закладка плантации кустарниковым деревом, которое дает процентов на 20 большую доходность и при сборе листьев требует меньше труда. Кроме того, вся плантация тутового дерева может использоваться под посев других культур. Пример показала корейская Ханбалалайская шелководная артель в Суйфунском районе, где земля между рядами тутовых деревьев использовалась для выращивания бобов или сои»¹⁴.

В газете «선봉» («Сенбон») публиковались новости из основных шелководных районов: Посьетского, Покровского, Суйфунского, Сучанского и Шкотовского. Из них следовало, что корейские колхозники охотно занимались разведением шелкопрядов¹⁵. В каждом районе насчитывалось от 2 до 5 кооперативных шелководческих артелей, и все они были по национальному составу корейскими. Всего в крае было около 20 корейских шелководных кооперативов, которые имели около 2 млн саженцев тутовых деревьев¹⁶. Шелковые коконы, полученные в этих хозяйствах, превосходили нормы ка-

13. Полтавский Н. (1926). Шелководство в Приморье. Беседа с инструктором по шелководству т. Леяковым // Красное знамя. 3 июля. С. 4.

14. Леяков А. (1926). Будущность шелководства в Приморье // Советское Приморье. Владивосток. № 7–8. С. 48.

15. 선봉. 1927. 14 сентября. С. 3.

16. 선봉. 1928. 24 января. С. 3.

чества по прочности, эластичности, равномерности толщины нити и блеску шелковины¹⁷.

На основе опыта артели «Красный Восток» Владивостокское окружное земельное управление (ОКРЗУ) провело практические мероприятия по внедрению шелководства среди корейских крестьян с упором на коллективные хозяйства. Согласно принятому ОКРЗУ решению, на примере артели «Красный Восток» планировалась активная пропаганда выгоды шелководства. Для ускорения сбыта коконов шелководческих хозяйств предусматривалось создание сезонных приемочных пунктов на местах и стационарно пункта во Владивостоке¹⁸.

Эти мероприятия содействовали росту среди корейского населения интереса к новому промыслу и послужили толчком для развития шелководства в крае, о чем говорят статистические данные. В 1929 году на Дальнем Востоке производили выкорм шелкопряда всего 100 хозяйств, получая со своих плантаций 3,9 тонны листа, а в 1933 году число хозяйств выросло до 10 200, а сбор ими листа до 1 305,5 тонны. В результате только по Владивостокскому округу в 1930 году получено до 820 тыс. тонн сырых коконов, или 280 тонн сухих коконов свыше чем на миллион рублей¹⁹.

Корейские сельские труженики Приморья сыграли значительную роль в общем процессе коллективизации сельского хозяйства региона. Высокие показатели объединения безземельных корейских крестьян в артели увеличили проценты коллективизированных хозяйств в Дальневосточном крае. Создание артелей и колхозов и их развитие способствовали интеграции корейцев в социалистическую экономику, ускорили процессы советизации корейского населения, усвоения русского языка и культуры.

Провал шелководства в Приморье и его причины

Организованному неимоверными усилиями и вполне рентабельному шелководству не суждено было стать системообразующей и доходной отраслью сельского хозяйства в Приморье. Для производства шелковых тканей с высокой добавленной стоимостью, приносящих доход, требовалось запланировать, выделить средства и организовать весь цикл: от создания тутовых плантаций, выращивания грен, сбора коконов до прядения нитей и изготовления шелкового полотна. Однако в 1927 году Плановое управление Дальневосточного округа приняло решение о нецелесообразности выработки конечной шелковой продукции в Приморье и ограничило шелководство отправкой коконов для российских фабрик шелкоткачества и для

Г. Н. Ким

Неудавшийся опыт
шелководства ко-
рейцев в рус-
ском и советском
Приморье

17. 선봉. 1930. 30 мая. С. 3.

18. 선봉. 1930. 30 мая. С. 3.

19. РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 318. Л. 1-6.

экспорта. С 1928 года весь сбор сухих коконов Приморья был передан Шелкотресту СССР²⁰. Во Владивостоке и Уссурийске создали заготовительные пункты, которые отправляли коконы по железной дороге на московские шелкомотальные и ткацкие фабрики. Транспортировка легковесных и объемных коконов через всю страну за счет поставщика сделала приморское шелководство убыточным.

Сбыт шелковичной продукции Приморья имел две опции: первая — продажа коконами, вторая — в виде готовой шелковой материи или изделий из шелковой ткани. При первом варианте шелководство Приморья оказывалось в зависимости от Шелкотреста, установившего цены за коконы на 50–80% ниже, чем предлагали японские компании. Что касается второго варианта, то вопрос строительства небольшой шелкоразмоточной и ткацкой фабрики, который поднимался в Приморье в конце 1920-х годов, так и не был решен.

Сдерживание развития и прекращение шелководства в Приморье имело этнический аспект, так как им занималось преимущественно корейское население, а русское только начало вытягиваться в отрасль, когда решение о бесперспективности ее развития в ДВК было уже принято в Москве. Как известно, корейские артели, кооперативы и колхозы подвергались дискриминации как национальные коллективные хозяйства. Они обеспечивались в последнюю очередь необходимой техникой и оборудованием, им сложнее выдавались сельскохозяйственные кредиты и дополнительные наделы земли, необходимые для наращивания производства. В итоге корейские артели и колхозы оставались мелкими и маломощными (Али Закир, 1931: 2–3, 76–81). О шовинизме как причине, тормозящей развитие производства в корейских колхозах, и необходимости бороться с ним постоянно публиковались очерки в краевых газетах. Об этом говорилось также на краевом совещании в г. Никольск-Уссурийске, в котором приняли участие 67 делегатов из 56 корейских колхозов²¹.

В преддверии совещания Елена Цой, председатель сельсовета и секретарь партячейки колхоза «Посъет», рассказала о насущных проблемах корейского села. В заключение она отметила: «...еще в прошлом году [1929] делегатское собрание приобрело до 300 тутовых деревьев. Это дело надо бы расширить — для колхоза это было бы очень хорошо. Но никто не содействует, а наши женщины сильно заинтересованы и могли бы поставить дело. Надо только кого-нибудь послать на курсы поучиться»²².

20. Устав Государственного треста шелковых фабрик — «Шелкотрест» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1928 г. № 25. Отдел 2. С. 743–749.

21. Корейская деревня идет в колхозы. Краевое совещание корейских колхозов // Тихоокеанская звезда. 1930. 7 августа. С. 3.

22. Развить шелководство. Беседа с тов. Еленой Цой // Тихоокеанская звезда. 1930. 26 мая. С. 3.

Одной из проблем в развитии шелководства являлось кустарничество в выработке шелковой ткани, качество которой уступало тканям, поступавшим контрабандой. Из коконов, полученных в Приморье, на японских фабриках изготавливали шелковые нити и ткани высшего качества, в то время как местное кустарное производство вырабатывало грубую ткань. Размотка коконов кустарным способом давала не более 30–40% шелковых нитей, готовых для изготовления ткани, а большая часть уходила на вату. Оболочка кокона не распушалась из-за отсутствия специальных машин, а сжигалась или утилизировалась и, таким образом, около 60% коконов уходили по бросовой цене или вовсе пропадали, что резко снижало рентабельность шелководства в целом²³.

Вывоз шелковых коконов из Приморья в 1920–1930-е годы был частью общесоюзной программы по развитию текстильной промышленности. Приморье, благодаря благоприятному климату для выращивания тутовника и разведению шелкопряда, производило коконы, которые затем направлялись на переработку на крупные шелковые фабрики в Москве («Трехгорная мануфактура») и в Иванове. Вывоз коконов был частью стратегии индустриализации, поскольку шелк считался важным материалом для производства тканей, одежды и парашютов. Приморье обеспечивало сырье для этой отрасли, несмотря на относительно небольшие объемы производства.

Дальневосточные власти строили планы оборудовать в бывших казармах и других зданиях Владивостока шелкомотальное производство, которое принесло бы не только дополнительные доходы в краевую казну, но и содействовало развитию отрасли, созданию рабочих мест в крае и локализацию продукции с большей добавленной стоимостью. Этим планам не суждено было осуществиться. О другом проекте, в Черниговском районе, где действовал корейский колхоз «Интернационал», в краевой газете сообщалось, что на запланированную шелководную станцию были отведены 600 га земли и значительные денежные средства, но администрация не использовала их на строительство, а нанятые рабочие разбежались²⁴.

Все планы по развернутому развитию шелководства в крае не нашли поддержки в Москве, так как развитие отрасли предусматривалось в других, более благоприятных регионах. В результате нерешенных проблем к середине 1930-х годов вывоз шелковых коконов из Приморья стал сокращаться из-за высокой себестоимости производства и конкуренции с другими регионами СССР, такими как Северный Кавказ и Средняя Азия, где производство шелка было более рентабельным.

23. Доклады о состоянии шелководства и кокономотания на территории Союза ССР и перспективах развития шелковой промышленности: РГАЭ. Ф. 7986. Оп. 1. Д. 102.

24. Строительство шелководной станции задерживается // Тихоокеанская звезда. 1934. 16 августа. С. 3.

ИСТОРИЯ

Подъем и падение производства шелка корейцами на советском Дальнем Востоке в 1920–1930-х годах представляет интригующую главу в истории советского сельского хозяйства и национальной политики. Она отражает пересечение усилий корейской диаспоры, советской экономической политики, внешней политики и социальной среды того времени.

Со второй половины XIX века до 1920-х годов значительное количество корейцев мигрировало на российский Дальний Восток в поисках новых возможностей и спасаясь от эксплуатации и дискриминации японского колониального режима в Корее. В основной массе переселенцы-корейцы являлись безземельными крестьянами, но обладавшими сельскохозяйственными навыками, включая шелководство. Большевицкая власть стремилась развивать дальневосточные территории и видела в корейцах ценный ресурс для развития аграрного сектора. Производство шелка соответствовало советским планам по диверсификации экономики и развитию легкой промышленности.

Корейцы внедрили и расширили шелководство в регионе, воспользовавшись относительно благоприятным климатом для выращивания шелковицы, которая необходима для шелкопрядов. В 1920-х годах советское правительство оказывало поддержку, включая выделение земли, ресурсов и ограниченную техническую помощь, для поощрения производства шелка. Шелководство рассматривалось как потенциальный экспортный товар, который мог бы способствовать советской самодостаточности. К концу 1920-х годов шелководство стало развиваться, и корейские сельчане стали ведущей группой в этой сельскохозяйственной нише. Эта отрасль давала средства к существованию многим корейским семьям и способствовала росту местной экономики.

В 1930-х годах сталинская политика централизации и коллективизация сельского хозяйства нарушили традиционные методы, которые создали успех шелководству. Сталинский режим относился со все большим подозрением к этническим меньшинствам, особенно корейцам, из-за опасений их потенциальной лояльности Японии. В 1937 году все корейское население Дальнего Востока было принудительно выселено в Среднюю Азию. Депортация по этническому признаку практически в одночасье положила конец корейскому производству шелка в регионе.

Таким образом, шелководство как отрасль хозяйства так и не нашло должного развития в Приморье. Причины неудачи неоднозначны, поскольку они касаются планов, исходивших из Москвы, и их претворения на местах, взаимодействия корейских шелководов и разных ведомств, причастных к развитию отрасли. Сказывались и особенности природно-климатических условий, и дефицит выделяемой под плантации тутовника благоприятной земли, и отсутствие инфраструктуры для размотки коконов, изготовления шелковых нитей и тканей, а также прекращение экспорта коконов из Приморья в связи с ухудшением отношений с милитаристской

Японией. Безусловно, сказалась депортация корейцев — основных шелководов края в Казахстан и Среднюю Азию и выбор регионов перспективного развития отрасли в южных областях России, на Кавказе, Туркмении, Таджикистане, а также создание мощностей для шелкопрядения в местах, удаленных от Приморья.

Библиография

- Али Закир (1931). За ленинскую национальную политику в колхозном движении среди корейцев Дальнего Востока // Революция и национальности. № 2–3. С. 76–81.
- Аносов С. Д. (1928). Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело.
- Бугай Н. Ф. (2014). Российские корейцы: перемены, приоритеты, перспективы. М.: РАН.
- Висленев В. Н. (1884). Корейцы и инородцы Южно-Уссурийского края Приморской области // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. IV: Инородческое население Приамурского края. Вып. 2. Иркутск.
- Выпасов А. (1929). Корейцы в сельском хозяйстве Хабаровского края // Статобозрение «Дальний Восток». Хабаровск. № 2. С. 37–41.
- Гордеев Т. П. (1923). Краткий очерк шелководства в с. Синеловке Приморской губернии // Приморье: Его природа и хозяйство. Сборник статей, составленный Научно-просветительской секцией Приморского губернского выставочного бюро / Предисл. проф. А. Криштофовича. [Владивосток]: Д.-в. госкнига. С. 232–240.
- Джарылгасинова Р. (1980). Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М.: Наука. С. 43–73.
- Дубинина Н. И. (1997). Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Хабаровск: Приамурское географическое общество.
- Ким Г. Н. (2022). Корейские поселения на русском и советском Дальнем Востоке (1864–1937). Алматы: Қазақ университеті.
- Ким Сын Хва (1965). Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата: Наука.
- Кириллов А. (1894). Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включениями некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск.
- Коляда А. С., Коляда Н. А. (2012). Шелководческие исследования Южно-Уссурийского отделения Русского географического общества // Животный и растительный мир Дальнего Востока. Вып. 16. Уссурийск: ДВФУ. С. 63–64.
- Крестовский В. В. (1883). Посыет, Суйфун и Ольга. Очерки Южно-Уссурийского края // Русский вестник. Т. 157. № 2. С. 740–808.
- Мизь Н. Г., Бреславец А. А. (2009). Корея — российское Приморье. Путь к взаимопониманию. Владивосток: ВГУЭС.
- Надаров И. (1887). Южно-Уссурийский край и современное его состояние. Владивосток.
- Нам С. Г. (1998). Российские корейцы: история и культура (1860–1925 гг.). М.: ИВ РАН.
- Пак Б. Д. (1995). Корейцы в Советской России (1917 — конец 30-х годов). М.—Иркутск: Иркутский гос. пед. ин-т.
- Пак В. (2013). Первые корейские семьи Южно-Уссурийского края. Владивосток: Валентин.
- Петров А. (1929). Корейцы и их значение в экономике Дальневосточного края // Северная Азия. Кн. 1. С. 41–49.
- Петров А. И. (2001). Корейская диаспора в России 1897–1917 гг. Владивосток: ДВО РАН.
- Саблин И. Д. (2020). Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. М.: Новое литературное обозрение. Серия Historia Rossica.
- Старцев А. А., Шерешев А. В. (2006). Хроника трех поколений. Бестужевы. Старцевы. Владивосток.
- Сон Ж. Г. (2013). Российские корейцы: вселились власти и бесправие этнической общности. 1920–1930. М.: Гриф и К.

- Тен Я. (1935). Корейцы Советского Союза // Революция и национальности. № 7. С. 44-48.
- Федоров А.З. (1932). Непрерывная выкормка гусениц тутового шелкопряда в Дальневосточном крае. Л.: Изд-во АН СССР.
- Фисенко С. М. (2014). Роль Александра Зиновьевича Федорова в изучении Южно-Уссурийского края (1907–1934 гг.) // Вестник ДВО РАН. № 3. С. 136–147.
- Fields-Black Edda L. (2014). Deep Roots: Rice Farmers in West Africa and the African Diaspora. Indiana University Press.
- Ho Ngoc Son, Dong Thi Linh Chi, Kingsbury A. (2019) Indigenous knowledge and climate change adaptation of ethnic minorities in the mountainous regions of Vietnam: A case study of the Yao people in Bac Kan Province // Agricultural Systems. № 176. P. 102683.
- Kim S.-Y., Ha-Brookshire J. E. (2015). How did industrial products change a society? Historical evidence of imported cotton cloth in Korea, 1882–1910 // Clothing and Textiles Research Journal. Vol. 34. № 2. P. 109–126.
- Mitsuhiko Kimura (2018). Colonial development of modern industry in Korea, 1910–1939/40 // Japan Review. Vol. 2. № 2. P. 23–44.
- Rochin Refugio I., Valdés Dennis N. (Eds.). (2000). Voices of a New Chicana on History. Michigan State University Press: East Lansing.
- Pratt M. L. (1991). Arts of the contact zone // Profession. P. 33–40.

The failure of Korean sericulture in Russian and Soviet Primorye

German N. Kim, DSc (History), Professor, Head, Institute of Asian Studies, Al-Farabi Kazakh National University; Karasai Batyr St., 95, Almaty, 050060, Kazakhstan.
E-mail: gerkim@mail.ru

Abstract. In the 19th century, in the Russian Empire sericulture developed in Kuban, Northern Caucasus, Stavropol, Turkestan and Far Eastern Primorye. In Korea, neighboring the Russian Far East, sericulture was borrowed from ancient China: some Korean settlers were skilled in sericulture — from growing mulberry trees to producing silk fabric. Although the main economic activity of Korean peasants was agriculture, in Russia they continued some other traditional activities. With the establishment of the Bolshevik power, sericulture became a collective-farm production in the mainstream of agricultural collectivization. However, sericulture ceased to exist for the following objective reasons: climate in Primorye, remoteness from silk-spinning centers, lack of infrastructure for producing silk fabric and, most importantly, the Communist Party and Soviet government directives for the development of sericulture in southern regions and the deportation of Koreans to Kazakhstan and Central Asia in 1937. Nevertheless, the history of Korean sericulture in Primorye deserves special study. The article is based on archival documents, published materials, newspapers in Russian and Korean, and studies of the history of Koreans in the Russian Far East: localization of mulberry plantations; methods and economy of sericulture (production and trade) in the domestic and foreign markets; reasons for failure of sericulture in Soviet Primorye.

Key words: sericulture, Primorye, Koreans, artel, mulberry, silkworm, cocoons, silk weaving, export

References

- Ali Zakir (1931) Za leninskuyu natsionalnuyu politiku v kolkhoznom dvizhenii sredi koreytsev DV [For Lenin's national policy in the collective farm movement among Koreans of the Far East]. *Revol'yutsiya i Natsionalnost*, no 2–3, pp. 76–81.

- Anosov S. D. (1928) *Koreytsy v Ussuriyskom krae* [Koreans in the Ussuri Region], Khabarovsk; Vladivostok: Book Business Publ.
- Bugay N. F. (2014) *Rossiyskie koreytsy: peremeny, priority, perspektivy* [Russian Koreans: Changes, Priorities, Prospects], Moscow: RAN Publ.
- Dubinina N. I. (1997) *Priamursky general-gubernator N. L. Gondatti* [Amur Region Governor-General N. L. Gondatti], Khabarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo Publ.
- Dzharylgasinova R. (1980) Osnovnye tendentsii etnicheskikh protsessov u koreytssev Sredney Azii i Kazakhstana [Main trends of ethnic processes among Koreans of Central Asia and Kazakhstan]. *Etnicheskie protsessy u natsionalnykh grupp Sredney Azii i Kazakhstana*, Moscow: Nauka, pp. 43–73.
- Fields-Black Edda L. (2014) *Deep Roots: Rice Farmers in West Africa and the African Diaspora*, Indiana University Press.
- Fisenko S. M. (2014) Rol Aleksandra Zinovievicha Fedorova v izuchenii Yuzhno-Ussuriyskogo kraia (1907–1934 gg.) [The role of Alexander Zinovievich Fedorov in the study of the South Ussuri Region (1907–1934)]. *Vestnik DVO RAN*, no 3, pp. 136–147.
- Fedorov A. Z. (1932) *Nepreryvnaya vykormka gusenits tutovogo shelkopryada v Dalnevostochnom krae* [Continuous Feeding of Silkworm Caterpillars in the Far Eastern Region], Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Gordeev T. P. (1923) Kratky ocherk shelkovodstva v s. Sinelovke Primorskoj gubernii [A brief outline of sericulture in the village of Sinelovka of the Primorsky Province]. *Primorye, ego priroda i khozyaystvo: Sb. st., sost. Nauchno-prosvetitel'skoj sekcii Primorskogo gubernskogo vystavochnogo byuro*, pp. 232–240.
- Ho Ngoc Son, Dong Thi Linh Chi, Kingsbury A. (2019) Indigenous knowledge and climate change adaptation of ethnic minorities in the mountainous regions of Vietnam: A case study of the Yao people in Bac Kan Province. *Agricultural Systems*, no 176, p. 102683.
- Kim G. N. (1922) *Koreyskiye poseleniya na russkom i sovetskom Dalnem vostokey (1864–1937)* [Korean Settlements in the Russian and Soviet Far East (1864–1937)], Almaty: Kazak universiteti Publ.
- Kim S.-Y., Ha-Brookshire J. E. (2015) How did industrial products change society? Historical evidence of imported cotton cloth in Korea, 1882–1910. *Clothing and Textiles Research Journal*, vol. 34, no 2, pp. 109–126.
- Kim Syn Khva (1965) *Ocherki po istorii sovetskikh koreytssev* [Essays on the History of Soviet Koreans], Alma-Ata: Nauka Publ.
- Kirillov A. (1894) *Geograficheskoe-statisticheskoye slovar Amurskoj i Primorskoj oblastey so vklucheniymi nekotorykh punktov sopredelnykh s nimi stran* [Geographical-Statistical Dictionary of the Amur and Primorsky Regions with Some Areas of Neighboring Countries], Blagoveshchensk.
- Kolyada A. S., Kolyada N. A. (2012) Shelkovodcheskie issledovaniya Yuzhno-Ussuriyskogo otdeleniya Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Studies of sericulture of the South-Ussuri branch of the Russian Geographical Society]. *Zhivotny i Rastitelny Mir Dalnego Vostoka*, vol. 161, pp. 63–64.
- Lelyakov A. (1926) Budushchnost shelkovodstva v Primorye [The future of sericulture in Primorye]. *Sovetskoye Primorye*, no 7–8, pp. 46–47.
- Mitsuhiro Kimura (2018) Colonial development of modern industry in Korea, 1910–1939/40. *Japan Review*, vol. 2, no 2, pp. 23–44.
- Miz N. G., Breslavets A. A. (2009) *Koreysko-rossiyskoye Primorye. Put k vzaimoponimaniyu* [Korean Russian Primorye. A Path to Mutual Understanding], Vladivostok: VGUES Publ.
- Nadarov I. (1887) *Yuzhno-Ussuriyskiy kray i sovremennoye ego sostoyaniye* [The South Ussuri Region and Its Current State], Vladivostok.
- Nam S. G. (1998) *Rossiyskie koreytsy: istoriya i kultura (1860–1925 gg.)* [Russian Koreans: History and Culture (1860–1925)], Moscow: IV RAN Publ.

- Pak B. D. (1995) *Koreytsy v Sovetskoy Rossii (1917 — konets 30-h godov)* [Koreans in Soviet Russia (1917 — Late 1930s)], Moscow; Irkutsk: IGPI Publ.
- Pak V. (2013) *Pervye koreyskie semyi Yuzhno-ussuriyskogo kraya* [First Korean Families of the South Ussuri Region], Vladivostok: Valentin Publ.
- Petrov A. (1929) *Koreytsy i ih znachenie v ekonomike Dalnevostochnogo kraya* [Koreans and their importance in the economy of the Far Eastern Region]. *Severnaya Aziya*, vol. 1, pp. 41–49.
- Petrov A. I. (2001) *Koreyskaya diaspora v Rossii 1897–1917 gg.* [Korean Diaspora in Russia in 1897–1917], Vladivostok: DVO RAN Publ.
- Pratt M. L. (1991) Arts of the contact zone. *Profession*, pp. 33–40.
- Rochin Refugio I., Valdés D. N. (Eds.) (2000) *Voices of a New Chicana on History*, Michigan State University Press.
- Sablin I. D. (2020) *Dalnevostochnaya respublika: ot idei do likvidatsii* [Far Eastern Republic: From an Idea to Liquidation], Moscow: NLO Publ.
- Son Zh. G. (2013) *Rossiyskie koreytsy: vsesilie vlasti i bespravie etnicheskoy obshchnosti. 1920–1930* [Russian Koreans: Omnipotence of Power and Disenfranchisement of the Ethnic Community. 1920–1930], Moscow: Grif i Co Publ.
- Startsev A. A., Shereshov A. V. (2006) *Khronika treh pokoleniy. Bestuzhevy. Startsevy* [Chronicle of Three Generations. Bestuzhevs. Startsevs], Vladivostok.
- Ten Ya (1935) *Koreytsy Sovetskogo Soyuza* [Koreans of the Soviet Union]. *Revolutsiya i Nacionalnost*, no 7, pp. 44–48.
- Vislennov V. N. (1884) *Koreytsy i inorodtsy Yuzhno-Ussuriyskogo kraya Primorskoy oblasti* [Koreans and non-Koreans of the South Ussuri Region in the Primorsky Region]. *Sb. glavneyshih ofitsialnykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoy Sibiryu*. Vol. IV: Inorodcheskoe naselenie Priamurskogo kraya. Part 2, Irkutsk.
- Vypasov A. (1929) *Koreytsy v selskom khozyaystve Khabarovskogo kraya* [Koreans in agriculture of the Khabarovsk Region]. *Statobozrenie "Dalny Vostok"*, no 2, pp. 37–41.

Круглый стол журнала «Крестьяноведение», посвященный 100-летию юбилею профессора Виктора Петровича Данилова

**А. В. Журавель, В. В. Кондрашин, И. А. Кузнецов, А. В. Гордон,
Е. А. Тюрина, И. Н. Слепнёв, Е. В. Данилова, В. О. Афанасенков,
А. М. Никулин**

Александр Васильевич Журавель, историк, независимый исследователь. 241022, Брянск, ул. Профсоюзов, 1. E-mail: ravell-2@rambler.ru

Виктор Викторович Кондрашин, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории, Институт российской истории РАН. 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19. E-mail: vikont37@yandex.ru

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра экономической и социальной истории, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т. Вернадского, 82, стр. 1. E-mail: kuznetsov-ia@ranepa.ru

Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН. 117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21. E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Елена Александровна Тюрина, кандидат исторических наук, научный руководитель, Российский государственный архив экономики. 119435, Москва, ул. Большая Пироговская, 17. E-mail: kanc@rgae.ru

Игорь Николаевич Слепнёв, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра экономической истории, Институт российской истории РАН. 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19. E-mail: witte@yandex.ru

Елена Викторовна Данилова, независимый исследователь. 129301, Москва, ул. Бориса Галушкина, 17. E-mail: d_anele@mail.ru

Владислав Олегович Афанасенков, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра экономической и социальной истории, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т. Вернадского, 82, стр. 1. E-mail: erpaison@gmail.com

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т. Вернадского, 82, стр. 1. E-mail: harmina@yandex.ru

25 марта 2025 года состоялся круглый стол журнала «Крестьяноведение», посвященный 100-летию юбилею выдающегося историка-аграрника, профессора Виктора Петровича Данилова (1925–2004). Участники круглого стола отметили вклад В. П. Данилова в российскую и мировую историографию, поделились личными воспоминаниями о нем и о своей работе с ним, обсудили актуальные проблемы аграрной и социальной истории. С сообщениями выступили: Александр Васильевич Журавель, историк, независимый исследователь; Виктор Викторович Кондрашин, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории ИРИ РАН; Игорь Анатольевич Кузнецов, к.и.н., старший научный сотрудник Центра экономической и социальной истории РАНХиГС; Александр Владимирович Гордон, д.и.н., главный научный сотрудник, заведующий сектором ИНИОН РАН; Елена Александровна Тюрина, к.и.н., директор Российского государственного архива экономики; Игорь Николаевич Слепнёв, к.и.н., старший научный сотрудник Центра экономической истории ИРИ РАН; Елена Викторовна Данилова; Владислав Олегович Афанасенков, младший научный сотрудник Центра экономической и социальной истории РАНХиГС. Модератором дискуссии выступил Александр Михайлович Никулин, к.э.н., главный редактор журнала «Крестьяноведение», директор Центра аграрных исследований РАНХиГС

Ключевые слова: Виктор Петрович Данилов, аграрная история, крестьяноведение

EDN: JQSTCB

А. М. Никулин: Дорогие коллеги! Мы проводим наш круглый стол, посвященный столетнему юбилею выдающегося историка-аграрника Виктора Петровича Данилова. Многие из присутствующих знали Виктора Петровича, являлись его учениками, на многих он оказал благотворное, незабываемое воздействие как ученый и человек. Между прочим, я также должен напомнить, что наш ежеквартальный академический журнал «Крестьяноведение», у которого в конце этого года будет собственный 10-летний юбилей, стремится быть достойным преемником ежегодника «Крестьяноведение», основанного еще 30 лет назад (опять юбилейная дата!) профессорами Виктором Даниловым и Теодором Шаниным. Редколлегия нашего журнала чтит память классиков крестьяноведения, сохраняя и развивая интеллектуальное и личностное наследие выдающихся аграрников России и мира, среди которых интеллектуальный образ Виктора Петровича Данилова является одним из замечательнейших и характернейших.

Мы рады приветствовать на нашем круглом столе Елену Викторовну Данилову, дочь Виктора Петровича Данилова, и хотели бы открыть нашу встречу с выступления биографического характера, которое представит ученик и друг семьи Даниловых Александр Васильевич Журавель.

А. В. Журавель «Умное семейство Даниловых»

Название моего сообщения взято из посвящения к книге С. О. Шмидта «Российское государство в середине XVI столетия». Ее мне нечаянно подарила Л. В. Данилова, не заметив, что книга — с автографом. В посвящении же Шмидта очень точно переда-

на суть уникального явления в отечественной историографии: семейство историков Даниловых было именно умным.

Историки-супругов в науке не так уж мало, но редко бывает, чтобы оба они являлись выдающимися учеными. В истории культуры я знаю лишь одну аналогию — из кинематографии: Лариса Шепитько и Элем Климов. Когда муж и жена — величины равновеликие, и нет смысла определять, кто из них крупнее и значимее. И те, и другие взаимно дополняли и помогали друг другу, оставаясь в своем творчестве совершенно независимыми и самодостаточными. Поэтому я хочу построить выступление именно в жанре двойного портрета, где буду говорить об их жизни, творчестве и творческом взаимодействии.

Круглый стол
журнала «Кре-
стьяноведение»,
посвященный
100-летию юби-
лею профессора
Виктора Петрови-
ча Данилова

Виктор Петрович и Людмила Валериановна Даниловы, начало 1950-х гг. Фото из личного архива Е. В. Даниловой

Людмила Валериановна была немного старше Виктора Петровича: ее столетняя годовщина прилась на 7 ноября 1923 года. Столетие Виктора Петровича выпало на 4 марта этого, 2025 года. Однако он был фронтовиком, и жесткий армейский опыт сделал его в житейском смысле человеком более опытным. Они повстречались в 1951 году в стенах Института истории, когда учились в аспирантуре. Бурно развивавшиеся отношения, естественно, привели к свадьбе — 4 декабря того же года.

Их независимая друг от друга жизнь сложилась, если обозначить пунктирно, так: Людмила Авдуевская, родившись в Спас-Волжино, на Смоленщине, всю жизнь провела в Москве. Окончив школу, она поступила в Московский университет на исторический факультет. Специализировалась по средневековой истории Рос-

сии, однако усердно посещала семинары А. И. Неусыхина по западноевропейскому средневековью. Ее дипломная работа на тему «Из истории Ярославского посада во второй половине XVII в.», защищенная 14 апреля 1948 года, по своему содержанию вполне тянет на современную диссертацию. Однако в аспирантуре Института истории, куда она поступила осенью того же года, ей пришлось заниматься социально-экономической историей Новгородской земли XIV–XV веков. Защищенная в 1952 году диссертация в сокращенном виде была опубликована в 1955 году под названием «Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв.».

Путь Виктора Петровича к кандидатской диссертации, защищенной в том же 1955 году, был более трудным. Родился он в Орске Оренбургской области, однако семья в 1932 году переехала в Чкалов (ныне — Оренбург). Среднюю школу Виктор Петрович окончил в 1943 году, после чего учился в Чкаловском училище зенитной артиллерии и, получив звание лейтенанта, в ноябре того же года отправился на Западный фронт, в 1871-й зенитный артиллерийский полк. За время Великой Отечественной войны побывал в нескольких странах. Демобилизовавшись 10 ноября 1946 года, Данилов уже 19 декабря того же года был зачислен на исторический факультет Чкаловского педагогического института, который успешно окончил в 1950 году¹.

После этого он поступил в аспирантуру Института истории АН СССР. В тот год происходил набор аспирантов по советской истории, и Данилов, интересовавшийся досоветским временем, пошел на этот компромисс. При этом, как Виктор Петрович сам говорил впоследствии, у него «хватило ума выбрать историю доколхозного крестьянства».

Брак в декабре 1951 года не помешал молодым ученым Даниловым интенсивно заниматься исследовательской работой. Они имели общий предмет исследования — историю сельского хозяйства в России, но в разные эпохи. Если Людмила Валериановна занималась относительно ранним периодом (до XVI в.), то Виктор Петрович осветил узловую проблему завершающей части в истории крестьянства — вопрос о материально-технических предпосылках коллективизации². Главный его вывод — если его выразить афористично — заключался в том, что таковые накануне сплошной

1. Данные об учебе В. П. Данилова в Оренбурге сообщены Д. А. Сафоновым на конференции 4 марта 2025 г.: Сафонов Д. А. (2025). Приветственное слово // В. П. Данилов и российское крестьяноведение [Электронный ресурс]: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под научн. ред. Д. А. Сафонова. Оренбург: ОГУ. С. 7–9.

2. Данилов В. П. (1957). Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М.: АН СССР.

коллективизации, начавшейся в январе 1930 года, отсутствовали. Из этого следовало, что коллективизация 1930-х годов была неподготовленной, проводилась она поспешно, вопреки ленинскому кооперативному плану. Разумеется, сказать это открыто в середине 1950-х годов В. П. Данилов не мог, но читавшие его исследование историки были поражены смелостью автора. Удивительно, что диссертацию вообще удалось защитить.

После смерти И. В. Сталина многое стало меняться, и XX съезд КПСС, осудивший его культ личности, давал молодым историкам надежду на серьезные перемены. Однако очень скоро эти надежды сменились скепсисом, так что предложение возглавить творческий коллектив для подготовки академической истории коллективизации В. П. Данилов принял с неохотой: условий для того, чтобы написать полноценное, лишенное умолчаний исследование, в то время не было.

Следует учесть и обстановку, в которой формировались исторические взгляды Данилова: он еще в юности имел возможность познакомиться с работами Н. И. Бухарина и А. В. Чаянова³. Война, изнанку которой юный лейтенант изведal полной мерой, сделала его противником Сталина: бюрократизация советского строя убивает суть идеи социализма; социализм может быть только итогом революционного творчества народа, расти снизу, а не «строиться» сверху бюрократами.

Не случайно в Институте истории Данилов сблизился с группой историков-фронтовиков (К. Н. Тарновский, А. М. Анфимов, А. Я. Аврех), составивших «новое направление» в историографии. Они полагали, что официозная историография, стремясь доказать, что Россия не отставала сколько-нибудь существенно от Западной Европы, именно по западноевропейскому образцу выстраивала как отечественную, так и всеобщую историю. На деле капитализм в России стал развиваться гораздо позже, чем на Западе, и к началу XX века он лишь формировался, а структура аграрного строя оставалась, по сути, еще докапиталистической.

Уже к тому времени стало ясно, что базовые установки «Краткого курса истории ВКП(б)», выступавшего теоретической основой для историков 1940-х — начала 1950-х годов, оставались неизменными. Если Людмила Валериановна, по воле начальства вынужденная переключиться на проблемы историографии и теории, имела возможность сослаться на труды К. Маркса, в частности, на «Формы, предшествующие капиталистическому производству», то у Виктора Петровича был, по сути, один-единственный теоретический инструмент — все тот же ленинский план построе-

3. *Выльцан М. А., Емец В. А., Слепнев И. Н.* (2011). Виктор Петрович Данилов — фронтовик, гражданин, ученый, борец за демократию и свободу // *Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке: Избранные труды. В 2 ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН. С. 31.*

ния социализма, изложенный в статье «О кооперации», а также некоторое число статей В. И. Ленина, где говорилось о политике партии по отношению к середнякам. Если официальная историография толковала коллективизацию по-сталински как адекватное воплощение ленинского курса, то Данилов, опираясь на конкретные высказывания Ленина, мог лишь подтвердить архивными материалами возможность иной интерпретации этих высказываний. Иначе говоря, в монографии 1957 года и в более поздних своих работах Данилов использовал эзопов язык, подцензурно. Полемизировать и выражать свое несогласие с официальным курсом нельзя, но можно добавить кое-какие подробности и иначе истолковать некоторые частные проблемы, вследствие чего общая картина в восприятии читателей будет не совсем такой или совсем не такой, как это выглядит в официозных изданиях.

Так поступал В. П. Данилов в первой своей монографии, где ни словом не осуждал проведение коллективизации в 1930-е годы. Автор сообщал, что в стране хоть и наращивалось производство тракторов и производилась замена сох и прочих староредедовских орудий труда плугами, но отмечал, что в 1929 году в советском сельском хозяйстве имелось всего 34 943 трактора, так что их удельный вес в энергетических ресурсах сельского хозяйства составлял лишь 2,8%, а доля сохи в Центрально-Черноземном районе, т.е. в одной из самых хлебородных частей Европейской России, продолжала увеличиваться⁴. Поэтому и его дальнейшие слова о «мануфактурном периоде» в колхозном строительстве позволяют догадаться о его истинном отношении к проводившейся с начала 1930-х годов сплошной коллективизации⁵. Оно было критическим.

При этом он не был противником коллективизации как таковой и даже приводил слова Мао Цзэдуна о том, что в определенных условиях (они имелись в России и еще в большей мере в Китае) социальное преобразование деревни должно неизбежно опережать техническое⁶, но весь вопрос — в мере, ибо «социальная революция и техническая революция в сельском хозяйстве неразрывно связаны между собой и составляют две стороны одного процесса»⁷.

После XX и особенно XXII съезда КПСС было позволено осуждать «перегибы», допущенные при осуществлении коллективизации, — при обязательной оговорке, что они не должны ставить под сомнение правильность генеральной линии партии. В подготовлен-

4. Данилов В. П. (1957). Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. С. 391.

5. «Колхозы должны были в своем развитии пережить период мануфактурного развития, когда машинно-тракторная основа только еще подводилась под их производство, когда в последнем решающую роль играли рабочий скот, конный инвентарь и ручной труд крестьян, а не система машин, приводимых в движение тракторами» (Там же. С. 392).

6. Там же. С. 397.

7. Там же. С. 7.

ном В. П. Даниловым и его коллегами двухтомнике по истории коллективизации эти послабления были использованы в полной мере, но после снятия Н. С. Хрущева со всех постов уже сверстанный первый том «Коллективизации сельского хозяйства в СССР» так и не вышел в свет. Его «доработка» и «проработка» авторов длилась целых три года⁸.

Новый идеологический курс, восстанавливая пошатнувшиеся в период с 1956 по 1964 год устои, обезличивал советскую историю: убирались имена Сталина и всяческих «врагов народа»; Сталин заменялся партией, идущей от победы к победе, а о прочих надлежало просто забыть, чтобы светлый образ партии оставался незамутненным. Нельзя было «смаковать» и так называемые перегибы и тему репрессий.

В этой обстановке В. П. Данилов, ставший к тому времени секретарем парткома Института истории, 19 февраля 1966 года выступил с докладом «Советская историческая наука и некоторые вопросы работы партийной организации Института истории АН СССР», где, прямо апеллируя к решениям XX съезда КПСС, говорил о свободе научного творчества как насущной необходимости, об избавлении от фигур умолчания и белых пятен. Умело составленный доклад, «обставленный» ссылками на классиков марксизма-ленинизма и на партийные документы, был почти неуязвим для критики, а потому власти приняли решение разделить единый Институт истории на два — Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Переизбрание новых партийных комитетов позволило избавиться от Данилова и прочих смутьянов⁹. Некоторое время Виктор Петрович ожидал ареста или ссылки куда-нибудь в глубинку, но все же остался в Институте истории СССР на должности старшего научного сотрудника, но вплоть до перестройки пребывал на положении изгоя.

Подобная же, но даже более суровая участь ожидала и Людмилу Валериановну. Если Виктору Петровичу все же было позволено выпустить двухтомник «Советская доколхозная деревня»¹⁰ и на его основе защитить докторскую диссертацию, то работы его супруги вплоть до 1982 года в рамках сектора феодализма не публиковались вообще. О ней, по свидетельству Александра Владимировича,

8. Данилов В. П. (2011). История крестьянства России в XX веке: Избранные труды. Ч. 1. М.: РОССПЭН. С. 230–338.

9. Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями. 1966–1968 гг. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 44–80; 2008. № 1. С. 61–95; 2008. № 2. С. 44–83.

10. Данилов В. П. (1977). Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука; Данилов В. П. (1979). Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука.

Б. Ф. Поршнев однажды высказался так: «Раньше таких расстреливали, а теперь мы будем перевоспитывать»¹¹.

А. В. Гордон: Но это не мои слова, это слова Виктора Петровича.

А. В. Журавель: Столь жесткое отношение к Л. В. Даниловой было следствием ее бескомпромиссности: в 1960-е годы она вела свою борьбу за свободу научного творчества и при этом посягнула на теоретическую основу «Краткого курса» — пятичленную теорию формаций.

Активно включившись в работу сектора методологии, возглавляемого М. Я. Gefтером, Людмила Валериановна стала ответственным редактором серии сборников «Проблемы истории докапиталистических обществ» и тем самым, по сути, координировала работу по этому направлению¹². Из трех сборников, готовившихся к изданию, в свет вышел в 1968 году лишь первый¹³, после чего работа над ними была насильственно остановлена.

К концу 1960-х годов Данилова подготовила монографию «Теоретические проблемы феодализма советской историографии», охватывавшую всю проблематику докапиталистических обществ, поскольку понятие феодализма применялось прежде ко всем докапиталистическим обществам — к восточным и европейским, к древним и средневековым — вплоть до нового и новейшего времени. Если бы эта книга вышла в свет вовремя, она, как и «Коллективизация», стала бы историографической «бомбой» и способна была существенно повлиять на развитие всей исторической науки в СССР¹⁴, но «обсуждалась» еще дольше, чем «Коллективизация», и издана... лишь в ноябре 2024 года¹⁵.

Л. В. Данилова наглядно показывала, что в советской историографии понятия политэкономии капитализма механически переносились на докапиталистические общества, что противоречило как взглядам К. Маркса, так и фактическому материалу, который разбирали историки; что модель развития западноевропейских об-

11. *Гордон А. В.* (2018). Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. С. 187.

12. *Журавель А. В.* (2014). По пути наибольшего сопротивления (Памяти Л. В. Даниловой) // Отечественная история. № 2. С. 98–100; *Алымов С. С.* (2024). Второй марксизм: история сборника «Проблемы истории докапиталистических обществ» в письмах и документах // Новое литературное обозрение. № 5. С. 45–60.

13. Проблемы истории докапиталистических обществ (1968). Вып. 1. М.: Наука.

14. *Алымов С. С.* (2024). Как Москва не стала мировым центром марксистской антропологии: историк Л. В. Данилова, теоретические дискуссии 1960-х годов и международные контакты советских ученых // Этнографическое обозрение. № 2. С. 89–110.

15. *Данилова Л. В.* (2024). Теоретические проблемы феодализма советской историографии / Сост., ред., вступ. ст. и коммент. С. С. Алымов, А. В. Журавель. М.: ЛЕНАНД.

ществ применялась к другим странам, вынуждая историков «обнаруживать» переходы от рабовладения к феодализму и от феодализма к капитализму там, где обнаружить их невозможно. И, возможно, самое страшное «преступление» Даниловой заключалось в том, что она — в обстановке официозной линии на умолчание фигуры И. В. Сталина — позволила себе подробно проанализировать все его теоретические высказывания и показать их механистичность. Ее анализ, между прочим, косвенно свидетельствовал, что базовые положения «Краткого курса» оставались основополагающими для советской исторической науки.

Позднее, в беседе с австралийским историком Р. Марквиком, она вспоминала: «Мы начали поздно. Осенью 1964 года все было кончено. Но наш институт продолжал еще бороться за то, чтобы либерализация продолжилась. За возвращение к подлинному марксизму, за отказ от политиканства, от идеологических шор, которые были на глазах историков. Мы боролись. Наша партийная организация боролась своими методами. Наш сектор методологии научными методами боролся против неосталинизма. Мы знали, на что мы шли»¹⁶.

В 1960-е годы историки Даниловы окончательно определились для себя: они не хотели становиться диссидентами и писать в стол, а сознательно готовили свои работы так, чтобы они могли пройти через цензуру¹⁷. Лучше сказать немного, чем ничего; фактический материал скажет больше, чем общие формулировки. Об этом косвенно свидетельствует архив Людмилы Валериановны, с которым удалось познакомиться. В нем рукописей и черновиков опубликованных работ практически нет: из-за недостатка места в квартире хранить их казалось нецелесообразным. От такой «макулатуры» Даниловы освобождались.

Но это обстоятельство играет принципиальную роль при историографической оценке трудов В. П. Данилова. Буквальное прочтение его работ советского времени и прямое сопоставление их с его статьями и выступлениями послеперестроечных времен, когда Виктор Петрович с головой погрузился в изучение и издание недоступных ранее документов по истории крестьянства и коллективизации, порождают превратное впечатление, будто он в 1990-е годы в корне пересмотрел свои прежние взгляды, что из коммуниста он переродился в неонародника или сблизился в идейном отношении с «тоталитарной историографией». Наиболее отчетливо это выражено в работе Н. Г. Кедрова¹⁸.

Однако при оценке взглядов любого ученого надо различать две стороны дела — базовую («аксиоматическую»), и критическую

16. Там же. С. 7.

17. Об этом я слышал лично от Л. В. Даниловой. Слова эти — не буквальная цитата, но за точность смысла ручаюсь.

18. Кедров Н. Г. (2019). Четыре концепции коллективизации В. П. Данилова // Крестьяноведение. Т. 4. № 3. С. 6–42.

(«теоремную»), более подвижную, зависящую от той информации, которая ему была доступна. Есть ли какие-либо основания утверждать, что Данилов к концу жизни хоть сколько-нибудь существенно изменил свою базу, т.е. представление о социализме как о порождении трудовой деятельности народа; отказался от ленинского кооперативного плана, включавшего в себя постепенное развертывание кооперации, начиная от простейших форм и завершая производственной, основанной на массовом внедрении в сельское хозяйство машинной техники; наконец, отказался от представления о том, что при Сталине произошла бюрократизация партии, так что она переставала выражать интересы народа? Ни на один из этих вопросов нельзя дать положительный ответ. Эту аксиоматику Данилов выработал еще в молодые годы и ей оставался верен до последних дней. Он оставался настоящим коммунистом, и это было главным. Он не изгибался вслед за какими угодно генеральными линиями, но по обстоятельствам жизни не мог это выразить открыто. Приходилось применять ту самую фигуру умолчания, против которой он протестовал в 1960-е годы.

Неонародником он тоже не был, так как, зная и ценя разработки А. В. Чаянова и его коллег, глядел на проблемы не глазами крестьянина-единоличника, а историка, понимающего, что самопроизвольное, без вмешательства из города, развитие множества единоличных хозяйств ведет в тупик. Переход к крупному сельскохозяйственному производству необходим, но прямо командовать крестьянами нельзя. Надо создавать условия для подобного перехода. При этом саму характеристику «народник» в смысле «защитник крестьянства» Виктор Петрович принимал, но это его этическая, а не методологическая позиция.

Таких взглядов Данилов придерживался как в 1950-е годы, так и в начале 2000-х. В конце жизни он называл это «бухаринской альтернативой», но это только новая маркировка старых идей: в советское время он не мог в полной мере выражать своих взглядов, а тем более сочувственно упоминать о Н. И. Бухарине и А. В. Чаянове.

При этом Виктор Петрович как историк развивался и совершенствовал свою «теоремную» часть. По мере того, как он знакомился с недоступными ранее источниками, критичность его высказываний по отношению к политике советской власти в годы «великого перелома» возрастала. Не удивительно, что ученый преимущественно стал обращать внимание на социально-политическую, а не социально-экономическую проблематику: ранее весь этот материал был попросту недоступен.

Я вижу только одно касающееся базы изменение: если первоначально Данилов, как и все советские историки, не имея данных о политической истории 1920–1930-х годов, видел в противостоянии советских партийных лидеров того времени идейную борьбу (как она выражалась в стенограммах партийных съездов и про-

чих открытых документах), то изучив закрытые ранее источники, он понял, что в партийных верхах шла обыкновенная борьба за власть, в которой все средства хороши; что партийные лидеры спорили о том, как добыть деньги, так что крестьянство было для них дойной коровой: спор был лишь о том, как с нее больше взять молока. Что же с коровой будет потом — не столь уж важно. Отсюда — и весьма жесткие даниловские оценки деятельности Сталина: реальное положение дел оказалось хуже, чем он думал в молодости. Но дело не только в Сталине. Хорошо помню краткую оценку только что прочитанных документов Политбюро конца 1920-х годов, которую дал Виктор Петрович, когда я спросил о его общем впечатлении. Он ответил: «Разбойники!» Он не стал говорить об одном «разбойнике» Сталине: «разбойниками» были все.

Но это было вовсе не «сближение с тоталитарной историографией», а реакция коммуниста на измену советских руководителей делу социализма. Поскольку НЭП они именно ломали. Лес рубят — щепки летят? Те, кто выжил, стал жить потом лучше, а техника в селе все же появилась? Но это позиция не марксиста, а скорее Йозефа Шумпетера, апологета капитализма.

Я не буду говорить о деятельности В. П. Данилова по подготовке и изданию сборников документов, отмечу лишь один момент. В период перестройки ранее «невъездной» историк стал наперебой приглашаться для чтения лекций в ведущие университеты Западной Европы, США и Японии, и на рубеже 1980–1990-х годов, как свидетельствовала Л. В. Данилова, на приеме в посольстве получил из уст американского посла в СССР Дж. Мэтлока приглашение возглавить кафедру в Гарвардском университете. Виктор Петрович ответил, что, как фронтовик, в трудное для страны время считает необходимым оставаться на родине. На это посол сказал: «Вы еще не знаете, что с вашей страной будет!» Мэтлок, получаясь, знал о грядущей гибели СССР...

Несколько слов о творческом взаимодействии ученых Даниловых. Нет оснований сомневаться, что они обменивались мыслями и обсуждали интересующие их вопросы на протяжении всей их совместной жизни. Это наверняка косвенно влияло и на их самостоятельное научное творчество. Общей живо интересующей их темой была судьба крестьянской общины в России; при этом Людмила Валериановна занималась ранней ее историей, а Виктор Петрович — последним этапом жизни общины. Но если Данилова выпустила об этом книгу¹⁹, то Данилов, занявшись изданием сборников, написал лишь несколько статей. Но в 1970–1990-е годы вышло несколько их совместных работ, где Людмила Валериановна готовила разде-

19. Данилова Л. В. (1994). Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука.

лы по теории и истории общины в России XI–XIX веков, а Виктор Петрович излагал материал советского времени²⁰.

В заключение нельзя не сказать и о посмертном двухтомнике избранных сочинений В. П. Данилова²¹. Основную работу по его подготовке проделала именно Людмила Валериановна. Помощь ей оказывали перечисленные в книге лица, но их роль была именно вспомогательной. Ей было в то время далеко за 80 лет, настоящий научный подвиг!

В. В. Кондрашин: Во-первых, спасибо за организацию круглого стола. Я с удовольствием послушал выступление А. В. Журавеля и многое узнал. Соглашусь с высказанной здесь критической оценкой работ Н. Г. Кедрова. Мне довелось слышать собственные воспоминания Виктора Петровича Данилова. Иногда в откровенных разговорах со мной он рассказывал, как он решил стать историком, много говорил о разных людях, о своем отношении к ним. Надо отдать должное, он всю жизнь оставался самим собой — честным коммунистом, идейным, порядочным человеком — таким он был моим лейтенантом, таким оставался и до конца. Это проявилось и в его работах. Я исповедую такую философию, может, неверную: хорошие книги пишут хорошие люди. Суть науки — это правда, честность, здесь нельзя притворяться. Виктор Петрович был очень честным человеком и честным ученым. Я написал об этом большую статью, которая будет опубликована в ближайшее время в журнале «Вестник Самарского университета».

Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с Виктором Петровичем. Она меня с ним свела так: я приехал в Институт истории со своей рукописью статьи о голоде 1933 года к Владимиру Васильевичу Кабанову. Владимир Васильевич показал мою рукопись Виктору Петровичу Данилову, так я с ним познакомился. Ему понравилась моя статья, и он сказал, что ее опубликуют. Позднее, когда я лежал, выздоравливая после операции, увидел по телевизору передачу «Мысль», и там — заседание редколлегии журнала «Вопро-

-
20. Данилов В. П., Данилова Л. В. 1) Община // БСЭ. Т. 18. М., 1974; 2) Крестьянство // Политическая экономия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1975 (соавторы: С. Н. Надель, В. Г. Растянников); 3) Основные этапы развития крестьянского хозяйства // Аграрные структуры стран Востока. М., 1977 (соавтор: В. Г. Растянников); 4) Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: Проблемы типологии. М., 1978; 5) Община // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. М., 1983; 6) Крестьянство // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. М., 1983; 7) Русская крестьянская община в современной историографии // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблемы аграрной истории: тезисы докладов и сообщений. Казань, 22–25 октября 1986 г. М.: Ин-т истории СССР, 1986.
21. Данилов В. П. (2011). История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В 2 ч. М.: РОССПЭН.

сы истории», Виктор Петрович держит в руках мою рукопись и говорит: «Здесь один молодой человек из Пензы привез нам статью о голоде, и мы будем публиковать ее в журнале». Статью опубликовали. Но тогда, при первой встрече, Виктор Петрович спросил, кто я такой. Ответил, что работаю в Сельхозинституте и у меня не получается получить направление в Институт истории, потому что, как мне сказали в отделе кадров: «Академические институты не берут аспирантов из сельхозинститутов — только из университетов и пединститутов». Виктор Петрович неожиданно предложил: «Вы будете моим аспирантом, и подавайте заявление не в очную целевую аспирантуру, а в конкурсную». Был 1988-й, первый год, когда сменилось руководство института, и Виктор Петрович стал руководителем сектора. В журнале «Вопросы истории» тогда было объявление: «Объявляется конкурс в очную аспирантуру в Институт истории СССР — два места». Подразумевалось, что нужна московская прописка и надо потом работать в институте. В конкурсную аспирантуру, где было семь человек на место, подали два заявления присутствующие здесь Игорь Николаевич Слепнёв и ваш покорный слуга. Мы были оба без московской прописки. Мы сдавали вступительные экзамены по иностранному языку на кафедре английской филологии Академии наук, у меня были проблемы с английским языком, и я знаю, что Владимир Васильевич Кабанов по просьбе Виктора Петровича даже ходил в комиссию и говорил, чтобы мне не поставили тройку. Экзамены по специальности у нас принимали Владимир Петрович Дмитренко, Валентина Александровна Твардовская, Виктор Иванович Буганов, был и Виктор Петрович Данилов.

Одним словом, я стал аспирантом, и он мне поручил разрабатывать тему, которая была для тех времен просто невероятной: о голоде 1933 года. И когда я уже защищал диссертацию, помню, на защите один из членов комиссии спросил, зачем я вообще написал на такую тему. «Да, мы понимаем, у вас там 65 архивов, вы сотни деревень прошли, вы заслужили, но — зачем?» Кстати, перед защитой — у меня была защита номер два, защита номер один была у Елены Александровны Тюриной, мы защищались в один день — Виктор Петрович сказал: «Если будут голоса против, то это будут голоса не против тебя, а против меня». Все прошло, слава богу, хорошо, и дальше началась новая жизнь.

Есть еще один момент, личный. В свое время, когда я был секретарем, я приехал к Юрию Александровичу Петрову, директору Института российской истории, он меня несколько раз приглашал работать в институте, но никак не получалось. Я приехал и сказал: «Помните, Вы предлагали мне возглавить Центр экономической истории? — Да. Но тут проблема с жильем. — Она решаема. Но у меня есть одно условие, единственное, без которого я работать в Институте не буду: чтобы Центр находился в 31-м кабинете, где раньше размещалась аграрная группа». И вот сейчас в 31-м

кабинете находится Центр экономической истории, и над столом, за которым сидел В. П. Данилов, висит его портрет.

Виктор Петрович в 1990-е годы ездил в разные страны, и результатом этих поездок были крупные международные проекты. Что-то похожее было тогда только по истории Коминтерна, и — по аграрной истории. В то время нищета была, ученые с трудом выживали, кто-то сторожил, кто-то еще чем-то подрабатывал, я работал грузчиком, на баяне в метро играл... И когда появились эти международные проекты, мы начали получать деньги, которые позволяли хотя бы элементарно нормально жить. Когда шла работа над изданием «Трагедии советской деревни», то все рабочие группы по томам имели выплаты. Включая архивистов, которые получали мизерные зарплаты в архиве, теперь могли поддерживать свое физическое существование. И это длилось несколько лет, пока шла работа над серией. Сейчас некоторые люди стали выступать с обвинениями в наш адрес, якобы если ты получал грантовые деньги, ты уже выполнял чей-то заказ. Я считаю необходимым отреагировать на это официально и подчеркнуть, что в ходе той работы и Виктор Петрович, и все, кто с ним работал, были абсолютно самостоятельны в своих научных взглядах. Разве кто-то давал команды, как им писать, как делать? Нет. Никто нигде ни разу не дал никакой команды, и ни разу эти люди никакого «заказа» не выполнили. Честные ученые всегда работают честно.

Виктор Петрович был историком международного масштаба. В этом отношении мы пытаемся продолжать его линию. Наш Центр с прошлого года начал организовывать регулярные международные конференции «Даниловские чтения». Как руководитель центра я считаю, что необходимо всеми способами поддерживать и укреплять отношения с коллегами, которые занимаются аграрной историей за пределами нашей страны. Наш Центр, например, имеет тесные связи с Белоруссией, Кыргызстаном и Казахстаном. Недавно мы издали два огромных тома «Голод в России и Казахстане» и презентовали их во время визита В. В. Путина в Казахстан. Сейчас на базе Российского государственного архива экономики, благодаря поддержке Елены Александровны Тюриной, делаем огромные по объему тома документального проекта по Целине. У нас появилась «китайская специализация», мы поддерживаем особые отношения с КНР, бываем там. В нашем Центре родилась традиция: мы провели уже три «Даниловских чтения» — это международная конференция — с участием китайских коллег и историков стран СНГ. Надеемся со временем будем собирать специалистов и из других стран.

Еще одно, о чем мне хотелось бы сказать. У Данилова была группа сподвижников, я бы сказал, великих историков-аграрников. Виктор Петрович и его команда установили определенную планку, показали, какой научный уровень должен существовать в изучении аграрной истории, в публикации документов. И мы знаем, как

надо делать. Мы видим, как сейчас порой делают сборники документов — к сожалению, почти не делают так, как надо, в том академическом ключе, как это делал, в частности, Виктор Петрович. Поэтому мы сейчас стараемся в силу возможностей держать этот уровень. И нам не стыдно за нашу работу. Я, например, уверенно себя чувствую потому, что я знаю, что я делаю так, как делал бы Виктор Петрович.

Благодаря работе команды Виктора Петровича был дан толчок аграрным исследованиям в регионах. Так появились целые школы: в Тамбове работал С. А. Есиков, в Вологде работает М. А. Безнин, целая группа историков на Урале — Г. Е. Корнилов и другие. Такого тесного содружества специалистов, как у историков-аграрников, сейчас нет ни у кого, за исключением разве что археологов. Региональные школы аграрников продолжают сегодня дело Данилова.

В этом году мы, сообщество историков-аграрников, решили широко отметить юбилей Виктора Петровича. В прошлом году в Саранске проходила очередная, 39-я сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, где я являюсь сопредседателем оргкомитета, а ученым секретарем — Игорь Николаевич Слепнёв. Сессии обычно проходят раз в два года в разных городах. Когда речь зашла о том, что ожидается столетие со дня рождения Виктора Петровича Данилова, Юрий Александрович Петров предложил провести в 2025 году внеочередную, юбилейную сессию в нашем Институте российской истории и посвятить ее памяти Данилова. Надо сказать, что сначала эта идея была не поддержана частью оргкомитета, говорили: «Почему вы решили так выделить Данилова, у нас столько выдающихся историков-аграрников, и что это мы будем теперь по каждому юбилею сессию проводить?» На это я ответил и повторю здесь, что речь идет не только о Данилове, но о целом направлении аграрной историографии — ведущем, динамично развивающемся, самом плодovitом по количеству публикаций — аграрной истории XX века. Конечно, дело даже не в плодovitости, хотя больше всего у нас пишут по XX веку, отчасти — второй половине XIX века, а по всем остальным периодам истории — гораздо скромнее, но в том огромном научном, творческом потенциале, который был реализован в последние десятилетия нашими аграрниками. Во многом, если не в решающей степени, этот высокий уровень и эти успехи были достигнуты благодаря Виктору Петровичу Данилову. Потому что именно он, по сути, первым инициировал изучение так называемых белых пятен и неудобных тем аграрной истории России XX века. Он это сделал в рамках реализации выдающихся международных проектов по изданию документов, о которых здесь уже говорили: по истории крестьянского движения, крестьянской революции, истории коллективизации, истории советской деревни периода НЭПа, по истории кооперации, наконец, по переизданию трудов выдающихся теоретиков аграрно-крестьянской экономики, имена которых тоже впервые прозвучали так

громко и весомо благодаря Виктору Петровичу Данилову. Поэтому в этом году в ноябре состоится внеочередная сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, фонд «Отечество» уже поддержал нашу заявку. Тематика сессии будет посвящена аграрным школам, аграрным центрам и ученым, мы приглашаем к участию большое число специалистов из регионов.

И. А. Кузнецов: Выступавшие коллеги упомянули в критическом контексте статью Н. Г. Кедрова о Данилове, опубликованную некогда в журнале «Крестьяноведение». Хочется возразить. В работах этого автора мне кажется верным основной посыл о том, что пришло время перейти от юбилейных статей и некрологов к объективному анализу советского этапа нашей аграрной историографии. Насколько удачно автор решил поставленную задачу — спорный вопрос, возможно, время еще не пришло, но сам тезис заслуживал публикации и обсуждения. Тем более что его оценки творчества Данилова не просто декларировались, а аргументировались.

Мне не довелось близко общаться с Виктором Петровичем, но в моем представлении он относился к тем людям, которых я называю честными коммунистами. Коммунист, в советской идеологической парадигме, представлялся исключительно ортодоксальным марксистом, большевиком-ленинцем, однако изучение трудов российских народников второй половины XIX — начала XX века, неонародников начала XX века и европейских социал-демократов привело меня к выводу, что такое представление неверно, и это понятие гораздо шире. Многие народники исповедовали коммунистические идеалы, в частности, идеи коллективного, планового хозяйства (В. П. Воронцов, Н. А. Карышев и др.). При этом к марксизму они относились творчески, находя в нем интересные для себя элементы и строя из них различные новые конструкции. Таким же образом поступали неортодоксальные марксисты социал-демократы (ревизионисты). Именно в их среде родилась теория «постепенного развертывания кооперации, начиная от простейших форм и завершая производственной», о которой А. В. Журавель говорил как о близкой мировоззрению Данилова. В эпоху Данилова в нашей стране она была известна под псевдонимом «ленинского кооперативного плана», затем «бухаринской альтернативы». Однако впервые ее высказал австриец Ф. Герц и тут же подхватили русские социалисты разных оттенков: в 1900–1901 годах его книга была четырежды переведена на русский и пересказана в лекциях Карышева²². В межреволюционный период идея восходящих фаз ко-

22. Герцц Ф. О. (1900). Аграрный вопрос / Пер. с нем. под ред. А. А. Мануилова. М.: Тов-во типографии А. И. Мамонтова; Герцц Ф. О. (1900). Аграрные вопросы / Предисл. Э. Бернштейна; пер. А. Ильинского; редакция Д. Протопопова. СПб.: Издание т-ва «Знание»; Герцц Ф. О. (1900). Вопросы аграрной политики. С предисл. Э. Бернштейна. Харьков: Типо-лит. «Печатное дело»; Герцц Ф. О. (1901). Аграрные вопросы в связи с социа-

операции плотно вошла в неонароднический дискурс, откуда ее на некоторое время, после провала своего «военного коммунизма», позаимствовали большевики. С началом коллективизации они сняли с повестки обсуждение кооперативной идеи, объявив колхоз ее воплощением. Вряд ли можно сомневаться в коммунистическом характере этой идеи, но к марксизму она не имеет отношения, противоречит классовой теории К. Маркса, она порождена другой ветвью социалистической мысли. Мне кажется, пора выйти из советской идеологической парадигмы, в которой народничество мыслилось несовместимым с коммунизмом, а приверженность народническим идеям была для советского историка преступлением. С моей точки зрения, Данилов, как и его коллеги-шестидесятники из так называемого «нового направления», как и другие яркие советские ученые-историки, безусловно оставаясь коммунистами, нередко (и неосознанно) переходили в парадигму народничества, неонародничества и других левых теорий немарксистского типа. Во всяком случае, я не вижу противоречия в том, чтобы считать Данилова одновременно и убежденным коммунистом, и неонародником.

В этом контексте — истории идей в советских гуманитарных науках — мне представляется чрезвычайно интересной и перспективной для изучения история «даниловского парткома», о которой говорил А. В. Журавель. В течение двух лет (1966–1968) Данилов возглавлял партийную организацию Института истории, поднявшую идеологический бунт против ресталинизации, за свободу дискуссий и научного творчества. На его подавление были брошены немалые силы партийно-идеологического и цензурного аппарата. Именно тогда были сформулированы многие положения новой историографической парадигмы, впоследствии развернутые историками в годы перестройки, которые в конечном счете привели к разрушению всего здания советского тоталитарного социализма, сначала идейному, затем и практическому. Такое исследование, думается, — дело следующего поколения историков, которые будут находить для истории XX века новые контексты и иные парадигмы. И, не сомневаюсь, заново откроют для себя имя Виктора Петровича Данилова.

А. В. Гордон: Краткая реплика по поводу прозвучавшего наблюдения насчет честных коммунистов и коммунизма «с человеческим лицом» — это точно, это были партийные люди, которые были выдвинуты или пробуждены XX съездом, надеждами на либерализацию и на творческое обновление марксистской теории, которая была у нас низведена до классовой арифметики. Спрашивал у Леонида Борисовича Алаева — крупнейшего индолога — как все это

лизмом. С предисл. Э. Бернштейна / Пер. с нем. под ред. И. С. Дурново. М.: Изд. книжного склада Д. П. Ефимова. Теорию Герца о 10 фазах кооперации см. в переводе А. Ильинского: с. 277–296; в пер. И. С. Дурново: с. 283–303; *Карышев Н. А.* (1905). Из литературы вопроса о крупном и мелком сельском хозяйстве. М.: тип. т-ва И. Д. Сытина. С. 169–195.

переживалось? Он говорил, что вступил в партию в этот момент, после XX съезда, в надежде на то, что будет обновление, он хотел преобразований. Потом вышел из партии в перестройку, тоже потому что хотел обновлений — такой круг получился с партийностью.

С Виктором Петровичем я познакомился заочно. Я смотрел литературу в нашем Белом зале в Институте научной информации по общественным наукам, и попалась мне рецензия в *American Historical Review* на книгу Виктора Петровича, упомянутую «Докколхозную деревню». Рецензия мне очень понравилась, потому что журнал был умный, и он здорово подмечал все особенности советской историографии, а тут — положительная рецензия. Надо сказать, что имя Виктора Петровича тогда было окружено известным ореолом, который далеко выходил за пределы русистики, истории СССР, и я его знал по сборникам востоковедения, где он публиковался благодаря связям с Виктором Георгиевичем Растянным, тоже коммунистом новаторского направления. Я позвонил Виктору Петровичу, сказал ему, что в таком-то журнале хорошая рецензия. Он совершенно не обрадовался, сказал: «Спасибо, очень приятно, но Вы это не обнародуйте, пожалуйста. Когда я защищусь, тогда можете об этом говорить».

В начале 1990-х годов я узнал, что Виктор Петрович занялся крестьяноведением, стал работать семинар в Институте российской истории. Меня это удивило: Виктор Петрович до конца, как мне кажется, оставался сторонником аграрного марксизма и классового подхода к крестьянству. Но как исследователь он был в поиске. Мировоззренческая парадигма менялась, и то, чем занимался Виктор Петрович, надо было встраивать в новую парадигму. Он это органично чувствовал. Отсюда, по-моему, очень знаменательное сближение его с Теодором Шаниным и разработка крестьяноведческих сюжетов.

Но советского крестьяноведения фактически не было, значит, надо было обратиться к изучению западных теорий. Встал вопрос об издании в России хрестоматии Теодора «Великий незнакомец». В издательстве «Прогресс» редактор Е. Н. Самойло пришла в ужас, потому что Теодор просто дал ей свою книгу «*Peasants and Peasant Societies*», нашел случайных переводчиков и устранился. Будучи вдумчивым редактором, Елена Николаевна увидела, что переводы хромают, переводчики не разбираются в теме. Приближались сроки, кто-то ее вывел на меня. Когда я увидел, в каком состоянии русское издание, меня взяла оторопь. К счастью, у нас в ИНИОНе есть коллега — Юрий Викторович Чайников, большой поклонник Чайнова, он очень хорошо знал аграрную тематику и, будучи переводчиком с польского, английский тоже хорошо знал. Он-то и выручил. При этом возник щекотливый вопрос: у Теодора даже Чайнова излагал английский автор. Куда это годилось — для России издаем, и брать иноземца, чтобы вернуть в российскую науку имя Чайнова? Нашли ту статью в оригинале. Но возник другой вопрос:

почему одного Чаянова? И вообще, почему в этой хрестоматии нет российских аграрников? Слава богу, аграрная наука в России была на мировом уровне. На свой страх и риск, не согласовав с Теодором, начал включать тексты отечественных ученых, прежде всего из организационно-производственного направления. Все шло хорошо, но, когда Теодор увидел, что получилось, он сказал: *это не Шанинская хрестоматия, а Гордонинская*. Переложил все на Виктора Петровича. Тот написал в качестве предисловия большую статью, но макет оставался тот, что подготовил я. В. П. справедливо решил, вероятно, с подсказки Самойло, что мой вклад должен быть оценен. Позвонил и сказал: хочет, чтобы моя фамилия оставалась в издании. Для меня такое предложение стало полной неожиданностью: меня же отвергли. А он ответил: «Ничего, редактором будете значиться Вы»²³. Я, конечно, согласился. Такой был чисто по-человечески очень приятный момент наших отношений!

В теоретических вопросах мы с Виктором Петровичем принципиально расходились, что отчетливо обнаружилось на сессии Симпозиума по аграрной истории в Вологде (2000 г.). В изучении сельского населения существует властная тенденция жестко привязывать крестьянскую культуру к так называемому традиционному, общинному крестьянству, ведущему натуральное хозяйство на основе ручного труда членов семьи и социально обусловленного доступа к земле. Соответственно, индивидуализация, коммерциализация и механизация рассматриваются с этих позиций как факторы раскрестьянивания. В результате вся культурная история сельского населения Земли видится лишь в аспекте деградации как утраты традиционных патриархальных черт. Такая апокалиптическая картина донельзя сходится с хорошо знакомым по русской истории народническим представлением о постоянном ухудшении крестьянской жизни, выраженным классической фразой «народ хирел, а государство пухло».

На упомянутой Вологодской сессии М. Д. Карпачев, а затем я выступили против подобных представлений об эволюции русского крестьянства в пореформенный период. Нельзя изображать крестьянина только (по удачному выражению В. Т. Логинова) «страсто-терпцем», вся история которого сводится к усилению гнета. Были в пореформенный период и позитивные сдвиги: расширение сферы занятости, рост продуктивности земли, преодоление хронических массовых голодовок. Были позитивные изменения и в культуре, связанные с благоустройством быта и с тем, что в социологической литературе называется «модернизацией личности» — развитием самосознания, личной инициативы, хозяйственной активности,

23. Великий незнакомец (1992): крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия. Пер. с англ. / Сост. Т. Шанин; предисл. к рус. изд. В. П. Данилова, под ред. А. В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия».

ослаблением того, что Лев Толстой называл «роевым сознанием». В. П. воспринял мои выкладки как покушение на теорию революции. Между тем я отнюдь не считал, что с частичным улучшением сельской жизни конфликты в деревне исчезли. Наоборот, я утверждал, что весь процесс аграрной модернизации в России (как происходило и в третьем мире) носил крайне противоречивый характер. Более того, коммерциализация и индивидуализация сельской жизни, «демонстрационный эффект», укрепление благополучия одних при пауперизации других усиливали эти противоречия.

Подобные разногласия возникали и на семинаре по аграрной истории, который учредил В. П. Данилов при поддержке Теодора Шанина в Интерцентре. О значении семинара следует сказать особо. С 1930-х годов исследования советских историков-аграрников развивались почти в полном отрыве от мировой науки. В начале 1990-х годов Шанин и Данилов поставили задачей преодолеть этот разрыв, ознакомив отечественных ученых с методами работы западных коллег. Так возник этот уникальный исследовательский и информационный институт, на заседаниях которого рассматривались важнейшие концепции аграрного развития, анализировались классические труды в этой области. Заседания вызывали большой интерес среди московских историков, а благодаря журналу «Отечественная история» их материалы становились известны общероссийской научной общественности. Бывая в регионах, я часто слышал заинтересованные отзывы местных исследователей. Показательны также ссылки на обсуждавшиеся на семинаре книги и высказанные участниками семинара мнения²⁴.

Знакомство с современной французской деревней укрепили мою убежденность в сохраняющемся значении семейной формы организации хозяйства как необходимой ячейки современного сельхозпроизводства. По этому поводу у нас с В. П. постоянно возникала полемика. Приехал он из Канады и говорит: «А. В., в Канаде семейное хозяйство изживаете». «Виктор Петрович, — отвечаю я ему, — за 100 лет до Вас в Канаде побывал Кропоткин, и он подметил, что «мамонтовы фермы» на тысячах га пашни не вытеснили ферму семейную. Если, спустя целый век, Вы отметили ее существование, значит, она заняла какую-то нишу даже в столь высокоинтегрированном национальном производстве, как канадское». В. П. подтвердил, что ниша действительно есть, например, в птицеводстве — это выращивание бройлеров, взятых в крупных инкубаторах...

Память возвращает к последней полемике с Виктором Петровичем. Проходило заседание того аграрного семинара, который ныне возглавил А. М. Никулин и который радикально изменил свой ха-

24. Материалы семинара позднее были изданы: Современное крестьяноведение и аграрная история в XX веке / Под ред. В. В. Бабашкина. М.: РОССПЭН, 2015.

ракти: 1) он обращен к проблемам современной России, 2) вместо историков тон задают социологи. Г. А. Родионова на материалах полевых исследований делала доклад о сельской бедности. При обсуждении я заговорил о том, что у проблемы, кроме социально-экономических и политических предпосылок, есть культурные аспекты. Что я имел в виду? В мировой литературе существует понятие «культура бедности». Применительно к реальностям отечественной деревни смысл его видится в том, что на определенном этапе ее трансформации экономическая бедность деревни обернулась глубокой депрессией, настроениями иждивенчества и обреченности у ее жителей. Одними госсубсидиями здесь не обойдешься — они усиливают иждивенческие настроения.

Высказав все это, я позволил себе сопоставление с современной китайской деревней. Китайский крестьянин при социализме не знал ни госсубсидий, ни даже элементарного социального обеспечения со стороны государства. В отношении школы, медицины, пособий он мог рассчитывать только на себя, свою семью, свою комму. Многие изменилось в Китае в условиях рыночных реформ; но во многих даже относительно благополучных регионах китайская деревня остается беднее российской²⁵. А вот «культура бедности», хотя и возрастает в последнее время, остается еще в КНР менее распространенным явлением. Получив возможность покончить с хроническим голодом времен агросоциализма, крестьянская масса сохраняет уверенность в значении личных трудовых усилий для улучшения своего положения; и эта уверенность — тут я сослался на свои впечатления — достаточно ощутима, становясь мощным производственным фактором. В. П. Данилов категорически отверг мои доводы. «Что же получается, — заявил он, — крестьянин сам виноват в своей нищете? А где же государство?» При этом он полемизировал не только со мной, но и с другими участниками обсуждения, которые высказывали сходные соображения. Виктор Петрович ушел крайне раздосадованным.

Были и вопросы, где наши позиции сближались. Сейчас вновь принято говорить об «объективной необходимости» коллективизации. На памятной Вологодской сессии кто-то из «традиционников» попытался скрестить позиции Виктора Петровича до перестройки и после: *Как же так, Вы же сами писали раньше о необходимости коллективизации, значении ее для победы в Великой Отечественной?* В. П. с возмущением отверг ссылку: *«Победили не благодаря, а вопреки аграрной политике Сталина»*.

Задумывая свое выступление на семинаре памяти В. П. Данилова, я колебался, позволительно ли сосредоточиться на полемике с Виктором Петровичем. Все же я выбрал такой вариант, ведь при этом выявилась замечательная особенность ученого. Будучи убе-

25. См. подробнее: *Гордон А. В.* (2006). Опыт аграрных преобразований в КНР // *Россия и современный мир.* № 2. С. 83–100.

жденным в своей правоте и последовательно отстаивая свою позицию, он постоянно давал мне возможность столь же последовательно защищать иную позицию, уважая вполне мою убежденность. Более того, начиная с издания хрестоматии Шанина «Великий незнакомец», мы постоянно сотрудничали на деловой и человеческой основе. Приятно об этом вспоминать. И думаю, поучительно.

Участники нашего мемориального собрания прекрасно знают, что самое страшное для любого человека — это забвение и самая убийственная критика для ученого — это критика молчанием. И если мы будем в своих размышлениях продолжать диалог с мыслью Виктора Петровича, отталкиваться от его трудов, даже полемизируя с ним, то дело, которое он делал в течение всей своей жизни, — правое. Главное, его человеческие качества, его натура ученого, преданного избранному делу, остаются в наших сердцах.

Е. А. Тюрина: Хотела бы сказать несколько слов о Викторе Петровиче. Я познакомилась с ним в 1979 году, а в 1980 году стала начальником отдела публикаций Архива экономики, который в то время назывался Архивом народного хозяйства (ЦГАНХ СССР). Он пришел в архив, мы тогда готовили под его редакцией сборник документов «Кооперативно-колхозное строительство в СССР». И он работал в архиве так, как никто другой. Он был ненасытен к архивным документам. Количество фронтально выявленных документов — это значит, по всем фондам, в которых могут быть нужные материалы — было огромным, складировались невероятные количества копий. Однако отобрать наиболее ценные документы из очень большого количества — это тяжелый труд. И отбор становился классикой жанра. Виктор Петрович много говорил об этом, и в период нашей работы мы, все, кто работал с ним, слышали очень много его ценных мыслей. Его первая забота состояла в том, что он понимал ограниченность источниковой базы и стремился ее преодолеть: научность, убедительность и адекватность исследования обеспечивается тогда, когда автор понимает, что привлек самый широкий круг источников из всех возможных, позволяющий осветить все нюансы, которые можно найти в этом материале. Виктор Петрович был королем этого жанра, и с ним было очень интересно работать.

С этого сборника началась вторая «эпопея» Виктора Петровича по изучению и изданию истории коллективизации. Сборник по своему замыслу был по тому времени очень прогрессивным, прорывным. Но глава архивной отрасли, начальник Главного архивного управления при Совете Министров СССР Ф. М. Ваганов, назначенный из ЦК, был злейшим врагом «правого уклона». Виктор Петрович ходил к нему на прием: нужно было разрешение на выявление документов в ЦПА ИМЛ для сборника. Писали письмо директору Института марксизма-ленинизма. Но нам отказали. Поэтому сборник, готовившийся в 1979 году, был подписан к изданию только в 1989 году и только в 1990-м вышел в издательстве «Наука» — потому что мы хотели его содержательного насыщения. В итоге здесь

впервые были опубликованы материалы различных сельскохозяйственных организаций, документы А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева. В ходе работы — когда я была уже зам. директора по науке в Архиве народного хозяйства — делала запрос в архив КГБ о некоторых исторических личностях для биографических комментариев в сборнике. Руководитель этого архива, В. К. Виноградов, разбил меня тогда в пух и прах — как я смела просить такое!

А через несколько лет мы в Центральном архиве ФСБ уже брали документы, по которым составили три огромных серии: «Трагедия советской деревни», «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» и «Голод в СССР», в подготовке которых активно участвовали сотрудники ЦА ФСБ. База документов по этой тематике, которая сейчас сложилась, — это убедительнейший источник, и это останется в исторической памяти. Это памятник на века, какие бы катаклизмы ни происходили. Два недавних тома серии «Голод в России и Казахстане» содержат документы, которые почти не нуждаются в комментариях, потому что все, что можно сказать по голоду, — все на поверхности. Виктор Петрович о таком мог бы мечтать, наверное.

И еще хочу сказать о том, что Виктор Петрович понимал международную значимость коллективных исследований, о которых здесь говорили. Среди первых зарубежных ученых, которые пришли в наш архив в начале 1990-х, был Теодор Шанин. Он нам помогал в работе с фондом А. В. Чаянова — мы организовали в архиве Чаяновский центр и приняли от его сына, Василия Александровича Чаянова, документы на хранение. Затем Роберт Дэвис, один из партнеров Виктора Петровича по переписке, как я понимаю, с 1960-х годов. Затем Моше Левин, человек, который вел у нас исследования по истории крестьянства. Также работал Алексис Берелович, были и другие исследователи, это большое сообщество людей, которых в советские времена называли «историки-объективисты». И я счастлива тем, что сообщество историков с мировым именем работали вместе с нами. Интернациональное сообщество ученых, которое организовалось, очень активно участвовало во всех наших проектах. В этом огромная заслуга Виктора Петровича, ученого высокого уровня, который тогда олицетворял российскую историографию и принимался в таком качестве всеми нашими коллегами из разных стран. Как часто говорил мой отец, физик, академик, всю жизнь проработавший в ФИАН, «наука — явление международное, иного не бывает».

И. Н. Слепнёв: Мое выступление будет более личным по характеру. С Виктором Викторовичем [Кондрашиным] я встретился со своих первых шагов на академическом поприще, познакомился с ним перед вступительными экзаменами в аспирантуру Института в 1988 году, куда мы вместе поступили. Я стал аспирантом Андрея Матвеевича Анфимова, занимался второй половиной XIX века, но мы часто пересекались и в институте, и в библиотеке. Полем пересечения у нас была тема голода, потому что Виктор Викторович занимался голодом

1932–1933 годов, а я — историей голода 1891–1892 годов, когда погибло порядка полумиллиона крестьян. Конечно, мы обсуждали все эти вопросы, находили какие-то параллели, в частности, пришли к выводу, что существовали и некоторые общие причины тех трагедий, которые постигли российское крестьянство в конце XIX века и в 1930-х годов при советской власти. Общими механизмами были процессы индустриализации. Когда мы пришли к такому выводу, Виктор Викторович сказал: «Давай я познакомлю тебя со своим научным руководителем». Надо сказать, что А. М. Анфимов был на 10 лет старше В. П. Данилова, к тому времени был консультантом и в институте не появлялся. Я приезжал к нему домой на Ленинский проспект, мы обсуждали работу над кандидатской диссертацией, он периодически давал мне какие-то поручения: поработать в библиотеке, как раз тогда готовился известный статистико-документальный сборник «Россия: 1913 год», поручил мне составлять именной указатель к сборнику «Крестьянское движение в России 1901–1904 гг.»... И Виктор Викторович представил меня Виктору Петровичу в личном общении, как аспиранта Института, в 31-й аудитории это все происходило, где сейчас висит его портрет и где находится Центр экономической истории. У нас прошла очень интересная беседа. Полагаю, Виктор Петрович общался со своим близким коллегой Анфимовым и Андрей Матвеевич замолвил словечко о какой-то поддержке своему аспиранту, то есть мне. В итоге в 1992 году, когда я защищался, оппонентом по диссертации был В. П. Данилов. Защита прошла успешно, и затем в этом же году состоялось первое заседание семинара «Современные концепции аграрного развития», созданного Виктором Петровичем с Теодором Шаниным. Данилов пригласил меня на это заседание. Первое заседание проходило не на территории Академии народного хозяйства, как все последующие, а на втором этаже во 2-й аудитории Института российской истории РАН. Я постарался по возможности эффективно использовать предоставленную площадку и изложить результаты своей работы по кандидатской диссертации, в частности, теоретические выводы о причинах голода 1867–1868 года в Смоленской губернии, 1873–1874 года в Самарской губернии, голодовок 1880–1881 и 1891–1892 годов в связи с реализацией программы строительства сети российских железных дорог в конце XIX века. Надо сказать, что тандем Т. Шанин — В. П. Данилов был гениальным. Эти семинары для меня оказались основополагающими, повлияли на структуру научных интересов и дальнейшей работы.

Середина 1990-х была тяжелейшим временем для ученых, с полуннищенскими зарплатами, с полуннищенским существованием. У входа в Институт висели всякие предложения о дополнительном заработке. Я даже несколько месяцев брал подработку: несколько часов в неделю нужно было обходить недвижимость, и за это я получал больше, чем за месяц работы в институте. В самом Институте была конкуренция за место уборщицы... В общем, ситуация была тяжелая. И одновременно мне поступали предложения о переходе в международный

отдел Академии наук, в только что созданные научные фонды. В 1992 году был создан РФФИ, из него в 1994 году отпочковался РГНФ. Было сложно принять решение о кардинальном переходе, и я посоветовался с Виктором Петровичем. Он одобрил. В итоге я перешел в РГНФ. В Фонде наши контакты не прекратились: во-первых, он работал в экспертной системе, во-вторых, позволял мне поддерживать научную квалификацию тем, что приглашал участвовать в семинаре «Современные концепции аграрного развития» и в конференции «Куда идет Россия?». В 1994 году проходила российско-американская конференция «Менталитет и аграрное развитие России», организованная при участии Института российской истории и МГУ. Со стороны Института конференцию возглавил Данилов, со стороны МГУ — Л. В. Милов, меня пригласили в качестве ученого секретаря. В итоге по результатам конференции был издан до сих пор интересный сборник статей²⁶. Еще хотелось бы сказать о внимательном и бережном отношении Данилова к наследию своего соратника, А. М. Анфимова, ушедшего из жизни в 1995 году. Благодаря его усилиям была подана заявка и поддержан проект издания сборника документов «Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.», который в советское время не мог увидеть свет по каким-то идеологическим соображениям — единственный том из знаменитой Дружининской серии. Данилов в это время развивал теорию крестьянской революции 1902–1922 годов, начало которой рассматривалось в связи с Харьковскими и Полтавскими событиями 1902 года. И эта завершающая часть Дружининской серии была издана²⁷. Оставалась не опубликованной последняя, итоговая работа Андрея Матвеевича о Столыпинской аграрной реформе, носившая рабочее название «Реформа на крови». Долго это не удавалось, в 1991 году был рассыпан набор этой книги в издательстве «Наука», он рукопись и в Японию переправлял, и в Индии пытался найти издателя... И тогда Виктор Петрович опубликовал в первом выпуске ежегодника «Крестьяноведение» пятую, самую острую главу этой книги²⁸. И этим во многом поспособствовал тому, что через несколько лет в Институте российской истории по инициативе А. П. Корелина издали книгу под названием «Столыпин и российское крестьянство»²⁹. В заключение хотелось бы поблагодарить журнал «Крестьяноведение» за организацию и приглашение на этот круглый стол и повторить, что 2025

26. Менталитет и аграрное развитие России: XIX–XX вв. (1996): материалы международной конференции. Москва, 14–15 июня 1994 г. / [Редкол.: В. П. Данилов, Л. В. Милов (отв. редакторы) и др.]. М.: РОССПЭН.

27. Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. (1998): сборник документов / Отв. ред. А. М. Анфимов. М.: Наука.

28. Анфимов А. М. (1996). Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) (глава из книги) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М.: Аспект-пресс. С. 60–95.

29. Анфимов А. М. (2002). П. А. Столыпин и российское крестьянство. М.: ИРИ РАН.

год столетия В. П. Данилова. На базе Института российской истории, Центра экономической истории будут проводиться и Четвертые Даниловские чтения, а 12–14 ноября этого года состоится внеочередная XL сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, одного из старейших научных форумов России, действующего с 1957 года. Сессия будет посвящена научным школам российской аграрной истории и 100-летию со дня рождения В. П. Данилова.

Е. В. Данилова: В первую очередь я благодарна всем коллегам, кто сказал здесь добрые слова про моего отца. Это очень важно для меня. Я услышала немало интересного, нашла подтверждение некоторым своим мыслям. Для меня самым главным в отце была его очень высокая морально-этическая планка и гражданственность. И решение, о котором здесь говорили, не писать «в стол», а идти на хоть какой-то возможный компромисс, — было принято ради гражданственности, чтобы ситуация постепенно как-то менялась. И я рада, что в какой-то степени это у него получилось. Служение науке состоялось. Мои родители были людьми служащими. Конечно, у них был и чисто научный интерес, было и стремление к самореализации исследователя, но был и мотив служения, поиска правды. Они были, говоря религиозными словами, «алчущими и жаждущими правды». Конечно, эволюция взглядов у отца была. В армии он был пламенным комсомольцем. По его словам, после войны уже стал антисталинистом. Мама гораздо медленнее шла в этом плане. Еще я хотела сказать, что жизнь родителей была очень тяжелой. Именно из-за проблем научных исследований. Они чувствовали себя загнанными в угол и до, и даже отчасти после перестройки, хотя у отца эти поездки по региональным архивам и были отдушиной. А работу в архивах он считал сверхважной, но он все-таки хотел написать и теоретическую работу, которую не успел. Видя их проблемы в конце советского времени, я даже считала, что работать в области гуманитарных наук вообще невозможно. Наверное, поэтому выбрала физику.

Е. А. Тюрина: Мне о Вас рассказывал Юрий Николаевич Вавилов, он тоже в ФИАНе работал.

Е. В. Данилова: Мы с ним работали в одной лаборатории.

В. О. Афанасенков: Мне не довелось знать Виктора Петровича лично в силу моего возраста. Когда его не стало, я только-только заканчивал первый класс. Однако мне выпала честь сравнительно близко, пускай и не очень долго, знать Теодора Шанина. В последние полтора года его жизни мы на более или менее регулярной основе встречались и беседовали на разные темы. По большей части я рассказывал о прочитанном за время, прошедшее с момента нашей последней встречи. В это время я знакомился в том числе и с работами Виктора Петровича. Теодор периодически прерывал меня и давал комментарии. Почти всегда разговор выводил нас к Виктору Петровичу. Если Теодор слышал что-то ценное, новое, он с горечью говорил: «Жаль, Виктор этого не слышит». Почти всегда это кончалось одинаково. Думаю, я имею право говорить об этом, так как это факт,

известный не только близким к Теодору людям. Он был человеком очень эмоциональным, и своих эмоций не стеснялся. Своих слез он не скрывал, скорбя о своем друге. Теодор так и не смог принять его потерю, примириться с ней. В прошлом году изданы мемуары Теодора Шанина³⁰. Мне кажется, упоминающийся в них образ Виктора Петровича был ключевой, связывающий воедино все осколки шанинских воспоминаний о России.

А. М. Никулин: Уважаемые коллеги, наш круглый стол завершает свою работу. Сегодня нам удалось обсудить многие замечательные, дорогие черты Виктора Петровича Данилова, воссоздавая в памяти его образ настоящего ученого и человека. В развитие ваших воспоминаний кратко поделюсь своими мыслями о Викторе Петровиче.

Я впервые познакомился Даниловым в годы перестройки, будучи аспирантом сектора истории экономической мысли Института экономики СССР (тогда еще не РАН), когда меня попросили организовать встречу стажировавшегося в нашем секторе японского ученого Садаму Кодзими с Виктором Петровичем Даниловым. Вот так с профессором Кодзимой мы оказались в гостях у профессора Данилова в его уже упоминавшемся легендарном 31-м кабинете в Институте истории СССР. Садаму Кодзима — японский чаяновед³¹ — много расспрашивал Виктора Петровича об аграрной мысли и политической ситуации 1920-х годов в СССР. Для меня, писавшего в то время диссертацию по научному наследию А. В. Чаянова, эта беседа была чрезвычайно интересной и полезной. Начиная с этой встречи и в неоднократных последующих научных событиях и мероприятиях с иностранными коллегами я имел возможность убедиться, насколько для многих из них (от Моше Левина до Джима Скотта) во многом центральной интеллектуальной фигурой аграрной исторической науки советского периода являлась личность Виктора Петровича Данилова.

С середины 1990-х годов, почти десять лет, мне пришлось работать рядом с Виктором Петровичем в Центре крестьяноведения и аграрных реформ Интерцентр/МВШСЭН. Здесь я, занимаясь преимущественно современной сельской социологической проблематикой под руководством Теодора Шанина³², с интересом наблюдал за работой историков, коллег Виктора Петровича Данилова и его ассистентов — сначала Анастасии Растеряевой, а затем Сергея Мякинкова.

30. Шанин Т. (2024). *Стать Теодором: от ребенка войны до профессора-визионера*. М.: Новое литературное обозрение.

31. Чтобы не было путаницы в упоминании японских ученых-однофамильцев, отмечу, что кроме профессора Садаму Кодзими с Виктором Петровичем поддерживал сотрудничество другой замечательный японский профессор-аграрник Сюити Кодзима.

32. Мои впечатления о дружбе и взаимоотношениях Виктора Данилова и Теодора Шанина я описал в интервью: Докторов Б. Э., Никулин А. М. (2020). Теодор Шанин: крестьяноведение и Россия // *Крестьяноведение*. Т. 5. № 3. С. 155–157.

Это было как раз время работы Данилова над его знаменитыми многотомными архивными российскими и международными проектами о крестьянских войнах, трагедии раскулачивания и коллективизации советской деревни, рядом других исследований. Конечно, наши даниловские исторические и шанинские социологические исследовательские сюжеты при этом часто пересекались в издании ежегодника «Крестьяноведение», проведении крестьяноведческого семинара «Современные концепции аграрного развития», организации историко-социологических секций «Пути России».

Данилов производил на меня большое впечатление не только как глубокий ученый-исследователь, в нем был виден дар именно крупного руководителя и организатора науки, дар, который, на мой взгляд, был прерван, заблокирован его двадцатилетней идеологической опалой 1960–1970-х годов.

Я напомним, что на междисциплинарном симпозиуме «Пути России» в 1990-е годы и в начале 2000-х тон задавали шестидесятники-обществоведы. Как-то, наблюдая на симпозиуме за выступлениями социолога Юрия Левады, экономиста Льва Никифорова, историка Виктора Данилова, я осознал, что все они во второй половине шестидесятых годов были молодыми яркими учеными, руководителями партийных организаций своих академических институтов. И каждому из них в конце 1960-х — начале 1970-х годов пришлось попасть под огонь ортодоксально-консервативной критики, инициировавшей против них и их коллег идеологические кампании травли с взысканиями по партийной линии, отстранением от руководства научной и партийной работой. Именно в то время была в значительной степени загублена та самая альтернатива социализма с человеческим лицом, ярким выразителем которой являлся Виктор Петрович. Все же, несмотря на все зигзаги российского исторического процесса, давайте беречь и развивать умение мыслить альтернативами. В этом пусть нашим надежным ориентиром будет профессиональное и этическое наследие Виктора Петровича Данилова.

В заключение от имени редколлегии журнала «Крестьяноведение» я рад объявить о принятом решении в каждом из номеров нашего журнала в этом, 2025 году публиковать тексты, связанные с памятью профессора Данилова, значит, готовим к публикации и материалы нашего сегодняшнего круглого стола. Всем большое спасибо!

Round table of the Russian Peasant Studies for the 100th anniversary of Professor Viktor Petrovich Danilov

Alexander V. Zhuravel, Historian, Independent Researcher. Profsoyuzov St. 1, Bryansk, 241022, Russia.

Viktor V. Kondrashin, DSc (History), Chief Researcher, Head of the Center for Economic History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.

Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russia. E-mail: vikont37@yandex.ru

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher at the Center for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, building 1, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: kuznetsov-ia@ranepa.ru

Alexander V. Gordon, DSc (History), Chief Researcher, Head of the East and Southeast Asia Sector, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Nakhimovsky prosp., 51/21, Moscow, 117418, Russia.
E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Elena A. Tyurina, PhD (History), Scientific Director of the Russian State Archive of Economics. B. Pirogovskaya St., 17, Moscow, 119435, Russia. E-mail: kanc@rgae.ru

Igor N. Slepnev, PhD (History), Senior Researcher of the Center for Economic History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russia.

Elena V. Danilova, independent researcher. Boris Galushkin St., 17, Moscow, 129301, Russia. E-mail: d_anele@mail.ru

Vladislav O. Afanasenkov, Junior Researcher at the Center for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, building 1, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: erpaison@gmail.com

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, bldg. 1, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. On March 25, 2025, a round table of the *Russian Peasant Studies* for the 100th anniversary of the outstanding agricultural historian, Professor Viktor Petrovich Danilov (1925–2004), was held. The participants noted the contribution of V. P. Danilov to the Russian and world historiography, shared personal memories of him and work with him, and discussed current issues of agricultural and social history. The following participants made presentations: Alexander V. Zhuravel, Historian, Independent Researcher; Viktor V. Kondrashin, DSc (History), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Economic History of the Institute of Russian History, RAS; Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Center for Economic and Social History, RANEPa; Alexander V. Gordon, DSc (History), Chief Researcher, Head of the East and Southeast Asia Sector, INION RAS; Elena A. Tyurina, PhD (History), Head of the Russian State Archive of Economics; Igor N. Slepnev, PhD (History), Senior Researcher, Center for Economic History of the Institute of Russian History, RAS; Elena V. Danilova; Vladislav O. Afanasenkov, Junior Researcher, Center for Economic and Social History, RANEPa. The discussion was moderated by Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Editor-in-Chief of the *Russian Peasant Studies*, Head of the Center for Agrarian Studies, RANEPa.

Key words: round table, outstanding agricultural historian, Viktor Petrovich Danilov, Russian and world historiography, shared personal memories, current issues of agricultural and social history

Трансформация аграрной политики России в XXI веке: переход от поддержки производителей к поддержке потребителей?

А. А. Еланская

Александра Андреевна Еланская, кандидат географических наук, научный сотрудник, Центр агропродовольственной политики ИПЭИ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82. E-mail: elanskaya-aa@ranepa.ru

Аннотация. Целью статьи является выявление направлений и результатов трансформации аграрной политики в России с начала тысячелетия. Использована методика ОЭСР для оценки структурных сдвигов как результата политики в РФ и сопоставления с другими странами. Выявлена трансформация в сторону поддержки потребителей, несмотря на то что поддержка сельхозпроизводителей остается главной статьей и в ней преобладают искажающие рынок меры. При этом сократилась ценовая поддержка сельхозпроизводителей за счет потребителей, увеличилась доля расходов на общие услуги и поддержку потребителей, что приближает российскую аграрную политику к политике развитых стран. Несмотря на то что в России отсутствует продовольственная поддержка как часть аграрного бюджета, государство активно поддерживает спрос на продовольствие. Сделаны оценки размера субсидий населению, идущих на питание, и их роль в формировании платежеспособного спроса на продукты. Сделан вывод, что российская аграрная политика неспешно смещается в сторону все большей поддержки потребителя.

Ключевые слова: аграрная политика, экспортно-ориентированная аграрная политика, ОЭСР, поддержка производителей, поддержка потребителей, поддержка общих услуг, продовольственная помощь, программы школьного питания

EDN: JVIVTG

С начала XXI века условия функционирования сельского хозяйства в России кардинально менялись, что выражается в основных характеристиках аграрного сектора, а также в приоритетах политики.

В 1990-е годы российская экономика, в частности сельское хозяйство, переживала кризис, связанный со структурной трансформацией и переходом к рыночным условиям. Сельское хозяйство одновременно испытало шок отказа от государственного планирования и регулирования цен, что обрушило всю систему реализации продукции и поставок ресурсов (Узун, Шагайда, 2015). Производство сельскохозяйственной продукции страны не обеспечивало внутренних потребностей. В связи с этим политика того времени была направлена на рост внутреннего производства при создании благоприятных условий для импорта в целях насыщения внутрен-

него рынка. В Распоряжении Правительства от 27 июля 2000 года¹ были обозначены следующие задачи на 2001–2010 годы: ускоренное восстановление производства зерна; создание запасов базовых продовольственных продуктов; обеспечение единства агропродовольственных рынков в стране путем беспрепятственного перемещения товаров, услуг и ресурсов; осуществление разумного протекционизма при импорте продовольствия и др.

В 2006 году был принят Закон «О развитии сельского хозяйства», основными целями которого были повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции; обеспечение устойчивого развития сельских территорий; сохранение и воспроизводство природных ресурсов; формирование эффективного аграрного рынка; повышение объема инвестиций в отрасли и паритет индексов цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию (услуги), используемую сельхозпроизводителями². Эти же цели — с небольшими изменениями — были отражены в Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (далее — Госпрограмма) на 2008–2012 гг.³

В последующей версии Госпрограммы 2013–2021 гг. наряду с повышением конкурентоспособности продукции и развитием сельских территорий была обозначена новая цель — ускоренное импортозамещение для обеспечения продовольственной независимости России в параметрах, заданных Доктриной продовольственной безопасности (далее Доктрина)⁴ (Маслова и др., 2019). Так, фокус аграрной политики сместился на достижение самообеспеченности в условиях ограниченного импорта сельскохозяйственной продукции.

В настоящее время основной целью развития сельского хозяйства остается наращивание собственного производства и экспорта сельскохозяйственной продукции, что обозначено в Госпрограмме 2022–2030 гг. и в Национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.⁵ Кроме того, в марте 2025 года в Доктрину был внесен новый пункт — об обеспечении глобальной про-

1. Основные направления агропродовольственной политики Правительства Российской Федерации на 2001– 2010 годы (одобрены на заседании Правительства РФ 27 июля 2000 г.)
2. Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О развитии сельского хозяйства»
3. Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 (ред. от 25.12.2024) «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»
4. Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»
5. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»

довольственной безопасности, что также подчеркивает внешнюю ориентацию развития сектора⁶.

Таким образом, с начала 2000-х годов приоритеты политики в области сельского хозяйства России трансформировались: от обеспечения продовольствием населения с помощью роста собственного производства и импорта до самообеспеченности при ограничении импорта и экспортной экспансии (Алтухов, 2019; Ромашкин, Киселев, 2020).

Менялась и ситуация в аграрном секторе страны. В условиях наращивания производства при сложившемся платежеспособном спросе выросли объемы излишков сельскохозяйственной продукции, что увеличило разрыв между импортом и экспортом продовольствия — с 2021 г. Россия стала нетто-экспортером (Ушачев и др., 2022; Терновский, 2023). Индикаторы самообеспеченности по основным продуктам (критерий продовольственной независимости по Доктрине 2020 г.) достигнуты, исключая овощи, молоко, фрукты и соль (табл. 1). Однако фактический рацион питания россиянина остается несбалансированным относительно рациональных норм потребления, рекомендованных Минздравом РФ (Шагайда и др., 2025). С одной стороны, отмечается недостаточное потребление фруктов, овощей, молока и рыбы (по методике ФАО эти продукты должны быть приоритетными для обеспечения внутренних потребностей населения (The State of Food Security..., 2024). С другой стороны, избыточное потребление сахара, хлебных продуктов, растительных масел, яиц и мяса (табл. 1).

Таблица 1. Уровень самообеспечения основными продуктами питания и соотношение фактического и рекомендуемого потребления на 1 чел. в России

Основные продуктовые группы	Уровень самообеспечения основными продуктами питания, %		Критерий продовольственной независимости по Доктрине (не менее), %	Соотношение факт. и реком. потребления на 1 чел. в год, %*	
	2016	2023		2016	2023
Зерно / Хлебные продукты	160	173,5	95	126	115
Мясо / Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	90,6	101,7	85	100	108
Молоко / Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	80,7	86	90	71	77
Яйца	97,1	98,6	-	106	112

6. Указ Президента РФ от 10 марта 2025 г. № 141 «О внесении изменений в Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20»

Картофель	93,2	101	95	99	96
Овощи и бахчевые культуры	87,4	89,1	90	72	75
Фрукты и ягоды	36,5	44,6	60	60	66
Сахар / Сахар и кондитерские изделия ⁷	105,9	108,5	90	158	488 ⁸
Соль поваренная	66,2	65,4	85	н.д.	н.д.
Масло растительное	142,6	226,9	90	113	115
Рыба и рыбопродукты в живом весе	140,6	152,9	85	101	81

* По данным балансов продовольственных ресурсов
Составлено автором по данным Росстата, Минсельхоза

В 2024 г. были обозначены новые национальные цели развития, где в части сельского хозяйства предписано увеличить производство продукции АПК относительно 2021 г. к 2030-му на 25% и экспорт в 1,5 раза⁹. В 2025 г. ожидается запуск национального проекта «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности», который должен снизить импортозависимость по технологиям, а также дефицит кадров в АПК¹⁰. Все эти активности должны были отразиться в формальных индикаторах, которыми оценивают аграрную политику.

В России существует практика официальной оценки аграрной политики через индикаторы, отраженные в Госпрограмме поддержки сельского хозяйства¹¹ (индексы и стоимостные показатели — рост объема продукции, инвестиции, доля российских семян, ...). Однако такой подход не позволяет увидеть структурные изменения в проводимой политике, формулировать ее результаты в терминах, пригодных для международных сопоставлений. Кроме того, ограничения в получении информации в России и через российские источники вынуждают применять данные, которые доступны. Такими данными является база ОЭСР, куда информация вносится на основе деклараций, подаваемых официально на основе взаимодействия

7. В 2020 г. пересмотрена норма потребления с 24 до 8 кг/чел. в год.

8. Резкий уровень перепотребления связан с пересмотром в 2021 г. нормы по сахару — ее сокращению с 24 до 8 кг на человека в год.

9. Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»

10. О национальном проекте «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности». <http://government.ru/rugovclassifier/924/about/>

11. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Утверждена постановлением Правительства от 14 июля 2012 года № 717. <http://government.ru/rugovclassifier/815/events/>

ОЭСР и РФ¹². Именно поэтому для целей настоящей статьи будет использоваться инструментарий ОЭСР по оценке и мониторингу аграрных политик. Цель статьи — выявление направлений и результатов трансформации политики в области сельского хозяйства России на протяжении первой четверти XXI века.

Методика

Подходы к выявлению направлений трансформации политики в области сельского хозяйства могут основываться на изучении динамических рядов в структуре финансовой поддержки, направленной на разные цели, связанные с сельским хозяйством, экспортом сельскохозяйственных продуктов, поддержке потребителей, включая конечных потребителей (в случае ограничения цен в розничной торговле); документов, регулирующих экспортно-импортную политику; целей создания инфраструктурных проектов (для экспорта или местных нужды); содержания стратегических документов, затрагивающих вопросы сельского хозяйства и доступности продовольствия. Проведенный в ходе подготовки анализ по всем этим направлениям выявил, что в стране поддерживаются в большей мере производители. Однако поддерживаются и потребители за счет различных программ социальной помощи, а также ситуативно за счет контроля цен на продовольствие (Узун, 2023; Потапова, 2023) и ограничений экспорта (напр., на зерно в России 2010–2022 гг., которые снижали цены для внутреннего рынка (Узун, Терновский, 2023; Светлов, Терновский, 2024)). Таким образом, политика в области сельского хозяйства в России разнонаправленная: поощряет производителя производить больше и экспортировать, создает экспортную инфраструктуру, ограничивает внешнюю торговлю, вводит предельные розничные цены, чтобы сдерживать рост цен для потребителя. Все эти данные есть, но они не позволяют сделать более формальные выводы о структурных изменениях.

Методика «Организация экономического сотрудничества и развития» (ОЭСР) дает возможность изучать структурные трансформации, поскольку предоставляет инструменты оценки общего уровня поддержки, главных бенефициаров. Динамические ряды данных проявляют не только сами пропорции поддержки в отдельный год между основными бенефициарами государственной политики (производителей и потребителей), но и их изменение в динамике. Широкий охват стран, по которым ОЭСР проводит мониторинг политики в области сельского хозяйства (54 стран мира), позволяет проводить международное сопоставление. В настоящей статье используются основные индикаторы ОЭСР по оценке политики и ее мониторингу (Trade and agriculture directorate..., 2016).

12. Распоряжение Правительства РФ от 20.03.2014 № 409-р (ред. от 21.04.2020)

Оценка совокупной (агрегированной) поддержки (Total Support Estimate — TSE) — сумма бюджетных платежей (со знаком плюс: прямые выплаты производителям, финансирование общих услуг, субсидии потребителям), а также рыночные трансферты от потребителей к производителям (со знаком плюс: если внутренние цены внутри искусственно завышены относительно мировых) или от производителей к потребителям (со знаком минус: если внутренние цены занижены относительно мировых).

Поддержка производителей (Producer Support Estimate — PSE) — включает в себя все формы поддержки, которые прямо или косвенно влияют на доход сельхозпроизводителя (прямые бюджетные выплаты, доходы от потребителей за счет разницы между мировой и внутренней ценой (с плюсом или минусом) за счет импортных пошлин (с плюсом) и экспортных ограничений (с минусом), налоговые льготы и скрытые субсидии (специальный тариф на перевозку зерна, например).

Оценка поддержки общих услуг (General Services Support Estimate — GSSE) — сумма годовых трансфертов для финансирования видов деятельности, предоставляющих услуги сельскому хозяйству: сельскохозяйственные исследования и разработки; инспекция и контроль безопасности продукции; развитие и поддержание инфраструктуры; обслуживание государственных запасов; услуги по маркетингу и продвижению продукции, докапитализация компаний, деятельность которых направлена на всех сельхозпроизводителей, и так далее.

Оценка поддержки потребителей (Consumer Support Estimate — CSE) — сумма годовых трансфертов потребителям, включая первичных. В России, например, в 2021 г. применялись государственные субсидии в рамках соглашений с мукомольными предприятиями¹³ на приобретение последними зерна в целях предотвращения роста цен на муку и далее — на хлеб. Государственные программы распределения продовольственной помощи, которые связаны с поддержкой сельского хозяйства и идут через аграрный бюджет, также включаются в CSE. На стадии анализа CSE выявились страновые особенности отражения субсидий, которые прямо или косвенно направлены на поддержку конечных потребителей. В одних странах учитываются, а в других — нет. С этим связана проблема сопоставимости данных по странам. Например, во многих странах такие субсидии идут через бюджеты других ведомств. Они являются поддержкой семей, часть которой идет на питание, но они не «окрашены» (т.е. не закреплены только за целью «приобретение продуктов»), не идут через аграрный бюджет, как, например, в ЕС. При формальном отсутствии программ продовольственной помощи в ЕС вряд ли кто может ска-

13. Российские мукомолы заключили соглашения для получения субсидий на 2,88 млрд рублей. <https://tass.ru/ekonomika/10748563>

зять, что в ЕС нет помощи для нормализации питания в уязвимых семьях. Аналогичная ситуация в России, где социальные платежи семьям для различных целей могут доходить в необеспеченных группах до более чем четверти денежного дохода: в первой децильной группе по доходам в среднем — 22,6% (Росстат, выборочные наблюдения, 2023¹⁴). Очевидно, что часть этих денег тратится на еду, так же как часть денег, которые идут через продовольственные талоны, не увеличивает в полной мере бюджет на питание, так как семьи ими замещают свои средства и используют на другие цели¹⁵.

NPC потребителей (Nominal Protection Coefficient for Consumers) — соотношение внутренней цены и внешней цены на продовольствие с учетом доставки. Показатель дает представление о том, насколько система государственных мер обеспечивает уровень внутренних цен для потребителя относительно мировых, рассчитывается по основным сельхозпродуктам и в целом.

Данные

В настоящей статье использовались данные:

— ОЭСР (OECD Data Explorer — <https://data-explorer.oecd.org/>);

— Росстат (Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах; Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств; Социальное положение и уровень жизни населения России; Уровень самообеспечения основными продуктами питания по Российской Федерации).

Результаты обработки данных

Инструменты ОЭСР позволяют получать расчетные показатели на основе данных Российской Федерации, передаваемых в ОЭСР. В таблице 2 показана динамика относительных показателей совокупной поддержки сельского хозяйства России. Для сравнения также приведены данные по странам — крупным производителям продовольствия, реализующим разные типы аграрных политик.

14. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах 2024 г. // Росстат [Эл. ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/VNDN-2024/index.html (дата обращения: 15.04.2025)

15. USDA Economic Research Service. The Impact of SNAP on Food Spending (USDA, 2018)

Таблица 2. Динамика уровня господдержки сельского хозяйства в отдельных странах мира

Страны	Совокупная поддержка к ВВП (%TSE)			Поддержка производителей к их доходам (%PSE)		
	2000–2002	2011–2013	2021–2023	2000–2002	2011–2013	2021–2023
США	0,7	0,5	0,5	19,4	7,3	8,1
ЕС	1,0	0,7	0,6	29,8	18,8	16,0
Китай	2,0	2,2	1,7	5,1	13,0	14,0
Индонезия	1,2	2,8	0,7	5,3	17,0	5,2
Бразилия	0,7	0,6	0,5	7,6	5,2	3,3
Россия	0,8	0,8	0,3	7,1	14,8	2,6

Составлено автором по данным ОЭСР

Данные свидетельствуют о том, что в последние анализируемые годы уровень совокупной поддержки сельского хозяйства относительно ВВП в России снизился. Сопоставление стран показывает, что это общая тенденция. Падение совокупной поддержки — негативный факт для производителя, но может быть позитивным фактором для потребителя. Потребитель формирует часть совокупной поддержки производителю за счет своей переплаты за продукцию на внутреннем рынке, которая стоит дороже, чем на мировом рынке. Если российский продукт становится конкурентнее относительно мирового, то переплата сокращается (что хорошо для потребителя), как и совокупная поддержка (что хуже для производителя). В этой связи этот показатель — результат аграрной политики для производителя. Выгоды или потери потребителя нужно анализировать с привлечением других данных. Так, в России в 2021–2023 гг. расходы консолидированного бюджета на сельское хозяйство росли как в номинальных, так и реальных ценах (рис. 1). Таким образом, бюджетные субсидии в сельское хозяйство не уменьшились, притом что совокупная поддержка сократилась. Однако правительство страны в условиях роста цен на внешних рынках предприняло меры по ограничению внутренних цен. Самым значимым было введение экспортных пошлин на зерно, квотирование экспорта или даже запрет вывоза¹⁶. Это привело к занижению внутренних цен и недополучению части доходов сельхозпроизводителями. Несмотря на то что увеличились бюджетные трансферты, совокупная поддержка сельского хозяйства снизилась за счет сокращения ценовой поддержки потребителями. При этом потребители остались в выигрыше (рис. 1).

16. Интерфакс «РФ продлила запрет на экспорт риса до конца 2024 года». <https://www.interfax.ru/business/969603>

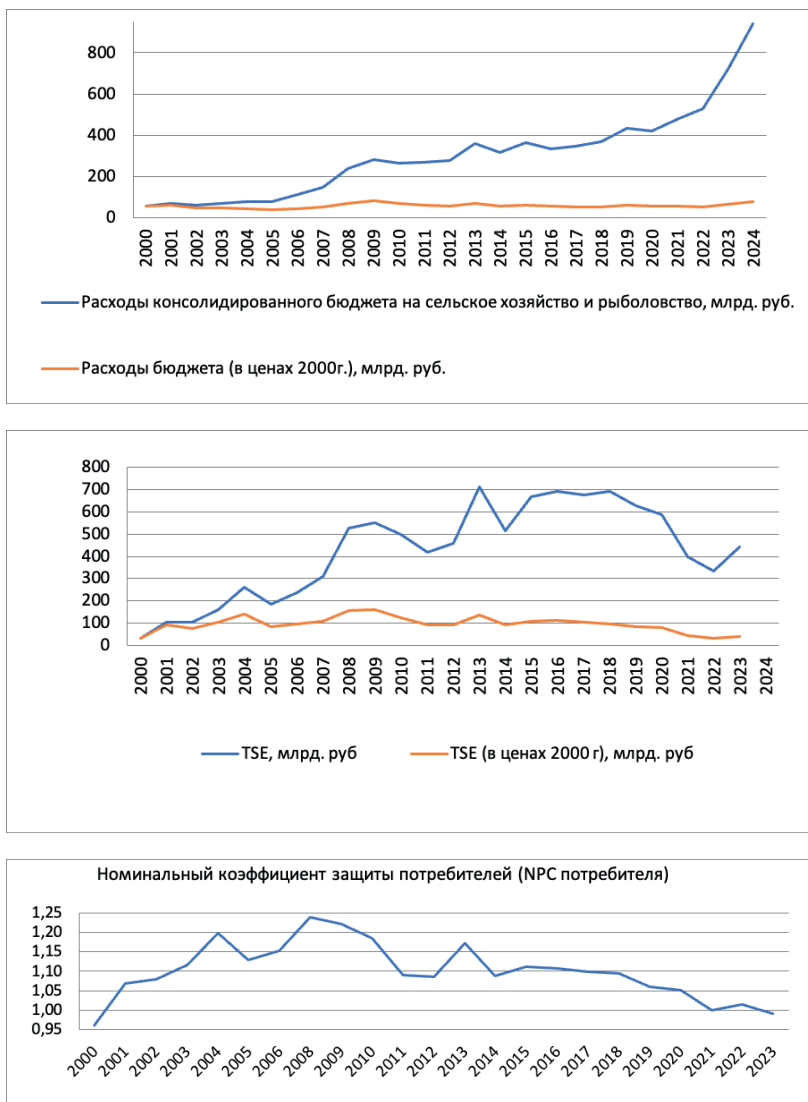

Рис. 1. Расходы консолидированного бюджета на сельское хозяйство и рыболовство, TSE и NPC потребителей, млрд руб.

Источник: Росстат, Минсельхоз России¹⁷, ОЭСР

17. Расходы консолидированного бюджета 2023–2024 гг. — финансирование по четырем госпрограммам: Госпрограмма развития сельского хозяйства, Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации, Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», Государственная

Из таблицы 2 видно, что совокупная поддержка относительно ВВП в России — одного порядка с показателями Бразилии, США. Относительно доходов сельхозпроизводителей — совокупная поддержка в России находится на самом низком уровне из рассматриваемых стран, но сопоставима с Бразилией. Причины такой ситуации по странам разные. В Китае создан высокий уровень поддержки, как и в ЕС. Однако источники поддержки в Китае и ЕС — разные. В Китае высокий уровень поддержки сельхозпроизводителей в немалой степени обеспечивается за счет потребителей (NPC потребителей в 2023 г. составил 1,13). В США (1,01), ЕС (1,05) и Бразилии (1,01) — поддержка за счет потребителей — низкая, а в России в целом по всем продуктам в 2023 г. — она отсутствовала (0,99). В Индонезии — при небольшой поддержке относительно доходов производителей — сельхозпроизводители поддерживаются потребителем. Здесь NPC потребителей — 1,25. Таким образом, анализ показателя позволяет сделать вывод о существенной трансформации с начала 2000-х в России: с 2001 по 2023 г. рост совокупной поддержки в номинальном исчислении вырос в 14 раз (в реальном — в 1,2 раза), при этом значительная часть поддержки формировалась за счет потребителя — только с 2021 г. потребитель перестал поддерживать производителя за счет переплаты за продукцию относительно цен на внешнем рынке. Пик поддержки сельского хозяйства потребителем был в 2004 г., когда расходы консолидированного бюджета на сельское хозяйство составили 30% от совокупной поддержки сельского хозяйства. С 2016 г. тренд на сокращение вклада потребителей в поддержку сельхозпроизводителей приобрел устойчивость (рис. 2). С 2021 г. поддержка сельского хозяйства осуществляется за счет налогоплательщика — через бюджеты разного уровня. В расчете на единицу дохода сельхозпроизводителя совокупная поддержка за рассматриваемый период в России существенно снизилась за счет сокращения поддержки за счет потребителя. Такой факт изменения совокупной поддержки можно охарактеризовать положительно: экономическая доступность продовольствия для потребителя выросла, бюджетные трансферты для производителя выросли, но не компенсировали падение поддержки за счет потребителей.

программа «Развитие рыбохозяйственного комплекса», без региональных бюджетов по Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации.

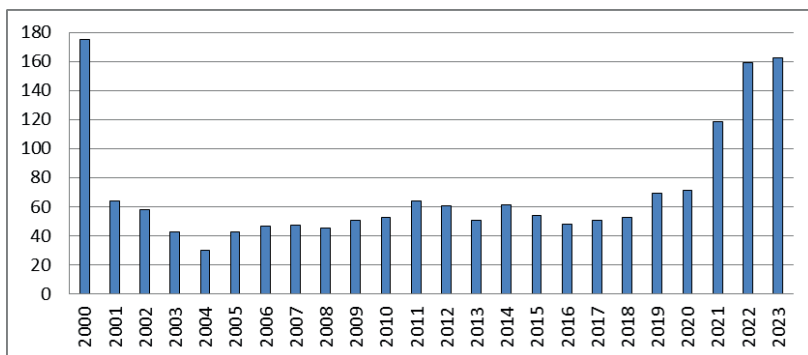

Рис. 2. Бюджетная поддержка (за счет налогоплательщиков) сельского хозяйства к совокупной поддержке, %¹⁸

Источник: Минсельхоз РФ, Росстат, ОЭСР

Структура совокупной поддержки в России с позиции поддержки производителей, потребителей или общих услуг в динамике приведена на рисунке 3. За почти четверть нового века она также существенно изменилась. Послечризисное восстановление после дефолта РФ в 1998 г. — в 1999–2020 гг. — характеризовалось несколькими факторами. Во-первых, резкая девальвация рубля привела к подорожанию импортных продуктов, под цены которых быстро «подтянулись» и российские (доля сальдо импорта-экспорта к затратам на питание составляла в 2020 г. 72%) (Шагайда, Узун, 2015). Индекс цен на продовольствие составил 117% (Росстат, 2000 г.) — самый высокий показатель в период с 2000 по 2024 г. Прямые бюджетные субсидии сельхозпроизводителям в реальном исчислении снизились. Значительная бюджетная поддержка сельхозпроизводителей шла через поддержку общих услуг — был докапитализирован Россельхозбанк, чтобы расширить возможности кредитования аграриев, пополнен фонд семян, сформирован фонд для лизинга техники, поставляемой из Республики Беларусь¹⁹, региональные администрации принимали решения о субсидировании покупок топлива для посевной и другие меры²⁰. В результа-

18. Значения выше 100% отмечается в те годы, когда рыночные трансферты от потребителей отрицательны (потребители не переплачивают за продукцию внутренних производителей) и высоки бюджетные поступления от импортных пошлин и налогов с продаж, которые в совокупности сокращают общую сумму совокупной поддержки сельского хозяйства.

19. Федеральный закон от 31.12.1999 № 227-ФЗ «О федеральном бюджете на 2000 год», ст. 90

20. Постановление главы администрации Краснодарского края от 20.04.2000 № 283 «О расчетах за поставку горюче-смазочных материалов сельско-

те структура совокупной поддержки в 2000 г. существенно отличается от остальных лет: здесь доля общих услуг составляет половину совокупной поддержки. В последующие годы доля государственных субсидий на общие услуги сокращалась. Мировые кризисы и обострение межстрановых отношений (2008–2009, 2014–2016, 2020–2021, 2022) привели к повышению волатильности цен. При лучшем состоянии бюджета страны, чем в 2000 г., увеличивались субсидии на поддержку потребителей. С 2020 г. в России явно объявлен курс на импортозамещение по ресурсам в новой Доктрине продовольственной безопасности (2020 г.), что отразилось в увеличении государственного финансирования общих услуг. Все это проявлялось в изменении структуры совокупной поддержки. В отличие от ситуации в 2000 г., когда через общие услуги финансировались сельхозпроизводители, стала формироваться долгосрочная программа развития науки и технологий в рамках общей поддержки услуг для сельского хозяйства.

Тем не менее до настоящего времени большая доля поддержки направлена на производителей. В последние годы ее доля снизилась и колеблется в интервале 40–60%.

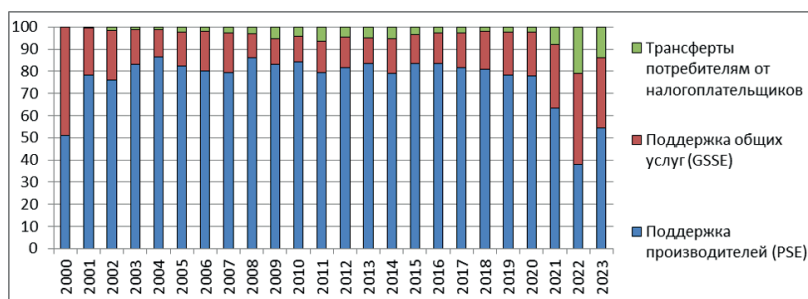

Рис. 3. Структура совокупной поддержки сельского хозяйства России по направлениям, 2000–2023 гг. Составлено автором по данным ОЭСР

Если рассматривать такую структуру поддержки в ряду других стран, то видно, что там также большая часть поддержки направлена на производителей сельскохозяйственной продукции. Только в России и США доля поддержки на производителей существенно сократилась. Если в России это произошло в основном за счет поддержки общих услуг, то в США — за счет

хозяйственным товаропроизводителям Краснодарского края». Постановление кабинета министров Республики Татарстан от 17 марта 2000 г. № 168 «Об обеспечении сельскохозяйственных товаропроизводителей горюче-смазочными материалами для проведения сельскохозяйственных работ в 2000 году».

расширения программ продовольственной помощи потребителям (рис. 4). В Индонезии, Бразилии и России с 2000–2002 гг. увеличилась доля поддержки потребителей, хотя она осталась относительно небольшой. При более детальном анализе обнаружилась проблема сопоставления оценки поддержки потребителей по разным странам.

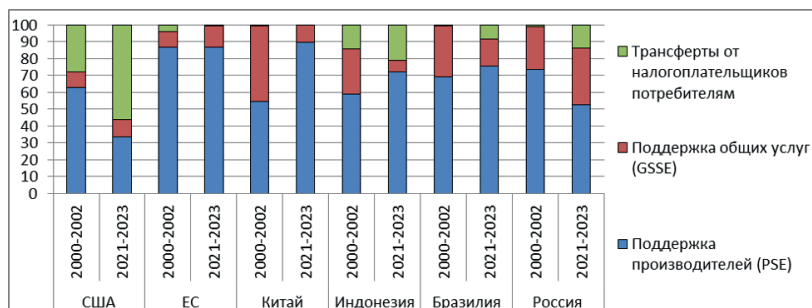

Рис. 4. Структура поддержки сельского хозяйства и продовольствия в отдельных странах мира, 2000–2002 и 2021–2023 гг. Составлено автором по данным ОЭСР

Поддержка потребителей

Бюджетная поддержка потребителей

В России в поддержку потребителей включены меры поддержки, направленные только на перерабатывающие предприятия. Основным направлением поддержки являются льготные кредиты (рис. 5). Большая часть поддержки направлена на поддержку переработчиков растениеводческой продукции (Маслова, 2024). В рамках стабилизации цен на продукты в 2021–2022 гг. в России вводилась компенсация части затрат производителям муки, хлеба и хлебопродуктов, а также рафинированного бутилированного подсолнечного масла и белого сахара (Прохоренко, 2023). Безусловно, эти меры являются искажающими, поскольку целью их было предотвращение роста розничных цен. В случае, если бы поддержка была направлена на конечных потребителей, то это бы стимулировало спрос на продукты по рыночным ценам, что меньше бы искажало рынок. Структура бюджетных трансферов потребителям приведена на рисунке 5.

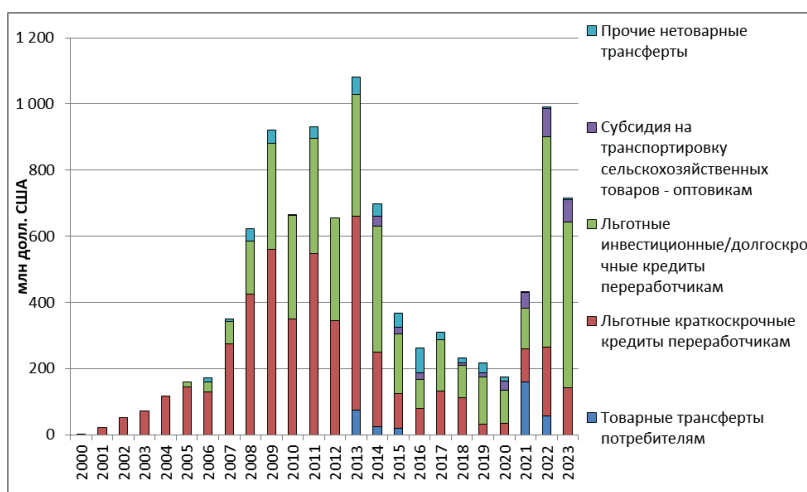

Рис. 5. Структура трансфертов потребителям от налогоплательщиков в России, 2000–2023 гг. Составлено автором по данным ОЭСР

В отличие от России в США большая часть трансфертов потребителей — программа продовольственной помощи: средства на покупку определенного круга продуктов; программа школьного питания; программа питания беременных, кормящих женщин и детей²¹. Собственно, отличие заключается не в том, что в России нет программы продовольственной помощи, а в том, что затраты на аналогичные статьи не идут через аграрный бюджет. В Индонезии в поддержку потребителей включены расходы на продовольственную помощь населения как в натуральной (обеспечение рисом бедных домохозяйств)²², так и в денежной форме²³. В Индии продовольственные субсидии предоставляются населению через Государственную распределительную систему: бедные семьи могут покупать рис или пшеницу по субсидированным ценам²⁴. В Бразилии в структуре поддержки потребителей учитываются программы

21. Food Assistance Programs // U. S. Department of Agriculture. URL: <https://www.usda.gov/about-food/food-assistance-programs> (дата обращения: 18.04.2025).

22. Indonesia considers extending rice handout programme to year-end // The Business Time, 13 May 2024. URL: <https://www.businesstimes.com.sg/international/asean/indonesia-considers-extending-rice-handout-programme-year-end> (дата обращения: 18.04.2025).

23. MoSA is No Longer Delivered Social Assistance in the form of Goods // Ministry of Social Affairs Republic of Indonesia, 16.10.2023. URL: <https://kemensos.go.id/berita-terkini/menteri-sosial/kemensos-tak-lagi-salurkan-bantuan-sosial-berupa-barang> (дата обращения: 18.04.2025).

24. Tasoff H. Researchers link India's food program to better health and stronger incomes // The Current, 4 February 2025. URL: <https://news.>

школьного питания, направленные на искоренение голода в стране²⁵. В поддержку потребителей в ЕС также включаются расходы на обеспечение школьного питания²⁶.

В России также значительны затраты государства на поддержку населения и его питания. С 2020 г. обязательным является бесплатное горячее школьное питание для всех учеников начальной школы (1–4-й классы) вне зависимости от уровня дохода и состава семей²⁷. В настоящее время рассматривается законопроект о бесплатном горячем питании для всех учеников без исключения²⁸. Существуют и региональные инициативы, например, в Москве производятся выплаты на возмещение роста стоимости продуктов питания некоторым категориям граждан, что прямо касается продуктов питания. По сути, эти программы являются продовольственной помощью населения, но они финансируются не через аграрный бюджет, поэтому не учитываются в поддержке сектора. Несмотря на это, социальная помощь является существенной поддержкой сельскохозяйственного производства за счет создания дополнительного спроса. Для того чтобы определить размер продовольственной помощи и сопоставить его с другими показателями поддержки сельского хозяйства в России, в работе было предложено два способа.

Способ 1. По выборочному наблюдению доходов населения и участия в социальных программах, проводимому Росстатом, был выбран бюджет пособий, компенсаций и иных выплат (кроме пенсий) — пособий на детей, беременных, малоимущих семей и безработных, стипендии обучающимся и т.д. В 2023 г. он составил почти 3,7 трлн рублей²⁹. Отсутствуют данные наблюдений, ко-

ucsb.edu/2025/021738/researchers-link-indias-food-program-better-health-and-stronger-incomes (дата обращения: 18.04.2025).

25. *Langlois J.* School lunches are Brazil's secret — and delicious — weapon in halting hunger // NPR, 8 January 2024. URL: <https://www.npr.org/sections/goatsandsoda/2024/01/08/1222567378/the-pandemic-sent-hunger-soaring-in-brazil-theyre-fighting-back-with-school-lunch> (дата обращения: 18.04.2025).
26. School scheme explained // European Commission. URL: https://agriculture.ec.europa.eu/common-agricultural-policy/market-measures/school-fruit-vegetables-and-milk-scheme/school-scheme-explained_en (дата обращения: 18.04.2025).
27. *Геращенко А.* Бесплатное питание в школе в 2025 году // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/edu/shkola/besplatnoe-pitanie-v-shkole/> (дата обращения: 12.04.2025).
28. В Госдуму внесен законопроект об обеспечении бесплатным горячим питанием учащихся 5–11-х классов // Министерство просвещения Российской Федерации, 22 января 2025. URL: <https://edu.gov.ru/press/9341/v-gosdumu-vnesen-zakonoproekt-ob-obespechenii-besplatnym-goryachim-pitaniem-uchaschihsya-5-11-h-klassov/> (дата обращения: 12.04.2025).
29. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах 2024 г. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/VNDN-2024/index.html (дата обращения: 15.04.2025).

торые бы позволили выявить точную долю, которая идет из таких пособий на питание. Для преодоления этой проблемы в настоящей статье был использован подход, основанный на следующих логических заключениях:

— Все доходы формируют денежный бюджет семьи, который семья расходует по своему усмотрению.

— На основе бюджетных обследований домохозяйств можно определить долю денежных доходов, которая направляется на потребление. По данным за 2023 г., доля расходов на питание составляла 36% в расходах на потребление³⁰.

Если принять, что такая же доля расходов идет на питание из суммы пособий, то можно рассчитать сумму расходов на питание из суммы субсидий. В 2023 г. эта сумма составила 1,3 трлн рублей. Сравнение ее с размером совокупной поддержки сельского хозяйства показывает, что она в три раза выше совокупной поддержки сельского хозяйства по данным ОЭСР. Если сравнить ее с суммой потребительских расходов на питание (дома и вне дома), то можно увидеть, что она составляет почти 10% от них.

Способ 2. Предыдущий расчет имеет оценочный характер в части распространения доли расходов на питание в общих расходах домохозяйств на сумму пособий, которые теоретически могут расходоваться по-другому. Второй способ оценки объема продовольственной помощи населению в России имеет более объективный характер и основан на данных фактических расходов бюджета. Так, по данным Росстата, около 3% от расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ направляется на реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан в части обеспечения питанием. В 2023 г. эта сумма составила около 57 млрд рублей³¹. Кроме того, на финансирование школьного питания в 2022 и 2023 гг. расходовалось еще около 63 млрд рублей³². Таким образом, в 2023 г. в России около 120 млрд рублей шло на продовольственную помощь в виде социальной поддержки (как в натуральной, так и в денежной форме) и программ обязательного школьного питания. Все эти расходы составляют фактически продовольственную поддержку/помощь.

30. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2023 г. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DRP_2023.rar (дата обращения: 15.04.2025).

31. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023.

32. Распоряжение Правительства РФ от 28.09.2022 № 2824-р «О внесении изменений в распределение объемов субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на организацию бесплатного горячего питания обучающихся, получающих начальное общее образование в государственных и муниципальных образовательных организациях на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов»

Если бы эта поддержка шла через аграрный бюджет, то структура совокупной поддержки сельского хозяйства в России за последние 10 лет (рис. 6) существенно изменилась. В среднем за 2021–2023 гг. она достигла бы трети от всей поддержки сельского хозяйства (рис. 4).

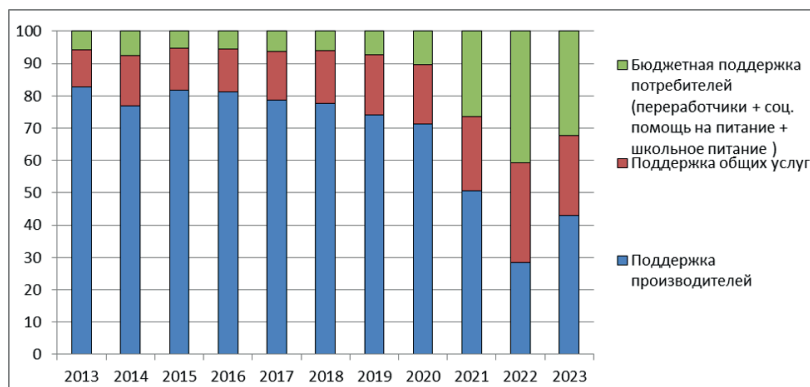

Рис. 6. Структура совокупной поддержки сельского хозяйства в России с учетом социальной поддержки населения для обеспечения питанием, 2013–2023 гг. Составлено автором по данным ОЭСР и своим расчетам

Поддержка потребителей через рыночные цены

Как было отмечено выше, по методологии ОЭСР вместе с бюджетными трансфертами потребитель может поддерживаться за счет мер таможенно-тарифного регулирования. Если они поддерживают внутренние цены на сельскохозяйственную продукцию выше мировых, то донорами аграрной политики становятся потребители, которым приходится переплачивать за продукцию внутреннего производителя. Если же цены ниже мировых, то донорами являются производители, которые недополучают средства за свою продукцию. Эту тенденцию можно проследить по значениям номинальных коэффициентов поддержки (защиты) потребителей (NPC). Если NPC выше 1, то внутренние цены выше мировых, и наоборот. В целом уровень NPC в последние годы снижается и в 2023 г. составил 0,99. Однако по разным продуктам ситуация различается. Таблица 3 показывает, что в России внутренние цены на экспортируемые зерновые и масличные культуры ниже мировых, в то время как на продукцию животноводства — выше. Производители животноводства также получают выгоду от более низких цен на зерно. Таким образом, с 2021 г. впервые потребители в целом по всем продуктам больше не переплачивают производителю за внутреннюю продукцию.

Таблица 3. Коэффициент номинальной защиты потребителя NPC

	2012–2014	2021–2023		2012–2014	2021–2023
Ячмень	0,84	0,72	Картофель	1,03	1,00
Пшеница	0,91	0,83	Сырое молоко	1,14	1,05
Кукуруза	0,95	0,75	Говядина и телятина	1,37	1,13
Овес	1,06	0,66	Свинина	1,68	1,41
Рожь	0,91	0,81	Мясо птицы	1,09	1,06
Семена подсолнечника	0,77	0,91	Яйца	1,01	1,00
Сахар-сырец	1,26	1,09	Прочие продукты	1,04	0,97
Общий NPC				1,04	0,99

Составлено автором по данным ОЭСР

Поддержка производителей

Господдержка сельхозпроизводителей в России все еще основана на субсидировании приобретения ресурсов (рис. 7). Они в основном состоят из инвестиционных и краткосрочных кредитов — с 2006 г. субсидирование процентной ставки по кредитам занимало около 40–50% от поддержки ресурсов, с 2017 г. — более 60%. Также в последнее десятилетие увеличились расходы на повышение доступности сельскохозяйственной техники и оборудования в виде субсидированного лизинга (до 10%).

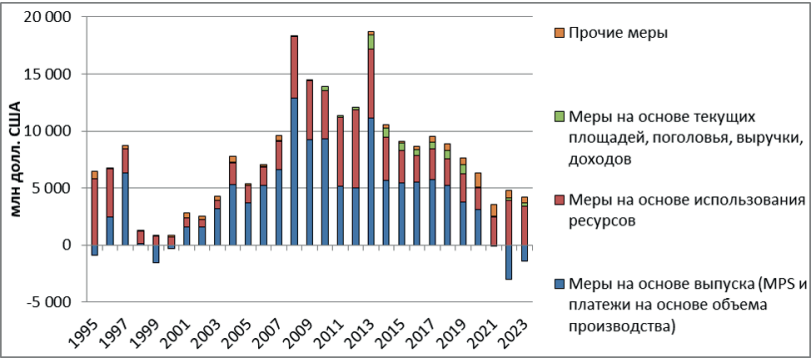

Рис. 7. Динамика поддержки производителей в России: уровень и структура, 1995–2023 гг. Составлено автором по данным ОЭСР³³

33. Автор признает, что с 2022 г. возможны искажения в объемах поддержки, связанные с нерыночным курсом доллара и пересчетом рублей в доллары. Однако сама структура поддержки при таком пересчете не искажается.

Структура поддержки производителей в России соответствует модели поддержки развивающихся стран (рис. 8). По мере роста уровня доходов государства и насыщения внутреннего рынка продовольствием поддержка сельхозпроизводителей осуществляется за счет менее искажающих мер (пример США, ЕС — рис. 8). К ним можно отнести выплаты, не привязанные к конкретным видам сельхозпродукции, а также основанные на исторических критериях, не зависящих от фактического уровня производства.

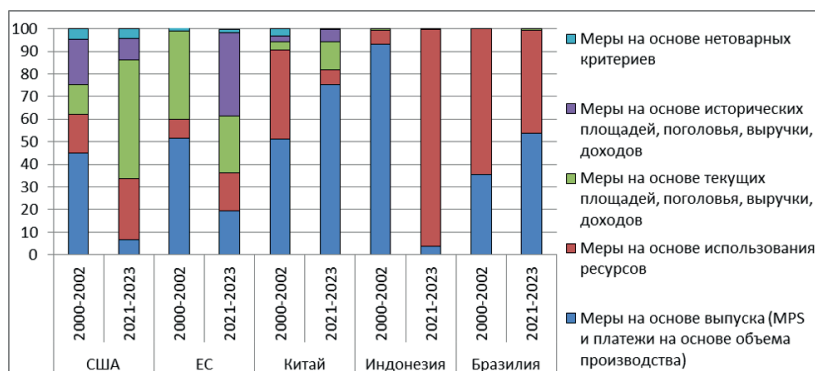

Рис. 8. Структура поддержки производителей в отдельных странах мира, 2000—2002 и 2021—2023 гг. Составлено автором по данным ОЭСР

Поддержка общих услуг

Как и в развитых странах, структура затрат на общие услуги в России диверсифицирована. Традиционно около трети GSSE расходуется на развитие системы сельскохозяйственных знаний и инноваций. Постепенно снижается доля затрат на инспекцию и контроль, составив 20% в 2023 г., но она выше, чем в зарубежных странах (рис. 9). Развитию и модернизации инфраструктуры особое внимание уделялось в начале 2000-х гг., когда на них расходовалось около четверти поддержки GSSE, далее доля этого направления сократилась примерно до 10%, но с 2014 г. снова наблюдается рост. В основном средства идут на мелиорацию земель, строительство сельских дорог в рамках программы комплексного развития сельских территорий и плодовоощных хранилищ.

С 2017 г. начала расти доля маркетинга и продвижения, достигнув в 2023 г. 8% от GSSE. В первую очередь средства направляются на продвижение экспорта и развитие международной деятельности в рамках федерального проекта «Экспорт продукции АПК». Также в это направление включена поддержка потребительских сельскохозяйственных кооперативов для развития мелкого фермерства.

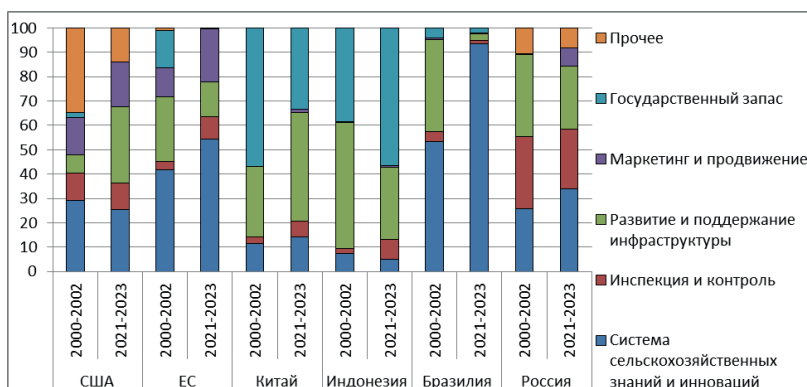

Рис. 9. Структура поддержки общих услуг в отдельных странах мира, 2000–2002 и 2021–2023 гг. Составлено автором по данным ОЭСР

Заключение

Анализ нормативно-правовых документов показал, что в России политика в области сельского хозяйства разнонаправленна. Институционально она фокусируется на росте собственного производства и экспорта аграрной продукции, в Доктрину продовольственной безопасности страны включен блок по обеспечению глобальной продовольственной безопасности. С другой стороны, экспорт ограничивается, чтобы снизить влияние цен на внешнем рынке для внутренних потребителей, то есть она защищает потребителя. Инструменты ОЭСР помогают оценить структурные изменения в аграрной политике. Поддержка сельского хозяйства относительно доходов сельхозпроизводителей в России за рассматриваемый период снижается за счет сокращения поддержки цен за счет потребителей. Бюджетные трансферты увеличиваются в номинальном и — значительно меньше — в реальном измерении. В структуре совокупной поддержки сельского хозяйства произошли изменения: увеличилась доля общих услуг, а также поддержки потребителей. Это, а также то, что в целом в течение 20 лет снижалась поддержка производителей за счет потребителей, показывает, что происходит медленная трансформация аграрной политики в сторону поддержки общих услуг и потребителей, что свойственно аграрным политикам развитых стран мира. По-прежнему, но в меньшей мере аграрная политика направлена на производителя, создавая условия для его развития и экспорта продукции. Среди мер поддержки сельхозпроизводителей преобладают субсидии на ресурсы, главными из которых выступают субсидированные кредиты. Это больше соответствует политике развивающихся стран.

Продовольственная поддержка населения в России существует, и она значительна (по представленным оценкам, до 10% от общих расходов на питание, включая питание вне дома). Однако программы социальной помощи финансируются не из аграрного бюджета и не учитываются в оценках аграрной политики. С учетом помощи населению, направленной на обеспечение продовольствием, поддержка сельского хозяйства страны все больше смещается в сторону потребителя.

Благодарность

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Автор выражает искреннюю благодарность Наталье Ивановне Шагайда, доктору экономических наук, директору Центра агропродовольственной политики РАНХиГС и Екатерине Александровне Гатаулиной, кандидату экономических наук, старшему научному сотруднику Центра агропродовольственной политики РАНХиГС за методическую помощь и помощь в интерпретации результатов³⁴.

Литература

- Алтухов А. И. (2023). Российский АПК: проблемы и пути их решения // Учет и статистика. Т. 20. № 4. С. 12–24.
- Маслова В. В. (2024). Развитие кредитования в АПК в современных условиях // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 9 (115). С. 53–61.
- Маслова В. В., Чекалин В. С., Авдеев М. В. (2019). Развитие сельского хозяйства в России в условиях импортозамещения // Вестник Российской академии наук. № 89 (10). С. 1024–1032.
- Потапова А. А. (2023). Международные практики противодействия волатильности и росту цен на продовольствие // АПК: экономика, управление. № 3. С. 97–107.
- Прохоренко О. С. (2023). Государственная поддержка аграрного сектора как фактор преодоления последствий пандемии // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 8 (102). С. 15–26.
- Ромашкин Р. А., Киселев С. В. (2020). Перспективы агропродовольственного экспорта России в страны БРИКС // АПК: экономика, управление. № 10. С. 109–122.
- Светлов Н. М., Терновский Д. С. (2024). Сельское хозяйство России в условиях внешне-торговых ограничений: моделирование кризисных сценариев // АПК: экономика, управление. № 6. С. 32–41.
- Терновский Д. С. (2023). Российский аграрный экспорт: экономико-статистический анализ // Вопросы статистики. Т. 30. № 6. С. 21–34.

34. Ежемесячная компенсационная выплата на возмещение роста стоимости продуктов питания выплачивается на детей до 3-х лет [Эл. ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20180228051729/http://base.garant.ru/384375/b6ec2e45ca70d110df0019b9fe339c70/> (дата обращения: 15.04.2025).

- Узун В. Я. (2023). Ручное управление ценами на продовольствие: механизмы, результаты, альтернативы // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 1. С. 2–9.
- Узун В. Я., Терновский Д. С. (2023). Формирование демпфера колебаний цен на зерно: механизмы и последствия // АПК: экономика, управление. № 3. С. 27–40.
- Узун В. Я., Шагайда Н. И. (2015). Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Ушачев И. Г., Маслова В. В., Колесников А. В. (2022). Нарращивание объемов агропромышленного производства для обеспечения продовольственной безопасности и увеличения экспортного потенциала АПК России // Экономика региона. Т. 18. № 4. С. 1178–1193.
- Шагайда Н. И., Терновский Д. С., Еланская А. А., Шишкина Е. А. (2025). Интегральные показатели продовольственной безопасности: от страны к домохозяйству // Вопросы экономики. № 9.
- Шагайда Н. И., Узун В. Я. (2015). Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- The State of Food Security and Nutrition in the World 2024 (2024). Financing to End Hunger, Food Insecurity and Malnutrition in All Its Forms. FAO, IFAD, UNICEF, WFP and WHO. Rome.
- Trade and Agriculture Directorate OECD's Producer Support Estimate and Related Indicators of Agricultural Support (2016). Concepts, Calculations, Interpretation and Use (The PSE Manual) // OECD.

А. А. Еланская
Трансформация
аграрной политики
России в XXI веке:
переход от под-
держки производи-
телей к поддержке
потребителей?

Russian agricultural policy in the 21st century: From producer support to consumer support?

Alexandra A. Elanskaya, PhD (Geography), Research Fellow, Center for Agrifood Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: elanskaya-aa@ranepa.ru

Abstract. The article considers the transformation of Russia's agricultural policy since the beginning of the 21st century. The author applies the OECD methodology to assess structural shifts and make comparisons with other countries. The article shows significant policy changes, although producer support remains its core and market-distorting measures still prevail. However, price support for agricultural producers at the expense of consumers has decreased, while the share of expenditures on general services and consumer support has increased, bringing Russia's agricultural policy closer to that of developed nations. Although Russia does not provide food assistance as part of its agricultural budget, the state actively stimulates food demand. The author estimates the scale of consumer subsidies aimed at purchasing food products and their role in effective demand for agricultural products. Thus, Russia's agricultural policy has gradually, albeit slowly, shifted toward greater consumer support.

Key words: agricultural policy, export-oriented economy, government program, OECD, producer support, consumer support, support for general services, food assistance, school nutrition programs

References

- Altukhov A. I. (2023) Russian agro-industrial complex: Problems and ways of solution. *Uchet i Statistika*, vol. 20, no 4, pp. 12–24.

- Maslova V. V. (2024) Development of credit in the contemporary agro-industrial complex. *Ekonomika, Trud, Upravlenie v Selskom Khozyaistve*, no 9, pp. 53–61.
- Maslova V. V., Chekalin V. S., Avdeev M. V. (2019) Russian agricultural development: Import substitution. *Vestnik RAN*, vol. 89, no 10, pp. 1024–1032.
- Potapova A. A. (2023) International practices against volatility and rising food prices. *APK: Ekonomika, Upravlenie*, no 3, pp. 97–107.
- Prokhorenko O. S. (2023) State support for agricultural sector as a factor of overcoming the consequences of the pandemic. *Ekonomika, Trud, Upravlenie v Selskom Khozyaistve*, no 8, pp. 15–26.
- Romashkin R. A., Kiselev S. V. (2020) Prospects for Russia's agri-food exports to the BRICS countries. *APK: Ekonomika, Upravlenie*, no 10, pp. 109–122.
- Svetlov N. M., Ternovsky D. S. (2024) Russian agriculture under foreign trade restrictions: Modelling crisis scenarios. *APK: Ekonomika, Upravlenie*, no 6, pp. 32–41.
- Ternovsky D. S. (2023) Russian agricultural exports: An economic-statistical analysis. *Vo-prrosy Statistiki*, vol. 30, no 6, pp. 21–34.
- Uzun V. Ya. (2023) Government food price restrictions: Mechanisms, Results, Alternatives. *Ekonomika Selskokhozyaistvennyh i Pererabatyvayushchih Predpriyatii*, no 1, pp. 2–9.
- Uzun V. Ya., Ternovsky D. S. (2023) Formation of a grain price damper: Mechanisms and conditions. *APK: Ekonomika, Upravlenie*, no 3, pp. 27–40.
- Uzun V. Ya., Shagaida N. I. (2015) *Agrarian Reform in Post-Soviet Russia: Mechanisms and Results*, Moscow: Izd. dom "Delo".
- Ushachev I. G., Maslova V. V., Kolesnikov A. V. (2022) Increasing the volume of agro-industrial production to ensure food security and increase export potential of the Russian agricultural sector. *Ekonomika Regiona*, vol. 18, no 4, pp. 1178–1193.
- Shagaida N. I., Uzun V. Ya. (2015) *Food Security in Russia: Monitoring, Trends and Threats*, Moscow: Izd. dom "Delo".
- Shagaida N. I., Ternovsky D. S., Elanskaya A. A., Shishkina E. A. (2025) Integral indicators of food security: From country to household. *Issues of Economics*, no 9.
- The State of Food Security and Nutrition in the World (2024) Financing to End Hunger, Food Insecurity and Malnutrition in All Its Forms*, Rome: FAO, IFAD, UNICEF, WFP, WHO.
- Trade and Agriculture Directorate: OECD's Producer Support Estimate and Related Indicators of Agricultural Support (2016): Concepts, Calculations, Interpretation and Use (The PSE Manual)*.

Цифровизация «сверху» в российском АПК: от проектов к реалиям¹

О. П. Фадеева

Ольга Петровна Фадеева, кандидат социологических наук, заведующая отделом, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. 630090 Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17. E-mail: fadeeva_ol@mail.ru

Аннотация. Цифровизация практически всех сторон жизни в современной России не обошла стороной и аграрную сферу. В сочетании с отчетливым административным посылом на контроль всего, что происходит в экономике, это дает интересные для исследователей и порой неожиданные для разработчиков результаты. В частности, цифровизация уже порождает вполне зримые дополнительные издержки для производителей, а в конечном счете — для потребителей продукции сельского хозяйства. Глубинные интервью с непосредственными пользователями в ускоренном порядке внедряемых государством информационных систем, обеспечивающих «прослеживаемость» всех цепочек от производителей сырья до потребителей конечной продукции, позволяют, с одной стороны, вскрыть наиболее острые организационные и технические проблемы, связанные с внедрением и практической эксплуатацией этих систем, а с другой — оставляют открытым вопрос о том, насколько оправданно вмешательство государства в бизнес-процессы, имеющие существенную и плохо поддающуюся стандартизации отраслевую специфику. Императивное внедрение многочисленных и с трудом поддающихся интеграции информационных систем способно не только облегчить, но и усложнить жизнь товаропроизводителям. А вполне объяснимое желание чиновников знать все и обо всем зачастую приводит к последствиям, прямо противоположным ожиданиям, создавая «иллюзию контроля» на основе очевидно недостоверной информации.

Ключевые слова: сельскохозяйственные товаропроизводители, федеральные государственные информационные системы (ФГИС), ФГИС «ВетИС», ФГИС «Зерно», ФГИС «Сатурн», Единая федеральная информационная система о землях сельскохозяйственного назначения (ЕФИС ЗСН), прослеживаемость производства и сбыта, Алтайский край, Краснодарский край, Новосибирская область, Нижегородская область

EDN: LYCPIE

Цифровая революция в разной степени затронула сферы российской и мировой экономики. Российская аграрная отрасль, по оцен-

1. Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Актеры, драйверы, последствия социальных изменений в современном обществе: теория и эмпирика», № 121040100280-1.

ке экспертов, находится пока в начале пути². Тем не менее крупные компании и технологические центры активно развивают цифровые системы точного земледелия, мониторинга роста и здоровья сельскохозяйственных растений, прогнозирования сбора и потерь урожая, автоматического полива и т.д. На молочных комплексах внедряются программы управления стадом, разработки рациона питания, диагностики состояния здоровья и доения животных. Совершенствуются цифровые сервисы управления машинами и оборудованием, контроля и учета в агробизнесе, позволяющие в реальном времени обрабатывать потоки данных с датчиков, устанавливаемых на сельхозтехнике, весовых и на складах, чтобы оперативно оценивать качество и эффективность операций³. На страницах журнала «Крестьяноведение» также начат разговор о направлениях развития отечественных цифровых платформенных решений, позволяющих запускать площадки взаимодействия и проведения сделок купли-продажи для участников рынка зерна и масличных культур, оптимизировать денежные и ресурсные потоки, снижать риски и согласовывать интересы игроков во внутрироссийских и международных транзакциях (Шерешева, Беляев, 2024).

Цифровизация остается одним из значимых национальных приоритетов последней четверти века, формирующей также переход к новой системе государственного администрирования в разных отраслях экономики и социального сектора. С середины 2010-х Министерство сельского хозяйства РФ стало поэтапно вводить федеральные государственные информационные системы (ФГИС), призванные на уровне хозяйствующих субъектов контролировать все значимые технологические процессы в животноводстве, растениеводстве и переработке сырья. Сегодня в пакете обязательного использования у сельхозпроизводителей находится в среднем до 30 IT-систем. Помимо универсальных систем (ГИС «Электронный бюджет» (Минфин), ИС Федерального Казначейства, 1С, Госуслуги и проч.) аграриям необходимо вносить данные о своей деятельности в отраслевые системы учета и контроля (АИС «Цербер», ФГИС «Зерно», «Меркурий», «Сатурн», ЕФИС ЗСН и др.). В 2024 году Минсельхоз РФ представил амбициоз-

2. В октябре 2020 г. деловое издание «Ведомости» и организация «Цифровая экономика» провели онлайн-сессию «Цифровизация АПК: возможности и риски», участники которой всесторонне обсудили проблемы и эффекты цифровой трансформации АПК в федеральном и региональном разрезе, оценили опасения участников отрасли и источники финансирования внедрения IT-систем, на различных кейсах продемонстрировали цифровые решения и платформы для АПК. URL: <https://www.agroinvestor.ru/business-pages/34538-onlayn-efir-tsifrovizatsiya-apk-vozmozhnosti-i-riski/>.
3. Подробная информация о настоящем и будущем цифровизации агротехнологий в России и мире содержится в докладах участников онлайн-сессии «Цифровизация АПК: возможности и риски». URL: https://events.vedomosti.ru/events/spb_%D1%81ifrovaya_transformaciya_4/materials.

ную задачу создания глобальной цифровой системы агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, облегчающую работу аграриев с уже действующими ФГИС и обеспечивающую формирование экосистемы для коммуникаций производителей с переработчиками, покупателями и органами власти. С помощью отечественного программного обеспечения планируется до 2030 года наполнить систему необходимой информацией и обеспечить ввод и анализ отраслевых данных в формате «Единого окна» (Денисова, 2024).

Будут ли реализованы эти грандиозные планы развития цифрового государства в аграрной сфере, во многом зависит не только от модернистских устремлений чиновников «все знать и контролировать», но и от готовности и желания объектов регулирования (сельхозпроизводителей) оперативно адаптироваться под спускаемые сверху технологии учета и контроля и корректно реагировать на поступающие предписания. Немного заглянуть в «цифровое будущее», на наш взгляд, можно с помощью анализа текущих реалий: важно посмотреть, как сегодня российские аграрии откликаются на политику цифровизации, разделяют ли они ее логику и способны претворения в жизнь.

Первые аграрные ФГИС были ориентированы на создание информационных моделей, обеспечивающих прослеживаемость всей цепочки производства и сбыта сельхозпродукции, используемых для этого ресурсов в каждом фермерском хозяйстве и сельхозорганизации. Регистрироваться в системах, вносить данные о сертификации и количестве произведенной и реализуемой продукции поручалось самим агропроизводителям, а также их контрагентам (поставщикам и покупателям). В конечном счете введенная на микроуровне информация в режиме реального времени должна была стекаться в базы данных, позволяющие сотрудникам различных государственных ведомств получать более полную и точную, в сравнении с обычной статистической отчетностью, картину о балансах сырья и продовольствия и цепочках создания добавленной стоимости. Согласно замыслу разработчиков ИТ-систем, цифровое отражение бизнес-моделей должно было снизить поток неучтенных (серых) продаж и фальсификата, повысить фитосанитарную безопасность и качество продуктов питания. Однако передача ответственности за информационное наполнение систем представителям «разношерстной» армии сельхозтоваропроизводителей, не все из которых могли быстро обучиться работе с новыми ИТ-программами и иметь доступ к устойчивому интернету, техническому сопровождению и другой инфраструктуре, горели желанием делиться с государством коммерчески чувствительной информацией, заметно ослабила энтузиазм в решении поставленных сверху задач. Тем не менее, невзирая на сложности, которые были видны с самого начала, Минсельхоз РФ и другие федеральные службы не отступали от графика внедрения цифровых реше-

ний, принуждая аграриев регистрироваться во все нарастающем потоке разных ФГИС. Те, кто не соглашался заводить личные кабинеты (аккаунты) и оперативно вносить данные о параметрах хозяйствования, быстро оказывались не у дел — без электронной регистрации своей деятельности они не могли легально продавать свою продукцию.

В данной статье речь пойдет о том, как IT-технологии, запущенные сверху, изменили жизнь российских крестьян, обернулись для них новыми издержками и проблемами, привели к появлению новых неформальных практик сопротивления из арсенала «оружия слабых» (Скотт, 2025). Комплекс цифровых систем рассматривается нами в контексте смены правил взаимодействия хозяйствующих субъектов с государством, контрагентами и всей рыночной средой. В основу исследования положены интервью с фермерами, специалистами и управляющими сельхозпредприятий, а также представителями органов власти и общественных организаций (N = 14), которые состоялись в Алтайском и Краснодарском краях, Новосибирской и Нижегородской областях в 2022–2025 годах. На основе высказываний информантов анализируются существующие практики работы с информационными системами в растениеводстве, восприятие «тотальной» цифровой среды, эффектов и последствий не всегда дружественных «объятий цифровизации».

Мы исследуем динамику становления цифрового государства в масштабах одной отрасли — от начальных этапов его формирования до текущего развития и планов на будущее. Осознавая, что подобный процесс не может обойтись без ошибок и недочетов, требующих оперативной корректировки, мы все же полагаем, что институциональный каркас отстраиваемой системы проявляется почти сразу. За первыми и последующими шагами в общей траектории движения достаточно точно угадываются степень адекватности поставленных целей и последствия, выходящие за рамки ожиданий.

Цифровой каркас государственного регулирования в АПК

Административная цифровизация в АПК стартовала с животноводства. Под эгидой Россельхознадзора (Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору) для автоматизации учета и контроля за ветеринарными мероприятиями была разработана ФГИС «ВетИС» (Мосин, Осипов, 2025). Система предназначалась для контроля за внутрироссийским и международным оборотом продукции животного происхождения, сельскохозяйственных животных, ветеринарных препаратов, кормов, добавок; регистрации данных и результатов ветеринарно-санитарной экспертизы, лабораторных исследований и отбора проб для них. Для автоматизации сходных бизнес-процессов ФГИС «ВетИС» распадается

на 10 подсистем (компонентов)⁴, с помощью которых осуществляется прослеживаемость подконтрольных Россельхознадзору товаров; оформление и выдача ветеринарных сопроводительных документов (ВСД); оформление разрешений на экспорт, импорт и транзит продукции, а также заполнение реестров для хранилища основных данных, в т.ч. справочного характера.

Среди имеющегося набора компонентов «ВетИС» производители и переработчики сырого молока, мяса, рыбы, меда и других продуктов животного происхождения лучше знакомы с ФГИС «Меркурий», внедрение которой для обязательного использования началось в 2018 году (Елисеева, 2019; Белова и др., 2019; Чабрикова, Кольцова, 2022). С этого момента легальная транспортировка и продажа животноводческой продукции стали невозможными без выдачи ветеринарными службами электронных сопроводительных документов о «благополучии» (безопасности) сырья, которые отражались в системе при ежедневном вводе информации об объемах производства и отгрузки продукции. Молочные заводы, другие перерабатывающие и торговые организации не могли принимать сырье и готовую продукцию без ее регистрации в системе «Меркурий». Таким образом, «цифровая прослеживаемость» оборота продукции с помощью ВСД стала для производителей пропуском на легальный рынок. Помимо контроля за безопасностью и качеством сырья система позволяла выявлять дисбалансы между закупками сырья и выпуском готовой продукции, наличие фальсификата и неучтенного производства.

Для повышения прозрачности рынка продовольствия с сентября 2024 года в России началась масштабная цифровая перепись сельскохозяйственных с помощью компонента ФГИС «Хорриот» (Бы-

4. Набор компонентов включает следующие системы: «Аргус» (электронное оформление разрешений на ввоз, вывоз, транзит подконтрольных товаров); «Веста» (регистрация лабораторных исследований и тестирование образцов подконтрольной продукции для диагностики пищевой безопасности, качества продовольствия и кормов, лекарственных средств для животных); «Меркурий» (регистрация результатов ветеринарно-санитарной экспертизы и электронное оформление ветеринарных сопроводительных документов); «Гален» (мониторинг безопасности лекарственных препаратов для ветеринарного применения); «Сирано» (обеспечение эффективности и завершенности мер ветеринарного надзора); «Хорриот» (идентификация и учет сельскохозяйственных животных); «eCert» (ветеринарная сертификация поднадзорных грузов, экспортируемых из РФ); «Цербер» (поддержание, сохранение и обработка данных об объектах, связанных с содержанием животных, производством, переработкой, хранением, транспортировкой и реализацией подконтрольных товаров, утилизацией биологических отходов, установлении и отмене карантина); «Тор» (единое хранилище информации обо всех учреждениях Россельхознадзора); «Икар» (единое хранилище адресных данных в структуре информационных систем Россельхознадзора). URL: <https://vetrf.ru/vetrf/components/>

зова, 2024). Каждый владелец молочной фермы, птицеводческого и свиноводческого хозяйства, пасеки, завода по рыборазведению и других площадок поэтапно (по каждой группе животных были определены свои сроки и способы учета) обязан вносить в систему информацию о происхождении и движении идентифицированных (с помощью чипов, бирок, QR-кодов) животных, профилактических, диагностических и лечебных манипуляциях с ними, установлении или отмене ограничительных мероприятий (карантина). Одна из целей такого шага — кардинально сократить зоны размещения животных, не охваченных ветеринарным контролем, и тем самым улучшить в стране эпизоотическую ситуацию и снизить распространение инфекционных болезней. Изначально от обязательной регистрации в этих и других компонентах ФГИС «ВетИС» были освобождены владельцы подсобных хозяйств, занимавшихся производством для семейных нужд. На какой-то период это послабление стало мотивом перехода части производителей из коммерческого в потребительский сектор (через отказ от юридического статуса или определенного вида деятельности) и расширения «серых» схем реализации продукции.

Активная фаза цифровизации отрасли растениеводства началась с инвентаризации сельскохозяйственных земель, чей правовой статус и физическое состояние после весьма сложных и не до конца завершенных процессов приватизации и аграрных кризисов представляли своего рода «черный ящик» (Фадеева и др., 2021; Fadeeva, Nefedkin, 2021). В 2018 году усилиями Минсельхоза РФ в эксплуатацию была введена единая федеральная информационная система земель сельскохозяйственного назначения (ЕФИС ЗСН), нацеленная на сбор достоверных сведений о местоположении и фактическом использовании земельных участков на основе электронных карт (с геолокационной привязкой) и их описаний. Функции по сбору и занесению данных в систему в пределах границ земельных угодий муниципальных образований и субъектов Российской Федерации были возложены на землепользователей и представителей муниципальных и региональных органов власти. Первоначально была поставлена цель агрегации данных о посевах яровых и озимых сельскохозяйственных культур на всей территории субъектов РФ за период 2020–2022 годов с их последующей актуализацией в системе ЕФИС ЗСН. Также в рамках земельного мониторинга предполагалось обновление показателей почвенного плодородия, информации о мелиорируемых и пострадавших от пожаров участках, индексах развития сельскохозяйственной растительности.

С осени 2022 года в России заработала ФГИС «Зерно» (Хайретдинов, 2021; Копейкин, 2025), в которую всем, кто был занят производством, хранением, подработкой, переработкой, перевозкой, перевалкой и реализацией зерна, необходимо было вносить информацию о его происхождении, количестве, качестве, всех этапах движения. Прослеживаемость оборота зерна в этой системе была организована

по тому же принципу, что и во ФГИС «Меркурий». Только вместо цифровых ветеринарных справок, идентифицировавших поставки каждой партии продуктов животноводства, для оформления отправки контрагентам такой продукции, как пшеница, кукуруза, гречиха, рис, ячмень, просо, мука, крупяные и макаронные изделия, спирт и др., использовалась технология воспроизводства электронных сопроводительных документов по идентификации зерна и продуктов переработки (СДИЗ), которые подписывались электронной подписью отправителя. Цифровое документирование этапов прохождения товарного зерна по всей цепочке (от сбора урожая до его хранения и реализации на внутреннем и внешнем рынках) оформлялось как создание и погашение СДИЗ при переходе прав собственности на товар, его физическое перемещение, приемку, отгрузку и реализацию. Отсутствие в системе «Зерно» СДИЗ на ту или иную партию товара автоматически лишало легального права производителей или переработчиков на ее перевозку и продажу. Каждый СДИЗ должен был содержать подробную информацию об объеме отгружаемой продукции и ее качественных характеристиках. Контроль за оформлением СДИЗ на этапах сбора и реализации продукции зерноводства был поручен территориальным подразделениям ФГБУ «Центр оценки качества зерна» при Россельхознадзоре, которые проводили выборочную диагностику собранного урожая, определяли параметры и класс зерна.

Далее для развития рынка сертифицированных семян ФГИС «Зерно» была дополнена ФГИС «Семеноводство», а для прослеживаемости оборота пестицидов и агрохимикатов была внедрена ФГИС «Сатурн», в которой буквально по дням и часам должны были отражаться все транзакции, связанные с закупкой, хранением и внесением препаратов в почву (Шафеев, 2023). Наконец, в 2024 году было объявлено об интеграции систем «Зерно», «Сатурн», «Семеноводство» с реестром земель сельскохозяйственного назначения. С этого момента землепользователям вменялось регулярно актуализировать цифровые паспорта обрабатываемых участков — вносить в ЕФИС ЗСН информацию о контурах посевов с характеристиками используемых семян, удобрений, средств защиты растений и собранном урожае. Таким образом, был замкнут цикл прослеживаемости оборота сельхозпродукции и используемых для ее производства ресурсов, в который были включены все участники рынка: поставщики, производители, покупатели и переработчики. Ужесточились требования к качеству ввода информации в интегрированных системах: если та или иная транзакция не была отражена в одной из систем или ее параметры в разных системах не совпадали, то соответствующие партии товаров не включались в сопроводительные документы на отгрузку и реализацию.

Далее речь пойдет о реалиях цифровизации в зерновых хозяйствах наших информантов, «голосам» которых мы намеренно уда-

лили особое внимание. Благодаря «непричесанным» высказываниям практиков наглядно видно, как «продуманные» и «логичные» этапы построения нового формата администрирования отрасли разбиваются о производственные будни сельхозпроизводителей, кривые зеркала «метрических лукавых цифр» и прорехи в правовых системах землеустройства и сертификации.

Система прослеживаемости в зерноводстве: оценки и ожидания

Информацию об обязательном внедрении ФГИС «Зерно» с осени 2022 года Минсельхоз РФ довел до будущих пользователей примерно за полгода до его начала. Несмотря на уверения чиновников, что система не нарушит привычный график уборки и ее можно будет изучить на специальных курсах и интернет-сайтах, реакция аграриев на это новшество была неоднозначной⁵. Сотрудники организаций, которые уже имели опыт работы с программой прослеживаемости животноводческой продукции «Меркурий», надеялись, что и с этим нововведением смогут как-то справиться. Но основная масса фермеров и предприятий, которые занимались только полеводством, отнеслись к очередному рывку цифровизации весьма настороженно, не понимая, зачем он нужен, и интуитивно полагая, что неизбежны дополнительные затраты и сбои в работе. И в первую очередь им было непонятно, кто всем этим будет заниматься. Особенно опасались новой системы экономические и бухгалтерские службы, предчувствуя, что именно на них ляжет нагрузка организации учета по-новому. К тому же цифровой продукт запускался буквально «с колес», а времени на его изучение и поиск ответов на возникающие вопросы не оставалось.

Во многом опасения, связанные с практическим использованием новых информационных систем, подтвердились. С начала сентября 2022 года в СМИ стали появляться драматические истории о том, что ФГИС «Зерно» работает плохо, из-за массовой нагрузки на сети виснут сайты, технические службы не справляются, а работники «старой закалки» не могут разобраться с новой программой и в панике пишут заявления об уходе. Более сдержанно и по делу высказала свои первые впечатления от работы ФГИС «Зерно» бухгалтер из Алтайского края, обслуживающая фермерские хозяйства:

«Я работаю с пятью фермерами. Сейчас к проверке в центре анализа зерна обязательны пять мониторинговых культур (рожь, гречиха, соя, кукуруза, рис). Из этого списка мои подопечные выращивают только гречиху. Мы делаем заявку в центр,

5. Березин П. Зерно под наблюдением. URL: predsedatel-apk.ru/glavnye-temy/proslezhivaemost-zerna/

оттуда приезжают сотрудники, берут на пробу зерно на складе, проводят анализ и вносят результаты в систему. Конечно, они не отражают качество всего собранного урожая, ведь по полям могут быть существенные отклонения. Но проблема даже не в этом. На всех элеваторах есть свои лаборатории. Поэтому данные центра никто нигде не спрашивает, они никому не нужны — все покупатели самостоятельно делают диагностику зерна из каждой машины.

Как работает сама система “Зерно”? Я разделяю по каждому хозяйству вношу в нее данные по всем зерновым культурам. Можно это делать по-разному. Например, убрал урожай с одного поля и сразу внес в систему. А можно записать все зерно после завершения уборки, так нам удобнее. Разработчики программы рекомендуют вводить информацию во время уборки каждые пять дней. Но если это не регламентировано и можно что-то не делать, то мы делать не будем. Если вводить данные по небольшим объемам зерна, то можно окончательно запутаться.

Сначала я ввожу в реестр виды и вес собранных в хозяйстве зерновых культур. Из введенных объемов создаю партии для перевозки, потом формирую еще партии для реализации. Для каждой партии отдельно оформляю какие-то СДИЗ: сначала на доставку, а потом на продажу. Потом при приемке нашего зерна СДИЗ на партию создает элеватор. И все эти СДИЗ по партиям друг за другом в системе записываются — и ничего ни с чем не складывается. Я никакого отчета в системе не нашла. Если я захочу что-то узнать в конечном итоге (сколько зерна было собрано, сколько продано, сколько осталось), то я должна взять тетрадочку и записывать туда все, что заносу в систему. Поэтому я, как бухгалтер и экономист, считаю систему бесполезной. Либо она еще не отработана, либо в ней заключен какой-то высший смысл — чтобы нас запутать.

Я разговаривала с другими бухгалтерами. У меня мелкие предприятия, поэтому я еще могу вручную вести записи, чтобы сложить и отнять, если потребуется. Но крупные предприятия с десятками тысяч гектаров вряд ли это будут делать — для них это просто нереально! Единственное, что можно в системе отследить — это погашение того или иного СДИЗ. Но есть проблема из-за разницы в весе зерна, на которую был оформлен и погашен один СДИЗ. Перед отправкой на элеватор машины с зерном фермеры взвешивают на своих весах, я заносу эти данные в СДИЗ. Элеватор на своих весах ту же машину еще раз взвешивает, получает другой вес и заносит его в систему при погашении имеющегося СДИЗ. Получается, что эта разница в весе остается в системе, что с этим делать, я не знаю. А есть еще испорченное зерно, как его измерить? В конечном счете мы не видим в этой программе остаток по урожаю. Например, первоначально у нас было собрано 500 тонн зерна. Потом мы начинаем

его отгружать в машины по 30 тонн. Система нам не покажет, закончились эти 500 тонн или еще нет. Поэтому, чтобы это узнать, нужен ручной счет. Еще одна проблема связана с несопадением даты оформления наших СДИЗ на продажу с датой реальной отгрузки зерна на элеватор. Я могу оформить СДИЗ в реестре партии на продажу только на день позже, чем она состоялась на самом деле, а исправить дату в системе я не могу. В программе автоматически выставляется текущая дата, ее нельзя сменить, и получается, что бухгалтерский учет по отгрузке и реализации по времени не совпадает с записями в этой системе.

В итоге вместо того, чтобы сделать, как раньше, один УПД (универсально-передаточный документ, который используется для подтверждения права на налоговый вычет по НДС и для подтверждения затрат в целях исчисления налогов), заменяющий товарную накладную и счет-фактуру, я теперь формирую в системе многочисленные партии зерна, делаю отдельные СДИЗ на перевозку и на реализацию. Если что-то забыть и не загрузить, пойдут штрафы. Мы не знаем, кто все это будет проверять и как это должно выглядеть в конечном счете. Если программа 1С была создана для бухгалтеров для облегчения их работы, то система «Зерно», наоборот, умножает наши обязанности. Она предназначена для мониторинга узким кругом лиц, нам она не понятна» (Алтайский край, октябрь 2022 г.).

Столь подробное высказывание информанта мы привели не случайно. За описанием технических деталей просматривается не только несовершенство программного продукта, допускающего разрывы во времени и важных показателях (вес партии и качество зерна), но и его «отстраненность» от нужд пользователей. Последние вынуждены дублировать электронные записи «аналоговыми» пометками, мириться с дополнительной нагрузкой ради того, чтобы государство смогло проследить оборот сельхозпродукции, выбирая для этого не самые прозрачные алгоритмы. Такой подход может демотивировать исполнителей: «раз логика не понятна, а удобство и полезность эфемерны, будем делать как нам удобно, не заботясь о точности вносимой информации». Цифровой контроль воспринимается информантами скорее как инструмент для взимания штрафов и усиления налогового бремени, но не как средство искоренения «серого оборота». Они предпочитают декларировать в системе только зерно, поступающее на легальный рынок, а то, как расходуются остатки, остается за кадром.

Разочарованием от первого знакомства с ФГИС «Зерно» поделились с нами также представители местных органов власти. Так получилось, что специалистов управлений и отделов сельского хозяйства не допустили к работе с программами прослеживаемости, несмотря на то что именно они, судя по идущим сверху резолюциям,

были назначены проводниками цифровой трансформации. Из интервью с главой комитета районной администрации:

«Когда мне впервые рассказали про эту систему, у меня мелькнула мысль: ну, наверное, пришло время, когда мы точно узнаем, сколько же на самом деле производится зерна в районе. Но так, к сожалению, не случилось» (Алтайский край, октябрь 2022 г.).

Через год к ФГИС «Зерно» добавилась обязательная регистрация оборота средств защиты растений, удобрений и других химпрепаратов в ФГИС «Сатурн», в перспективе были обещаны системы сертификации и учета производства и реализации семян, а также интеграция программ прослеживаемости сбора и продажи урожая и применяемых в процессе производства ресурсов с цифровыми картами землепользования в ЕФИС ЗСН. Однако, как показал наш мониторинг, вносимые изменения не сильно меняли тональность оценок информантов. Из интервью финансового директора крупного сельхозпредприятия уже из европейской части России:

«Пока по работе в системах “Зерно”, “Сатурн”, “Меркурий” у нас нет больших санкций. Нас не проверяют, как мы вносим информацию. Наверное, это делается для того, чтобы затянуть всех в работу с этими системами, а затем, если что не так, сразу выписывать штрафы по 100–200 тыс. руб. Вот тогда нам придется шевелиться. Вроде бы все эти усилия направлены на то, чтобы государство видело, сколько зерна и молока производится и продается, но это все не доведено до ума... С 1 сентября мы должны работать с ФГИС «Семеноводство», но пока нет даже тестовой версии. На сегодняшний момент мы не видим ни одного цифрового решения, которое пошло бы нам на пользу. В первый год ФГИС “Зерно” была очень сырой программой. Почему-то в ней не все могли работать, поэтому для доказательства цифрового оформления продаж нас просили по электронной почте пересылать сканы записей в системе. Каждая поставка зерна отражалась примерно на 10 страницах, а у нас было 200 поставок. Но мы как-то умудрились это сделать — фотографировали таблицы, кидали на “электронку”, распечатывали. Потом разработчики доработали систему. Сейчас нужно работать в ЕФИС ЗСН, но земельные паспорта и карты мы пока еще до конца не сделали. Вернее, мы еще и не начинали. Из-за дефицита кадров мы беремся за что-то только тогда, когда становится понятно, что через три месяца это будет обязательным. У нас нет для этих задач подходящих сотрудников. Пока же этими вопросами занимается районное управление сельского хозяйства, уже второй год оттуда нам задают вопросы про каждый обрабатываемый участок: “Что здесь посеяли, а что — там?” Может, это и правильно так глубоко смотреть, но где найти специалистов для этой работы в сельской местности?» (Нижегородская область, август 2023 г.).

О. П. Фадеева
Цифровизация
«сверху» в российском АПК: от проектов к реалиям

Если в момент запуска системы «Зерно» территориальные центры оценки качества при Россельхознадзоре проводили анализ только выборочных культур, то годом позже им было поручено проверять всю зерновую линейку — и бесплатная поначалу услуга превратилась в платную (15–30 тыс. руб. за партию). Однако оценку центров по-прежнему продолжали игнорировать зернотрейдеры и другие покупатели, так что сельхозпроизводителям приходилось оплачивать услуги диагностики качества урожая в двойном размере — для регистрации партии зерна в ИТ-системе и для ее продажи на элеватор или в другое место. Проблемы возникали из-за несоответствия результатов анализа в государственных и частных лабораториях. Так, если первые после проверки выдавали сертификат на пшеницу 3-м сортом, то вторые могли ее принять уже 4-м сортом (с другими показателями белка, клейковины, стекловидности и наличием примесей), в т.ч. для того, чтобы снизить цену (это же рынок!). В итоге при формировании и погашении СДИЗ одна и та же партия зерна могла иметь разные показатели, что вызывало негативную реакцию сотрудников центров качества, отчеты которых о массе и качестве реализованного урожая уже ушли наверх. Из интервью с руководителем комитета сельского хозяйства:

«Центры оценки качества зерна усилили свои позиции, их мониторинг стал обязательным и платным. Но как это работает? Вот фермер или предприятие сдали свое зерно в Центр на проверку, получили сертификат на пшеницу 3-го класса, занесли результаты в программу. Но приезжает покупатель, ему показывают справку Центра, но тот настаивает на своей проверке качества: набирает какое-то количество зерна в мешочки, где-то проверяет, а потом звонит и говорит: “Ребята, у вас зерно 4-го класса! Я могу у вас его взять либо этим классом, либо не буду покупать вовсе”. Производители на это предложение не соглашались, но приезжает следующий покупатель и вновь убеждает: “Это 4-й класс!” А у производителей солярка кончается — не на что ее покупать, что делать — они соглашались уступить зерно дешевле. С горем пополам как-то переправляют в программе один класс зерна на другой, продают 4-м классом, получают деньги. В это время раздается звонок из Центра: “Вы что делаете? Мы в Москву отчитались о том, что у нас такое качество. А вы продаете пшеницу 4-го классом и дискредитируете нашу организацию!” Тут же мне звонят из Центра тоже с нападками: “А вы куда смотрите?! Давайте мы приедем, создадим комиссию, вновь наберем мешочки зерна из этой партии, заново отмоем, сделаем анализ и подадим наши результаты в арбитражный суд!” Но это немыслимо! Раньше действовали государственные хлебные инспекции, которые сопоставляли результаты диагностики зерна в разных местах и в итоге приходили к единой оценке сортности. Сейчас же судебные разбирательства могут идти годами, комбайны будут стоять без

работы, просроченные кредиты у хозяйств будут копиться, а правды крестьянин так нигде и не найдет. Поэтому сотруднику Центра я ответил так: “Разбирайтесь у себя сами, а хозяйства не трогайте, иначе они будут возить свое зерно на проверку в соседние регионы!”» (Алтайский край, октябрь 2024 г.).

На этом и других примерах отчетливо видно, что цифровые системы мало согласуются с российскими рыночными реалиями: плохо отлаженные механизмы проверки качества и массы продукции позволяют извлекать дополнительную выгоду компаниям с весомой экономической властью. Последние могут диктовать свои условия, пользуясь слабыми позициями контрагентов. Цифровые системы весьма неповоротливы и в случае заключения сделок между продавцами и покупателями там, где возможен торг. Это показывает еще один пример из Алтайского края, касающийся продажи некондиционного зерна, отличающегося от характеристик 3-го класса одним процентом сорности. По договоренности с покупателем фермер отдал свое сорное зерно по цене фуражного, притом что в сертификате качества на эту партию показатели 3-го класса были в норме. Представители Россельхознадзора обнаружили информацию об этой сделке в системе и вынесли фермеру предупреждение по поводу продажи зерна с превышением допустимого уровня посторонних примесей. Встает вопрос: что должен был делать фермер в этом случае — не вносить это зерно в систему прослеживаемости и попытаться скрыть доход от этой сделки? Завысить качество зерна, вызвав вопросы по поводу заметно сниженной цены? Раздать его своим работникам на корм для поросят? Или возможны иные варианты?

Подобные проблемы возникают в связи с тем, что информационные системы, сконструированные людьми, малосведущими в аграрной специфике, не могут адекватно отразить все регистрируемые процессы. Они не оставляют для практиков каких-либо зазоров для регистрации нестандартных ситуаций. Отсутствие гибкости и однозначности интерпретаций данных, внесенных в систему, оборачиваются для пользователей штрафами и другими дополнительными издержками.

Контроль за оборотом химпрепаратов: точно в срок!

Сложности оцифровки оборота в полной мере проявились при внедрении ФГИС «Сатурн» для отслеживания закупки, хранения и использования средств для защиты растений (СЗР) и удобрения почвы. Регистрация в системе стала обязательной и для продавцов, и для покупателей этой продукции. Для контроля за соблюдением технических регламентов в системе отражается точное время приобретения и расходования препаратов. Проверяются сроки хранения препаратов разного класса опасности вне склада, нор-

О. П. Фадеева

Цифровизация

«сверху» в российском АПК: от проектов к реалиям

мы расхода и период обработки разных культур и т.п. Также усилен контроль за сертификацией используемых производителями химикатов и специализированных складов. Торговым организациям разрешается работать только с препаратами, входящими в соответствующие реестры, а сельхозпроизводителям — хранить купленные препараты в сертифицированных помещениях, которые также должны быть зарегистрированы в системе. К сожалению, не все контрагенты оказались готовы к столь жестким правилам: далеко не весь перечень имеющихся на рынке препаратов прошел требуемую сертификацию, а оформлением складов для их хранения занимались далеко не все сельхозпроизводители.

В идеале при оформлении продажи пестицидов, фунгицидов, инсектицидов, удобрений и т.п. продавец должен найти в системе покупателя и занести сведения о товаре и времени отгрузки. Следом записи об «оприходовании» препаратов делает покупатель, отображая время доставки на склад и информацию о последующих операциях (в каком количестве, в какие сроки и какие поля ими были обработаны). Из-за сложности цифровых правил контрагенты нередко договариваются между собой о том, как их можно обойти и при этом не попасть на штраф. Из интервью с одним из сибирских экспертов:

«С системой “Сатурн” много проблем. Главное — нужно успеть вовремя внести препарат на поле, а у каждой химии свой срок. По факту бывает так: поля пестицидами или чем-то еще обработали, а потом только это все задокументировали. К тому же у фермеров практически нет помещений, в которых разрешено держать опасные вещества. Поэтому находят выход таким образом: хозяйства перечисляют деньги продавцам за товар осенью, но не вывозят его к себе — до начала полевых работ он лежит на складе торговой организации. Когда приходит время, фермеры препараты забирают, обрабатывают поля, в течение трех дней все документы оформляют и заносят в систему» (Новосибирская область, 2024 г.).

Заметим, что реализация подобной схемы упирается в ограничения мощностей хранения у поставщиков.

«Сатурн» может подвести под санкции и добросовестных сельхозпроизводителей, которым помешали исполнить все предписания погодные условия. Продолжение интервью:

«По закону, если у фермера или предприятия нет склада для хранения пестицидов и проч., они имеют право помещать их на временное хранение не дольше двух суток. В течение этого времени фермер должен провести оплату, доставить груз на поле, там у него уже наготове должен стоять опрыскиватель под заправку, который за оставшееся время должен обработать все посевы. Но вдруг пошел затяжной дождь. Чтобы обработка принесла эффект, требуется время для подсыхания земли и растений. Несмотря на это, на третий день фермеру контролирую-

ющие органы уже вправе выписать штраф или что похуже. Если при этом фермер в «Сатурне» отметит все как надо, но работы не произведет, то с воздуха или как-то еще его поля проверят и тут же отреагируют. При ссылке на дождь фермер услышит лаконичный ответ: «Нарушил закон — отвечай!».

При таком порядке вещей надеяться на отвечающую всем правилам регистрацию товарных потоков довольно сложно. В какой-то степени ИТ-системы вынуждают аграриев и болеющие за их интересы местные власти идти на прямой обман. Так, в преддверии посевной кампании 2025 года на совещании специалистов районных администраций Алтайского края на вопрос сотрудников краевого минсельхоза о наличии у агропроизводителей минеральных удобрений и средств защиты растений последовал ответ, что нужные препараты законтрактованы и в любой момент могут быть выкуплены, хотя на самом деле они с осени уже лежали на складах в хозяйствах. «Отвечать по правде» районные чиновники не решились, опасаясь, что присутствующие в зале сотрудники Россельхознадзора тут же посмотрят на оформление цепочек поставок «химии» в системе «Сатурн» и выявят нарушения.

Похожие проблемы возникли и с использованием ставшей обязательной с сентября 2024 года системы «Семеноводство» с ее жесткими требованиями к растениеводам работать только с сортовыми семенами разных культур, отмечать контуры и площадь участков, где они были выращены или посажены, а затем списывать использованную часть семенного фонда в системе «Зерно». И к этой процедуре не все производители оказались готовы — далеко не весь посевной материал отвечал требованиям сертификации и репродукции. Не каждый мог позволить себе приобретать качественные, а значит, и более дорогие семена. Поэтому к данной системе аграрии отнеслись как к очередному надзирателю, а не как к помощнику в устранении причин, заставляющих производителей уклоняться от предписанных нормативов.

Из интервью со специалистом сельхозпредприятия из Алтайского края:

«Все программы по земле, зерну, семеноводству мы на 80% заполняем информацией для того, чтобы Россельхознадзор и другие контролеры могли не заморачиваться. Они на кнопку в системе могут нажать и увидеть, кто отсеялся несортowymi семенами. Раньше для выяснения нарушений нужно было приезжать к нам, разбираться, что и как, а сейчас из кабинета можно выслать предостережение, дать месяц на устранение и оформить протокол». Это мнение разделяет и специалист районной администрации: «Никакой прозрачности нет и не будет. Да и не нужно это никому! В ФГИС «Зерно» сегодня вроде бы не учитываются только зерноотходы для выдачи натуроплаты. Регистрация товарного и семенного зерна обязательна. Но есть риск, что мы вскоре останемся без посевного материала, так как его система

не регистрирует. Еще недавно мы, как сивые меринь, ввали, что в районе работают с сертифицированными сортами и зерном высокой репродукции, а сейчас выясняется, что это не так, и что делать дальше — не ясно» (Алтайский край, октябрь 2024 г.).

Невыполнение требований систем цифровой прослеживаемости уже наносит ощутимый экономический урон сельхозпроизводителям. Последние, соответственно, будут искать все возможные способы для его компенсации. Возможный вариант решения проблемы подсказала история в одном из сибирских регионов. Весной 2025 года специалисты местного минсельхоза солидарно написали заявления об уходе после того, как крупный зернопроизводитель обратился с жалобой в прокуратуру. Продукция предприятия не была своевременно зарегистрирована в системе «Зерно» и, несмотря на наличие покупателя, не была продана. Иск о возмещении затрат, связанных с вынужденным хранением и частичной порчей зерна, был подан к региональным чиновникам, которых производитель посчитал виновными в сложившейся ситуации. Конфликт удалось погасить, увольнительные заявления были отозваны, но проблема осталась. Ее суть сводится к следующему. С одной стороны, административная цифровизация, подобно прожектору, высвечивает «болевые точки» в виде отступа производителей от соблюдения агротехнических, экологических и других нормативов, незавершенности процедур сертифицирования продукции и факторов производства и легализации разных рыночных схем, но с другой стороны, она формирует у инициаторов реформы иллюзию идеально сконструированной smart⁶-системы управления отраслью. Однако из-за множества неучтенных заранее проблем, на решение которых у производителей нет средств и подготовленных работников, система начинает давать сбои: жесткие правила подвергаются эрозии, информация искажается, невосполнимые потери ложатся на исполнителей, а не на субъектов федеральной политики. В итоге аграрии воспринимают цифровые нововведения как усиление бюрократического давления, которое способно у некоторых из них «сломить волю к сопротивлению» и вынудить отказаться от ведения бизнеса.

Операция «интеграция»: как привязать учет к каждому полю

В начале 2024 года был дан старт сквозной интеграции систем «Зерно», «Сатурн» и базы данных о земельных ресурсах в ЕФИС ЗСН.

6. Помимо перевода значений английского слова «smart» как «умный», «сообразительный», «образованный», оно используется в виде аббревиатуры, состоящей из начальных букв пяти слов. Каждая буква означает критерий, которым должна обладать правильно поставленная цель: specific (конкретная), measurable (измеримая), attainable (достижимая), relevant (актуальная) и time-bound (ограниченная во времени) (Doran, 1981).

В привязке к контурам полей с разными возделываемыми культурами должны были вводиться кадастровые номера, информация о владельцах и арендаторах участков, посевах и собранном урожае, использованных (сертифицированных!) семенах, удобрениях и средствах защиты растений и прочие данные, которые автоматически отражаются в связанных между собой системах. По сути, аграрной отрасли вновь был назначен экзамен на технологическую и экономическую зрелость. Без проводки и выгрузки информации по всем ЕФИС коммерческие операции с зерном, подача отчетности для расчета сельскохозяйственного и других налогов, получение господдержки (субсидий и льгот) и банковских кредитов хозяйствам были запрещены. Но далекоидущим планам вновь помешала общая неготовность среды к сплошной цифровизации — у производителей массово обнаружилось отсутствие или низкое качество реестров (структуры) и паспортов землепользования с границами участков, разбитых по контурам в соответствии с севооборотом. Встал вопрос: кто должен восполнить пустоты земельного учета после начавшегося в конце прошлого века, но так и не завершившегося процесса приватизации земли, кардинально поменявшего прежние схемы обработки, в отсутствие специализированных органов — районных земельных комитетов, которые были упразднены к концу 2000-х годов.

Субъекты РФ активно взялись за решение проблемы с наведением порядка в земельном учете, исходя из имеющихся ресурсов и возможностей. Так, в Новосибирской области до декабря 2023 года региональное министерство сельского хозяйства пыталось выделять контуры участков по землепользователям и видам посевов в ЕФИС ЗСН силами своих специалистов и сотрудников подведомственных районных управлений. После того, как выяснилось, что из-за недостатка кадров и компетенций справиться с поставленной задачей не удастся, министерство разрешило фермерам и сельхозпредприятиям самим редактировать цифровые карты своих участков, установив специальный порядок уведомления о работе в системе. Из-за того, что многие землепользователи не владели навыками электронного картографирования, они начали на свое усмотрение межевать границы участков, что привело, по оценке экспертов из региональной организации АККОР⁷, к серьезным искажениям:

«Сейчас в системе землепользования полный беспорядок. Кто-то из фермеров стер поле соседа, кто-то поменял границы своих полей. Из-за того, что требовалось буквально вручную вводить кадастровые номера участков по каждому контуру, чиновники Минсельхоза не смогли ничего сделать, передали эти функции в районы, но и там развели руками. Проблемы с внедрением систем прослеживаемости от федерального министерства одни

7. АККОР — Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России. URL: <https://www.akkor.ru/>

и те же: цифровой продукт еще не готов, а его уже объявляют обязательным. Сейчас вот выяснилось, что нормальных карт в регионах и районах нет — и как проводить эту интеграцию? Члены нашей ассоциации постоянно жалуются по этому поводу» (Новосибирская область, май 2024 г.).

Кубанские фермеры в разговоре с нами также весьма скептически отзывались о попытке государства поменять правила учета и контроля:

«Нам просто добавили работы: помимо занесения данных в ИТ-системы мы отправляем, как прежде, бумажные отчеты, только прикладываем к ним справки, выгруженные из этих систем. К тому же ЕФИС ЗСН работает некорректно, постоянно виснет. Для чего нужна эта цифровизация? Чтобы чиновник мог быстро нас проверить, нажав несколько клавиш? Как это повлияло на зерновой рынок? Нам обещали, что как только “Зерно” заработает, серый поток продукции с новых территорий прекратится. Ничего подобного не вышло! Зато нас обложили суперконтролем!» (Краснодарский край, февраль 2024 г.).

До конца не осознают замысла отслеживания сельхозоборота сибирские аграрии, ставя под сомнение возможности анализа «больших данных» в текущих условиях:

«Смысл в государевых цифровых программах я не понимаю до сих пор. Постоянно задаю вопросы, как они влияют на повышение продуктивности? Зачем московским чиновникам знать, что в Алтайском крае такое-то поле разделено на три контура и на втором контуре посеяна гречиха?! И не просто гречиха, а сорт такой-то и репродукция 1, 2 или 3. Знать, что посев производился 3 июня, уборка 1 сентября, на круг было собрано столько-то зерна, с таким-то качеством. В такие-то дни производилась химическая обработка. Какую долю этот контур с гречихой составляет в общероссийском масштабе? Что хотят сделать власти — дать нам совет, какие сорта и агротехнологии использовать? Но сейчас же не плановая экономика, нам советы от государства не нужны! Остается одно — учет и контроль. Мы же и так не таимся, сдаем отчеты в статистику, требуемую информацию предоставляем в министерства! Мы не отказываемся от ИТ-систем, используем программы “точного земледелия”, но это совсем другое. Отслеживаем траекторию движения техники по полям, расход дизельного топлива и посевного материала. Автоматически рассчитываем выработку каждого механизатора, начисляем зарплату. Используем цифровые программы по оценке эффективности применения СЗР. Заказываем диагностику состава почвы, чтобы понять, что ей не хватает. Наблюдаем за тем, как работает та или иная сеялка, машины для опрыскивания. И принимаем решения!» (Алтайский край, октябрь 2024 г.).

С серьезными проблемами гармонизации работы ЕФИС ЗСН и других систем столкнулись не только новички, но и опытные пользователи ИТ-программ. В качестве примера вновь приведем Алтайский край, где несколько лет в пилотажном режиме местные аграрии оформляли документы для получения государственных субсидий и льгот с помощью системы «Респак»⁸. В ней также оцифровывались земельные массивы и границы землепользования. Были надежды, что сформированные в «Респак» контуры с посевами программным образом перейдут в ЕФИС ЗСН и другие системы, но они оказались тщетными.

Из интервью в преддверии «интеграции» со специалистом районного комитета сельского хозяйства с профильным землеустроительным образованием:

«В большинстве наших хозяйств некому было работать в “Респак”, поэтому я им помогала. Крупные предприятия могут нанять себе программистов в городе, им проще. Нам пообещали к январю 2024 года полностью перенести сделанные нами контуры из “Респака” в ЕФИС ЗСН. После этого хозяйства при нашей поддержке могли бы начать работать с земельными реестрами и паспортами. Сейчас, в уборку 2023 года, по клеткам (контурам) заносим только “валовку” — сколько собрали и все. На следующий год мы должны вводить для каждой клетки данные о семенах, урожайности, пестицидах и проч. Данные из ЕФИС ЗСН вроде бы автоматически будут добавляться в другие системы — в “Зерно” или “Сатурн”. Обещают интеграцию с земельным кадастром для переноса номеров участков, но то ли это будет, то ли нет, непонятно, нам бы это сильно облегчило жизнь. Ведь площадь участка с одним кадастровым номером может составлять и 700, и 1000 га. Участок разбивается на клетки вдоль и поперек — и к каждому контуру нужно приписать один кадастровый номер. Пока я эти номера по каждому участку и контуру вношу вручную: нахожу их на публичной карте или в документах. Как сейчас это работает? Приходит фермер ко мне и говорит: “В этом году мы этот участок разбили на три части, здесь посеяли рапс, здесь — сою, здесь — пшеницу”. На следующий год он решает поменять севооборот и по-другому разделить поля, поэтому на карте мы либо объединяем контуры, либо делим их по-другому. Если ничего не меняется, то контур

8. АИС «Респак» — информационная система по взаимодействию региональных министерств сельского хозяйства с заявителем при предоставлении государственных услуг. Она позволяет автоматизировать этапы процесса сбора и анализа отчетности, приема и обработки заявок. Впервые с помощью этой системы прием документов от аграриев на получение господдержки минсельхоз Алтайского края начал в 2020 г. URL: <https://www.altagro22.ru/news/gosprogramma-razvitiye-apk/minselkhoz-altayskogo-kрая-nachal-priem-dokumentov-ot-agrariyev-na-predostavlenie-gospodderzhki/>

остается, тогда границы менять не нужно. Далее заполняем земельный реестр — первый раз по каждому контуру указываем плановую культуру, а после посева второй раз — фактическую. Закрываем реестр, формируем земельные паспорта. После этого уже будем разносить по контурам то, чем мы их обрабатывали в течение полевого сезона, затем будем отмечать урожайность. В этом году мы постарались сделать электронные земельные паспорта даже для тех хозяйств, кому они были не нужны — они не подавали заявку на господдержку в “Респак”, но сделали эту работу на будущее. В итоге паспорта в районе мы оформили на 80–90% — всем, кто к нам пришел, даже фермерам с пашней по 10–14 га. Мы решили, что будет проще, чтобы данные этого года из “Респак” в ЕФИС ЗСН перекачались сами, а не вносились нами заново» (Алтайский край, октябрь 2023 г.).

Однако реалии и на этот раз не совпали с ожиданиями — через год в разговоре с этим же специалистом комитета зазвучали совсем иные нотки:

«Все федеральные программы очень сырые, нет обещанных переходов из одной программы в другую. Положено, что после отработки данных в ЕФИС ЗСН автоматом часть информации попадает в систему “Семеноводство” (по семеноводческим участкам), другая часть — в “Зерно” для оформления СДИЗ на реализацию. Но на каждом этапе возникают свои препятствия, очень тяжело работать! Много повторной ручной работы, доходит до слез, фермеры ругаются сильно! Идея в целом хорошая, но подводит ее воплощение. Мы ждали интеграции, а ее нет. Раньше отчетность по использованию земли формировалась не по каждой культуре, а по площадям под все зерновые. Это было проще: было не важно, что где посажено. Сейчас, если что-то перепутали или переселяли поля после весенней засухи и другой напасти, нужно вновь заполнять данные по контурам в системе» (Алтайский край, октябрь 2024 г.).

Помимо манипуляций с данными и перегруппировкой структуры посевов специалистам приходится разбираться с несовпадением фактической и задокументированной площади участков и контуров. Здесь, как и в разночтениях продавцов и покупателей по поводу веса и качества партий зерна, встает вопрос о приведении к единому знаменателю по-разному измеряемого физического пространства. Продолжение интервью:

«Когда я сама контуры посевов на карте обрисовывала, у меня регулярно возникали вопросы по их площади. С нас требуют, чтобы фактическая площадь участков, составленных из нескольких контуров, совпадала с площадью этих участков в их кадастровых паспортах. Но там не учитываются разного рода отклонения — то, что на этом месте проходит дорога или расположен березовый околос. На спутниковых снимках, которые нам дают, все эти особенности места видны — и все незасеянные площади

мы из наших земельных паспортов вырезаем. Поэтому фактическая суммарная площадь контуров с сельхозкультурами получается меньше, чем та, что отражена в кадастре по участкам. В нашем районе больше 60 фермеров, 1700 контуров. Несколько лет я старалась навести порядок с оцифровкой земли, но сначала “Респак” почти год не работал, потом, когда система более-менее стабильно заработала, появилась необходимость перехода на ЕФИС ЗСН».

Другой сложно решаемой проблемой интеграции стали требования прикрепления к земельным паспортам в ЕФИС ЗСН правоустанавливающих документов — выписки из ЕГРН⁹ на право собственности или аренду. И вновь предписания разошлись с реальностью. Во-первых, далеко не все земли сельхозназначения прошли необходимую регистрацию прав в Росреестре. Во-вторых, популярные среди аграриев устные «джентельменские» договоренности об аренде земли на короткий срок (до года), не требующие регистрации, и обмены полями, в том числе на условиях субаренды, привели к большой путанице с правами собственности, без устранения которой работа на участках с невыясненным статусом землеуладения стала практически невозможной. Продолжение интервью:

«В нашем районе фермеры менялись между собой клетками примерно одной площади, чтобы приблизить к своим базам обрабатываемые участки. Раньше Росреестр не требовал оформлять подобные сделки. Сейчас для получения земельного паспорта производители, у которых возникли эти проблемы, должны через свои кабинеты в “Госуслугах” делать запросы в Москву, в Минсельхоз России, который по межведомственному взаимодействию свяжется с Росреестром. Если участок не будет зарегистрирован, то он выпадет из земельного паспорта. Неоформленных земель у нас очень много. Но смогут ли фермеры сами решить эти проблемы через “Госуслуги”? Раньше я им сама паспорт распечатывала и все культуры в него вносила, сейчас они все должны делать самостоятельно».

Еще один юридический казус, препятствующий наведению порядка в ЕФИС ЗСН, касается разночтений в указании вида сельскохозяйственных угодий в кадастровых паспортах с их фактическим использованием. За время составления базы ЕГРН структура землепользования на многих территориях сильно трансформировалась. Где-то из-за долгого простоя пашня перешла в разряд пастбищ или же вообще превратилась в неудобья. Плохо проведенная инвентаризация привела к тому, что земли, занятые стоянками для машин и хранения сельхозоборудования или используемые под свалки, в кадастре оказались пахотными, хотя никогда таковыми

9. Единый государственный реестр недвижимости, в котором хранятся сведения о зданиях, сооружениях, земельных участках, а также о правах на них и их характеристиках.

не являлись. Неоформленными остались фрагменты пастбищных и сенокосных угодий, которые входили в состав долевых земель, отошедших в собственность сельских жителей. Из-за сокращения поголовья скота эти угодья остались неиспользуемыми.

Устранение подобных нестыковок, из-за которых «не бьются» между собой кадастровые (публичные) карты и земельные паспорта из ЕФИС ЗСН, требует профессионального участия землеустроителей и регистраторов в приведении «виртуального», т.е. существующего в цифровом пространстве, образа земельного фонда отдельного района или региона в целом в соответствие с его физическим воплощением. Решение этих задач не по силам муниципальным органам власти, к которым, как правило, приходят подобные запросы, а также и землепользователям, испытывающим неудобства от ошибок в цифровых картах своих угодий. Если порядок с оценкой и правами собственности земли не будет налажен, то задуманная интеграция IT-систем вряд ли когда-либо приблизится к идеалу, а в худшем случае она может привести к информационному коллапсу.

Многоукладность под прицелом цифровизации

Цифровая трансформация аграрной отрасли в разной степени отразилась на деятельности мелких, средних и крупных производителей. Последним вполне по силам либо передать функции ведения федеральных информационных систем на аутсорсинг¹⁰, либо принять в свою команду новых специалистов. Правда, не совсем понятно, каким комплексом знаний они должны обладать. Из интервью с руководителем агропредприятия:

«Для выполнения этих задач нужен квалифицированный работник. Он должен быть агрономом, животноводом или бухгалтером, а лучше — и тем, и другим, и третьим. Но это почти нереально. Вроде бы у государства родилась хорошая задумка по поводу IT-систем. Есть только один минус: все затраты ложатся на плечи сельхозтоваропроизводителя» (Нижегородская область, август 2023 г.).

В то же время привлечь дополнительных IT-специалистов вряд ли смогут небольшие и даже средние по размеру фермерские хо-

10. По оценке экспертов, весной 2025 года годовые тарифы на услуги ведения системы «Зерно» сторонними организациями составляли в Алтайском крае 60 руб. в расчете на один гектар, системы «Сатурн» — 40 руб./га. Суммарно сельхозпроизводитель мог заплатить за цифровую прослеживаемость оборота своей продукции и ресурсов 100 руб./га или 100 тыс. руб. за 1000 га обрабатываемой земли в год. Отметим, что помимо серьезного увеличения затрат сельхозпроизводителей подобный аутсорсинг чреват рисками утечки чувствительной информации об основных параметрах ведения бизнеса.

зяйства и другие производители. Освоить нужные системы без внешней помощи их владельцы не всегда в состоянии. Из интервью с руководителем районного комитета сельского хозяйства из Сибири:

«По идее фермеры сами должны заниматься этими вопросами. В районе работают больше 60 фермерских хозяйств, но примерно у половины площадь пашни не превышает 300–400 гектаров (для края это немного). В таких хозяйствах, как правило, работают сам фермер и 1,5 механизатора. Профессиональная подготовка у них невысокая: кто-то ПТУ в свое время окончил и все. Некоторые до сих пор имеют кнопочные мобильные телефоны, обходятся без компьютера. Они кормятся со своей земли, что-то где-то продают, обеспечивают соседей соломой, зерноотходами. На жизнь мало-мало им хватает. Самостоятельно осилить эти системы они не смогут, а лишних денег у них нет!» (Алтайский край, октябрь 2024 г.).

Владельцы небольших хозяйств до внедрения цифрового администрирования сознательно минимизировали свои отношения с государственными: не пренебрегая отчетами в статистические и налоговые органы, они отказывались от получения какой-либо поддержки. При этом на недорогом фуражном зерне и рулонах сена от этих производителей во многом держалось производство в личных подсобных хозяйствах местных жителей. Другие каналы получения доступных ресурсов для подворий населения практически обмелели, в том числе из-за отказа крупных производителей «размениваться по мелочам» — продолжать «колхозную» практику выдачи натуроплаты сотрудникам или же «за наличку» продавать фураж и другую продукцию в небольших объемах. Цифровизация контроля и учета, а также перекрытие серого экспорта зерна в Казахстан в 2023–2024 годах нанесли серьезный удар по выживаемости этого хозяйственного уклада, что заметно ускорило его уход с рыночной авансены. Наличие в районе нескольких сильных производителей, заинтересованных в увеличении площади земельного фонда за счет мелких конкурентов, защищает район от появления неиспользуемых участков — на них есть спрос. Местную власть больше беспокоит судьба сложившейся многоукладности — что произойдет с хозяйствами населения и фермерским сообществом в условиях продолжающегося укрупнения производства? Причина подобного неравнодушия кроется в исторически сложившемся участии районных чиновников в качестве консультантов и посредников в становлении локального фермерского уклада и сохранении жизнеспособности села. Чтобы «слабые» и сегодня смогли удержаться в жерновах цифрового государства, районный комитет взял на себя миссию IT-кураторства. Продолжение интервью:

«Если в нашем комитете не будет специалиста, к которому в кабинет может зайти любой сельхозник и вместе с ним сесть за компьютер, под его логином и паролем открыть программу,

О. П. Фадеева

Цифровизация

«сверху» в российском АПК: от проектов к реалиям

внести информацию, помочь в чем-то разобраться, то, во-первых, у нас настанет “цифровой хаос”, а во-вторых, 28 хозяйств не смогут продать свою продукцию. Цифровизация направлена на то, чтобы остались только крупные предприятия, такие у нас тоже есть! Но я не хочу, чтобы нашими руками эти фермеры были вытеснены на обочину. Этим людям и так уже около 60 лет, придет время — они сами отойдут от дел. Когда-то государство дало им право фермерствовать — а теперь оно же само их пытается раздавить! Это неправильно. Сейчас все вокруг говорят: “Своих не бросаем”, а я всегда говорю: “Своих не сдаем!” Без нашей помощи половина производителей точно разорится. Сильные — справятся сами».

К сожалению, далеко не всем чиновникам близка подобная ответственность за последствия проводимой государством политики, подрывающей основы малого агробизнеса¹¹. Попытку предотвратить массовое закрытие крестьянско-фермерских хозяйств из-за внедрения большого количества ФГИС, влекущих за собой дополнительные затраты на труд, программное и техническое обеспечение, предприняла АККОР. В марте 2025 года проблемы цифровизации малых хозяйств были рассмотрены на XXXVI съезде Ассоциации, а затем — вынесены на публичное обсуждение на круглый стол ГД РФ с участием профильных ведомств и организаций. В последующем обращении к министру сельского хозяйства РФ Оксане Лут АККОР выступила с инициативой разработки единой универсальной цифровой платформы для малых форм хозяйствования, снимающей чрезмерные требования к организации систем прослеживаемости. В ответном письме Минсельхоза РФ было обещано, что в работе по развитию Государственной информационно-аналитической системы сбора и анализа отраслевых данных «Единое окно» эти предложения будут учтены¹². Однако, судя по тому, как ранее Минсельхоз РФ, сославшись на доктрину продовольственной безопасности страны, отверг предложения аграриев южных регионов об отмене обязательного внесения данных в систему ФГИС «Семеноводство» фермерам и главам личных подсобных хозяйств, не торгующих семенами, а также устранения дублирования ИТ-систем в части учета зерна, ожидать серьезных перемен в адресном цифровом администрировании не приходится. По мнению фе-

11. Согласно официальной статистике, по разным причинам за последние 13 лет число фермерских хозяйств сократилось более чем на треть (с 305 тыс. до 200 тыс. единиц). В т.ч. в период 2016–2020 гг. прекратили существование 60 тыс. фермерских хозяйств, в 2020–2025 гг. закрылись еще 35 тысяч.

12. Кулистикова Т. АККОР обратилась в Минсельхоз по проблемам цифровизации малых хозяйств. URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/44219-akkor-obratilas-v-minselkhoz-po-problemam-tsifrovizatsii-malykh-khozyaystv/>

деральных чиновников, все хозяйства без исключения должны соблюдать общие требования¹³.

Заключение

Обобщение мнений наших информантов позволяет сделать определенные, хотя и предварительные выводы, касающиеся последствий ускоренной и не до конца продуманной цифровизации «сверху» в аграрном секторе:

— внедряемые в обязательном порядке государственные системы учета и контроля, по сути, вмешиваются в сферу информатизации бизнес-процессов, которой необходимо заниматься самим агропредприятиям и фермерским хозяйствам, чтобы повысить эффективность своей деятельности. Продвинутые производители сами активно используют возможности цифровой прослеживаемости технологических параметров и выхода продукции на фермах и в полях, но, подчиняясь внешним требованиям, вынуждены изобретать способы автоматической передачи информации в форматы разных ФГИС. Не охваченные внутренней цифровизацией сельхозпроизводители с трудом успевают реагировать на поток инноваций государственного регулирования, который ограничивает их хозяйственную деятельность, и несут дополнительные риски;

— при общем положительном отношении к цифровизации как к способу усиления прозрачности сельскохозяйственного производства и повышения качества продукции производители и представители местных органов власти отмечают серьезный рост дополнительных расходов участников отрасли в связи с внедрением ведомственного пакета ФГИС, связанных с пробелами в разработке самих ИТ-систем, не учитывающих плохо поддающуюся стандартизации отраслевую специфику, недостаточным уровнем развития технической инфраструктуры в сельской местности, отсутствием специалистов, оборудования, сертификации всех элементов производства;

— интеграция ИТ-систем, обеспечивающих прослеживаемость оборота продукции зерноводства, начиная с выбора семян, посева и обработки конкретных полей и завершая уборкой, хранением и реализацией урожая, столкнулась с проблемой оцифровки всех сельскохозяйственных угодий и земельной паспортизации в условиях незавершенности процессов землеустройства, кодификации и регистрации прав собственности на землю и арендных отношений — и вместо наведения порядка в системе земельного учета в ряде случаев спровоцировала «информационный хаос»;

13. Минсельхоз не будет делать послаблений аграриям при работе с ФГИС.
URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/68cf7c869a7947922ea79976>

— в качестве ответных мер на сложности адаптации к «государевой цифровизации» производители вынужденно или намеренно искажают вносимую в системы информацию, в сговоре с контрагентами нарушают правила учета и совершения сделок, что в конечном счете выхолащивает всю идею «цифрового государства». В итоге вместо принятия решений на основе реальной картины чиновники вынуждены полагаться на иллюзии всесторонней управляемости процессами.

Проблемы административной цифровизации проявляются не только в аграрном секторе. На состоявшемся в апреле 2025 года совещании Президента РФ В. В. Путина с членами правительства и представителями лесопромышленного комплекса губернатор Приморского края О. Н. Кожемяко поднял вопросы о пробуксовке внедряемой с начала года многофункциональной системы учета состояния лесного фонда, операций с древесиной, а также сделок между участниками отрасли — ФГИС лесного комплекса (ФГИС ЛК), которая была разработана на базе предшествующей информационной системы ЛесЕГАИС¹⁴. Речь шла не просто о неготовности новой системы для обязательного использования («тестовая эксплуатация и отладка системы началась только с 1 января»; «некоторые ключевые разделы системы не разработаны до сих пор»; «система постоянно функционирует с массовыми сбоями»), но и о «непозволительной роскоши» ее применения. Любые отказы и ошибки системы требуют остановок производственных процессов, так как их продолжение без цифрового отражения грозит административными рисками: «Штрафы доходят до полумиллиона рублей с конфискацией транспортных средств и лесных грузов». В итоге, по оценке губернатора, в течение первого квартала 2025 года приморские лесозаготовители были вынуждены простаивать 66 дней. Закономерной прозвучала его просьба к Президенту РФ, которую можно адресовать не только в отношении к лесному, но и агропромышленному комплексу: «Прошу Вашего указания, Владимир Владимирович, перевести ФГИС ЛК в режим тестовой эксплуатации до устранения всех недоработок системы. На период тестовой эксплуатации прошу установить мораторий на все меры ответственности и предусмотреть альтернативный механизм оказания государственных услуг с последующей интеграцией данных во ФГИС ЛК. После завершения отладки предлагаю поручить Минцифры России сделать полноценный аудит системы, чтобы не допустить подобных ситуаций впредь»¹⁵.

На наш взгляд, описанные в статье проявления политики в разных отраслях российской экономики носят черты идеоло-

14. ФГИС ЛК — все о цифровизации лесной отрасли. URL: <https://egaislesuchet.ru/fgis-lk>

15. Совещание с членами правительства и открытие объектов лесопромышленного комплекса. 14 апреля 2025 г. Московская область, Ново-Огарево. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76683>

гии «высокого модернизма» — упрощение, нарушение органического характера социально-экономической жизни и игнорирование реального опыта, о которой писал Джеймс Скотт в своей книге «Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни» (Скотт, 2005). Сделав ставку на «вездесущую цифру» в управлении, российское государство не удосужилось исследовать «смыслы» и последствия, которые она несет. И это приводит к описанным нами результатам. Чтобы не повторять уже сделанных ошибок и убеждаться от новых, идеологам государственной цифровизации следует воспользоваться рецептами автора: делайте небольшие шаги, предусмотрите возможность отступления, планируйте неожиданности и человеческую изобретательность (Скотт, 2005: 549-550). От себя добавим: учитывайте интересы тех, кого вы пытаетесь «цифровизировать»!

Библиография

- Белова Т. А., Еремеева С. В., Чудиновских М. В. (2019). Федеральная государственная информационная система «Меркурий» как решение проблемы прослеживаемости продукции // Отечественная юриспруденция. № 3 (35). С. 41-50.
- Бызова В. В. (2024). Что такое компонент «Хорриот» и для каких животных учет стал обязательной процедурой // Образовательный научный форум «Вратами учености». Сборник статей международной научной конференции, Санкт-Петербург. С. 11-13.
- Денисова Г. (2024). Одна за всех. Минсельхоз создаст единую цифровую платформу АПК // Агроинвестор. № 4. URL: <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/42084-odna-za-vsekh-minselkhoz-sozdast-edinuyu-tsifrovuyu-platformu-apk/>
- Елисеева Ю. (2019). ФГИС «Меркурий»: сегодня и завтра // Молочная промышленность. № 2. С. 11-12.
- Копейкин М. О. (2025). ФГИС «Зерно»: обеспечение достоверного учета зерна // Хлебопродукты. № 2. С. 32-36.
- Мосин К. С., Осипов В. А. (2025). Цифровизация государственного контроля в агропромышленном комплексе России: опыт и перспективы (на примере Россельхознадзора) // Диалог. № 4 (34). С. 33-34.
- Скотт Дж. (2005). Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга.
- Скотт Дж. (2025). Оружие слабых. Повседневные формы крестьянского сопротивления. М.: Издательство книжного магазина «Циолковский».
- Фадеева О., Быстров Е., Збанацкий О., Шелудков А. (2021). Родные земли. Очерки трансформации земельных отношений в России / Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники». М.: Common Place.
- Хайретдинов Р. Х. (2021). О федеральной государственной системе прослеживаемости зерна ФГИС «Зерно» // Хлебопродукты. № 10. С. 18-19.
- Чабрикова Т. Д., Кольцова Л. А. (2022). Организация и анализ ветеринарного учета и отчетности // Известия Велюлюкской государственной сельскохозяйственной академии. № 2. С. 39-48.
- Шафеев Р. Ш. (2023). Цифровизация сельского хозяйства. Государственные системы контроля: ФГИС «Зерно», ФГИС «Сатурн», ФГИС «Меркурий», ФГИС «Семеноводство». Методическое пособие. Оренбург: Изд-во ООО «Руссервис».

- Шерешева М. Ю., Беляев А. А. (2024). Цифровые платформы в агробизнесе: технологическая основа взаимовыгодного взаимодействия игроков рынка // Крестьяноведение. Т. 9. № 4. С. 257-279.
- Doran G. T. (1981). There's a S.M.A.R.T. way to write management's goals and objectives // Management Review. Vol. 70. № 11. P. 35-36.
- Fadeeva O. P., Nefedkin V. I. (2021). Agrarian land use in Russia under digitalization conditions: Case study of Altai Krai // Regional Research of Russia. Vol. 11. № 3. P. 387-395.

Digitalization “from above” in the Russian agro-industrial complex: From projects to reality¹⁶

Olga P. Fadeeva, PhD (Sociology), Head of the Department, Institute of Economics and Organization of Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Ac. Lavrentyev Prosp., 17, Novosibirsk, 630090, Russia.
E-mail: fadeeva_ol@mail.ru

Abstract. Digitalization of almost all aspects of life in contemporary Russia has not bypassed the agricultural sector. Due to its combination with a clear administrative message to control everything in the economy, this gives interesting results for researchers and sometimes unexpected ones for developers. Thus, digitalization has already determined additional costs for producers and ultimately for consumers of agricultural products. In-depth interviews with direct users of information systems, which are quickly introduced by the state to ensure the “traceability” of all chains from inputs producers to outputs consumers, on the one hand, revealed the most acute organizational and technical problems associated with the implementation and practical operation of such systems; on the other hand, raise the question of the government intervention in business processes that have significant and difficult to standardize features. The imperative implementation of numerous information systems that are difficult to integrate can make life easier but also complicate it for producers. Moreover, the completely understandable desire of officials to know everything often leads to consequences that are opposite to expectations, thus creating an “illusion of control” based on unreliable information.

Key words: agricultural producers, federal state information systems (FGIS), FGIS “VetIS”, FGIS “Grain”, FGIS “Saturn”, Unified Federal Information System on Agricultural Lands (EFIS ZSN), traceability of production and sales, Altai Region, Krasnodar Region, Novosibirsk Region, Nizhny Novgorod Region

References

- Belova T. A., Ereemeeva S. V., Chudinovskikh M. V. (2019) Federalnaya gosudarstvennaya informatsionnaya sistema “Merkury” kak reshenie problemy proslezhivaemosti produktov [Federal State Information System “Mercury” as a solution to the problem of produce traceability]. *Otechestvennaya Yurisprudentsiya*, no 3, pp. 41-50.

16. The article was prepared according to the research plan of the Institute of Economics and Organization of Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Project No. 121040100280-1 “Actors, drivers and consequences of social changes in the contemporary society: Theory and empirical data”.

- Byzova V. V. (2024) Chto takoe komponent "Khorriot" i dlya kakih zhivotnykh ucheta stal obyazatelnoy protseduroy [What is the Horriot component and for which animals registration become mandatory]. *Obrazovatelny nauchny forum "Vratami uchenosti"*. Sb. st. Saint Peterburg, pp. 11–13.
- Denisova G. (2024) Odnazha za vsekh. Minselkhoz sozdast edinuyu tsifrovuyu platformu APK [One for all. Ministry of Agriculture will make a single digital platform for the agro-industrial complex]. *Agroinvestor*, no 4. URL: <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/42084-odna-za-vsekh-minselkhoz-sozdast-edinuyu-tsifrovuyu-platformu-apk>.
- Eliseeva Yu. (2019) FGIS "Merkury": segodnya i zavtra [Federal state information system "Mercury": Today and tomorrow]. *Molochnaya Promyshlennost*, no 2, pp. 11–12.
- Kopeykin M. O. (2025) FGIS "Zerno": obespechenie dostovernogo ucheta zerna [Federal state information system "Grain": Ensuring reliable grain accounting]. *Khleboпродукты*, no 2, pp. 32–36.
- Mosin K. S., Osipov V. A. (2025) Tsifrovizatsiya gosudarstvennogo kontrolya v agropromyshlennom komplekse Rossii: opyt i perspektivy (na primere Rosselkhozнадзора) [Digitalization of state control in Russia's agro-industrial complex: Experience and prospects (on the example of the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance)]. *Dialog*, no 4, pp. 33–34.
- Scott J. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed], Moscow: Universitetskaya kniga.
- Scott J. (2025) *Oruzhie slabyyh. Povsednevnyye formy krestyanskogo soprotivleniya* [Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance], Moscow: Izd-vo knizhnogo magazina "Tsiolkovsky".
- Fadeeva O., Bystrov E., Zbanatsky O., Sheludkov A. (2021) *Rodnye zemli. Ocherki transformatsii zemelnykh otnosheniy v Rossii* Native Lands. Essays on the Transformation of Land Relations in Russia], Moscow: Common Place.
- Khayretidinov R. Kh. (2021) O federalnoy gosudarstvennoy sisteme proslezhivaemosti zerna FGIS "Zerno" [On the federal state system of grain traceability FGIS "Grain". *Khleboпродукты*, no 10, pp. 18–19.
- Chabrikova T. D., Koltsova L. A. (2022) Organizatsiya i analiz veterinarnogo ucheta i otchetnosti [Organization and analysis of veterinary records and reporting]. *Izvestiya Vetslikolulskoy Gosudarstvennoy Selskokhozyaystvennoy Akademii*, no 2, pp. 39–48.
- Shafeev R. Sh. (2023) *Tsifrovizatsiya selskogo khozyaystva. Gosudarstvennyye sistemy kontrolya: FGIS "Zerno", FGIS "Saturn", FGIS "Merkury", FGIS "Semenovodstvo"* [Digitalization of Agriculture. State Control Systems: FGIS "Grain", FGIS "Saturn", FGIS "Mercury", FGIS "Seed Production"], Orenburg: Izd-vo OOO "Russervis".
- Sheresheva M. Yu., Belyaev A. A. (2024) Tsifrovyye platformy v agrobiznese: tekhnologicheskaya osnova vzaimovyygodnogo vzaimodeystviya igrokov rynka [Digital platforms in agribusiness: A technological basis for mutually beneficial interaction of market players]. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 4, pp. 257–279.

Факторы территориальных различий оттока и возвратности сельской молодежи в постсоветской России¹

Л. Р. Имангулов

*Линар Рамилевич Имангулов, младший научный сотрудник Научного центра изучения проблем сельских территорий Университета Вернадского, Московская область, Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 50. Аспирант, инженер географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Ленинские горы, д. 1, 119991.
E-mail: linar.imangulov.1999@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются особенности постсоветской миграции сельской молодежи в российских регионах на основе статистических данных и результатов интервьюирования выпускников сельских школ, их родителей и экспертов. С использованием метода возрастного сдвига выявлен долгосрочный характер увеличения миграционного оттока сельской молодежи в постсоветский период с 5 до 18% и более в разрезе когорт родившихся в конце XX века. Подтверждена низкая привлекательность сельской местности большинства регионов России для жизни. Выявлено восемь типов регионов в соответствии с особенностями постсоветской миграции сельской молодежи, из которых только три типа характеризуются меньшим оттоком молодежи из сельской местности. Для каждого регионального типа определено соотношение выталкивающих, удерживающих и притягивающих сельскую молодежь факторов. Детально на основе полевых материалов описан достаточно редкий для сельской России вид возвратной миграции, проявляющийся в регионах избирательно. Обнаружено, что наиболее высока возвратность молодежи в южных аграрных регионах страны и в национальных республиках Северного Кавказа. Внутри этих регионов ее распространение также ограничено. Возвратная миграция молодежи на сельские территории описана на примере восьми сельских районов Башкортостана, Краснодарского края, Дагестана и Северной Осетии — Алании. В национальных республиках Северного Кавказа на возвратность молодежи на сельские территории влияет социальный фактор и низкая конкурентоспособность выпускников сельских школ на городских рынках труда, в Краснодарском крае — крупноселенный характер сельского расселения и высокие барьеры сельской молодежи для жизни в городах (например, высокие цены на недвижимость).

Ключевые слова: сельская молодежь, миграция населения, образовательная миграция, возвратная миграция, факторы миграции, сельские территории

EDN: NMKTIG

Актуальность исследования факторов миграции сельской молодежи обусловлена, с одной стороны, практической составляющей, выра-

1. Исследование проведено в рамках НИР «Факторы привлекательности сельской местности для возвратной образовательной миграции сельской молодежи».

женной в значительном дефиците кадров на сельских территориях (только в 2024 г., по оценкам Министерства сельского хозяйства России, общая потребность агропромышленного комплекса составляла не менее 200 тыс. чел.), с другой стороны — методической, обусловленной ограниченностью доступных статистических данных о миграционном движении населения и ненадлежащим качеством учета части передвижений. Последнее связано с особенностями текущей системы регистрации постоянного и временного местонахождения мигрантов и изменениями методики расчета (например, из-за автоматического возврата в сельскую местность выбывших после окончания обучения) (Кашницкий и др., 2016; Мкртчян, 2024). Дополнительно актуализирует исследование факторов миграции сельской молодежи территориальная дифференциация миграционных процессов, обусловленная значительной региональной дифференциацией сельской местности и направлениями ее трансформации в постсоветский период (Нефедова, 2012).

Целью данного исследования является выявление и оценка факторов постсоветской миграции сельской молодежи в российских регионах. Для достижения цели в исследовании поставлены следующие задачи: оценить масштабы миграции сельской молодежи, типологизировать регионы в соответствии с особенностями миграций молодежи, выявить факторы региональных различий миграционной подвижности сельской молодежи.

Обзор литературы

Исследование миграции молодежи является одним из ведущих направлений миграциологических и социально-географических исследований в современной науке по причине значительного влияния молодежи на формирование демографического потенциала территорий. Интерес к изучению миграций молодежи в России также обусловлен процессами социально-экономической поляризации и централизации государства в постсоветский период, в результате которых сложилось устойчивое территориальное соотношение мест выбытия и прибытия населения (Мкртчян, 2005).

Одной из главных причин роста миграций населения из села в город в постсоветский период является избыточность трудовых ресурсов в сельской местности и негативная динамика сельскохозяйственного производства (Нефедова, Мкртчян, 2017). На современном этапе прослеживается выраженная территориальная структура миграций, при которой население привлекают города и пригороды, меньше — периферия только благополучных регионов, в которой замещение своей молодежи происходит внешними мигрантами. В регионах, притягивающих молодежь, периферийные территории недосчитываются 10–20% молодежи, в теряющих (в целом) молодежь — 30–40% (Мкртчян, 2013). Миграция насе-

ния в сельской местности значительно различается также между населенными пунктами разного иерархического ранга (Мкртчян, 2024). Несмотря на то что социально-экономическая ситуация претерпевала серьезные трансформации, масштабы и направления миграции молодежи в межпереписные периоды 1989–2002 и 2003–2010 годов, как показали исследования, не имели существенных различий.

В отечественных и зарубежных исследованиях объект исследования — молодежь — редко разделяется по месту жительства на городские территории и сельскую местность. Согласно существующим оценкам, более половины российской молодежи мигрирует из сельской местности в города для получения среднего профессионального или высшего образования (Мкртчян, 2013). Однако лишь малая часть из них возвращается обратно в сельскую местность.

Возвратная миграция населения, как один из видов миграции, традиционно изучается при анализе миграционного обмена между странами в рамках глобальных перетоков рабочей силы. На постсоветском пространстве процессы возвратности мигрантов наиболее детально изучены на примере образовательной и трудовой миграции грузинской молодежи (Сулаберидзе и др., 2019) и трудовых мигрантов из стран Центральной Азии (Возвратная, 2020). Исследования ученых показывают, что социокультурный код мигрантов способен значительным образом повлиять на дальнейшую траекторию мигрантов. Например, в Грузии распространена стратегия возвращения грузин в более старших возрастах на родину из европейских стран. Большая часть мигрантов из Центральной Азии также в меньшей степени рассматривают страну иммиграции для жизни, что в целом характерно и для мигрантов из других развивающихся стран Ближнего Востока и Южной Азии.

Применительно к российской сельской местности исследование возвратной миграции населения ограничивается изучением временных и возвратных форм подвижности россиян в пространстве между городами и сельской местностью. Наиболее подробно географами-руралистами изучены перемещения населения на загородные дачи и феномен второго жилья горожан (Трейвиш, 2014), маятниковые миграции в пределах городских агломераций (Махрова и др., 2023) и временный отток жителей в большие города на работу с более длительными временными интервалами (Нефедова, 2015). Возвратной миграции населения относительно недавно был посвящен крупный проект РНФ под названием «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме» (2014–2016 гг.). Однако и в нем сюжеты возвратной миграции сельских жителей, относительно недавно мигрировавших в города, не были затронуты. Отчасти это объясняется скромной численностью обратных потоков.

Исследователи связывают это с тем, что сельские территории значительно уступают городам по уровню инфраструктурной осна-

ценности, состоянию рынка труда и другим характеристикам. Например, согласно последним исследованиям (Карцева и др., 2024), переезд сельских жителей в город значительным образом увеличивает их экономическое благосостояние за счет более высоких зарплат и развитости рынка труда в городах. Однако перечисленное выше не способствует в полной мере объяснению всех миграционных потоков, наблюдаемых в сельской местности. Есть также группа факторов, удерживающих население или способствующих возвращению сельской молодежи из города в места выбытия, о которых в современных исследованиях сказано мало.

Материалы и методы исследования

Миграция молодежи изучается с использованием как количественных методов анализа (например, Kashnitsky, 2018), так и качественных методов (например, Катровский, 2001; Карачурина, Флоринская, 2009; Шекева, 2024; Имангулов, Корюхин, 2024), а также при их совмещении (например, Миграция, 1970; Карцева и др., 2024).

Для оценки масштабов миграционного движения сельской молодежи в постсоветский период был использован метод возрастного сдвига (или метод передвижки возрастов), под которым подразумевается количественный анализ численности населения одной и той же когорты в разных возрастах. В работе с применением данного метода были оценены масштабы миграционного движения молодежи в сельской местности для трех поколений, родившихся в 1984–1988, 1989–1993 и 1996–2000 годы на основе данных переписей населения. Это позволило выявить миграционные тенденции в сельской местности России в целом и регионов в частности в постсоветский период. Актуальность применения метода возрастного сдвига также обусловлена появлением новых данных возрастной структуры и численности населения в результате проведения переписи населения 2020 года, а также в связи с отсутствием его апробации применительно к сельской местности на региональном и внутрирегиональном уровнях.

В целях конкретизации особенностей миграционного движения молодежи в сельской местности российских регионов были косвенно проанализированы миграционные стратегии учащихся последних лет в возрасте 17–21 года на основе сопоставления данных численности учащихся сельских школ в 9-х и 10-х классах, поскольку образовательная миграция является основным каналом выбытия молодежи из сельской местности. Судить на основании этого показателя о миграционных стратегиях выпускников можно исходя из того, что для получения среднего профессионального образования достаточно закончить 9 классов, а для высшего — 11 и разной степени возвратности в сельскую местность молодежи после окончания средних учебных заведений (далее — сузов) и высших учебных заведений (далее — вузов). Однако не всегда данный показатель может свиде-

тельствовать о реальных стратегиях сельской молодежи по ряду причин. Однако это позволило дифференцировать преобладающие стратегии поведения сельской молодежи в первом приближении.

Для составления типологии регионов по особенностям миграции сельской молодежи использовались два основных критерия: масштабы миграционного движения сельской молодежи, ее особенности на примере преобладающих стратегий выпускников школ. Далее, на основании региональной дифференциации миграционной ситуации были определены факторы, обуславливающие миграции сельской молодежи.

Возвратность молодежи на сельские территории исследована на примере 8 сельских районов из разных региональных типов. Исследовательский акцент смещен в пользу более южных и срединных регионов европейской части России по причине их меньшей изученности в сравнении с регионами Нечерноземья и Европейского Севера, которым посвящена целая серия публикаций в постсоветский период с выводами о крайне низкой доле возвратности молодежи на сельские территории (Краснослободцев, Савоскул, 2004; Аверкиева, 2021; Аверкиева, 2024; Карцева и др., 2024; Давиденко и др., 2025). Для оценки масштабов и выявления факторов возвратной миграции молодежи в сельских районах были применены следующие качественные методы: анкетирование, метод глубинного и экспертного интервью с учащимися, их родителями, представителями администраций муниципальных образований и общеобразовательных учреждений. В анкетировании приняли участие 108 человек, всего было опрошено 42 эксперта (представители общеобразовательных учреждений, вузов и сузов) и 27 родителей учащихся и выпускников в рамках изучения миграционных процессов.

При анализе факторов миграционных стратегий сельской молодежи, различающихся территориально, автор использовал метод экономико-географической характеристики, который позволил описать комплексно факторы, определяющие миграционную ситуацию в районах. Сравнительно-географический метод был применен для выявления факторов пространственной гетерогенности процессов возвратной миграции сельской молодежи. Автор также придерживается принципа географической полимасштабности, при котором социально-экономические процессы изучаются на разных взаимосвязанных территориальных уровнях.

Масштабы миграционного оттока сельской молодежи по регионам

5,6% сельских жителей России (или 183 тыс. чел.), рожденных в 1984–1988 гг., к 2010 г. покинули сельскую местность после окончания школы. К 32–36 годам, согласно данным переписей населения, численность сельской молодежи с 2002 по 2020 г. сократилась

на 11,7% (379 тыс. чел.). На межрегиональном уровне масштабы сокращения численности когорты имеют большую вариацию значений: от -73,4% в Магаданской и -52,9% в Курганской областях до +38,8% в Ленинградской и +56,4% в Московской областях (рис. 1). Лишь в 10 регионах из 81 численность когорты не изменилась, либо увеличилась. В остальном большинстве регионов, особенно на Европейском Севере и в Сибири, происходило сокращение численности сельской молодежи из-за миграции по образовательным и экономическим соображениям (например, в ХМАО, Сахалинской, Московской и Ленинградской областях).

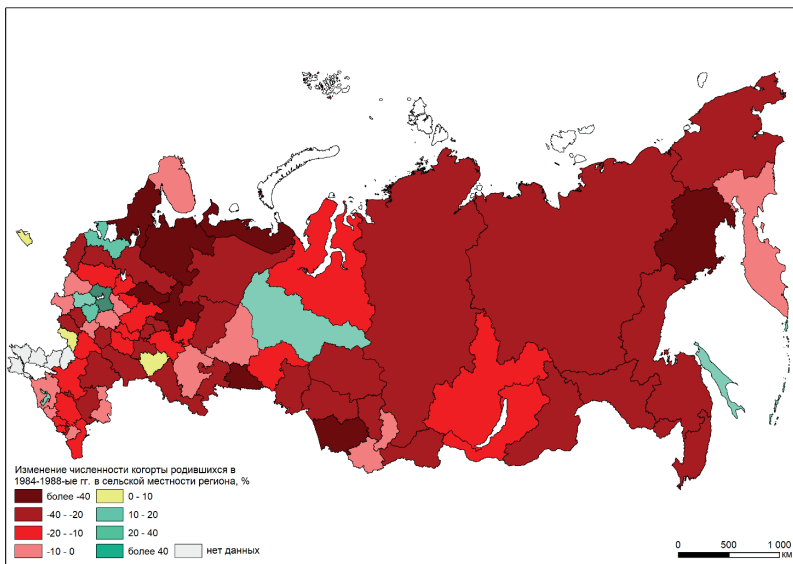

Рис. 1. Изменение численности когорты родившихся в 1984–1988 гг. в сельской местности региона в 2002–2020 гг., %. Составлено автором по данным Росстата.

Численность следующей когорты родившихся в 1989–1993 гг. сократилась в 2010–2020 гг. значительно, на 13,7% (290 тыс. чел.), а когорты родившихся в 1996–2000 гг. — на 17,5% (300 тыс. чел.). Это свидетельствует о долгосрочном нарастающем миграционном выбытии молодежи из сельской местности страны.

Межрегиональная дифференциация межпереписной динамики численности когорты родившихся в 1996–2000 гг. в целом сопоставима с когортой родившихся в 1984–1988 гг. (рис. 2). Несколько изменился состав регионов-лидеров за счет увеличения убыли сельской молодежи в ХМАО, Сахалинской и Калининградской областях по причине изменения экономической динамики развития регионов. Численность сельской молодежи также увеличилась в КЧР и КБР, вероятно, из-за ошибок статистического учета, и в Мурманской об-

ласти. Европейский Север, Нечерноземье, Сибирь и Дальний Восток стали терять больше сельской молодежи, а в Поволжье, наоборот, масштабы сокращения численности сельской молодежи стали меньше. Таким образом, увеличение выбытия молодежи из сельской местности на национальном уровне происходит за счет все большей депопуляции сельской местности регионов с неблагоприятной социально-экономической ситуацией.

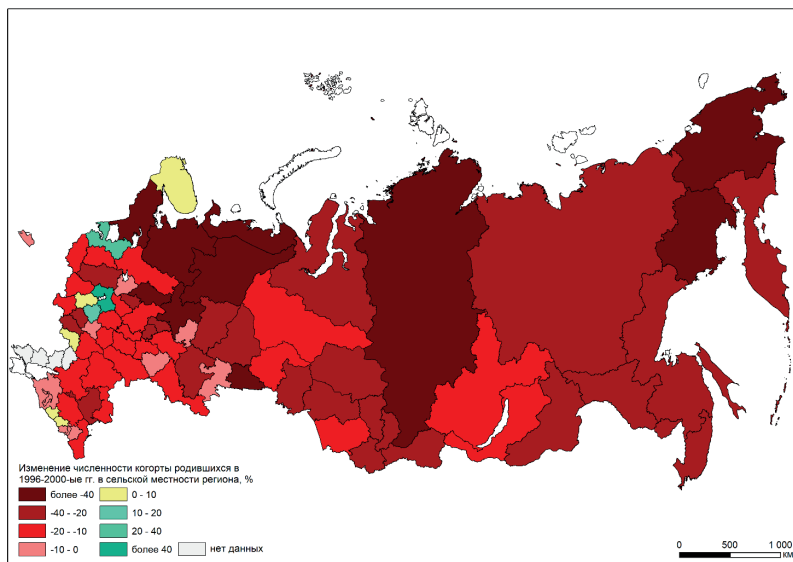

Рис. 2. Изменение численности когорты родившихся в 1996–2000 гг. в сельской местности региона в 2010–2020 гг., %. Составлено автором по данным Росстата.

Образовательная миграция как основной вид миграции

Вероятность незакрепления в городе или возвращения обратно в сельскую местность после получения среднего профессионального образования выше, чем при получении высшего. Во многом это связано с различиями в мотивациях выпускников школ. Полевые обследования автором сельских районов европейской части России выявили, что те, кто поступает в вузы — более замотивированные и амбициозные, имеющие цель — остаться в будущем жить в крупных городах. Обнаружить в сельской местности выпускников областных и столичных вузов практически невозможно. Как правило, это исключения. Однако выпускников сузов в сельской местности можно встретить гораздо чаще, например, по причине не сложившейся учебы, отсутствия мотивации и других причин. Подтверждает сказанное отрицательный социальный отбор

в сельской местности, обнаруженный исследователями в постсоветский период (Муханова, 2015).

Анализ современных данных Министерства просвещения России подтвердил, что наиболее распространенной стратегией для большинства учащихся в сельской местности по-прежнему остается поступление в сузы после получения девятилетнего основного общего образования (не менее 64,5%). На тех, кто перешел в 10-й класс в 2024 г., пришлось только 35,5% учащихся. При этом далеко не все из последних поступают в вузы по разным причинам. Например, родители части выпускников 9-го класса не готовы отправлять своих детей в город, особенно если он расположен далеко от дома, в силу возраста и несамостоятельности детей.

В российских регионах показатель перехода выпускников 9-го класса в 10-й различается (рис. 3). Прослеживаются существенные различия в показателе между регионами в границах главной полосы расселения населения России и регионами за ее пределами (Европейский Север, Сибирь и Дальний Восток). В первой группе регионов показатель перехода учащихся достаточно низкий (в среднем — 30–35%), во второй — выше (в среднем — 45–50%).

Л. Р. Имангулов
Факторы территориальных различий оттока и возвратности сельской молодежи в постсоветской России

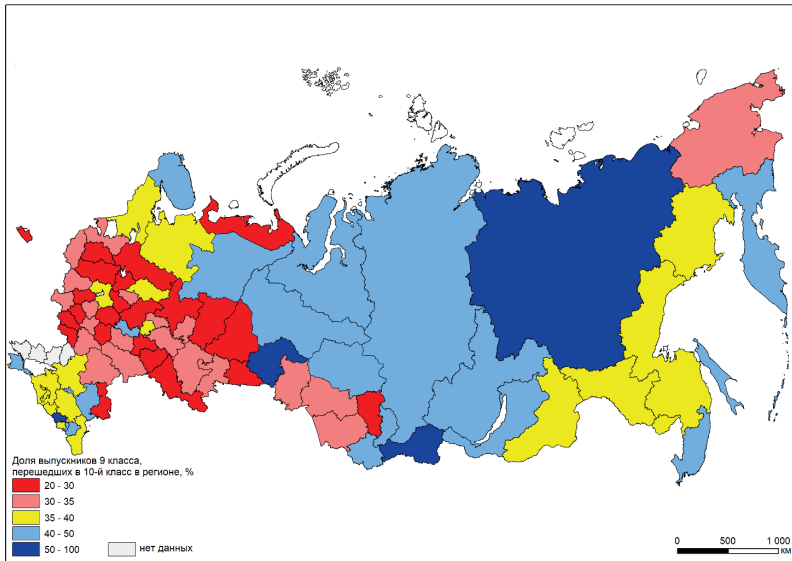

Рис. 3. Доля выпускников 9-го класса, перешедших в 10-й класс в сельской местности региона в 2023–2024 гг. Составлено автором по данным Министерства просвещения России.

Вероятно, это обусловлено в первую очередь различиями в характере расселения в сельской местности. В наиболее освоенной человеком южной и срединной части России дистанция до ближай-

шего города (до 50–100 км) значительно меньше, чем в более северных регионах (более 100–200 км). Кроме того, существуют различия в конкурентоспособности выпускников и их мотивациях между регионами с длительной депопуляцией еще с начала XX века (староосвоенные регионы Нечерноземья) и регионами, которые начали испытывать депопуляцию сравнительно недавно из-за сокращения северных субсидий и усложнения жизни (регионы Сибири и Дальнего Востока). Значения показателя, близкие к средним по стране на юге, в Краснодарском крае и национальных республиках Северного Кавказа, возможно, связаны также с более поздним началом депопуляции сельской местности.

Типология регионов по особенностям миграции сельской молодежи

Сопоставление показателей, характеризующих масштабы выбытия сельской молодежи в постсоветский период и их специфику, позволило выявить 8 преобладающих типов российских регионов по особенностям миграционного оттока молодежи из сельской местности (рис. 4).

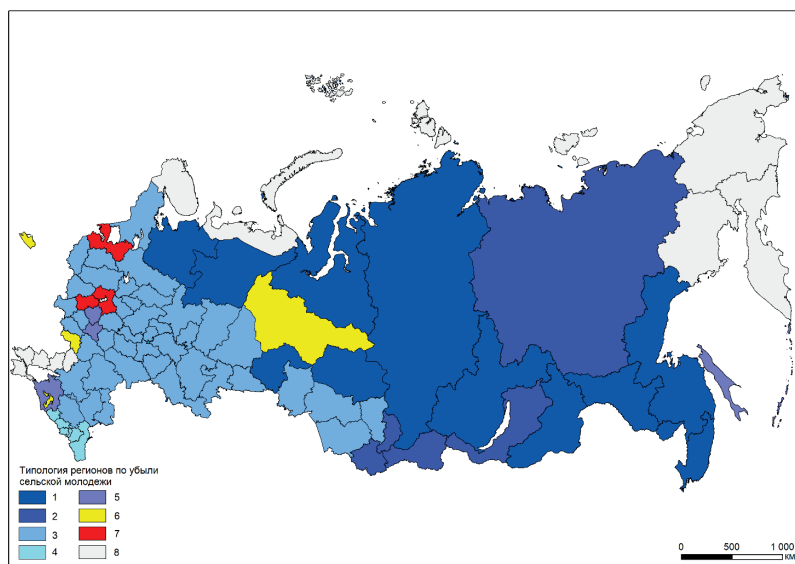

Рис. 4. Типология российских регионов по особенностям миграционного движения сельской молодежи². Составлено автором.

2. Название типа региона представлено ниже и соответствует нумерации в тексте.

Наиболее высокие масштабы оттока сельской молодежи характерны для *северных регионов (тип 1)*, в которых они сопряжены с обвальным сокращением численности сельского населения в постсоветский период из-за резкого ухудшения качества жизни (табл. 1). Ориентация молодежи на переезд в город в них иллюстрирует также сравнительно высокая доля выпускников 9-го класса, перешедших в 10-й. В *национальных республиках Сибири и Северного Кавказа (тип 2 и 5)* с незавершенностью во многом урбанизационных процессов миграция сельской молодежи имеет этническую специфику. На Северном Кавказе она, например, выражается в высокой роли социального капитала при выборе будущего места проживания, наличия гендерных различий в миграционных стратегиях выпускников сельских школ. В немногочисленных региональных типах со сравнительно небольшим выбытием сельской молодежи — *благополучных регионах (тип 5–6) и регионах-пригородах (тип 7)* — отмечается большее многообразие миграционных стратегий выпускников сельских школ. Вследствие более высокого уровня благополучия сельской местности этих регионов масштабы выбытия молодежи в них ниже, выше также ее возвратность на сельские территории после получения образования в городе, также значим приток сельской молодежи из регионов других типов.

Таблица 1. Характеристика региональных типов

Наименование регионального типа	Состав	Доля сельского населения, 2025 г., %	Динамика численности сельского населения, 1992–2025, %	Изменение численности рожденных в 1990-е гг., %	Доля учащихся 9-го класса, перешедших в 10-й, %	Прочие особенности миграции сельской молодежи
Северные регионы (тип 1)	Регионы Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера	от 15 до 41	от -48 до -4	от -50 до -15	от 30 до 60	Обвальная миграция молодежи
Национальные республики Сибири (тип 2)	Респ. Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Саха (Якутия)	от 31 до 70	от -12 до +4	от -35 до -10	от 40 до 80	Этническая специфика миграции, незавершенность процессов урбанизации
Регионы в границах главной полосы расселения (тип 3)	Регионы Центра, Поволжья, Урала, юга Западной Сибири	от 13 до 53	от -52 до +6	от -50 до 0	от 20 до 50	В составе регионов с разным уровнем благополучия сельской местности и ее характеристики — северные, южные, национальные

Национальные республики Северного Кавказа (тип 4)	Респ. Дагестан, Ингушетия, РСО-Алания, КБР, КЧР	от 37 до 60	от +10 до +70	от -20 до 0	от 35 до 55	Этническая специфика миграции, незавершенность процессов урбанизации
Благополучные регионы (тип 5)	Краснодарский край, Липецкая и Сахалинская области	от 17 до 43	от -27 до +16	от -5 до +30	от 30 до 45	Межрегиональный приток молодежи
Благополучные другие регионы (тип 6)	Белгородская и Калининградская области, Республика Адыгея, ХМАО	от 8 до 51	от +1 до +32	от -5 до +5	от 25 до 50	Межрегиональный приток молодежи
Регионы-пригороды (тип 7)	Московская, Ленинградская и Калужская области	от 22 до 30	от -5 до +42	до +50	от 25 до 35	Межрегиональный приток молодежи, распространена маятниковая миграция
Прочие регионы (тип 8)	НАО, Чукотский АО, Магаданская область, Камчатский край	от 3 до 25	от -92 до -29	от -60 до +10	от 20 до 50	Скромные размеры сельской местности и особый тип ее функционирования

Источник: составлено автором по данным Росстата и Министерства просвещения России.

Соотношение разных групп факторов миграции сельской молодежи в регионах

На современном этапе к стандартным факторам, обуславливающим отток молодежи из сельской местности (Миграция, 1970), добавляются важность самореализации, окружение, развитость инфраструктуры досуга и т.д. (Краснослободцев, Савоскул, 2004; Муханова, 2015). Одни и те же факторы способны по-разному влиять на миграцию. Например, состояние рынка труда может в разных типах регионов способствовать как убыли, так и стабилизации, росту численности сельской молодежи.

Все многообразие факторов, определяющих миграцию сельской молодежи в регионе, можно сгруппировать по силе действия и влияния на территорию: удерживающие, выталкивающие и притягивающие (Lee, 1966). Первые две группы факторов определяют миграционное движение между селом и городом внутри региона, третья группа факторов — привлекательность сельской местности региона на вну-

трирегиональном и межрегиональном уровне. Миграционные настроения сельской молодежи в конкретном регионе или муниципальном образовании определяются соотношением указанных групп факторов.

Данное соотношение факторов с разным эффектом влияния на миграцию заметным образом различается между разными типами регионов (табл. 2).

Таблица 2. Значимость влияния разных групп факторов на миграцию молодежи в разных региональных типах на современном этапе

Тип региона по особенностям миграции сельской молодежи	Факторы		
	Удерживающие	Выталкивающие	Притягивающие
Северные регионы	-	+	-
Национальные республики Сибири	-	+	-
Регионы в границах главной полосы расселения	-	+	-
Национальные республики Северного Кавказа	+/-	+/-	-
Благополучные регионы	+/-	+/-	+
Благополучные другие регионы	+/-	+/-	+
Регионы-пригороды	+	+/-	+
Прочие регионы	-	+	-

* Примечание. Значимость разных групп факторов: «+» — высокая, «+/-» — средняя, «-» — низкая, или факторы с данным эффектом отсутствуют. Составлено автором.

Для 4 региональных типов — северных регионов, регионов в границах главной полосы расселения, национальных республик Сибири и прочих регионов — значимы факторы преимущественно выталкивающего характера. Во многом это обусловлено низким уровнем инфраструктурного развития сельской местности, ее уровнем транспортной связности, состоянием рынка труда и ограниченностью развития досуговых форм активностей. Все это создает в них преимущественно негативный фон, выраженный в значительном оттоке молодежи из сельской местности.

Факторы миграционного движения сельской молодежи в национальных республиках Северного Кавказа также преимущественно выталкивающего характера. Особенно ярко они прослеживаются на сельских территориях горных областей. Однако некоторые факторы (социокультурный) способствуют удерживанию молодежи в сельской местности.

Для остальных региональных типов — благополучных регионов, благополучных других регионов и регионов-пригородов — ха-

рактально более сложное соотношение факторов разного характера. Причина — сравнительно лучшая социально-экономическая динамика развития регионов в постсоветский период, что имеет отражение в том числе в состоянии сельских территорий. Это обуславливает миграционную привлекательность данных типов регионов для межрегиональных потоков мигрантов, а также способствует частичному удерживанию в сельской местности молодежи. Вместе с этим в регионах данного типа наблюдается в том числе действие факторов выталкивающей силы: например, агломерационного фактора в благополучных регионах и в регионах-пригородах.

Возвратная миграция молодежи в регионах разных типов

Одним из видов миграции, фиксируемом на сельских территориях, является возвратная миграция, то есть обратный поток в прошлом сельского населения из города в сельскую местность. Исследование муниципальных образований более чем в 10 регионах страны позволило подтвердить локальный характер данного явления. В северных регионах и регионах средней полосы возвратная миграция молодежи встречается крайне редко. Однако в южных регионах было выявлено ее более широкое распространение. Сравним масштабы возвратной миграции и ее причины в сельских районах регионов из трех типов, расположенных на юге и в средней полосе России (рис. 5) с разной постсоветской динамикой развития (табл. 3).

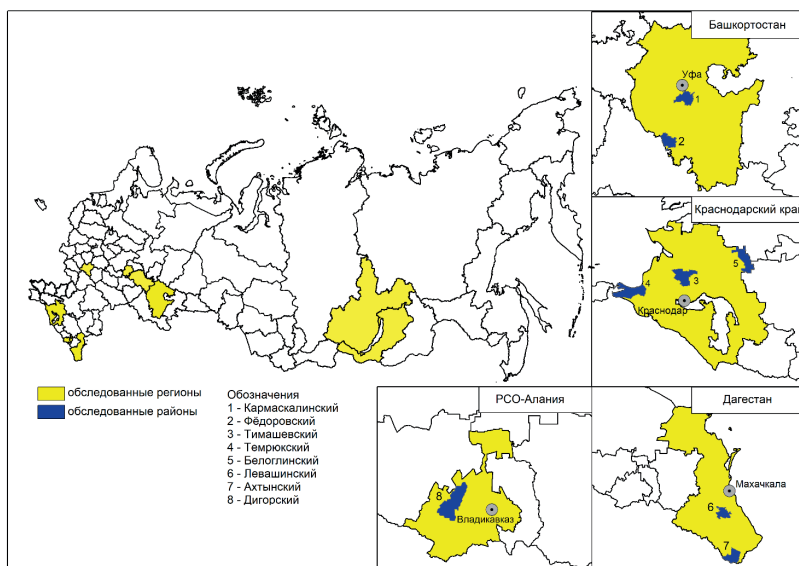

Рис. 5. Регионы и районы обследования. Составлено автором.

Фёдоровский район Башкортостана отличается крайне высоким оттоком сельской молодежи и низкой долей ее возвратности, что в целом сопоставимо с районами Центральной России. Следствием оттока молодого населения в районе является активная оптимизация сети детских и общеобразовательных учреждений (рис. 6). Большая часть выпускников сельских школ остается в городах по причине ограниченности мест приложения труда и низкого уровня развития инфраструктуры. Вместе с этим есть сельские населенные пункты (далее — СНП), в которых отмечается возвращение молодежи после получения среднего профессионального образования (например, в чувашских и башкирских СНП), что связано в основном с отходничеством (работа в северных регионах). Случаи возвращения молодежи после окончания вуза в район единичны.

Рис. 6. Сельская школа в Покровке со значительным недобором учащихся. Фотография из личного архива автора.

Пригородный *Кармаскалинский район* имеет меньший отток сельской молодежи и большую долю ее возвратности в сравнении с Фёдоровским районом Башкортостана. Этому способствует близость Уфы, развитие системы общественного транспорта и достаточно высокие для сельских жителей цены на жилье в региональном центре.

Таблица 3. Характеристика миграционной ситуации в обследованных сельских районах

Регион	Северная Осетия — Алания		Дагестан		Краснодарский край			Башкирия	
	Тип региона		Национальные республики Северного Кавказа		Благополучные регионы			Регионы в границах главной полосы расселения	
Муниципальный район	Национальные республики Северного Кавказа		Ахтынский	Левашинский	Белоглинский	Темрюкский	Тимашевский	Фёдоровский	Кармаскалинский
	Положение района в модели «Центр-Периферия» (в скобках расстояние от районного центра до регионального, км)		Периферийный (248)	Полупериферийный (93)	Периферийный (229)	Полупериферийный (144)	Полупериферийный (71)	Периферийный (215)	Полупериферийный (54)
	Динамика численности населения, 1989–2020 гг., %		+9	+105	-10	+19,4	+16,1	-17,7	+15,4
	1986–1990	Изменение размера которых родившихся в ... в 2010–2020 гг., %	-19,1	-9,0	-4,4	+8,4	-0,5	-39,2	-27,3
	1996–2000		-45,9	-8,5	-8,7	+0,3	+20	-23,7	-25,8
Доля современной возвратной миграции, % (оценочно)			<30	30-50	20-40	>50	30-50	<20	>20
Удерживающие	Значимость влияния различных групп факторов на миграцию молодежи в районе*		-	+	+/-	+	+	-	+/-
Выталкивающие			+	+/-	+	-	+/-	+	+/-
Притягивающие			-	-	-	+	+/-	-	+/-

* Примечание. Значимость разных групп факторов: «+» — значимый, «+/-» — среднее значимый, «-» — незначимый, или факторы с данным эффектом отсутствуют. Составлено автором по данным Росстата и результатов комплексных полевых обследований сельских районов.

В периферийном *Белоглинском районе* возвратность молодежи выше, чем в среднем по России и в Башкортостане, но ниже, чем в Тимашевском и Темрюкском районах. Примерно 30–40% выпускников 9-го класса в районе переходят в 10-й класс. После 9-го класса выпускники поступают также в Белоглинский аграрно-технический колледж, основанный как учебный комбинат в 1974 г. (рис. 7). В настоящее время это крупное для района учебное заведение, насчитывающее примерно 500 обучающихся и 30 преподавателей. Колледж востребован в районе из-за небольшой цены обучения и транспортной близости. После его окончания выпускники преимущественно остаются жить в Белоглинском районе, часть из них трудоустраивается в сельском хозяйстве. Среди выпускников 11-го класса много многобалльников, часть из которых по окончании вуза в том числе возвращается в сельскую местность.

Рис. 7. Белоглинский аграрно-технический колледж. Фотография из личного архива автора.

Сохранившиеся почти в каждом крупном СНП коллективные предприятия с существенной занятостью местного населения (от 100 человек) стабилизируют динамику населения и сельского расселения в Белоглинском районе. Сдерживает отток сельской молодежи в Белоглинском районе, как в Тимашевском и Темрюкском районах, также сравнительно крупноселенное расселение (средний размер СНП составляет 2,2 тыс. чел.), за которым кроется лучшая инфраструктурная оснащенность СНП, и нетипичные установки молодежи. Некоторые выпускники отметили, что остаются в районе в том числе из-за привычных для них клима-

тических условий: *«У нас не хотят уезжать оттуда, где тепло и комфортно жить».*

Значительно выше возвратность сельской молодежи в Тимашевском районе Краснодарского края (30–50%). Она характерна как для выпускников сузов, так и вузов. Способствует этому наличие сравнительно высокооплачиваемых мест приложения труда непосредственно в районе. В Тимашевском районе располагается крупнейший в регионе агропромышленный кластер, функционирование которого отчасти компенсировало оптимизацию мест приложения труда в переходный период. В результате население даже периферийных СНП имеет возможность работать в районе. Тимашевский район также миграционно привлекателен для молодежи регионов севера и средней полосы страны. Это иллюстрирует рост численности когорт 2000-х гг. рождения (+20%). Возвращение молодежи в СНП исхода связано в том числе с высокой стоимостью жилья в Тимашевске по причине дефицита земельных ресурсов в районе. Примечательны различия в стратегиях выпускников внутри района: доля перехода выпускников 9-го класса в 10-й различается между СНП: в периферийных и менее крупных она, как правило, минимальна (менее 20–30%), в то время как в более крупных СНП она выше.

В приморском Темрюкском районе низкий отток сельской молодежи и высокая доля ее возвратности в сельскую местность после окончания обучения (оценочно более 50%) в том числе связаны с преимущественно крупноселенным расселением. Средний размер СНП в районе без Темрюка составляет 2,3 тыс. человек. Однако возвратная миграция выпускников сельских школ, получивших высшее образование в городе, не так высока (менее половины), что свидетельствует о том, что при принятии решения о миграции для высокообразованных и замотивированных представителей молодежи важнее притягивающие факторы.

Для предгорного Дигорского района, несмотря на общие для большинства сельских районов страны негативные тенденции постсоветской динамики развития экономической базы, характерен меньший отток сельской молодежи и более высокая доля ее возвратности. Убыль когорт рожденных в 1990–2000-е гг. не превышает, согласно статистике, 20%. После 9-го класса в Дигорском районе из школы уходит в среднем половина выпускников (в основном в сузы Владикавказа и Ардона). После окончания суза выпускники чаще остаются в Дигорском районе, после получения высшего образования возвратная миграция в Дигорский район минимальна. Причины — близость региональной столицы, в которую ежедневно на заработки отправляется не менее 10% трудоспособного населения района, и другие миграционные установки населения, о которых не раз говорили местные жители в многочисленных интервью: *«Нам комфортно жить на селе. Для нас важно жить среди своих. Многие жили в крупных городах, в Москве, Владикавказе, но обратно возвращаются сюда».*

Рис. 8. Закрытый завод по производству спирта из кукурузы в Дигорском районе (до 2015 г. на нем работало 250 чел.). Фотография из личного архива автора.

Сельские поселения района имеют схожую миграционную картину (низкий/средний миграционный отток населения) за исключением Николаевского сельского поселения с преимущественно русским населением. В нем более высокая миграционная подвижность русского населения в связи с другими установками определяют сравнительно большие масштабы выбытия населения и молодежи.

В высокогорном Ахтынском районе значительный отток сельской молодежи в города Дагестана и Западной Сибири, Москву и низкая доля ее возвратности на сельские территории обусловлены постсоветской деградацией экономической базы. Население района социально модернизированное, менее религиозное и более мобильное, в отличие от Левашинского района. Это также отражается на миграционных стратегиях молодежи. Выпускники сельских школ стараются по возможности закрепиться в городе после получения образования, что подтверждает официальное сокращение численности родившихся в 1990–2000-е гг. до 20%. Реально лишь небольшая часть выпускников сельских школ после жизни в городе возвращается (менее 20%). Чаще всего они возвращаются в районный центр, образующий с соседними СНП сельскую агломерацию (более 20 тыс. человек), в которую стекается население со всего района (рис. 9).

Рис. 9. Панорама разрастающегося на террасах бывшего сельскохозяйственного значения села Ахты. Фотография из личного архива автора.

Левашинский район, в отличие от большинства горных и высокогорных районов, характеризуется сравнительно меньшим оттоком молодежи и более высокой долей ее возвратности на сельские территории по причине развития предпринимательства и агропроизводства (выращивание овощей) (рис. 10), близости района к региональной столице и высокой роли религии, укрепившей в постсоветский период свои позиции в обществе.

Примерно от трети до половины сельской молодежи не покидает район для получения образования. Из тех, кто оканчивает сузы и вузы, до половины возвращается в СНП исхода. Наиболее распространенные варианты миграционного поведения сельской молодежи в Левашинском районе — «учился до 9-го класса, остался в селе работать», «учился до 9/11-го класса, уехал на заработки», наименее распространенные — «учился до 11-го класса, уехал учиться и вернулся». Зачастую выпускники и их родители не видят явных преимуществ в продолжении образования и получении профессии в связи с низкой заработной платой по совокупности специальностей при наличии сравнительно высоких доходов в семейном бизнесе. Вот что считают местные жители относительно получения образования: *«А зачем ему продолжать учиться? Он хочет зарабатывать деньги. Он будет выращивать капусту и получать доход в разы больше, чем получивший образование. К этому времени у него будет дом, семья, бизнес»*.

Рис. 10. Посевы белокачанной капусты на частных участках на окраинах села Леваша. Фотография из личного архива автора.

Выбор жизненной траектории выпускником после окончания школы в Левашинском районе зависит от многих факторов: уровень образования родителей, уровень материального благополучия семьи, наличие родственников в городах потенциальной миграции, наличие семейного дела, пол выпускника. Существенны различия масштабов миграционного оттока также на межпоселенческом уровне: районный центр и соседствующие с ним СНП характеризуются большим оттоком сельской молодежи, в то время как периферийные СНП гораздо меньшим. Например, в селениях Леваша и Кутиша до половины выпускников уезжают в города Дагестана и другие регионы России для получения образования. При этом возвращаются чаще девушки, чем мужчины. Это также подтверждает цитата из интервью с директором сельской школы: *«Половина выпускников вернется, чаще девушки. В основном они выходят замуж тут и остаются»*. А вот в периферийных селениях Уллуая и Наскент, наоборот, большинство выпускников (более 90%) не получают образования после окончания школы. Юноши включаются в семейный бизнес и остаются жить в селе, девушки выходят замуж, помогают по хозяйству.

Факторы возвратной миграции молодежи на сельские территории

Анализ миграционной ситуации в сельских районах с разными характеристиками показал, что масштаб возвратности молодежи на сель-

ские территории зависит от целой совокупности факторов, которые в зависимости от территории будут иметь разную силу действия. Анализ миграционной ситуации в обследованных сельских районах показал, что факторы, притягивающие и удерживающие молодежь, особенно значимы для пригородных районов и благополучных районов, расположенных на юге, а факторы, выталкивающие молодежь — для периферийных районов с негативной постсоветской динамикой развития. Социальное окружение (в том числе прочность родственных связей), обязательства, установки (мотивации) сельской молодежи также способны повлиять на преобладающие миграционные стратегии молодежи. Влияние первых двух факторов оказалось наиболее значимым для этнически выраженных территорий и для южных территорий с особым менталитетом населения.

Каждый из факторов имеет свой механизм влияния на принятие решения человеком о возврате на сельские территории (табл. 4). Кроме того, эти факторы различаются значимостью.

Таблица 4. Факторы, определяющие возвратность миграции молодежи на сельские территории

Фактор	Механизм влияния	Рекомендации
Географическое положение	При уменьшении удаленности СНП от крупных населенных пунктов, транзитных магистралей и городов возвратность молодежи возрастает, и наоборот	Улучшение транспортной связности
Размер НП (в случае поселенческого уровня)	Чем крупнее СНП, тем выше возвратность молодежи, и наоборот	-
Экономическая база	Чем более развита экономическая база СНП, тем выше возвратность молодежи, особенно после окончания суза, и наоборот	Привлечение инвестиций, развитие местных инициатив, поощрение самозанятости и т.д.
Стоимость жилья	Чем более высокая стоимость жилья в регионе, тем выше вероятность возвратности молодежи, и наоборот	Увеличение доступности жилья в сельской местности в регионах с высокой стоимостью жилья
Инфраструктурная оснащенность	Чем более развита инфраструктура в СНП, тем выше вероятность возвратности молодежи, и наоборот	Развитие инфраструктуры и благоустройства
Социальное окружение	Чем более сплоченное социальное окружение (высокий социальный капитал), тем выше возвратность молодежи, и наоборот	-

Социальные обязательства	При наличии социальных, в первую очередь семейных обязательств, выше возвратность молодежи	-
Установки и мотивация	При более высокой замотивированности молодежи возвратность, как правило, сокращается по причине того, что сельская местность не способна реализовать часть желаний, при низкой — процент оседания в городе ниже по причине другого восприятия сложностей	Профориентационная работа

Составлено автором на основе полевых материалов и наблюдений.

Заключение

Отток молодежи из сельской местности, известный еще с советского периода, остается актуальным и для современной России. Данные официальной статистики показывают увеличение оттока молодежи с 6 до 20% в разрезе когорт родившихся в 1984–1988, 1989–1993 и 1996–2000 гг. Это свидетельствует о долгосрочном нарастающем миграционном выбытии молодежи из сельской местности в стране, что в целом соотносится с ростом территориальной мобильности сельского населения в постсоветский период (Давиденко и др., 2025). Однако в реальности масштабы оттока молодежи из сельской местности гораздо выше согласно результатам полевых обследований сельских районов. Причины — сохранение постоянной регистрации в сельской местности у выбывших из сельской местности и перераспределение сельского населения в пользу пригородов.

Миграционный отток сельской молодежи регионально дифференцирован: значительный отток сельской молодежи наблюдается на Европейском Севере и Дальнем Востоке, и в Сибири на фоне меньшего оттока молодежи в регионах средней полосы и юга страны. Межрегиональная дифференциация межпереписной динамики размера когорт родившихся в 1984–1988-е гг. и позднее сопоставимы. Нарастает также межрегиональная поляризация миграций молодежи, выраженная в сокращении регионов со стабильной численностью молодежи, или ее ростом.

Основной канал миграции молодежи из сельской местности по-прежнему образовательный. Вероятность возвращения обратно в сельскую местность после получения среднего профессионального образования выше, чем при получении высшего. Во многом это связано с различиями в мотивациях выпускников сельских школ. Образовательные стратегии выпускников сельских школ территориально различаются: существенны различия в доле перехода выпускников 9-го класса в 10-й между регионами в границах главной полосы расселения населения России с низкими значениями и регионами за ее пределами с более высокими (Европейский Север,

Сибирь и Дальний Восток). Вероятно, это связано с различиями в характере расселения населения в сельской местности и размещения образовательных учреждений.

Восемь выявленных в работе типов регионов заметно различаются масштабами выбытия сельской молодежи в постсоветский период и спецификой миграций. Только три типа характеризуются менее масштабным оттоком молодежи из сельской местности — благополучные регионы, благополучные другие регионы и регионы-пригороды. Это свидетельствует о крайне низкой распространенности возвратной миграции молодежи в сельскую местность большинства регионов, либо ее наличии в ограниченном масштабе в немногочисленных.

Для северных регионов, регионов в границах главной полосы расселения, национальных республик Северного Кавказа и Сибири и прочих регионов — значимы факторы преимущественно выталкивающего характера. Для территориально разобщенных на карте благополучных регионов, благополучных других регионов и регионов-пригородов — характерно более сложное соотношение факторов разного характера. Например, для них наравне с факторами, притягивающими молодежь, характерно наличие факторов выталкивающей силы: например, агломерационного фактора, что связано с многокомпонентностью влияния экономического развития на сельские территории.

Возвратная миграция молодежи на сельские территории — редкий для России вид миграций. Он характерен для ограниченного количества регионов с благоприятной социально-экономической ситуацией в сельской местности. Масштабы возвратности населения выше среднероссийского уровня (оценочно более 20%) характерны в основном для благополучных южных регионов и национальных республик Северного Кавказа. При этом доля возвращения молодежи из городов на сельские территории после получения образования в этих регионах существенным образом различается на внутрирегиональном и межпоселенческом уровнях.

Факторы, притягивающие молодежь, особенно значимы для пригородных районов и благополучных районов, расположенных на юге, факторы, выталкивающие молодежь, — для периферийных районов с негативной постсоветской динамикой развития. Социальное окружение (в том числе прочность родственных связей), семейные обязательства, установки (мотивации) сельской молодежи также способны повлиять на преобладающие миграционные стратегии молодежи. Влияние первых двух факторов оказалось наиболее значимым для этнически выраженных территорий и для южных территорий с особым менталитетом населения.

Установки (мотивации) также формируют неоднородность выбытия сельской молодежи из сельской местности, что впоследствии отражается на социальном составе сельских территорий. Для замотивированных выпускников с хорошими результатами обуче-

ния большее значение при принятии решения о миграции из сельской местности имеют притягивающие факторы вне зависимости от социально-экономической ситуации в районе проживания. Для остальных выпускников большее значение имеют факторы с другой силой влияния на принятие решения о миграции: выталкивающие факторы в случае депрессивных территорий, или удерживающие факторы в случае более благополучных сельских территорий.

Возвратность сельской молодежи кажется для автора сложно контролируемым явлением. Но некоторые из действий, инициированных государством, могут повлиять на эту ситуацию в целях сохранения хотя бы той части молодежи, которая хочет жить в сельской местности и нужна для сельских территорий в качестве специалистов. При принятии решений, по мнению автора, необходимо придерживаться дифференцированного подхода, выраженного в данном случае в учете локальных факторов развития сельских территорий (например, транспортно-географического положения, развитости экономической базы) и региональной специфики (например, структуры расселения, различий в социальном капитале сообществ, принципов их самоорганизации, ценностной картины населения).

Библиография

- Аверкиева К. В. (2021). Внутрисельская миграция населения и локальные процессы трансформации сельской местности в лесной зоне староосвоенного Нечерноземья // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. Т. 85. № 6. С. 828–841.
- Аверкиева К. В. (2024). Пригороды малого города и селско-городская миграция. Пример райцентров Вологодской области // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. № 5. 724–737.
- Белозеров В. С., Чичихин В. В., Глущенко И. В. (2016). Региональные особенности этнических миграций на Северном Кавказе // *Наука. Инновации. Технологии*. № 1. С. 71–92.
- Возвратная миграция (2020): международные подходы и региональные особенности Центральной Азии: учебное пособие / Ред. С. В. Рязанцева. Алматы: Международная организация по миграции (МОМ) — Агентство ООН по миграции.
- Давиденко М. Р., Рахимова У. Р., Савоскул М. С., Чучкалов А. С. (2025). Территориальная мобильность населения города Кашина и окружающей его сельской местности в 2001–2024 гг. // *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. № 2. С. 128–139.
- Имангулов Л. Р., Корюхин Д. А. (2024). Миграция молодежи в горном Левашинском районе Дагестана // *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. № 2. С. 146–153.
- Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф. (2019). Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // *Вестник Московского ун-та. Сер. 5. Геогр.* № 6. С. 82–89.
- Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. (2024). Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа // *Крестьяноведение*. № 2. С. 153–179.

- Катровский А. П. (2001). Трудовая и учебная миграция в Центральной России // Миграционная ситуация и миграционная политика в Центральной России. Смоленск: Универсум. С. 61–67.
- Кашницкий И. С., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В. (2016). Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. № 3. С. 169–203.
- Краснослободцев В. П., Савоскул М. С. (2004). Территориальная подвижность сельского населения: изменение направлений и мотивов поездок // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. Геогр. № 4. С. 53–56.
- Махрова А. Г., Бабкин Р. А., Кириллов П. Л., Старикова А. В., Шелудков А. В. (2022). Исследования и оценки масштабов возвратной мобильности и пульсаций населения в пространстве современной России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 332–352.
- Миграция сельского населения (1970) / Ред. Т. И. Заславская. М.: Мысль.
- Мкртчян Н. В. (2005). Миграция в России: западный дрейф // ДЕМОСКОП Weekly. № 185–186. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema02.php>
- Мкртчян Н. В. (2013). Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX — начале XXI века // Известия РАН. Серия географическая. № 6. С. 19–32.
- Мкртчян Н. В. (2024). Миграция сельского населения в России в 2010-е годы // Демографическое обозрение. № 2. С. 21–43.
- Муханова М. Н. (2015). Сельская молодежь России: настоящее и будущее // РСМ. № 3 (88). С. 26–42.
- Нефедова Т. Г. (2012). Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: УРСС.
- Нефедова Т. Г. (2015). Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия РАН. Серия географическая. № 3. С. 41–56.
- Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В. (2017). Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. Геогр. № 5. С. 58–68.
- Сулаберидзе А., Арчвадзе И., Сулаберидзе В. (2019). Основные факторы миграции и структура мигрантов в посткоммунистической Грузии // Демографическое обозрение. № 3. С. 128–151.
- Трейвиш А. И. (2014). «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 22–32.
- Шекера Е. А. (2024). Факторы миграции молодежи периферийного региона (на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге) // Caucasian Science Bridge. № 1 (23). С. 35–55.
- Kashnitsky I. (2018). Russian periphery is dying in movement: A cohort assessment of internal youth migration in Central Russia // GeoJournal. № 85. P. 173–185.
- Lee E. S. (1966). A theory of migration // Demography. № 1.

Territorial differences in migration patterns of the rural youth in post-Soviet Russia

Linar R. Imangulov, Junior Researcher at the Scientific Center for the Study of Rural Issues at Vernadsky University, Balashikha, Moscow Region, 50 Entuziastov Highway. PHD student, Engineer, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Leninskie Gory, 1, 119991. E-mail: linar.imangulov.1999@mail.ru

Abstract. The article considers the features of post-Soviet migration of the rural youth in Russian regions based on the statistical data and interviews with rural school graduates, their parents and experts. The author used the age shift method to show a long-term increase in the migration outflow of the rural youth in the post-Soviet period —

from 5% to more than 18% — for cohorts born in the late 20th century. The results of the study confirmed the low attractiveness of rural areas in most regions of Russia for living. The author identified eight types of regions based on the features of post-Soviet migration of the rural youth: only three types show a smaller outflow of the youth from rural areas; for each type, the ratio of push, pull and attracting factors for the rural youth is presented. Based on the field materials, the author describes a type of return migration which is quite rare for rural regions: the return of the youth is highest in the southern agrarian regions and in the national republics of the North Caucasus; its distribution in these regions is limited. Return migration of the youth to rural areas is described on the example of eight rural districts of Bashkortostan, Krasnodar Region, Dagestan and North Ossetia–Alania. In the national republics of the North Caucasus, the return of the youth to rural areas is influenced by the social factor and the low competitiveness of rural school graduates in urban labor markets, in the Krasnodar Region — by the large-scale settlement in rural areas and high barriers for the rural youth in cities (like high real estate prices).

Key words: rural youth, population migration, educational migration, return migration, migration factors, rural areas

References

- Averkieva K. V. (2021) Vnutriselskaja migratsiya naseleniya i lokalnye protsessy transformatsii selskoj mestnosti v lesnoj zone staroosvoennogo Nechernozem'ya [Intra-rural population migration and local transformations of rural areas in the forest zone of the old-developed Non-Black-Earth region]. *Proceedings of the RAS. Geographical Series*, vol. 85, no 6, pp. 828–841.
- Averkieva K. V. (2024) Prigorody malogo goroda i selsko-gorodskaja migratsiya. Primer rajtsentrov Vologodskoj oblasti [Small-town suburbs and rural-urban migration. An example of regional centers in the Vologda Region]. *Proceedings of the RAS. Geographical Series*, no 5, pp. 724–737.
- Belozеров V. S., Chichikhin V. V., Glushchenko I. V. (2016) Regionalnye osobennosti etnicheskikh migratsij na Severnom Kavkaze [Regional features of ethnic migrations in the North Caucasus]. *Science. Innovation. Technologies*, no 1, pp. 71–92.
- Davidenko M. R., Rakhimova U. R., Savoskul M. S., Chuchkalov A. S. (2025) Territorialnaja mobilnost' naselenija goroda Kashina i okruzhajushchej ego selskoj mestnosti v 2001–2024 gg. [Territorial mobility of the population of the Kashin city and the surrounding countryside in 2001–2024]. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 2, pp. 128–139.
- Imangulov L. R., Koryukhin D. A. (2024) Migratsiya molodezhi v gornom Levashinskom rajone Dagestana [Youth migration in the mountainous Levashinsky district of Dagestan]. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 2, pp. 146–153.
- Karachurina L. B., Florinskaya Yu. F. (2019) Migratsionnye namerenija vypusknikov shkol malyh i srednih gorodov Rossii [Migration intentions of school graduates in small and medium-sized cities of Russia]. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 6, pp. 82–89.
- Kartseva M. A., Mkrtchyan N. V., Florinskaya Yu. F. (2024) Selsko-gorodskaja migratsiya v sovremennoj Rossii cherez prizmu kolichestvennogo i kachestvennogo analiza [Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative-qualitative analysis]. *Christianity*, no 2, pp. 153–179.
- Kashnitsky I. (2018) Russian periphery dies in motion: A cohort assessment of the internal youth migration in Central Russia. *Geo Magazine*, no 85, pp. 173–185.

- Kashnitsky I. S., Mkrtchyan N. V., Leshukov O. V. (2016) Mezhhregionalnaja migratsiya molodezhi v Rossii: kompleksny analiz demograficheskoy statistiki [Interregional youth migration in Russia: A comprehensive analysis of demographic statistics]. *Issues of Education*, no 3, pp. 169–203.
- Katrovsky A. P. (2001) *Trudovaya i uchebnaya migratsiya v Tsentralnoj Rossii* [Labor and Educational Migration in Central Russia], Smolensk: Universal, pp. 61–67.
- Krasnoslobodtsev V. P., Savoskul M. S. (2004) Territorialnaja podvizhnost selskogo naselenija: izmenenie napravlenij i motivov poezdok [Territorial mobility of rural population: Changing directions and motives of trips]. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 4, pp. 53–56.
- Lee E. S. (1966) Migration theory. *Demography*, no 1.
- Makhrova A. G., Babkin R. A., Kirillov P. L., Starikova A. V., Sheludkov A. V. (2022) Issledovaniya i otsenki masshtabov vozvratnoj mobilnosti i pulsatsij naselenija v prostranstve sovremennoj Rossii [Studies and estimates of the scale of return mobility and population flows pulsations in the space of contemporary Russia]. *Proceedings of the RAS. Geographical Series*, no 3, pp. 332–352.
- Migratsiya selskogo naselenija* (1970) [Migration of Rural Population]. Ed. by T. I. Zaslavskaya, Moscow: Mysl.
- Mkrtchan N. V. (2013) Migratsiya molodezhi v regionalnye tsentry Rossii v kontse XX — nachale XXI veka [Migration of the youth to the Russian regional centers in the late 20th — early 21st centuries]. *Proceedings of the RAS. Geographical Series*, no 6, pp. 19–32.
- Mkrtchyan N. V. (2005) Migratsiya v Rossii: zapadny dreyf [Migration in Russia: A Westward drift]. *Demoscope weekly*, no 185–186.
- Mkrtchyan N. V. (2024) Migratsiya selskogo naselenija v Rossii v 2010-e gody [Migration of the Russian rural population in the 2010s]. *Demographic Review*, no 2, pp. 21–43.
- Mukhanova M. N. (2015) Selskaja molodezh Rossii: nastojashchee i budushchee [Russian rural youth: Present and future]. *RSM*, no 3, pp. 26–42.
- Nefedova T. G. (2012) *Desyat aktualnyh voprosov o selskoj Rossii: otvety geografa* [Ten Topical Questions about Rural Russia: A Geographer's Answers], Moscow: URSS.
- Nefedova T. G. (2015) Migratsionnaja podvizhnost naselenija i otkhodnichestvo v sovremennoj Rossii [Migration mobility of population and seasonal work in contemporary Russia]. *Proceedings of the RAS. Geographical Series*, no 3, pp. 41–56.
- Nefedova T. G., Mkrtchyan N. V. (2017) Migratsiya selskogo naselenija i dinamika selskokhozjajstvennoj zanjatosti v regionah Rossii [Migration of rural population and dynamics of agricultural employment in Russian regions]. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 5, pp. 58–68.
- Shekera E. A. (2024) Faktory migratsii molodezhi periferijnogo regiona (na primere dagestanskoj molodezhi, prozhivajushchej v Sankt-Peterburge) [Factors of the youth migration from peripheral regions (on the example of the Dagestan youth in Saint Petersburg)]. *Caucasian Scientific Bridge*, no 1, pp. 35–55.
- Sulaberidze A., Archvadze I., Sulaberidze V. (2019) Osnovnye faktory migratsii i struktura migrantov v postkommunisticheskoy Gruzii [Main factors of migration and structure of migrants in post-communist Georgia]. *Demographic Review*, no 3, pp. 128–151.
- Treyvish A. I. (2014) “Dachevedenie” kak nauka o vtorom dome na zapade i v Rossii [“Dacha science” as a study of the second home in the West and Russia]. *Proceedings of the RAS. Geographical Series*, no 4, pp. 22–32.
- Vozvratnaja migratsiya* (2020): *mezhdunarodnye podkhody i regionalnye osobennosti Tsentralnoj Azii* [Return Migration (2020): International Approaches and Regional Features of Central Asia]. Ed. by S. V. Ryazantsev, Almaty: IOM.

Крымские дачи: история и современность освоения сельско-городского пространства¹

Т. Ю. Гусаков

*Тимур Юрьевич Гусаков, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: gusakov.timur@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию дачного движения на Крымском полуострове как проявления освоения сельских территорий в условиях трансформации пространственной организации общества. Рассматривается историческая эволюция дачного расселения от первых усадеб и дач эпохи Российской империи до массового распространения садоводческих и дачных товариществ в советский и постсоветский периоды. На основе анализа дореволюционных и современных статистических, картографических и правовых источников, а также результатов собственных полевых исследований выявляются основные этапы и механизмы формирования дачного пространства Крыма, его морфологические и функциональные особенности. Особое внимание уделяется современной роли некоммерческих товариществ как каналов интеграции сельских территорий в сферу влияния городского образа жизни, механизмов социальной мобильности и полиместности. Рассматриваются проблемы институциональной неурегулированности, фрагментации земель, сложности инфраструктурного развития, а также экологические вызовы, связанные с неравномерным и зачастую стихийным характером дачного освоения. Подчеркивается, что дачные и садоводческие поселения становятся неотъемлемой частью системы расселения, оказывая влияние на трансформацию ландшафтов, землепользования и социальной структуры, формируя новые типы сельско-городских сообществ и субурбанизации. В работе обобщаются материалы по динамике и территориальному распределению дачных товариществ, приводятся примеры локальных практик и кейсов трансформации поселков. Делается вывод о необходимости учета специфики дачного освоения в региональной политике и территориальном планировании, а также о значении инвентаризации и институционализации этих форм расселения для устойчивого развития Крыма. Материал статьи может быть использован исследователями, специалистами в области сельского расселения, урбанистики, регионального развития и управления территориями.

Ключевые слова: география населения, дачи, сельское расселение, субурбанизация, сельско-городские сообщества, пространственная мобильность, территориальное планирование, неформальные поселения, Крым

EDN: OUCJGC

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

В современной России господствует глобальный тренд размывания границ между городом и сельской местностью. Нельзя утверждать, что этот тренд новый: когда-то многие города были сельской местностью, а некоторые и после получения городского статуса не утратили своей сельскости, особенно малые города на периферии. Размывание находит выражение во взаимопроникновении жизненных укладов и формировании сельско-городских сообществ. Данные сообщества включают не только сельское население и горожан, мигрирующих в деревню, но и множество промежуточных форм — от маятниковых мигрантов и временных жителей до дачников и дауншифтеров. Отметим, что и это не изобретение XXI века: новые жители городов — рабочая сила периода интенсивного индустриального развития состояла из выходцев из сельской местности, которые не порывали связи со своими сельскими родственниками и параллельно привносили деревенские привычки в городскую жизнь. Изменились характер размывания и структура сельско-городских сообществ. В условиях постсоветской трансформации пространственной организации страны дачное движение стало одним из проявлений дезурбанизации и важных механизмов включения сельских территорий в сферу влияния городского образа жизни и оживления экономической активности депрессивной сельской местности (Нефедова, Савчук, 2014).

Понятие «дача» хоть и не имеет четкого аналога в других языках (Карагодин, 2023: 13), но не является сугубо российским национальным феноменом (Тревиш, 2014). Но вот по выполняемым функциям и масштабам дачное освоение территорий в России — особенное ввиду специфики социально-экономического и историко-политического развития страны. Дачные поселения являются не только формой сезонного проживания и рекреации, но и способом пространственного освоения территории, влияющего на структуру землепользования, социально-экономические отношения и демографическую ситуацию. Эта форма освоения сельского пространства особенно характерна для высокоурбанизированных регионов и территорий с хорошей транспортной доступностью (к примеру, районы вокруг Москвы и Санкт-Петербурга) (Махрова, 2020), но постепенно охватывает и периферийные районы (Аверкиева, Нефедова, 2016) с увеличением периода проживания временных жителей.

В различных научных исследованиях дачники рассматриваются как часть более широкого феномена — существования человека между двумя или более местами проживания и повседневной активности (полиместность, полилокальность) (Урри, 2012), что, в свою очередь, связано с ростом пространственной мобильности населения (Между домом..., 2016). С этой точки зрения дача выступает не только лишь объектом недвижимости, но и элементом, связанным с сетевым образом жизни, трудовой занятостью, семейными и потребительскими стратегиями населения (Нефедова и др.,

2015). Дачное движение выступает следствием усталости населения от негативных черт крупных городов, выходом из этого затруднительного положения путем временного или постоянного перемещения части своей жизни в сельскую местность. Дача стала кульминацией желания жителей совместить все достоинства городской и сельской реальности (Нефедова, 2013: 36). При этом дачные поселения остаются городскими включениями в сельской местности, которые не обязательно связаны с окружающей территорией, то есть существуют как слабо интегрированные анклав, сообщающиеся с городом, где проживают владельцы дач.

На фоне кризиса традиционных форм сельского расселения дачное освоение становится одним из каналов «обратной связи» между городом и селом. Оно формирует новые типы сообществ, меняет структуру сельской экономики, порождает инфраструктурные и экологические вызовы, а также требует переосмысления подходов к планированию и управлению территорией. В этом контексте особый интерес представляет Крымский полуостров. Его историко-географические, природно-климатические и социально-экономические особенности придают дачному расселению уникальные черты, а его влияние на сельское пространство требует всестороннего анализа и учета в стратегическом планировании социально-экономического развития региона.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем методы историко-географического анализа, пространственного картографирования, правового обзора и социогеографических наблюдений. Такой подход позволяет комплексно оценить дачное освоение сельских территорий Крымского полуострова как фактор трансформации расселения и землепользования.

Исторический контекст реконструирован на основе анализа дореволюционных статистических и картографических источников, данных советского периода и публикаций по истории землеустройства и курортного освоения региона. Особое внимание уделено изменениям в структуре расселения и типологии населенных пунктов на протяжении XVIII–XXI веков. Актуальное пространственное распределение дачных образований изучено с использованием геоинформационных технологий и анализа космоснимков. Это позволило выявить территориальные особенности размещения товариществ, степень их интеграции в систему расселения и уровень освоенности участков в товариществах.

Статистическая база включает данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. и микропереписи 2021 г., сведения о некоммерческих товариществах, предоставленные органами власти Республики Крым и г. Севастополя, а также открытые

данные Росстата и муниципальных программ. Для рефлексии количественных данных в 2019–2021 и 2024 гг. в Симферопольском и Красногвардейском районах Республики Крым, а также в Нахимовском районе г. Севастополя были проведены полевые наблюдения, которые позволили уточнить формы использования дачных участков, особенности социальной структуры и инфраструктурной обеспеченности некоммерческих товариществ. Анализ правовых аспектов базируется на сравнении украинского и российского законодательства, регулирующего дачное и садоводческое строительство.

В территориальный охват исследования включены как прибрежные, урбанизированные районы, так и внутренние сельскохозяйственные территории Крымского полуострова. Хронологические рамки охватывают период с конца XVIII века, когда были заложены основы дачного освоения, до настоящего времени.

Результаты и их обсуждение

Крымский полуостров за последний век пережил немало изменений, касающихся различных аспектов его развития. Большинство перемен пришлось на советский период, когда доминировал административно-командный метод управления социально-экономическими процессами. Массовые переселения населения, хозяйственное переустройство, реализация масштабных инфраструктурных проектов и многое другое сформировали фундамент современного развития региона.

Подверглось трансформации и расселение полуострова. За счет переселения жителей в более крупные села, поселки и города уменьшилось количество малых населенных пунктов. Напротив, кратно увеличилось не только число городов, но и их населенность, сельское расселение из мелкоселенного трансформировалось в среднее, а местами и в крупноселенное (Гусаков, 2021). Исчезли характерные для местности хутора, экономии, усадьбы, слободы, колонии и дачи, вместо них появились новые типы населенных мест или пунктов: поселки городского типа, дачные и садоводческие товарищества, коттеджные поселки и др.

В настоящее время сельская местность Крыма характеризуется высоким уровнем фрагментированности земельной собственности, что влияет на процессы расселения и землепользования. После ликвидации коллективных хозяйств сельскохозяйственные угодья распределили между сельскими жителями, которые были их членами. По данным на 2017 г., площадь земель паевого фонда в Крыму составляла 1,1 млн га (61% от всех земель сельхозназначения) (В Крыму..., 2025). Эти земли порой не используются по прямому аграрному назначению, а становятся объектами неформального или дачного освоения, особенно в зонах, приближенных к крупным

городским центрам. Такая структура собственности препятствует централизованному планированию, создавая предпосылки для фрагментарной, часто несанкционированной застройки и формирования стихийных поселений садоводческого типа. В результате дачное освоение не только трансформирует ландшафт, но и встраивается в более широкий контекст рационального природопользования.

Некоторые из возникших на постсоветском пространстве пунктов формально не существуют и не включены в систему расселения муниципалитетов. К ним относятся дачные и садоводческие товарищества, отдельные из которых превратились в полноценные жилые микрорайоны без соответствующего формального статуса ввиду несовершенства институционального регулирования. Схожая ситуация была замечена исследователями в регионах Азиатской России (в Республиках Тыва и Бурятия) (Гусаков, 2019; Бреславский, 2014). А, к примеру, вокруг столицы Украины Киева сформировалась целая сеть «неформальных» городов, население одного из которых составляет около 50 тыс. человек (Шабранська, 2025). Трансформация некоммерческих товариществ в населенные пункты с капитальной застройкой характерна и для Крымского полуострова, который до 2014 г. находился в украинском правовом поле.

Формализация нелегальных поселений административными инструментами в России иногда выглядит радикально. Нелегально построенные массивы компактного проживания цыганского населения периодически демонтируются по решению властей в разных частях страны (известные случаи последних лет — снос незаконных строений в пос. Плеханово Тульской области и в районе ВИЗа в г. Екатеринбурге). Впрочем, в большинстве случаев поселения включаются в систему расселения уже по факту своего существования. Одним из инструментов легализации, действующих на федеральном уровне, является «дачная амнистия»². Она стала механизмом не только правового упорядочивания «серого» дачного фонда, но и включения некоммерческих товариществ в схемы территориального планирования муниципалитетов и формализованную систему расселения.

Городское и сельское расселение не существуют изолированно (Смирнова..., 2024: 39). Административные границы в Крыму далеко не всегда отражают реальную картину происходящего: городские и сельские уклады все чаще переплетаются, формируя единый сельско-городской континуум, в котором границы между типами

2. «Дачная амнистия» была введена 1 сентября с момента вступления в силу Федерального закона Российской Федерации от 30.06.2006 № 93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества». Впоследствии неоднократно продлевалась и сейчас действует до 1 марта 2031 г.

населенных пунктов становятся все более условными и сложно идентифицируемыми. Одним из ярких проявлений этого взаимопроникновения выступает дачное освоение сельского пространства, осуществляемое горожанами.

Понимание современных процессов дачного расселения на полуострове невозможно без ретроспективного анализа. Формирование дачного пространства Крыма имеет длительную традицию. Исторический контекст позволяет проследить, как менялась морфология дачного движения, а также каким образом дачное освоение повлияло на трансформацию культурного ландшафта и расселения Крымского полуострова с момента его появления.

Исторический контекст дачного движения в Крыму

История крымских дач начинается в конце XVIII века во время присоединения территории Крымского ханства к Российской империи в 1783 г. и лишения региона центральных функций. В данном случае имеется в виду местоположение Крыма вдали от основных центров социально-экономической жизни большой империи.

Но не следует считать, что до этого времени регион был пустой. В Крымском ханстве не было дач в современном понимании, но существовали формы землепользования и сельского расселения, которые можно считать предшественниками дачных поселений. К ним относятся государственные (ханские) земли, княжеские (бейские) владения, земли мусульманского духовенства (вакуфы), мурзинские и общинные угодья, лесные хозяйства (Лашков, 1897), которые потенциально использовались в качестве временного проживания, ведения сельскохозяйственной деятельности и отдыха.

Для отдыха и ведения хозяйства представителями знати и состоятельными горожан Крымского ханства использовались территории предгорной и горной зоны полуострова из-за более благоприятных природно-климатических ландшафтов и живописных ландшафтов, которые любили созерцать крымские татары. Проф. П. С. Паллас писал: «...часто видишь, как сидят они под тенью какого-нибудь дерева или на холме, с трубкой в руках, иногда совсем пустою, и бессмысленным взглядом созерцают прекрасный пейзаж, открывающийся их глазам» (Марков, 1872: 330). Это можно рассматривать в качестве предпосылок последующего дачного освоения лесной зоны Крымских гор.

После 1783 года социально-экономическое развитие Крымского полуострова происходило более интенсивно, что было связано с важным значением региона для Российской империи. Крым стал осваиваться не только как стратегическая территория в военно-политическом плане, но и как зона с высоким рекреационным потенциалом. Представители знати, чиновничества и военного сословия получали оставленные ханской знатью территории в различных

уголками полуострова. В некоторых случаях перераспределение земель приводило к конфликтам с местным крымскотатарским населением, которые владели угодьями без каких-либо документов, по устным договорам (Памятная..., 1867: 212).

Большое количество свободных участков появилось после начала переселения крымских татар в Османскую империю (Макаров, 1950). Тем временем там возникают временные резиденции (загородные усадьбы и имения), которые принадлежали состоятельным гражданам Российской империи (Воронцовым, Голицыным и др.), по примеру дачного освоения пригородов Санкт-Петербурга (например, в Сиверской) (Данилова, 2017) и дальнейшего дачного бума в окрестностях Москвы (Русанов, 2022).

Усадьбы основывались и в степных районах полуострова. Например, сподвижник Г. А. Потемкина В. С. Попов имел несколько имений, называемых в разного рода документах дачами, в степной зоне Крыма. В официальных источниках содержится упоминание: «Деревня Аян... Сия деревня вошла в дачу г-на генерал-майора и кавалера Василия Степановича Попова» (Христианское..., 2021: 78–79). Кроме того, В. С. Попов получил земли в центральной части Крыма (дача Унларская, или Онлар) и в селении Караджа (современное с. Оленевка Черноморского района) (Каспер, 2005; Пушкин, 2005).

Во второй половине XIX века происходит формирование дачных поселений и планомерное развитие курортов Южного берега Крыма. Этому способствовало развитие транспортной инфраструктуры и возникновение широкого интереса к целебным свойствам горнолесного и морского климата. Отдых в Крыму романтизируется и становится модной тенденцией среди представителей российской интеллигенции и буржуазии. В 1860-е гг. в Ялте и ее окрестностях строятся первые частные дачи, которые на лето заселяют писатели, врачи, ученые и другие состоятельные господа (Карагодин, 2024). Особенности землепользования Южного берега Крыма были одной из причин выделения отдельного Ялтинского уезда.

В доступных источниках приводится описание множества дач, рассеянных между сельскими населенными пунктами в горнолесной полосе южнее и восточнее Симферополя и принадлежавших различным владельцам (Воронцовым, Кеппену, Голицыным, Потемкиным и т.д.) (Памятная..., 1867). По мнению некоторых исследователей, в период модернизации Российской империи дачная культура стала важной чертой самоидентификации представителей зарождающегося «среднего класса» (Ловелл, 2008; McReynolds, 2003; Карагодин, 2023).

Стоит внести уточнение, что в дореволюционных источниках дачами также называли участки земли, покрытые лесом или предназначенные под лесонасаждение и закрепленные за определенным лесничеством (лесоуправлением) для ведения государственного или ведомственного лесного хозяйства. Например, в 1913 г. общая мас-

са лесов, подчиненных лесоохранительному управлению по Таврической губернии, составляла 869 дач площадью 294,9 тыс. десятин (Памятная..., 1915).

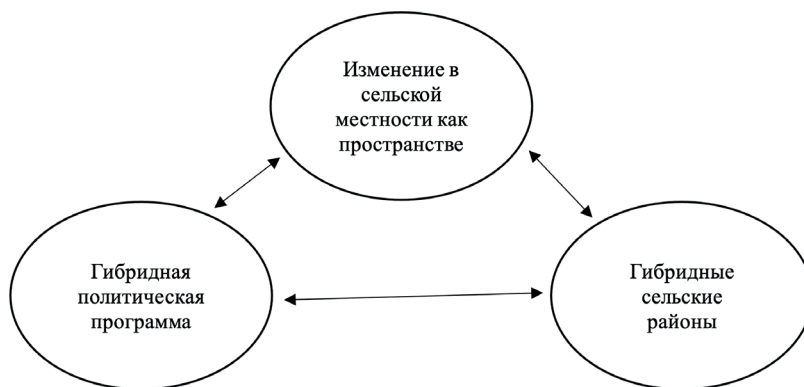

Рис. 1. Структура распределения земель по типам населенных пунктов Ялтинского уезда Таврической губернии в 1915 г. Составлено автором по данным статистики (Статистический справочник..., 1915).

Массовость дачного движения в Крыму приводит к трансформации культурного ландшафта Южного берега Крыма: формированию курортных поселков и их включению в систему расселения в качестве полноценных элементов. С этого времени происходит территориальное разделение дачных хозяйств: югобережные — считались элитными³ и пригодными не только для отдыха, но и лечебных процедур, степные и предгорные — совмещали в себе отдых с аграрной деятельностью владельцев.

Развитие транспорта (особенно железнодорожного) способствовало возникновению сезонной миграции в югобережные поселки из других регионов страны (Москва, Санкт-Петербург, Харьков, Киев и др.). Приезжающие в курортный сезон рекреанты размещались либо в своих владениях, либо в арендованных у местного населения помещениях (в советское время они получили хлесткие наименования — курятники, хибары и пр.). Вокруг рекреационной зоны развивается экономика услуг — аренда жилья, театры, кафе, рестораны, благоустраиваются общественные территории курортных поселений.

Кроме того, в аграрных районах полуострова были распространены типы поселений, которые совмещали аграрную и рекреаци-

3. На это повлияло и строительство летней резиденции российских монархов династии Романовых в Ливадии и дворцов княжеских династий.

онную функции. К ним можно отнести экономии, усадьбы, имения, сады, собственные владения (см. табл. 1).

Т. Ю. Гусаков
Крымские дачи:
история и современность освоения
сельско-городского
пространства

Таблица 1. Количество различных дачных населенных пунктов по крымским уездам Таврической губернии в 1915 г.⁴

Уезды	Дачи	Имения/ усадьбы	Экономии	Сады	Собственные владения
Евпаторийский	4	55	78	–	–
Перекопский	–	12	61	1	–
Симферопольский	12	56	114	568	–
Феодосийский	–	51	55	–	–
Ялтинский	703	132	19	1	47
Всего	720	306	327	570	47

Трактовка понятия «экономия» редко встречается в литературе, в отличие от усадьбы, имения и дачи. Экономия — это тип населенного пункта, который был распространен в регионах современной Украины в XIX — начале XX века. Они представляли собой крупные аграрные хозяйства, хозяйственно-экономические единицы с жилыми и производственными постройками. Экономии могли функционировать как полноценные сельские населенные пункты без соответствующего административного статуса (село, деревня или др.). В Крыму экономии часто принадлежали иностранным колонистам, представителям дворянского сословия или монастырям. Поэтому в перечнях населенных мест в названии экономии преимущественно указывается фамилия владельца (например, Тархан (земля Гинзбурга, аренд. Тимошин) и Тенсу (Майера Вильгельма Германовича) в Перекопском уезде). Позднее некоторые экономии стали ядрами совхозов и других форм коллективных хозяйств.

После событий 1917–1918 годов курортная система была институционализирована: бывшие дворянские дачи и имения Южного берега Крыма национализированы, переданы различным государственным организациям и ведомствам, и стали основой для создания санаториев, домов отдыха, пансионатов, детских лагерей и здравниц. Развитие курортной инфраструктуры Южного берега Крыма было одним из направлений советской государственной политики (Социалистическая..., 1951).

Одновременно в 1920–1930-е гг. в регионе начали формироваться дачные поселки нового типа, организованные советскими учреждениями, кооперативами и профсоюзами. Эти поселки использовались как места отдыха, сезонного проживания, иногда — постоянного расселения служащих, ученых, партийной и технической интеллигенции. Примерами подобных поселений были дачи для советской

4. Составлено автором по данным статистики (Статистический справочник..., 1915).

элиты в Ливадии, дачные массивы ведомственного и кооперативного типа в поселках Форос, Партенит, Гурзуф, в окрестностях Евпатории (д. Ялы-Мойнак), дачно-курортный квартал «Профессорский Уголок» в Алуште.

Но массовый характер дачное и садоводческое движение получило во второй половине XX века. Нормативно-правовую основу заложили Указ Президиума ВС СССР «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» (1948) (Указ..., 1956) и постановление Совета Министров СССР (1949), регламентирующие коллективное садоводство, порядок отвода участков и другие нюансы (Овчинцева, 2012: 50–55). Участки предоставлялись работникам промышленных предприятий и научных организаций, зачастую на коллективной или профсоюзной основе. Это привело к пространственному расширению рекреационного освоения вглубь полуострова и формированию зон «второго пояса» расселения в степных и предгорных районах Крымского полуострова.

Таким образом, на полуострове была возрождена дореволюционная система хозяйствования только на коллективной основе. В послевоенные годы сосуществовали две структуры — сады и огороды (садоводства) и дачи, которые удовлетворяли бытовые и рекреационные потребности горожан, особенно актуальные в условиях планового дефицита жилой площади, товаров и продовольствия. Граждане получали 4–6 соток земли под сад или дачу, что стимулировало развитие личных подсобных хозяйств, формирование сети неформальных дачных сообществ, создание инфраструктуры (дорог, линий электропередач, водоснабжения и пр.). Пик создания садоводческих и дачных товариществ пришелся на 1980-е гг. (огороднических товариществ практически нет, только в окрестностях Севастополя).

Рис. 2. Распределение некоммерческих товариществ Крыма по периоду основания. Составлено автором по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. и микропереписи 2021 г. (Переписи и обследования, 2025).

К концу 1980-х гг. многие товарищества страдали от отсутствия централизованной инфраструктуры, самостроя, правовой неурегулированности и перегрузки экологических систем. Тем не менее именно в этот период усилилась тенденция к постоянному проживанию в садовых домах. Это дало импульс дачной урбанизации и предвосхитило позднейшую трансформацию некоторых дачных территорий в жилые поселки в пригородах крупных городов и курортный частный жилой сектор в приморской зоне Крымского полуострова. Формировались целые дачные пояса вокруг Симферополя, Севастополя, Ялты, Евпатории, Алушты, Керчи, Феодосии и др. (см. рис. 3).

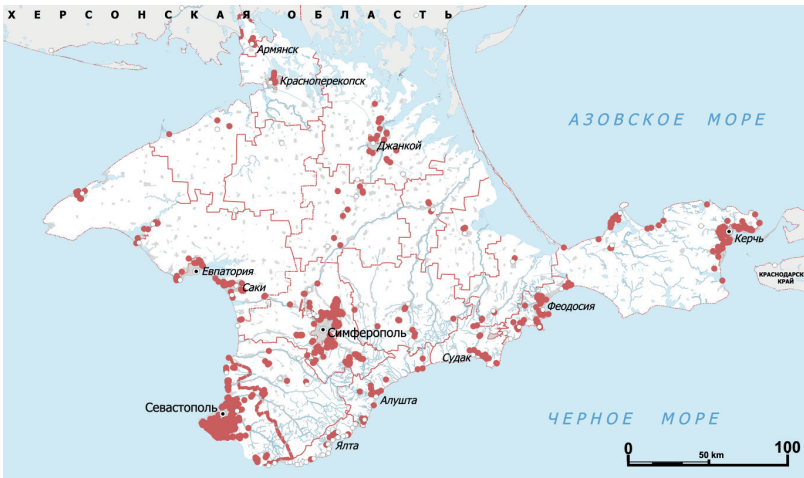

Рис. 3. Дачные и садоводческие товарищества в расселении Крымского полуострова. Составлено автором по данным из открытых источников (Яндекс.Карты, 2GIS, Союз садоводов России).

После начала репатриации депортированных народов территории некоторых садовых товариществ использовались для решения земельных проблем. В пригородных районах участки некоторых товариществ осваивались репатриантами, которые впоследствии интегрировались в инфраструктуру и становились микрорайонами Симферополя, Феодосии, Судака и других городов. Занятие угодий крымскими татарами происходило как в административном порядке (выделялись местными властями), так и самовольно — через самозахваты («поляны протеста») (Uehling, 2004).

В постсоветский период дачные и садоводческие товарищества, созданные в советское время, сохранили свою юридическую форму. Украина унаследовала законодательство СССР о садоводстве и дачах, но в условиях переходной экономики и слабости административного контроля многие положения остались декларативны-

ми, потому в 1990-е гг. садовые и дачные товарищества стали формой самоорганизации владельцев участков (Круглый стол..., 2009).

В 2000-х гг. с ростом уровня жизни начался медленный переход к индивидуальному жилищному строительству, особенно в пригородных зонах. Постепенно дачные дома стали использоваться не только летом, наблюдалась тенденция к круглогодичному проживанию. Поэтому в товариществах развивалась городская инфраструктура, что способствовало превращению некоторых дачных массивов в полноценные поселения. Параллельно некоторые товарищества фактически стали «спальными микрорайонами» городов без правового статуса с неразвитой инфраструктурой, но постоянно проживающим населением (Дубки и Каменский массив в окрестностях Симферополя).

Активное развитие дачного движения происходило на фоне общего роста интереса к загородной жизни, доступности земельных участков и ослабления контроля за использованием территорий. Ситуация изменилась после 2014 года, когда Крым стал привлекательным направлением не только для отдыха, но и для переезда. Современное дачное расселение полуострова характеризуется высокой долей незарегистрированных жителей, активной урбанизацией сельских ландшафтов, появлением коттеджных поселков за пределами населенных пунктов и полиместностью (чередование городского и сельского мест проживания).

Правовые основы современного дачного движения

В 1991–2014 гг. крымские некоммерческие товарищества регламентировались различными украинскими нормативно-правовыми актами. При этом фактически до 2003 года (принятия закона о кооперации) товарищества существовали в «свободном плавании»: они не были упорядочены, не регулировалась их деятельность, не проводилась работа по разъяснению прав и свобод членов товариществ и пр. К основным регламентирующим актам относятся:

- земельный кодекс Украины (2001) применялся при выделении земель под садоводческие товарищества, приватизации участков, оформлении прав собственности на строения (Науково-практичний коментар..., 2012);
- закон Украины «Об объединениях граждан» (1992–2013) регулировал правовой статус товариществ как неприбыльных объединений граждан;
- закон Украины «О кооперации» (2003) обеспечивал основу для организации и деятельности кооперативных садоводств и дачных поселений, поскольку многие товарищества существовали как потребительские кооперативы;
- постановление кабмина Украины № 868 от 5 августа 1992 г. «О порядке предоставления земельных участков гражданам

для ведения садоводства и дачного строительства» устанавливало нормы размеров участков, регламентировало порядок выделения, оформления, межевания и регистрации земли;

- «Державні будівельні норми» регулировали строительство на участках в товариществах (минимальные отступы от границ участка, нормы по водоснабжению, электроэнергии, канализации и др.);
- локальные программы землеустройства и решения местных властей по выделению земельных участков, изменению форм землепользования, легализации существующих товариществ и пр.

Реформирование украинского законодательства не всегда приводило к упорядочиванию регулирования процессов дачного движения. К примеру, существовала дихотомия трактовки, к какой организационно-правовой форме относится садовое товарищество — кооператив либо общественная организация, при их перерегистрации учитывалось содержание устава товарищества (Круглый стол..., 2009).

После 2014 года российские власти усилили контроль над землепользованием и потребовали от товариществ легализовать свои поселки и недвижимость. В противном случае неоформленные участки должны были реализовываться властями через аукцион. Однако к концу 2024 года, спустя 10 лет после начала кампании, еще 5,5% СНТ не имеют проектов межевания территории (Перечень..., 2025).

Вплоть до 2017 года дачные поселки по большей мере развивались в неформальной среде и были представлены различными формами объединений землепользователей: садоводческое некоммерческое товарищество (СНТ), огородническое некоммерческое товарищество (ОНТ), дачное некоммерческое партнерство (ДНП) и пр.

Федеральный закон № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» был принят в 2017 году и стал важной вехой в реформировании дачного законодательства (Федеральный..., 2025a)⁵. К основным результатам реформирования можно отнести:

- замена ранее существовавших различных организационно-правовых форм (СНТ, ОНТ, ДНП и др.) двумя формами землепользования — садоводство (с возможностью строительства капитального жилого дома и регистрации в нем) и огородничество (без права возведения жилого дома, только временные постройки и хозяйственные сооружения);
- упорядочение форм организации дачников, произошло упрощение юридических структур (вместо многообразия

5. До этого времени деятельность регламентировалась Федеральным законом «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» от 15.04.1998 № 66-ФЗ / КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18461/

«товариществ» и «партнерств» предусмотрено создание некоммерческой организации с четкой системой управления, отчетностью и регистрацией);

- повышение прозрачности и ответственности (обязательное раскрытие информации о деятельности товарищества, финансовой отчетности, ведении кадастровых и юридических дел);
- легализация жилых домов и построек, а также возможность регистрации по месту жительства (появилась возможность строительства жилого дома на садовом участке в случае, если это разрешено зонированием территории), а также регистрации по месту жительства в таком доме.

Среди основных недостатков нового закона выделяется недостаточная чувствительность к разнообразию форм загородного расселения и практик использования земли: упразднение дачных товариществ как организационно-правовой формы, приравнивание всех объединений к садоводческим и огородническим, не учитывают устойчивые модели сезонного или смешанного проживания, характерные для многих регионов, включая Крым. Кроме того, правоприменительная практика закона выявила значительные трудности, связанные с регистрацией жилья, оформлением инфраструктуры и распределением обязанностей между органами управления СНТ и государственными структурами. Из-за этих сложностей заинтересованная общественность выразила протест принятию закона в настоящей редакции (Резолюция..., 2018).

Действующие нормы не решают проблему пространственного неравенства между формально включенными и не включенными в схемы пространственного планирования территорий, что усиливает неформальные процессы урбанизации и закрепляет фрагментарность дачного расселения. В совокупности это вызывает скепсис относительно способности закона служить эффективным инструментом регулирования дачного освоения сельского пространства.

Современность дачных и садоводческих товариществ в Крыму

СНТ занимают особое место в пространственной структуре Крымского полуострова, выступая важным звеном между городской и сельской средой. Территориально они представлены преимущественно сгущениями в пригородных зонах крупных городов, где формируют полицентрические пояса расселения, обусловленные транспортной доступностью и природно-рекреационными ресурсами. Первоначально товарищества развивались как сезонные территории отдыха и ведения подсобного хозяйства, однако в последние десятилетия наблюдается тенденция к постепенному переходу части из них в зону постоянного проживания, что меняет их функциональное и пространственное значение.

Согласно данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, в структуре сельскохозяйственных земель Республики Крым площадь, занятая некоммерческими товариществами, составляет всего 1,4% (Управление..., 2025). Несмотря на относительно небольшую долю, некоммерческие товарищества существенно влияют на морфологию ландшафта и расселения, т.к. 62,3% товариществ расположены вне официальных границ населенных пунктов (Управление..., 2025). Это свидетельствует о высокой степени дисперсности дачного расселения и расширении жилых территорий в аграрной и природной среде, что приводит к формированию разрозненных островков застройки в сельской местности республики.

Таблица 2. Некоммерческие товарищества Крымского полуострова, 2021 год

	Республика Крым	г. Севастополь	Всего
Всего, ед.	852	397	1 249
— из них осуществляют деятельность, %	95	99,5	96,4
Количество земельных участков в товариществах, тыс. ед.	149,2	51,6	200,8
— из них освоены, %	83,8	98,9	88
Общая площадь участков в товариществах, тыс. га	12	3,2	15,2
Ср. площадь участка, га	0,07	0,06	0,07
Доля в структуре земельных ресурсов, %	1,1	27,5	1,4

Составлено автором по данным сельскохозяйственной микропереписи 2021 года (Сельскохозяйственная..., 2025).

На территории Севастополя на некоммерческие товарищества приходится около четверти земельного фонда хозяйств всех категорий (Том..., 2018), некоторые из которых в постсоветское время трансформировались в коттеджные поселки с постоянным населением. Процесс легализации капитальной застройки товариществ наметился в Севастополе, в новой редакции генерального плана города 2025 г. ряд товариществ получили статус территорий, отведенных под индивидуальное жилищное строительство (Генплан..., 2025). Это означает, что в будущем возможно преобразование этих товариществ в полноценные жилые районы с развитием транспортной и социальной инфраструктуры. Власти предоставляют возможность для изменения формы землепользования и для других товариществ, «...если владельцы участков готовы пойти на определенные жертвы — подвинуть свои заборы, выкупить какие-то участки и найти, таким образом, место для инженерных сетей и дорог, то перевод в ИЖС вполне реален» (Громова, 2024).

Процесс узаконивания товариществ Севастополя не так прост. Расширение военного присутствия и претензии Минобороны на угодья, которые ранее до 2014 года были переданы частным собственникам, приводят к судебным разбирательствам с собственниками и увеличению зоны запрета строительства на землях, необходимых для функционирования военных объектов, за счет включения в нее территорий товариществ. Развитие инфраструктуры города и введение ограничений для угодий («пятна нулевой застройки»), примыкающих к объектам природного и культурного наследия, также приводят к сокращению площадей СНТ, изъятию участков дачников и сносу строений.

Половина некоммерческих товариществ Республики Крым зарегистрированы на территории Симферопольского района (168) и городского округа Симферополь (258), а в неурбанизированном Первомайском районе их нет. Около 80% СНТ Севастополя расположены в Гагаринском, Ленинском и Нахимовском муниципальном округах, которые составляют территорию собственно г. Севастополя. Практически все товарищества Крымского полуострова являются садоводческими (91%), остальные — дачные и только одно — огородническое (на территории Севастополя)⁶. В отличие от других категорий хозяйств, некоммерческие товарищества отличались высокой долей действующих акторов (более 90%).

Таблица 3. Число хозяйств по категориям, осуществлявших сельскохозяйственную деятельность в первом полугодии 2016 года (единиц / % от общего числа хозяйств соответствующей категории)

Категории хозяйств	Республика Крым	г. Севастополь
Сельскохозяйственные организации	431 / 86,5%	20 / 71,4%
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели	1852 / 85,9%	36 / 26,7%
Личные подсобные и другие индивидуальные хозяйства граждан	274 449 / 75%	14 768 / 83,2%
Некоммерческие объединения граждан	755 / 97%	463 / 98,7%

Составлено автором по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года (Всероссийская... (2025).

Во второй половине XX века, особенно в постсоветский период, многие садоводческие некоммерческие товарищества (СНТ)

6. Подсчитано автором по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года (Всероссийская... (2025).

в Крыму начали трансформироваться в курортные поселки. Эта тенденция наиболее проявилась в приморских и пригородных зонах, имеющих потенциал для развития туристско-рекреационного хозяйства. Подобные поселения формировались в окрестностях Севастополя, Симферополя, Ялты, Алушты, Евпатории, Судака, Щёлкино и др. Первоначально предназначенные для сезонного использования, дачные участки постепенно застраивались капитальными домами, появлялась необходимая инфраструктура и сфера услуг. Таким образом, территории СНТ начали выполнять рекреационные функции, особенно в районах с высокой туристической активностью и выгодным транспортным положением.

Примерами подобных трансформаций являются СНТ в районе с. Николаевка (Симферопольский район) и пгт Кача (Севастополь), садовые товарищества, расположенные на пересыпи между озером Сасык-Сиваш и Черным морем. Последние территории, ранее не входившие в официальную систему населенных пунктов, стали фактической частью Евпаторийско-Сакской городской курортной агломерации. Тем самым дачные образования, возникшие на землях сельскохозяйственного назначения, способствовали расширению жилого и курортного пространства, развитию сервисной экономики и инфраструктуры.

Особенности дачного освоения

Пространственная изоляция многих товариществ от центров муниципалитетов обуславливает проблемы с инфраструктурным обеспечением — водоснабжением, газоснабжением, вывозом бытовых отходов, доступом к транспортной и социальной инфраструктуре. На 2016 г. 70,4% некоммерческих товариществ имели связь по автомобильным дорогам с твердым покрытием с другими населенными пунктами (Основные..., 2018: 338).

Сложности при планировании и финансировании объектов инфраструктуры связаны с тем, что данные территории зачастую формально не включены в систему расселения и административного деления. Это, в свою очередь, означает, что товарищества остаются неучтенными в программах пространственного развития муниципалитетов, на территории которых фактически находятся.

Однако проблема включения товариществ в инфраструктуру полуострова постепенно решается. По заявлениям властей Республики Крым, в 2024 г. 42,5 тыс. из 78 тыс. участков подпадают под программу по расширенной газификации населенных пунктов (В Крыму..., 2024). С 2024 г. в Севастополе действует программа социальной догазификации жилых домов в СНТ, расположенных в границах поселений (Догазификация..., 2025).

Кроме инфраструктурных проблем, связанных с сезонным наплывом населения в дачные зоны (перегрузка систем водоснабже-

ния, вывоз отходов, транспортная доступность и пр.), значительные экологические последствия вызывает неравномерное размещение некоммерческих товариществ на территории Крымского полуострова. Наиболее плотные сгущения товариществ сформировались в пригородах Симферополя, Ялты, Алушты и Севастополя, преимущественно на землях сельскохозяйственного назначения или вблизи лесного фонда, что усиливает антропогенную нагрузку на и без того уязвимые природные экосистемы.

На этих территориях наблюдается фрагментация ландшафтов, самовольная вырубка лесов под несанкционированное строительство, деградация почв вследствие нарушения агротехнических режимов, а также загрязнение окружающей среды сточными водами и бытовыми отходами. Плотная застройка без должного природоохранного и градостроительного контроля способствует деградации природной среды и утрате рекреационного потенциала территорий, вовлеченных в дачное освоение Крыма.

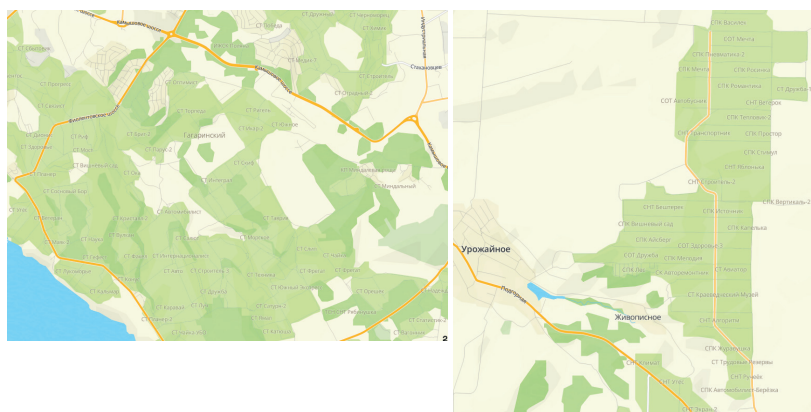

Рис. 4. Примеры плотности некоммерческих товариществ в Севастополе (слева) и в Симферопольском районе Республики Крым (по данным 2GIS).

Социопространственный аспект развития некоммерческих товариществ в Крыму проявляется в формировании устойчивых форм сосуществования сельского и городского населения в пределах ограниченных территорий. Эти территории представляют собой особые типы сообществ с гетерогенным составом: они объединяют как сельских жителей, так и приезжих — дачников из крымских городов, мигрантов из других регионов, а также репатриантов. Такое сосуществование ведет к трансформации социального ландшафта: возникают устойчивые связи между разными категориями населения, меняется структура локального потребления и образа жизни.

Одним из следствий этого процесса становится формирование пространственно-мобильных стратегий жизнедеятельности, при ко-

торых одни и те же люди поддерживают постоянные либо полупостоянные связи с несколькими населенными пунктами — как городскими, так и сельскими. Это явление можно рассматривать как проявление сетевого образа жизни, характерного для дачных сообществ. При этом территория СНТ используется не только как сезонное жилье, но и как ресурс для выживания, самозанятости и социальной адаптации, что особенно заметно в пригородных зонах Симферополя, Севастополя, Керчи и других городов.

Такое смешанное использование территорий нарушает классическое деление на «город» и «село» и поднимает вопросы о необходимости пересмотра подходов к планированию, учету и обслуживанию этих пространств в рамках системы расселения и местного самоуправления. Кроме того, фактическая трансформация СНТ в поселения с постоянными жителями требует формирования институциональной среды, поскольку сейчас население не имеет возможности создания местной власти и влияния на процессы социально-экономического развития и стратегического планирования, в отличие от жителей сельских населенных пунктов.

Также в полевых исследованиях в сельских населенных пунктах Красногвардейского района⁷ со смешанной застройкой (комбинирование кварталов многоэтажных домов и одноэтажного частного жилого сектора) был замечен следующий феномен, встречающийся и в других регионах России. Некоторые жители многоэтажных домов приобретали частные дома в своем населенном пункте, либо в близлежащих селах для отдыха и ведения сельскохозяйственной деятельности (личного подсобного хозяйства преимущественно для удовлетворения потребностей семьи). В итоге сельские жители являются собственниками квартиры и дачи в черте своего поселения. Эти случаи довольно распространены и свидетельствуют о том, что точные масштабы дачного движения оценить сложно.

Расположение некоммерческих товариществ в тяготеющих к городам территориях логично. Но в случае Крыма СНТ также существуют и в аграрных неурбанизированных районах, относящихся к социально-экономической полупериферии и периферии полуострова. В настоящий период в 5 из 6 муниципальных районов, несвязанных напрямую или косвенно с городами, находятся 28 некоммерческих товариществ: 8 — в Красногвардейском, по 3 — в Нижнегорском и в Раздольненском, 2 — в Советском, 12 — в Черноморском районе. Нет СНТ только на территории Первомайского муниципального района. Собственниками земельных участков

7. Напомним, что с 2014 г. поселки городского типа Республики Крым были отнесены к числу сельских населенных пунктов и стали центрами сельских поселений (ранее — были центрами поселковых советов), несмотря на присущие им черты городской местности (населенность, высокая интенсивность движения транспорта, наличие значительного фонда многоэтажной застройки 2–5 этажей и пр.).

в таких товариществах являются формально сельские жители многоэтажных домов, лишенные возможности ведения личного подсобного хозяйства в своем домовладении и получившие землю как сотрудники предприятий еще в советское время.

Проанализировав космоснимки СНТ, можно сделать вывод, что количество заброшенных участков в них существенно превышает товарищества урбанизированных территорий (см. рис. 5). Предположительно это может быть связано с низким уровнем жизни сельских жителей относительно горожан. Это важный фактор, поскольку СНТ требуют больших капиталовложений в инфраструктуру, что снижает рентабельность производимой на участках сельскохозяйственной продукции. В условиях степного климата важность обеспечения товарищества водой является решающим для его жизнедеятельности. Немногие сельские жители имеют возможность финансировать бурения новых скважин и оплачивать коммунальные услуги. Внесем ремарку, что проблема обеспечения питьевой водой решена не во всех сельских поселениях. Например, в пристальном исследованном нами селе Новоалексеевка Красногвардейского района жители были лишены доступа к питьевой воде на протяжении более 30 лет, и это не единичный случай⁸, а тенденция, которая наблюдалась в постсоветский период из-за деградации водопроводных систем в сельских населенных пунктах и невозможности их качественного обслуживания.

8. До 2014 года в соседнем пгт Октябрьское с населением более 10 тыс. человек вода подавалась всего несколько часов в сутки даже в кварталах многоэтажной застройки.

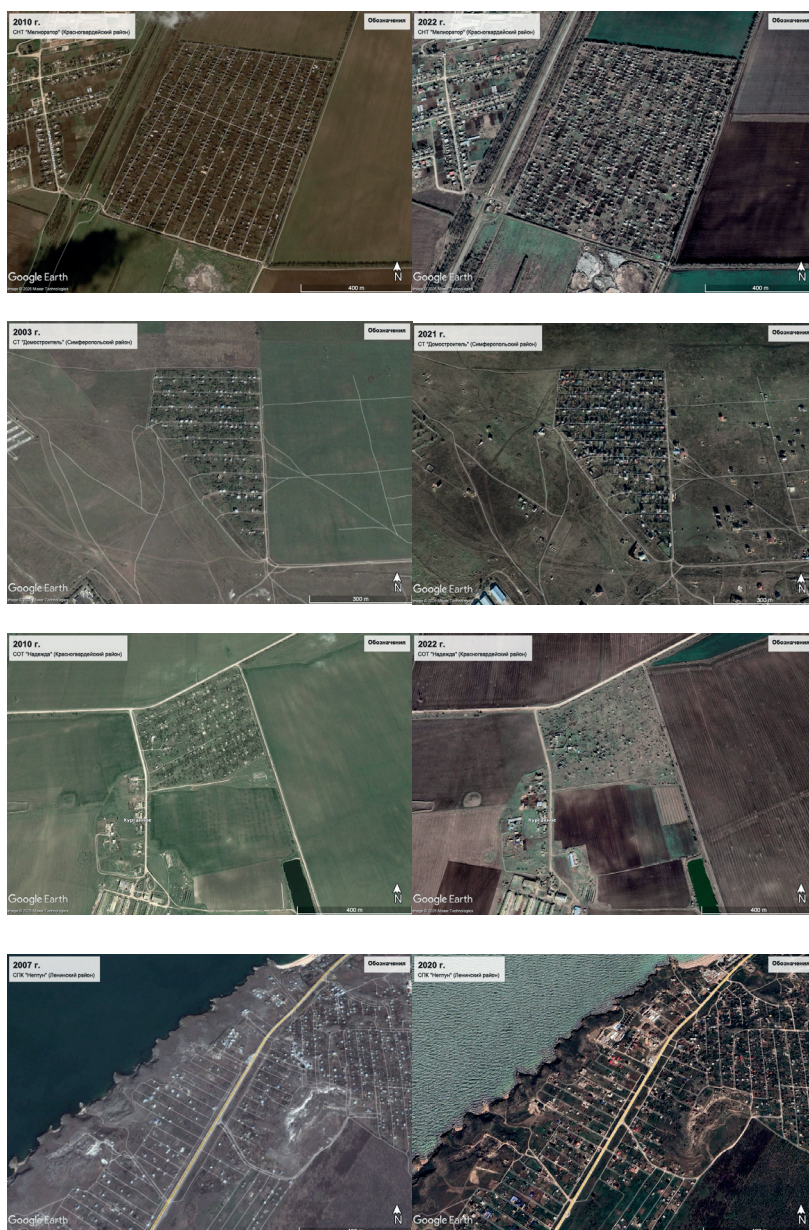

Рис. 5. Динамика развития некоммерческих товариществ в разных районах Крыма (по данным Google Earth Pro).

Дачные и садоводческие товарищества в Крыму представляют собой важный элемент системы расселения, хотя многие из них не включены в схемы территориального планирования. Они ока-

зывают влияние на трансформацию сельских территорий и стимулируют процессы субурбанизации. Формализация некоммерческих товариществ и их интеграция в систему расселения требует выработки справедливых подходов к территориальному планированию и управлению земельными ресурсами с учетом экологической нагрузки и социальной структуры Крымского полуострова.

Заключение

В постсоветский период на Крымском полуострове искусно контролируемая административно-командными методами система расселения пришла в состояние хаотичного поиска баланса в условиях свободной рыночной экономики. Впервые население строило новые домовладения не в тех местах, куда их распределяли или направляли, а где чувствовало собственную выгоду. Каркас расселения полуострова сохранился, но границы селитебной зоны стали более размытыми.

Дачные и садоводческие товарищества в Крыму преобразовались из сезонных форм отдыха и самообеспечения в устойчивые формы постоянного расселения. Но процесс трансформации происходил стихийно, в условиях слабой нормативно-правовой базы, что отразилось на сбалансированности современной пространственной и социальной структуры региона.

Дачное расселение в Крыму нельзя рассматривать как исключительно частное или временное явление. Оно связано с долгосрочными историческими традициями и в то же время порождает современные пространственные, инфраструктурные и социальные вызовы. Учитывая устойчивость этого типа освоения, необходимы прицельные исследования отдельных проблем и явлений неформального расселения Крыма, инвентаризация дачных образований, включение их в документы территориального планирования муниципалитетов.

В Крыму данный тип расселения является значимым фактором трансформации сельских территорий в контексте изменения структуры землепользования, поскольку сельскохозяйственные угодья все чаще используются для индивидуального жилищного строительства. Это сопровождается резким ростом нагрузки на инфраструктуру, особенно в теплое время года (с апреля по октябрь), когда происходит временное увеличение численности отдельных территорий за счет сезонных жителей. Одновременно усиливается социальная поляризация между местными жителями и дачниками, различающимися по образу жизни, доходам и взглядам на развитие территории. Часто позитивные сдвиги в развитии сельской местности не затрагивают сельские сообщества и способствуют углублению их маргинализации. Кроме того, отмеченная ранее стихийность дачного расселения приводит к дисперсному развитию поселений и затрудняет контроль со стороны муниципалитетов.

- Аверкиева К. В., Нефедова Т. Г. (2016). Дачная «колонизация» российской глубинки. При- мер Костромской области // Мир России. Социология. Этнология. Т. 25. № 1. С. 103–128.
- Бреславский А. С. (2014). Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / Науч. ред. М. Н. Балдано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- В Крыму более 42,5 тыс. участков в СНТ попадают под газификацию (2024) // ТАСС. 17.04.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20568015> (дата обращения: 13.03.2025).
- В Крыму площадь земель паевого фонда составляет 1 115,3 тыс. га — Валерий Драч (2018) / Республика Крым. Портал Правительства. URL: <https://mzem.rk.gov.ru/articles/3b2925e2-5c6b-4538-9927-846fa1d748d6> (дата обращения: 21.03.2025).
- Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года (2025) / Управление федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/26045> (дата обращения: 09.02.2025).
- Генплан (2025) / Правительство Севастополя. Официальный портал органов государственной власти. URL: <https://dag.sev.gov.ru/genplan/>
- Громова А. (2024). У некоторых в Севастополе есть перспективы перевода земель в ИЖС // Forpost. 29.02.2024. URL: <https://sevastopol.su/news/u-nekotoryh-v-sevastopole-est-perspektivy-perevoda-zemel-v-izhs> (дата обращения: 09.02.2025).
- Гусаков Т. Ю. (2019). Многоукладность современного этнического региона России: архаизация, аграризация и миграции (на примере Республики Тыва) // Крестьяноведение. Т. 4. № 4. С. 74–93.
- Гусаков Т. Ю. (2021). Сельское расселение и миграции населения на Крымском полуострове // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7. № 3. С. 15–25.
- Данилова В. П. (2017). «Дачная столица» Сиверская в творчестве И. И. Шишкина / Плёсский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. 30.01.2017. URL: <https://ples-museum.ru/publikatsii/publikatsii-sotrudnikov-muzeya/dachnaya-stolitsa-siverskaya-v-tvorchestve-i-i-shishkina/> (дата обращения: 20.02.2025).
- Догазификация СНТ в Севастополе (2025) // НТС. 17.02.2025. URL: <https://nts-tv.com/programms/sevreestr/dogazifikatsiya-snt-v-sevastopole-53853/> (дата обращения: 16.03.2025).
- Земельные ресурсы и их использование (2018). Том 3: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года на территории г. Севастополя. Севастополь: Крымстат-Севастополь. С. 24.
- Карагодин А. В. (2023). Дачные курорты на Южном берегу Крыма в конце XIX — начале XX века: методологические и источниковедческие аспекты исследования: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М.: МГУ.
- Карагодин А. В. (2024). Дачи и дачники русской Ривьеры. Очерки истории Южного берега Крыма и Севастополя начала XX века. Монография. М.
- Каспер В. (2005). Евстратовы и другие: родословное описание в калейдоскопе истории, фактов, памяти и догадок. Симферополь.
- Круглый стол: «Дачные конфликты: кто и как должен их решать?» (2009) / Gorod.dp.ua. 06.08.2009. URL: <https://gorod.dp.ua/news/18966> (дата обращения: 09.02.2025).
- Лашков Ф. Ф. (1897). Исторический очерк крымско-татарского землевладения: сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь: Таврическая губернская типография.
- Ловелл С. (2008). Дачники. История летнего житья в России, 1710–2000 / Пер. с англ. Л. Г. Семенов. СПб.: Академический проект.
- Махрова А. Г. (2020). Сезонное дачное расселение как индикатор контрастов пространственного развития // Региональные исследования. № 3 (69). С. 40–55.

Т. Ю. Гусаков
Крымские дачи:
история и современность освоения
сельско-городского
пространства

- Макаров М. (1950). Ялта: краткий историко-краеведческий очерк. Симферополь.
- Марков Е. Л. (1872). Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории. СПб.: тип. К. Н. Плотникова. С. 330.
- Между домом... и домом (2016). Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф.
- Науково-практичний коментар до Земельного кодексу України (2012) / Підготовлено в рамках спільного проекту Програми розвитку Організації Об'єднаних Націй та Міністерства юстиції України «Юридичне забезпечення прав і можливостей бідних». Київ. URL: https://pravozahist.at.ua/_id/1/140____.pdf (дата обращения: 12.03.2025).
- Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И. (2015). Урбанизация, дезурбанизация и сельское-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. № 12. С. 65.
- Нефедова Т. Г. (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: Ленанд. С. 36.
- Нефедова Т. Г., Савчук И. Г. (2014). Второе загородное жилье горожан в России и Украине: эволюция дач и тренды их современных изменений // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 39–49.
- Овчинцева Л. А. (2012). Экономическое значение и социальная роль садовых товариществ // Региональная экономика: теория и практика. № 3(234). С. 50–55.
- Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года (2018). Т. 1. Кн. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Республике Крым. Симферополь: Крымстат. С. 338.
- Памятная книга Таврической губернии (1867). Вып. 1 / Под ред. К. В. Ханацкого. Симферополь.
- Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год (1915) / Под ред. Часовникова. Симферополь: Тавр. губ. тип. С. 30.
- Переписи и обследования (2025) / Управление федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/26003> (дата обращения: 11.03.2025).
- Перечень садоводческих товариществ, которым необходимо ускорить работу по оформлению земельных участков (2025) / Министерство имущественных и земельных отношений Республики Крым. Республика Крым. Портал правительства. URL: https://mzem.rk.gov.ru/uploads/mzem/container/2023/12/05/2023-12-05-13-46-01_1.pdf (дата обращения: 09.02.2025).
- Пушкарев С. Н. (2005). История Караджинской церкви во имя святой Великомученицы Варвары: проекты и реальность // Мир усадебной культуры. VI Крымские международные научные чтения / Под ред. Г. Г. Филатовой. Симферополь: Бизнес-Информ. С. 186–190.
- Резолюция III Всероссийского объединенного форума садоводов России-2018 (итоговая) (2018) / «Волжский сад». URL: http://volga-garden.ucoz.ru/load/rezoljucija_foruma_sadovodov_2018/1-1-0-474?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 09.02.2025).
- Русанов А. В. (2022). Развитие дачных поселений в Подмоскowie во второй половине XIX — первой половине XX века // Население и экономика. № 6 (2). С. 55–69.
- Сельскохозяйственная микроперепись 2021 года (2025) / Управление федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/116725> (дата обращения: 11.03.2025).
- Смирнова А. А., Смирнов И. П., Ткаченко А. А. (2024). Расселение: основные понятия, подходы, результаты исследований. Тверь: Тверской гос. университет. С. 39.
- Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма как курортного района (1951) / Под ред. И. П. Герасимова. М.: Географгиз. 208 с. URL: <https://elibrigo.ru/safe-view/123456789/236176/1/ODA2MTRfU29jaWFsaXNoaWN0ZXNRXlhlHJlZ29uc3RydWtjaXlhlFl1emhubz2dvlEJlcmVnYS5wZGY=> (дата обращения: 19.03.2025).

Статистический справочник Таврической губернии (1915) / Сост. Ф. Н. Андриевский; под ред. М. Е. Бененсона. Симферополь.

Трейвиш А. И. (2014). «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 4. С. 22–32.

Указ Президиума ВС СССР от 26.08.1948 о праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов (1956) // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / Под ред. Ю. И. Мандельштам. М.: Государственное издательство юридической литературы. С. 366–367.

Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и городу Севастополю (Крымстат) (2025). URL: <https://82.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 11.03.2025).

Урри Дж. (2012). Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. статья Н. А. Харламова. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис».

Федеральный закон «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.07.2017 № 217–ФЗ (последняя редакция) (2025a) / КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221173/ (дата обращения: 11.03.2025).

Федеральный закон «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» от 15.04.1998 № 66-ФЗ (2025b) / КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18461/ (дата обращения: 19.03.2025).

Шабранська В. (2025). Під Києвом ростуть нові міста, які ніхто не контролює: які проблеми це створює та як їх можна вирішити // Хмарочос. 25.04.2025. URL: <https://hmarochos.kiev.ua/2025/04/25/pid-kyevom-rostut-novi-mista-yaki-niht-ne-kontroluye-yaki-problemy-cze-stvoryuye-ta-yak-yih-mozhna-vyrishty/> (дата обращения: 08.02.2025).

McReynolds L. (2003). *Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*. London, Cornell University Press.

Uehling G. L. (2004). *Beyond Memory: The Crimean Tatars' Deportation and Return*. Palgrave.

Т. Ю. Гусаков
Крымские дачи:
история и современность освоения
сельско-городского
пространства

Crimean dachas: History and the current development of rural-urban space

Timur Yu. Gusakov, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Abstract. The article considers the dacha movement on the Crimean Peninsula as a unique phenomenon in the development of rural areas under the transformation of spatial organization of society. The author reconstructs the historical evolution of dacha settlement — from the first estates and dachas of the Russian Empire to the numerous gardening and dacha cooperatives in the Soviet and post-Soviet periods. Based on pre-revolutionary and contemporary statistical, cartographic and legal sources and field studies, the author identifies the main stages and mechanisms in the formation of the dacha landscape in Crimea, its morphological and functional features, focusing on the current role of non-commercial associations as integrating rural territories into urban lifestyles, mechanisms of social mobility and multi-locality. The article considers institutional uncertainty, land fragmentation, infrastructural challenges and environmental risks associated with the uneven and often spontaneous dacha expansion. Dacha and gardening settlements have become an integral part of the settlement system, affecting landscapes, land use and social structure, promoting the development of new types of rural-urban communities and suburbanization. The article summarizes trends of the

territorial distribution of dacha associations, provides examples of local practices and settlement transformation, stresses the need to consider the features of dacha development in regional policy and spatial planning, to ensure an inventory and institutionalization of such settlement forms for the sustainable development of Crimea.

Key words: population geography, dachas, rural settlement, suburbanization, rural-urban communities, spatial mobility, spatial planning, informal settlements, Crimea

References

- Averkieva K. V., Nefedova T. G. (2016) Dachnaya "kolonizatsiya" rossiyskoy glubinki. Primer Kostromskoy oblasti [Dacha "colonization" of the Russian hinterland: On the example of the Kostroma Region]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, vol. 25, no 1, pp. 103–128.
- Breslavsky A. S. (2014) *Nezaplanirovannye prigorody: selsko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetский period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period]. Ed. by M. N. Baldano, Ulan-Ude: Izd-vo BNT SO RAN.
- V Krymu bolee 42,5 tys. uchastkov v SNT popadayut pod gazifikatsiyu (2024) [More than 42,500 dacha plots in Crimea are subject to gasification]. April 17, 2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20568015>.
- V Krymu ploshchad zemel paevogo fonda sostavlyayet 1115,3 tys. Ga (2018) [In Crimea, the area of share land is 1,115.3 thousand ha]. URL: <https://mzem.rk.gov.ru/articles/3b2925e2-5c6b-4538-9927-846fa1d748d6>.
- Vserossiyskaya selskokhozyaystvennaya perepis 2016 goda (2025) [All-Russian Agricultural Census 2016]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/26045>.
- Genplan (2025) [Master Plan of Sevastopol]. URL: <https://dag.sev.gov.ru/genplan>.
- Gromova A. (2024) U nekotorykh v Sevastopole est perspektivy perevoda zemel v IZhS [Some in Sevastopol have prospects of converting their land into individual housing construction]. February 29, 2024. URL: <https://sevastopol.su/news/u-nekotorykh-v-sevastopole-est-perspektivy-perevoda-zemel-v-izhs>.
- Gusakov T.Yu. (2019) Mnogoukladnost sovremennogo etnicheskogo regiona Rossii: arkhazatsiya, agrarizatsiya i migratsii (na primere Respubliki Tyva) (The multistructure of the contemporary ethnic region in Russia: Archaization, agrarianization and migration (on the example of the Republic of Tyva)). *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 4, pp. 74–93.
- Gusakov T.Yu. (2021) Selskoe rasselenie i migratsii naseleniya na Krymskom poluostrove [Rural settlement and migration on the Crimean Peninsula]. *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov*, vol. 7, no 3, pp. 15–25.
- Danilova V. P. (2017) "Dachnaya stolitsa" Siverskaya v tvorchestve I. I. Shishkina ["Dacha capital" Siverskaya in the works of I. I. Shishkin]. January 30, 2017. URL: <https://ples-museum.ru/publikatsii/publikatsii-sotrudnikov-muzeya/dachnaya-stolitsa-siverskaya-v-tvorchestve-i-i-shishkina>.
- Dogazifikatsiya SNT v Sevastopole (2025) [Gasification of dacha cooperatives in Sevastopol]. February 17, 2025. URL: <https://nts-tv.com/programms/sevreestr/dogazifikatsiya-snt-v-sevastopole-53853>.
- Zemelnye resursy i ih ispolzovanie (2018) T. 3: Itogi Vserossiyskoy selskokhozyaystvennoy perepisi 2016 goda na territorii g. Sevastopolya [Land Resources and Their Use. Vol. 3: Results of the 2016 All-Russian Agricultural Census in Sevastopol], Sevastopol: Krymstat-Sevastopol.
- Karagodin A. V. (2023) *Dachnye kurorty na Yuzhnom beregu Kryma v kontse XIX — nachale XX veka: metodologicheskie i istochnikovedcheskie aspekty issledovaniya* [Dacha Resorts on the Southern Coast of Crimea in the Late 19th — Early 20th Century: Methodological and Source Study], Moscow: MGU.

- Karagodin A. V. (2024) *Dachi i dachniki russkoy Rivyery. Ocherki istorii Yuzhnogo berega Kryma i Sevastopolya nachala XX veka* [Dachas and Dacha Owners of the Russian Riviera: Essays on the History of the Southern Coast of Crimea and Sevastopol in the Early 20th Century], Moscow.
- Kaspar V. (2005) *Evstratovy i drugie: rodoslovnnoye opisanie v kaleydodoskope istorii, faktov, pamyati i dogadok* [Evstratovs and Others: A Genealogical Description in the Kaleidoscope of History, Facts, Memory and Guesses], Simferopol.
- Krugly stol: "Dachnye konflikty: kto i kak dolzhen ih reshat?" (2009) ["Dacha conflicts: Who and how should resolve them?"]. August 6, 2009. URL: <https://gorod.dp.ua/news/18966>.
- Lashkov F. F. (1897) *Istorichesky ocherk krymsko-tatarskogo zemlevladieniya* [A Historical Essay on the Crimean-Tatar Landownership], Simferopol: Tavricheskaya gubernskaya tipografiya.
- Lovell S. (2008) *Dachniki. Istoriya letnego zhitya v Rossii, 1710–2000* [Summer Residents: History of Summer Life in Russia, 1710–2000], Saint-Petersburg: Akademicheskyy projekt.
- Makhrova A. G. (2020) Sezonnoye dachnoye rasseleniye kak indikator kontrastov prostranstvennogo razvitiya [Seasonal dacha settlement as an indicator of the spatial development contrasts]. *Regionalnye Issledovaniya*, no 3, pp. 40–55.
- Makarov M. (1950) *Yalta: kratky istoriko-kraevedchesky ocherk* [Yalta: A Brief Historical and Local History Essay], Simferopol.
- Markov E. L. (1872) *Ocherki Kryma: Kartiny krymskoy zhizni, prirody i istorii* [Essays on Crimea: Pictures of Crimean Life, Nature and History], Saint-Petersburg: tip. K. N. Plotnikova.
- Mezhdum domom... i domom* (2016) *Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home... and Home: Return Spatial Mobility of Russian Population]. Ed. by T. G. Nefedova, K. V. Averkieva, A. G. Makhrova, Moscow: Novy khronograf.
- Naukovo-praktichnyy kommentar do Zemelnogo kodeksu Ukrayiny (2012) [Scientific-Practical Commentary on the Land Code of Ukraine], URL: https://pravozahist.at.ua/_ld/1/140____.pdf.
- Nefedova T. G., Pokrovsky N. E., Treyvish A. I. (2015) Urbanizatsiya, dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskie soobshchestva v usloviyakh rosta gorizontальной mobilnosti [Urbanization, deurbanization and rural-urban communities under the growing horizontal mobility]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 12.
- Nefedova T. G. (2013) *Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii: Otveti geografa* [Ten Topical Questions about Rural Russia: A Geographer's Answers], Moscow: Lenand.
- Nefedova T. G., Savchuk I. G. (2014) Vtoroe zagorodnoye zhilye gorozhan v Rossii i Ukraine: evolyutsiya dach i trendy ih sovremennykh izmeneniy [Second country house of urban residents in Russia and Ukraine: Evolution of dachas and trends of their today's changes]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no 4, pp. 39–49.
- Ovchintseva L. A. (2012) Ekonomicheskoye znachenie i sotsialnaya rol sadovykh tovarishchestv [Economic importance and social role of gardening cooperatives]. *Regionalnaya Ekonomika: Teoriya i Praktika*, no 3, pp. 50–55.
- Osnovnye itogi Vserossiyskoy selskokhozyaystvennoy perepisi 2016 goda* (2018). Vol. 1. No. 1. *Osnovnye itogi Vserossiyskoy selskokhozyaystvennoy perepisi 2016 goda po Respublike Krym* [Main Results of the 2016 All-Russian Agricultural Census for the Republic of Crimea], Simferopol: Krymstat.
- Pamyatnaya kniga Tavricheskoy gubernii (1867) [Memorial Book of the Taurida Province], vol. 1. Ed. by K. V. Khanatsky, Simferopol.
- Pamyatnaya knizhka Tavricheskoy gubernii na 1915 god (1915) [Memorial Book of the Taurida Province for 1915], Simferopol: Tav. gub. tip.
- Perepisi i obsledovaniya (2025) [Censuses and surveys]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/26003>.
- Perechen sadovodcheskikh tovarishchestv, kotorym neobkhodimo uskoryt rabotu po oformleniyu zemelnykh uchastkov (2025) [List of Gardening Cooperatives That Need to

- Speed Up Land Registration]. URL: https://mzem.rk.gov.ru/uploads/mzem/container/2023/12/05/2023-12-05-13-46-01_1.pdf.
- Pushkarev S. N. (2005) Istoriya Karadzhinskoy tserkvi vo imya svyatoi Velikomuchenitsy Varvarya: proekty i realnost [History of the Karadzhin Church of St. Great Martyr Barbara: Projects and reality]. *Mir usadebnoy kultury. VI Krymskie mezhdunarodnye nauchnye chteniya*. Ed. by G. G. Filatova, Simferopol: Biznes-Inform, pp. 186–190.
- Rezolyutsiya III Vserossiyskogo ob`edinennogo Foruma sadovodov Rossii (itogovaya) (2018). [Resolution of the III All-Russian Joint Forum of Russian Gardeners (Final)]. URL: http://volga-garden.ucoz.ru/load/rezoljucija_foruma_sadovodov_2018/1-1-0-474?utm_source=chatgpt.com.
- Rusanov A. V. (2022) Razvitie dachnykh poseleniy v Podmoskovye vo vtoroy polovine XIX — pervoy polovine XX veka [Development of dacha settlements in the Moscow Region in the late 19th — early 20th centuries]. *Naselenie i Ekonomika*, vol. 6, no 2, pp. 55–69.
- Selsko-khozyaystvennaya mikroperepis 2021 goda (2025) [2021 Agricultural Micro-Census]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/116725>.
- Smirnova A. A., Smirnov I. P., Tkachenko A. A. (2024) *Rasselenie: osnovnye ponyatiya, podkhody, rezul'taty issledovaniy* [Settlement: Basic Concepts, Approaches, Research Results], Tver: TvGU.
- Sotsialisticheskaya rekonstruktsiya Yuzhnogo berega Kryma kak kurortnogo rayona (1951) [Socialist Reconstruction of the Southern Coast of Crimea as a Resort Area]. Ed. by I. P. Gerasimov, Moscow: Geografiz.
- Statistichesky spravochnik Tavricheskoy gubernii (1915) [Statistical Handbook of the Taurida Province]. Comp. by F. N. Andrievsky; ed. by M. E. Benenson, Simferopol.
- Treyvish A. I. (2014) “Dachevedenie” kak nauka o vtorom dome na Zapade i v Rossii [“Dacha science” as a study of the second home in the West and Russia]. *Izvestiya RAS. Seriya Geograficheskaya*, no 4, pp. 22–32.
- Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 26.08.1948 o prave grazhdan na pokupku i stroitelstvo individualnykh zhilykh domov (1956) [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of August 26, 1948, on the Right of Citizens to Buy and Build Individual Houses]. Sb. zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 — iyul 1956. Ed. by Yu. I. Mandelstam, Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo yuridicheskoy literatury, pp. 366–367.
- Upravlenie Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Respublike Krym i gorodu Sevastopol'yu (Krymstat) (2025) [Office of the Federal State Statistics Service for the Republic of Crimea and the city of Sevastopol]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru>.
- Urry J. (2012) *Mobilnosti* [Mobilities], Moscow: “Praksis”.
- Federalny zakon “O vedenii grazhdanami sadovodstva i ogorodnichestva dlya sobstvennykh nuzhd i o vnesenii izmeneniy v otdelnye zakonodatelnye akty Rossiyskoy Federatsii” ot 29.07.2017 No 217–FZ (2025a) [Federal Law “On Gardening and Vegetable Gardening for Citizens’ Needs and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. July 29, 2017. No. 217–FZ]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221173.
- Federalny zakon “O sadovodcheskikh, ogorodnicheskikh i dachnykh nekommercheskikh ob`edineniyakh grazhdan” ot 15.04.1998 No 66–FZ (2025b) [Federal Law “On Gardening, Vegetable Gardening and Dacha Non-Profit Associations of Citizens”. April 15, 1998. No. 66–FZ]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18461.
- Shabranska V. (2025) Pid Kyievom rostut novi mista, yaki nikto ne kontrolyue: yaki problemy tse stvoryue ta yak yih mozhna vyryshyty [New cities grow near Kyiv, uncontrolled: What problems it causes and how they can be solved]. April 25, 2025. URL: <https://hmarochos.kiev.ua/2025/04/25/pid-kyievom-rostut-novi-mista-yaki-nihto-ne-kontrolyuye-yaki-problemy-cze-stvoryuye-ta-yak-yih-mozhna-vyryshyty>.
- McReynolds L. (2003) *Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*, London: Cornell University Press.
- Uehling G. L. (2004) *Beyond Memory: The Crimean Tatars’ Deportation and Return*, Palgrave.

Субъектность имеет значение: автоэтнография ухода за дементным отцом в условиях сельских ограничений¹

Д. М. Рогозин

Дмитрий Михайлович Рогозин, кандидат социологических наук, заведующий лабораторией полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119034, Москва, Пречистенская наб., 11, корп. 1.
E-mail: rogozin@ranepa.ru

Аннотация. В автоэтнографической статье представлен глубоко личный и научно осмысленный анализ процесса ухода за пожилым родителем с прогрессирующей деменцией в условиях российской периферии. Основываясь на собственном опыте ухода за отцом в городе Абаза (Хакасия), автор раскрывает сложную переплетенность административных, социальных и культурных факторов, определяющих качество паллиативной и долговременной помощи в сельской местности. Абаза, формально являясь городом, по факту демонстрирует признаки сельского поселения: дефицит медицинских и социальных ресурсов, тесные соседские связи, распространение натурального хозяйства и слабость институциональной поддержки. Автор показывает, как эти «сельские ограничения» не только усугубляют трудности ухода, но и формируют особую практику, в которой профессиональная помощь часто сводится к формальному исполнению обязанностей, игнорирующих субъектность пациента. На фоне кризиса, вызванного ухудшением состояния отца, автор демонстрирует, как возвращение к человекоцентричному подходу — основанному на согласовании действий, уважении к личности и эмоциональном сопровождении — способно восстановить речь, мобильность и достоинство больного. Автор подчеркивает, что деменция не аннулирует субъектность, а требует переосмысления практик ухода. Статья призывает к смене парадигмы: от эффективности и регламентации — к рефлексивности, этике заботы и признанию стареющего человека полноправным субъектом независимо от уровня когнитивных нарушений и территориальной принадлежности.

Ключевые слова: автоэтнография, деменция, долговременный уход, сельские ограничения, социальная изоляция, социология старения, субъектность, человекоцентричный подход, этика заботы

EDN: PTBHWG

Утренний вылет из Абакана. Я в родительском доме в Абазе, небольшом шахтовом городке на юге Хакасии. До аэропорта почти двести километров. Потому договорился с машиной на половину

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

четвертого утра. Отец совсем слаб, не держится на ногах. Уже несколько дней как постелил ему на полу: противопролежневый матрас, пеленки, одеяла. Сам рядом на диване. Прозвенел будильник. Опускаю руку — пусто, отца нет. Включаю свет. Отец сидит в кресле напротив.

— Папа, в туалет не хочешь?

— Что?

— В туалет?

— Тебе надо — иди.

Почистил зубы, умылся. Отец в кресле, сжимает и разжимает кисти рук. Уже подошла машина, но я выбежал во двор, попросил подождать. На часах около четырех утра.

— Папа, спать не хочешь?

— Не хочу.

Молчим. Отец сжимает и разжимает кисти рук.

— Папа, может, чаю попьем?

— Давай попьем.

Помогаю встать с кресла, поддерживаю. Наливаю в чайник воду, его отец включает сам. Вода быстро закипает. Заварка, какие-то плюшки. Не спеша пьем чай. Провожая до кресла. Отец садится, берет в руки книгу. Начинает читать, вслух, без очков. Через несколько минут закашливается, откладывает книгу. Обнимаю отца:

— Может, приляжешь, отдохнешь?

— Хорошо, прилягу.

Я укладываю отца, накрываю, крепко обнимаю — ухожу. Это мои последние минуты с папой. Он умрет через неделю, в неполные 90 лет. Я вернусь на похороны, буду плакать и благодарить Провидение за то прощание, тот чай и те объятия. У папы была деменция, он уже не узнавал, не мог сам сходить в туалет, поесть. И то, что случилось, было похоже на чудо, наше прощальное объятие было чудом. Я уезжал в тревоге за него, но и с каким-то спокойствием, умиротворением. Через несколько часов прилетала сестра. Все должно было быть хорошо.

Сельские ограничения

Различение города и села не проблематично для человека служивого, ориентированного на инструкции и распоряжения. Если что-то назначается сверху, не предполагает личного решения, это что-то не может вызывать сомнения, по крайней мере у тех, кто принимает различение на верх и низ. В административном делении России есть города, поселки городского типа, есть села, деревни, станции, разъезды, хутора и иные населенные пункты, не отнесенные к городским. Все вполне однозначно как с возрастом, полом, уровнем образования и профессиональным статусом, как

с любой социально-демографической характеристикой, имеющей свой референт в соответствующем документе. Оспаривать документы бессмысленно и неуместно. Но не о споре речь, а о понятии. Не случайно исследователи раз за разом упоминают о сложности и неоднозначности различения городского и сельского (Somerville, Smith, McElwee, 2015: 221; Turbett, Pye, 2024: 3–4), о смешении хозяйственных практик, стилей жизни, дискурсов, самоидентификаций сельских и городских, если, конечно, сразу не указать на документ, не пресечь рассуждения.

Колин Турбетт и Джейн Пай выделяют два подхода для различения сельского и городского (Turbett, Pye, 2024: 4–5). Первый они определяют через оценку количественных характеристик местности: размер поселения, этническое, экономическое, профессиональное разнообразие жителей, плотность соседских связей, доступность землепользования и содержания мелкого и крупного скота и т.д. — всего того, что можно посчитать, что попадает в статистические регистры. Второй подход для выделения сельского основывается на социально культурных характеристиках: стиль жизни, культурные нормы, самоидентификация и разделение на своих и чужих. Следуя любому из подходов, тем более их комбинируя, легко подвергнуть сомнению, а то и опровергнуть административно закреплённые различия населённых пунктов на сельские и городские.

Абаза, сокращённое наименование Абаканского завода, когда-то поселка городского типа, уже более 50 лет имеющего статус города. Образованный вокруг месторождения железной руды, сначала добываемой открытым способом, в карьере, затем через разработку горизонтов в шахте, город Абаза представлял классический индустриальный моногород с развитым рабочим классом шахтеров и некоторым количеством вспомогательных предприятий. В советское время работали леспромхоз и швейная фабрика, в постсоветское — выделенные в самостоятельные организации ремонтные мастерские, фермы, окружающие город хозяйства. В городе есть больница, дом культуры, библиотека, поликлиника, три школы, детские сады. Это с одной стороны.

С другой стороны, за последние годы рудодобывающее предприятие несколько раз банкротилось, переходило из рук в руки. Хотя добыча железной руды продолжается, но и объёмы добычи, и численность персонала сократились кратно. Много пенсионеров, остались и работающие мужчины и женщины: первые по большей части уезжают на вахты, вторые занимают места в бюджетных учреждениях. И далее: сократился штат и функционал больницы, в ней уже не рожают, не делают операции, даже не могут поставить диагноз. В город приходит прицепной вагон со специалистами из Красноярска или Абакана, где можно пройти сносную диспансеризацию, и, если выяснится что-то серьёзное, получить направление в Абакан, Красноярск или Новосибирск. Разросся частный

сектор. Бойко торгуются молоко, сметана, яйца, мясо на рынке. На центральной улице Ленина время от времени пасутся коровы. Горожане активно возделывают огороды, которые у многих расположены прямо под окнами многоквартирных домов. Огороды, стайки, сараи. Домашний скот сподручней содержать в своем доме с наделом, но можно и в многоквартирном. Здесь различия только в объеме, но не в стиле ведения хозяйства. Такая деятельность остается невидимой, мыслится частной, не имеющей государственного значения, а потому сельский по своей природе труд не попадает в реестры статистического учета². И самое главное, плотная соседская среда. Все друг друга знают, все каким-то образом имеют представление о другом человеке, все — соседи. Потому новости расходятся быстро, без каких-либо усилий.

Абаза — это административный город с сельским типом поселения, ориентированным на ведение расширенного домашнего хозяйства, таежный промысел (ягоды, грибы, рыбалка и охота), тесные соседские связи и растущий дефицит в социальном и медицинском обслуживании, падение общей покупательной способности, невысокое материальное благополучие семей и отсутствие профильных специалистов по любым социально значимым направлениям: реабилитации, сопровождении по долговременному уходу и т.д. Формально все имеется в наличии, закрываются все потребности, на деле — с реальными потребностями лучше съездить в другое место или решить самому.

Прогрессирующая деменция

Признаки деменции у папы начали проявляться лет десять назад: то забудет какую-то мелочь, то из магазина вернется, ничего не купив, то обращается к маме как-то странно. Но это было не часто, быстро проходило, старались не обращать внимания или смеялись вместе. Мама говорила, что чудит отец, на том все и заканчивалось. Все резко ухудшилось, когда мама умерла, с ноября 2021 года. Я тогда жутко переживал, как отец примет смерть жены, с которой вместе прожил более 60 лет. А он не плакал, ничего не говорил, молчал и смотрел в одну точку в морге, на кладбище, на поминках, потом дома. Я связывался с психологами, расспрашивал, старался мягче подать, объяснить утрату. Но отец молчал, так и остался внешне спокойным. Лишь чаще стал уходить в себя и звать маму, терять ее:

2. Зачастую именно род профессиональной деятельности большинства населения выступает в России решающей характеристикой для отнесения населенного пункта к сельскому или городскому (Алексеев, Сафронов, 2017). Но речь всегда идет о статистической отчетности, а не о фактической занятости населения, которая может быть неформальной, невидимой для государства.

— Где Люда?

— Мама умерла.

— Как умерла? Только что здесь была. На работе она.

Это поначалу я возражал, как многие другие, но быстро освоился, по привычке: на работе, так на работе. Задавал какие-то вопросы, переключал внимание, но отец продолжал ждать и спрашивать, а то срывался искать. И тогда я шел с ним, он быстро уставал, и мы направлялись домой. Когда он возвращался в наш мир и понимал, что мама действительно умерла, он становился еще более спокойным и уверенно показывал пальцем вниз:

— Пора мне туда [в землю], Люды нет, Алёши [рано, в пятнадцатилетнем возрасте погибшего моего старшего брата] нет. Нечего мне здесь делать. Пора.

— А как же я? Как же Надя [моя младшая сестра]?

— Вы взрослые уже, у вас свои жизни. А мне пора. Нечего здесь делать.

Но все разговоры были только тогда, когда я был в родительском доме, а бывал я там нечасто. Намного-намного чаще, если сравнивать с тем временем, когда родители были здоровы, звали и ждали меня хоть в гости, хоть навсегда. Мама сильно болела. Где-то с 2019 года, за год до ковида для меня началась совсем другая жизнь, с регулярными перелетами, звонками, но уже не папе и маме, а сиделкам, которых нанимал, с которыми пытался договориться, объяснить особенности ухода за родителями.

За несколько месяцев до смерти мамы с трудом, через соседку, удалось найти очень хорошую, ответственную сиделку. Она приходила к родителям, готовила, убиралась, стирала, разговаривала с отцом. Осталась и после смерти мамы. А через два года, в 2023-м, у отца случился инфаркт, так говорили на словах, но в медицинской карточке ничего не записали: то ли инфаркт, то ли инсульт — точных диагнозов в абазинской, городской по статусу, сельской на деле больнице не ставят. Там и деменция была написана просто как деменция, без каких-либо уточнений, и лекарства выписывались одни и те же, опять же без особых разговоров и уточнений, если настоять на встрече и рецепте, а так можно и без них. Отца госпитализировали — и началось. Не знаю деталей, но со слов сиделки, кошмар: бегал по больнице, раздевался, толкал медсестер, сиделка осталась с ним на несколько дней, потом ночевала дома — и через пару недель, забрав повышенное жалование за переработку и нервы (я платил вперед), отказалась дальше работать:

— Не возьмусь ни за какую зарплату больше, по-моему, я просто «наелась» за эти два года, хочу снять с себя эту ответственность и распоряжаться жизнью по своему усмотрению, а не сидеть на привязи.

С этого момента начался новый этап в организации ухода за отцом: уже работали две сиделки, оформил социальное обслуживание, дважды в день начал приходить социальный работ-

ник. Потребовалось больше ухода и больше координации. Регулярно возникали какие-то срывы: то сиделка запьет и пропадет на недели, то другая перестанет приходить, то с продуктами какая-то кутерьма — не ясно, куда пропадают, то в доме начинает все ломаться, приходить в негодность. Дистанционно, по телефону и ватсапу следить за всем невозможно: постоянное напряжение, необходимость быстро срываться, приезжать, убеждать, решать вопросы, нанимать электрика, искать сантехника, менять трубы и т.д. и т.п.

Но главное, отец все больше терял самостоятельность, становился зависимым от других. Он долгие годы регистрировал погоду, записывал температуру три раза в день — перестал; вел учет всех расходов семьи — перестал, отмечал на настенном календаре прожитый день — перестал; в записных книжках вел календарь дней рождений и дат смерти, чтобы поздравлять и соболезновать оставшимся, — это перестал, наверное, в первую очередь, все друзья у отца давно умерли. Он остался один³. Большую часть времени один. Мы наездами, пять-шесть раз в год по полторы-две недели. Отец все чаще нас не узнавал. Единственное, продолжал читать. Не понимая, без возможности пересказать. Он читал и читал книги, перебирал свои старые записи, перекладывал и прятал вещи. Он все время что-то делал и время от времени порывался уйти по делам: на работу, на поиски жены, в магазин. Уйти, чтобы уже через несколько минут ослабнуть, начать искать свою квартиру и порой не находить.

Профилактика деменции

Со старением населения, ростом продолжительности жизни деменция стала болезнью, конкурирующей по распространенности и необратимости негативных последствий с раком, диабетом и сердечно-сосудистыми заболеваниями (Клинова, 2025). Единственное различие: первые диагностируются, деменция, как правило, остается в сельской местности без диагноза, на словах, без уточнений, индивидуального подхода. Нет специалистов, нет образовательных программ, нет системы поддержки, консультирования, переподготовки. Вновь на бумаге многое есть, на деле как-то все так — никак.

3. С 2021 года регулярно поднимался вопрос о переезде отца в Москву. Он был категорически против, даже думать об этом не мог. Но я вновь и вновь возвращался к переезду. В ситуации дефицита в уходе и невозможности его восполнить переезд виделся одним из действенных способов решения этой проблемы. Против этого были страхи, что не переживет долгий перелет, не сможет адаптироваться к новому месту. Переезда не случилось, и теперь уже не скажешь, правильным или неправильным был отказ от этой возможности.

Но литературы, научной, практической, художественной уже достаточно. Нет недостатка информации, было бы желание и упорство. Многое лежит на поверхности собранного, систематизированного, точного и полезного (см., например: Грайпель, 2025; Форестер, Харрисон, 2023; Уэймен, 2018; Thomas, Milligan, 2017). Много проводится исследований, собираются данные (Кудрявцева, Айро, Петров, 2024), но по факту в России можно вести речь лишь о стадии накопления материала, нежели проверке критических гипотез, получении экспериментально доказанных и теоретически обоснованных результатов. Пока медицина находится в поиске подходящих препаратов, выстраиваются программы лечения, основная профилактика деменции проводится в социальной сфере, межличностном взаимодействии (Лимкина, 2024). На фоне разнообразных источников информации в Рунете выделяется Фонд «Вера» своей системностью, точностью и лаконичностью изложения. Так, всего на двух страницах листовки, которую можно скачать с сайта организации (www.fond-vera.ru), собраны анамнез, рекомендации, типовые ситуации, этические дилеммы и правила (Фонд помощи хосписам Вера, 2020):

Во-первых, деменция — это болезнь, следует избегать личных обид, не стесняться и не осуждать больного и не относиться к нему как к здоровому. Логика здорового человека не подходит для тех, кто живет прошлым, не узнает родных, погружен в собственный мир, не может сформулировать свои желания, описать боли, не способен контролировать агрессию и воспринимать культурные нормы.

Во-вторых, больной деменцией живет в вымышленном мире, который опасно разрушать и перестраивать. От ухаживающего требуется поддержка, создание безопасной среды, сохранение той реальности, в которую попал человек. Следует помогать выражать эмоции и чувства, поддерживать разговор, не перечить и не осуждать, не убеждать в очевидном для себя и невозможном для него.

В-третьих, перестать осуждать себя, винить за невозможность полностью отдать свою жизнь больному родственнику. Мир больного не требует жертвенности, полного растворения в нем. Если больной не видит границ, у него нет ментальных и эмоциональных ресурсов для понимания другого, то ухаживающий человек обязан поддерживать границы, заботиться не только о родственнике, но и о себе. Любовь и забота взаимны, они не могут существовать в одностороннем порядке.

А еще кратко представлены ситуации и возможные реакции, правильные и неправильные. Например, если больной отец не узнает, смотрит с опаской и недоверием, не нужно расстраиваться, переубеждать, но и подыгрывать, притворяться другим нет необходимости. Важно оставаться собой, быть спокойным, рассудительным, мягким, сохранять зрительный контакт и переключать внимание на что-то другое, не добиваясь признания своей, как бы правильной точки зрения.

Или, если больной отец перекладывает вещи с места на место, прячет, ищет, раздражается, не нужно перепрыгивать вещи, ругать или отчитывать отца, не нужно обесценивать его действия. Следует облегчить его задачу, организовать иначе пространство, разобрать груды мусора, оставив лишь минимум вещей. То, что важно для близкого, не должно быть мелочью и навязчивой безделицей для вас.

Или, если больной отец ведет себя вызывающе, требует выпустить его из дома, раздевается догола, ругается, идет на конфликт, не нужно стыдить и резко препятствовать действиям. Если отец упал на пол, не нужно силком затащить на кровать, тянуть и сдавливать. Нужно поговорить, подложить подушку, помочь подняться, не сейчас, так чуть позднее. Помогать только через слова. Сначала предложить и, только получив согласие, делать — даже самое необходимое, только после согласия.

Деменция не лечится насилием, больной не останавливается агрессией. Нельзя относиться к нему, как к здоровому: осуждать, указывать, направлять. Все это только вызовет новые вспышки гнева. Я это видел на своем отце, и видел последствия от неправильного, кричаще неверного, непрофессионального поведения социальных работников и сиделок, людей деятельных и желающих помочь, но в результате причиняющих боль и страдания.

Всего лишь двухстраничная листовка, в которой сконцентрировано накопленное на данный момент знание о деменции. Внимательно прочитать, соотнести со своей жизнью. Посылал сиделкам, соцработникам. В ответ — тишина. Они жили своим опытом, сложившимися представлениями. Не читали, не задумывались. А я не нашел подход, не смог убедить в ценности и значимости этого безыскусного научного знания, основанного на наблюдении, эксперименте и теории.

Возвращение субъектности

Я был в командировке в Краснодаре, когда позвонили из Абазы. С отцом совсем плохо. Рвался из дома, вызывали полицию: поймали, водворили в дом, напичкали лекарствами. И теперь у него слабость: не держат ноги, но он все равно идет. Встает, падает, страдает недержанием, никого к себе не подпускает. Это все по телефону рассказала сиделка, а в конце добавила: «Работать больше не буду, мне это не надо». Вернулся в Москву и этим же днем вылетел в Абазу, в общей сложности чуть больше суток в пути.

Отец лежал в спальне на полу. Голова под сервантом, ноги и руки спутаны, как у человека с переломами, взгляд блуждающий, сам мокрый и обкаканый, — и никого рядом. Попытался заговорить, не слышит и не понимает, речь неразборчива. Вытянул голову из-под серванта, подальше от острого косяка, выправил

ноги, подложил подушку. Чуть позднее переодел и обтер. Вставать отец отказывался: мотал головой и что-то бормотал, быстро-быстро, как ускоренное воспроизведение на проигрывателе — ничего не разобрать.

Потом было много суеты. Разговоры, уговоры, переговоры с отцом. Об элементарных вещах, о туалете, об обеде, о смене положения тела — о чем угодно, что касается лично его, что важно, что необходимо сделать. Медленный, в несколько приемов подъем на ноги. Без нажима, через согласование каждого действия. Получается не сразу. Отец вскрикивает от боли, и я отступаю. Но на второй или третьей попытке он уверенно встает, и вот уже он пошатывается, но идет, почти сам. На второй день вместе доходили до туалета, помогал сесть на унитаз, подтирал попу. Отец все позволял, не ругался. Не было повода: я ничего не делал, не спросив. Получив отказ, отступал. Спрашивал через несколько минут и получал согласие или не получал, тогда вновь ждал своей минуты. Я никуда не спешил. В эти дни мое время, расписание, все мои действия зависели от отца.

Согласовал в социальной защите города посещение врачей, иначе огромные очереди, не пустят, другие пациенты будут скандалить. Просто так, без соцзащиты, к профильным врачам не попасть, за один день все анализы не сдать. Вызвал скорую. Хотели нести на носилках.

— Не нужно, мы сами потихоньку дойдем, — и дошли. Квартира на первом этаже, несколько ступенек. Медленно, не спеша. А уже потом во дворе на носилки и в машину.

Были подозрения на переломы. Сделали флюорографию, но дежурный хирург не мог прочитать и проинтерпретировать снимки, искали второго, а про первого, молодого, потом сказали, что он вынужден хирургом работать, а «так он — ухо-горло-нос обычно, хирург по нужде». Легкие в норме, переломов нет — огромное облегчение. Самые большие страхи были о переломах. Только ушибы, сильнейшие, но ушибы. Отец — большой молодец, сильный, крепкий, несдающийся мой отец. Потом кардиограмма, и там все отлично. У вашего отца прекрасное сердце, никаких проблем.

На машине же вернулись домой, но не стали сразу заходить. Прошлись по двору, сели на солнышке на лавочку. Подошел сосед: говорили о том о сём, смеялись. Отец слушал и улыбался.

На следующий день заходила соцработник, уговаривала сократить программу:

— Сами видите, он никакой. Ему не нужны эти все когнитивные, психологические штучки. Сами подумайте, что ему надо, что я могу сделать? Покормить, жопу подмыть, убраться в квартире. Ему больше ничего не надо! Мне часа хватит на все.

— Нет! Как можно его покормить и подмыть за час? А если он не захочет? Если ему будет больно? Он будет не в духе? Если что-то пойдет не так? У меня в эти дни, чтобы покормить, уxo-

дит не меньше двух часов, в несколько заходов, не сразу, — пытаюсь объяснить, что нужно делать, но безуспешно. Разговаривать, спрашивать, согласовывать каждое действие — это не моя прихоть, не особенность отца, это общая практика, которую называют человекоцентричностью, которая распространена по всему миру (Edvardsson, Fetherstonhaugh, Nay, 2010; Kitwood, 1997; McCormack, McCance, 2006). Приведу лишь три из десятков тысяч историй, описанных и осмысленных в социальных исследованиях и личных биографиях.

Первая история рассказана норвежским социологом Ингунн Мозер, долгие годы изучавшей систему здравоохранения. История о миссис Олсен, у которой наблюдалась прогрессирующая деменция, отягощенная множеством сопутствующих психических проблем (Moser, 2011). Ее поместили в стационар, где она начала кричать, проявлять агрессию, неадекватно реагировать на соседей. Она уже принимала много лекарств, поэтому медикаментозно остановить агрессию было невозможно, не причинив вреда, значительно не ухудшив ее состояние. Перевели в другое отделение, разместили в звуконепроницаемой комнате, ограничили выход. Крики не прекратились, стало только хуже: миссис Олсен кричит день и ночь напролет. Персонал диспансера принял ситуацию как должную: «да, это печально и трагично, но ничего не поделаешь, таков необратимый ход болезни». Такой функциональный порядок действий (*mode of ordering*) был принят в диспансере. Все сводилось к медикаментозному лечению и ограничению на перемещения. Деменция аннулировала, с точки зрения персонала, субъектность миссис Олсен, она в этой логике социально мертва. Нет разума, нет и личности.

Но одна из работников диспансера решила попробовать музыкальную терапию. Принесла миссис Олсен вкусный ужин, порезала на маленькие кусочки. Начинает кормить, в перерывах спрашивает, хочет ли еще. Та кивает. После ужина садится рядом, держит за руки, смотрит в глаза и поет песни из любимого репертуара миссис Олсен. Та начинает принимать участие, перестает кричать. Воспроизводство базовой структуры диалога, плюс любимые песни активизируют позитивный опыт, пережитый в прошлом, восстанавливает когнитивные связи, но не посредством слов, а через переживание эмоций, актуализацию памяти иного рода. Потом укладывает спать, поет колыбельную, ласково гладит, перебирает волосы. Та засыпает и спит всю ночь. Принятие пищи, сон заново интегрируют миссис Олсен в коллективные ритмы жизни обитателей диспансера.

Ингунн Мозер, чью пионерную работу о профилактике деменции я пересказываю (Moser, 2011), родилась в Норвегии в 1965 году, ее родители бежали из Восточной Германии. Ее брат — известный на весь мир нейропсихолог, Эдвард Мозер, нобелевский лауреат по физиологии и медицине. Генетически, через воспитание они на деле знают особенности казенного, объективированного подхо-

да, особой практики взаимодействия через принуждение и лишение субъектности.

Другими словами, практики знания в здравоохранении перформативны. Наши представления о болезни никогда не бывают невинными. Они определяют последующие действия. Важно подчеркнуть, переопределяя стиль общения, работник диспансера не проявляет радикальный отказ от медицинского сопровождения. Это и есть человекоцентричная медицина, реляционный подход, не отрицающий реальность и объективность болезни, необходимость лекарств, а демонстрирующий другой способ организации ухода. Музыкальная терапия возвращает миссис Олсен субъектность, дает ей возможность принимать участие в происходящем.

Вторая история личная, подчеркивающая важность соучастия и принятия другого. Артур Клейнман, 1941 года рождения, известный психотерапевт и социальный антрополог, профессор Гарвардской медицинской школы в Кембридже, начинает свою короткую автобиографическую заметку с подробного описания одного утра с дементной супругой:

«Мягко поворачиваю ее голову в свою сторону. Улыбаюсь, когда она поднимает брови в знак узнавания, встряхивает длинными каштановыми волосами, и тепло ее внезапного счастья озаряет ее все еще поразительно красивое лицо. “Замечательно! — шепчет она. — Я из Пало-Альто, калифорнийская девушка. Я люблю тепло”. Я кладу вилку в ее правую руку и направляю ее к яйцупашот в глубокой миске. Я уже нарезал тосты, чтобы помочь ей подцепить кусочки хлеба и выпить желток. Она не может найти перед собой чайную чашку, поэтому я перемещаю ее руку рядом с ее ручкой. В китайской чашке горячий чай дарджилинг светится золотисто-красным цветом. “Замечательно!” — снова шепчет она» (Kleinman, 2009: 292).

Одновременно со столь искренним и теплым описанием Артур Клейнман отмечает, что жена Джоан плохо ориентируется в пространстве, теряет способность распознавать предметы и начинает из-за этого волноваться, истерить. Несмотря на то что она уже не может читать (а раньше переводила и интерпретировала древние тексты), заботиться о своей семье, большая часть ее личности все еще присутствует, она по-прежнему остается женой. Джоан почти всегда счастлива. Несчастен он, осуществляющий заботу: эмоционально вымотанный, находящийся всегда в напряжении и страхе, наблюдающий медленное сползание жены в состояние иной жизни.

Но осуществление заботы, осмысленной и принятой на себя моральной практики, позволяет Артуру не терять жену, чувствовать ее близость. Артур знает о моральном ядре заботы не из своей профессиональной деятельности психотерапевта и медицинского антрополога, преимущественно не из исследовательской литературы, а из своей практики ухода за женой. Личностное

Д. М. Рогозин
Субъектность имеет значение: автоэтнография ухода за дементным отцом в условиях сельских ограничений

участие чрезвычайно важно. Оно важнее приобретенных знаний, казенных инструкций и предписаний. Через соучастие становится возможным общение с супругой, сохраняется их личная жизнь. Об этом написана короткая заметка (Kleinman, 2009) и к этому призывает известный психотерапевт, автор сотни научных изданий о том, как формируется мораль и человечность в разных культурных формах.

Третья история от ныне покойной Гейнор Макдональд (1948–2022). Умершая от рака профессор департамента антропологии Университета Сиднея (Австралия) долгие годы занималась изучением культурного разнообразия в современном мире. Но выделяется ее статья об особенностях старения с деменцией и формирования личностного отношения к этому (Macdonald, 2018). Опираясь на опыт ухода за дементным мужем, Гейнор Макдональд подчеркивает пагубность инертного отношения к деменции как потере личностного начала в человеке. По мере ухудшения ментального состояния мужа Гейнор незаметно для себя погрузилась в мир «бремени ухода», стала испытывать депрессию, ощущать себя жертвой обстоятельств. Ей помогла профессиональная среда, привычка анализировать происходящее в антропологических, культурно-ориентированных системах различий.

Изначально деменция мужа воспринималась ей как утрата личности. Это была не столько ее точка зрения, сколько социально закрепленное представление других: врачей, соседей, дальних родственников — социального окружения, формирующего ее идентичность хорошей жены. Поэтому, когда мужу диагностировали Альцгеймер, по словам Гейнор, в полную меру заработал «габитус деменции», или переопределение жизни с точки зрения отсутствия каких-либо перспектив на активность и самостоятельность любимого человека.

Страх и стигма в отношении деменции связаны в конечном итоге с тем, что значит жить и умирать. Деменция стала онтологическим и моральным вызовом секулярному обществу, в котором медицина настаивает на понимании жизни вне отношений, а хорошая жизнь — это жизнь, проживаемая в отношениях. Медики занимаются преимущественно только телом, человеком как машиной. Но какие-то болезни не могут быть рассмотрены исключительно механистически, в том числе диабет, ожирение, деменция. Необходимо учитывать социальный контекст, который включает помимо больного многие другие социальные отношения, а также экономические и культурные влияния. Так, антропологическое образование, навыки описания культурных паттернов и регулярное чтение профессиональной литературы помогли Гейнор Макдональд переопределить свое отношение к мужу, принять его смерть, а затем подготовиться и к собственной.

Многие социальные срывы и сбои в деменции возникают из-за неэффективного ухода, а не из-за процессов, происходящих в мозге.

Понимая это, Гейнор смогла купировать агрессию мужа, его тревожность, наметившиеся уходы из дома. Она была внимательна, училась взаимодействовать с мужем новыми способами, разговаривать и обсуждать каждый до того не замечаемый и не важный в бытовой жизни шаг. В болезни человек не один. Опыт деменции разделяют и больной, и ухаживающие за ним. Они должны быть в фокусе внимания. От них зависит комфортная жизнь больного. Об этом статья Гейнор, описывающая опыт профилактики деменции без насилия, эмоциональных срывов и потери человеческого лица, которые на деле являются социальными, а не психологическими конструктами.

Ухаживающий должен научиться меньше зависеть от вербального общения и использовать более широкий репертуар коммуникативных стратегий — прикосновения, визуальная стимуляция (например, зрительный контакт), успокаивающие звуки (тон голоса, музыка) и наблюдение за движениями или выражениями, которые могут указывать на дискомфорт или боль. К сожалению, идея о том, что если люди не могут вербально общаться, то они не могут думать или чувствовать, не могут обрабатывать эмоции или реагировать, не могут участвовать в моральном или целеустремленном поведении, сохраняет свое влияние во всем мире, и Россия — не исключение.

Заключение

Отец всего за несколько дней вернулся к жизни, как возвращались к жизни тысячи других при смене подхода, согласовании любых действий и проявлении заботы. Всего за несколько дней у отца восстановилась речь. Он встал на ноги. Хороший аппетит, осмысленный взгляд. Уже может сам сесть на унитаз. Начались новые проблемы: стесняется и не дает себя подмыть, вытереть салфетками. Садится на унитаз, а пишет мимо, в штаны. Не сразу могу уговорить, не дает переодеть. Потому долго в мокром, наметились пролежни. Это новые задачи, но и они вполне решаемы.

В первый день моего приезда соцработник — уверенно, без тени сомнения:

— Он больше не встанет. Такие не встают. Точно вам говорю.

А теперь удивляется:

— Как хорошо, как у вас это получилось? Но это потому, что вы — сын.

— Нет, не потому, не столько потому, — и вновь терпеливо объясняю, что время у отца течет по-другому, что нельзя измерять все минутами, что важно говорить, важно поддерживать. Рассказываю о других случаях, других людях и другом отношении. Не нужно спешить и обращаться со стариком как с ребенком. Отец заслуживает того, чтобы видеть в нем взрослого человека. Отец — не сумасшед-

ший, отец — человек, который нуждается в помощи и поддержке, сопровождении и ассистировании. Потому программу ухода надо не сокращать, а расширять, и т.д. и т.п. В ответ непонимание и удивление моему упорству, нежеланию согласиться, уступить:

— Вы, теоретики, только книжки читаете, а мы на практике лучше знаем.

К чему приводит такая практика? Как к ней относиться? И как ее предотвратить, если вся организация труда социального работника направлена лишь на эффективность: минимальное время, максимальное количество получателей? Этим измеряется качество работы, оценивается участие, формируется удовлетворение от сделанного. Остальное — теория, для общих слов и выражений — такую позицию не так просто изменить, поскольку за ней и личный опыт, и институциональное оформление (графики, отчетность, денежные выплаты). Тогда, в ночь отъезда, когда пил с отцом чай, когда старался поймать его взгляд и его поддержку, я был спокоен и полон надежд. Но явно переоценил устойчивость системы и отсутствие каких-либо ресурсов ее изменить даже на локальном уровне.

Различение сельского и городского часто проводится по шкале ресурсности, на которой сельское рассматривается как область отклонения от городского, область недостаточности и дефицита ресурсов. В качестве решений и программ видится расширение ресурсной базы, уменьшение разрыва, в первую очередь технологического и образовательного, между территориями. Но это ложное заключение, основанное на ликвидации мнимого напряжения. Управление ресурсами, оптимизация денежных потоков не решает другой, более важной задачи — перестройки приоритетов и представлений о старении и роли старика для близких и далеких. Пока субъектность воспринимается как нечто незначимое, неважное, мешающее выполнять основные задачи ухода, никакие финансовые и организационные решения не помогут и не изменят ситуацию.

Сельская субъектность прежде всего отличается от городской не дефицитом ресурсов, финансовыми ограничениями и отсутствием специалистов, а разрывом между профессиональной, привносимой извне помощью и организацией ухода внутри семьи. Объективированная поддержка, отсылки к правилам и регламентам без соотнесения с желаниями и ситуацией того, на кого они направлены, отражают особенности сложившегося дисбаланса в социальной сфере. Все в уходе направлено на эффективность уходовой деятельности, а не на эффекты от ее последствий. Именно на этот дисбаланс, подрывающий сами основания ухода, указывала Аннмари Мол, отмечая необходимость развития большей рефлексивности в социальной сфере (Mol, 2006). С одной стороны, правила, права и обязанности, закрепленные в документах и регламентах, с другой — сфера реального ухода, здравый смысл, слабо согласующийся с проектной и отчетной документацией.

Потеря субъектности в сельском типе местности (независимо от административного статуса населенного пункта), зачастую оправдываемая недостатком ресурсов, на деле определяется непониманием того, как и для чего их использовать. Субъектность старика имеет значение независимо от ресурсов, намерений или обстоятельств, которые складываются в последние годы его жизни. Спорить с этим навряд ли кто будет. Соцработник моего отца не спорила. Она просто продолжала делать то, во что верила, и спокойно игнорировала, обходила стороной все незаслуживающие, с ее точки зрения, предписания и пожелания.

Моя трагедия с отцом не единичная, она выходит за рамки истории моей семьи. Я вижу ее повторение в текстах других авторов, в судьбах сотен собеседников, достоинство, самостоятельность, личная ответственность которых рассматриваются социальными службами как дело частное, а значит, не требующее какого-либо осмысления, внимания, соответствующих решений со стороны других. Пока забота остается частным делом, никакие финансовые или организационные усилия не предотвратят негативные последствия и в конечном итоге смерть. Я справился на короткой дистанции и проиграл на длинной. Отец умер, а мне жить дальше. Нам жить дальше, принимать или не принимать бессубъектный уход за стариками. Вы можете еще сомневаться, а я точно знаю: субъектность имеет значение.

Литература

- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2017). Типология сельских населенных пунктов европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестник Московского ун-та. Серия 5. География. № 6. С. 55–61.
- Грайпель Э. А. (2025). Деменции и когнитивные нарушения у взрослых: краткое руководство / Пер. с англ., под ред. В. В. Захарова. М.: ГОЭТАР-Медиа.
- Клинова М. В. (2025). Пандемия деменции: социально-экономический аспект // Мировая экономика и международные отношения. Т. 69. № 1. С. 113–122.
- Кудрявцева А. М., Айро И. Н., Петров А. Ю. (2024). Анализ применения лекарственных препаратов для лечения деменции в психиатрии // Известия Российской военно-медицинской академии. Т. 43. № 2. С. 175–181.
- Лимкина Н. А. (2024). Особенности социального сопровождения больных деменцией // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во ФГБОУ ВПО Восточно-Сибирский гос. ун-т технологий и управления. С. 148–150.
- Уэймен Л. (2018). Поговорим о деменции. В помощь ухаживающим за людьми с потерей памяти, болезнью Альцгеймера и другими видами деменции / Пер. с англ. О. Цейтлиной; предисл. А. Сиднева. М.: Олимп-Бизнес.
- Фонд помощи хосписам Вера (2020). Особенности общения с людьми с деменцией. М.: Фонд Вера. [Электронный ресурс. https://moshealth.nioz.ru/upload/Osobennosti_obshcheniya_s_lyudmi_s_demenciej.pdf (дата обращения: 29.07.2025).
- Форестер Б., Харрисон Т. (2023). Деменция: как жить, если близкий человек болен. Полное руководство по общению, помощи и уходу / Пер. с англ. А. Юченковой, А. Наумовой. М.: Альпина Пабlishер.

- Edvardsson D., Fetherstonhaugh D., Nay R. (2010). Promoting a continuation of self and normality: Person-centred care as described by people with dementia, their family members and aged care staff // *Journal of Clinical Nursing*. Vol. 19. № 17–18. P. 2611–2618.
- Kitwood T. (1997). *Dementia Reconsidered: The Person Comes First*. New York: Open University Press.
- Kleinman A. (2009). Caregiving: The odyssey of becoming more human // *Lancet*. Vol. 373. № 9660. P. 292–294.
- Macdonald G. (2018). Death in life or life in death? Dementia's ontological challenge // *Death Studies*. Vol. 42. № 5. P. 290–297.
- McCormack B., McCance T. (2006). Development of a framework for person-centred nursing // *Journal of Advanced Nursing*. Vol. 56. № 5. P. 472–479.
- Mol A. (2006). Proving or improving: On health care research as a form of self-reflection // *Qualitative Health Research*. Vol. 16. № 3. P. 405–414.
- Moser I. (2011). Dementia and the limits of life: Anthropological sensibilities: STS interferences, and possibilities for action in care // *Science, Technology and Human Values*. Vol. 36. № 5. P. 704–722.
- Somerville P., Smith R., McElwee G. (2015). The dark side of the rural idyll: Stories of Illegal/ Illicit economic activity in the UK countryside // *Journal of Rural Studies*. Vol. 39. P. 219–228.
- Thomas C., Milligan C. (2017). *Dementia, Disability Rights and Disablism: Understanding the Social Position of People With Dementia*. Lancaster: Lancaster University Press.
- Turbett C., Pye J. (2024). Introduction: Rurality and rural social work // *Rural social work in the UK: Themes and challenges for the future* / Ed. by C. Turbett, J. Pye. Cham: Palgrave Macmillan. P. 1–38.

Subjecthood matters: Autoethnography of caring for father with dementia under rural constraints

Dmitry M. Rogozin, PhD (Sociology), Head of the Field Research Laboratory, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prechistenskaya Nab., 11, bldg. 4, Moscow, 119034, Russia. E-mail: rogozin@ranepa.ru

Abstract. The article presents a deeply personal and scientifically grounded analysis of caring for an aging parent with progressive dementia in rural Russia. Based on the experience of caring for his father in the town of Abaza (Khakassia), the author shows the complex interplay of administrative, social and cultural factors that determine the quality of palliative and long-term care in rural areas. Although Abaza has a city status, it is rather a rural settlement with a shortage of medical and social resources, close community ties, widespread subsistence farming, and weak institutional support. The author describes how these “rural constraints” both complicate caring and develop a specific care culture in which professional assistance often turns into the formal performance of duties, ignoring the patient’s subjecthood. Under the crisis caused by his father’s deteriorating condition, the author shows how a return to a person-centered approach (negotiated actions, respected individuality and emotional engagement) can restore the patient’s speech, mobility, and dignity. The author emphasizes that dementia does not eliminate subjecthood but demands to rethink care practices. The article calls for a paradigm shift: from efficiency and bureaucratic regulation toward reflexivity, ethics of care and recognition of the elder as full-fledged subjects, regardless of cognitive impairment or geographical location.

Key words: autoethnography, dementia, long-term care, rural constraints, social isolation, sociology of aging, subjecthood, person-centered approach, ethics of care

- Alekseev A. I., Safronov S. G. (2017) Tipologiya selskih naselennykh punktov evropeiskoi chasti Rossii v sovremennykh demograficheskoi i sotsialno-ekonomicheskoi situatsii [Typology of rural settlements in the European part of Russia in the contemporary demographic and social-economic situation]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 6, pp. 55–61.
- Graypel E. A. (2025) *Dementsii i kognitivnye narusheniia u vzroslykh: kratkoe rukovodstvo* [Review of Dementias and Adult Cognitive Impairments], Moscow: GOETAR-Meditsina.
- Klinova M. V. (2025) Pandemiya dementsii: sotsialno-ekonomicheskyy aspekt [Dementia pandemic: A social-economic aspect]. *Mirovaia Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniia*, vol. 69, no 1, pp. 113–122.
- Kudriavtseva A. M., Ayro I. N., Petrov A. Yu. (2024) Analiz primeneniia lekarstvennykh preparatov dlia lecheniia dementsii v psikiatrii [Analysis of the use of medicinal preparations for treating dementia in psychiatry]. *Izvestiia RVMA*, vol. 43, no 2, pp. 175–181.
- Limkina N. A. (2024) Osobennosti sotsialnogo soprovozhdeniia bolnykh dementsiei [Features of social support for people with dementia]. *Formy i metody sotsialnoi raboty v razlichnykh tsifrah zhiznediatel'nosti*, Ulan-Ude: Izd-vo VSbGUTU, pp. 148–150.
- Howell C. (2018) *Pogovorim o dementsii. V pomoshch' ukhazhivaiushchim za ljudmi s poterei pamiati, boleznyu Alzheimer'a i drugimi vidami dementsii* [Let's Talk Dementia: A Caregiver's Guide], Moscow: Olimp-Biznes.
- Fond pomoshchi khospisam Vera (2020) Osobennosti obshcheniia s ljudmi s dementsiei [Features of communication with people with dementia]. URL: https://moshealth.niioz.ru/upload/Osobennosti_obshcheniya_s_lyudmi_s_demenciej.pdf.
- Harrison T., Forrester B. (2023) *Dementsiia: kak zhit, esli blizky chelovek bolen. Polnoe rukovodstvo po obshcheniiu, pomoshchi i ukhodu* [Dementia: Living When Someone You Love Is Ill: A Complete Guide to Communication, Help, and Care], Moscow: Alpina Publisher.
- Edvardsson D., Fetherstonhaugh D., Nay R. (2010) Promoting a continuation of self and normality: Person-centered care as described by people with dementia, their family members and aged care staff. *Journal of Clinical Nursing*, vol. 19, no 17–18, pp. 2611–2618.
- Kitwood T. (1997) *Dementia Reconsidered: The Person Comes First*, New York: Open University Press.
- Kleinman A. (2009) Caregiving: The odyssey of becoming more human. *Lancet*, vol. 373, no 9660, pp. 292–294.
- Macdonald G. (2018) Death in life or life in death? Dementia's ontological challenge. *Death Studies*, vol. 42, no 5, pp. 290–297.
- McCormack B., McCance T. (2006) Development of a framework for person-centered nursing. *Journal of Advanced Nursing*, vol. 56, no 5, pp. 472–479.
- Mol A. (2006) Proving or improving: On health care research as a form of self-reflection. *Qualitative Health Research*, vol. 16, no 3, pp. 405–414.
- Moser I. (2011) Dementia and the limits of life: Anthropological sensibilities: STS interferences, and possibilities for action in care. *Science, Technology and Human Values*, vol. 36, no 5, pp. 704–722.
- Somerville P., Smith R., McElwee G. (2015) The dark side of the rural idyll: Stories of illegal/illicit economic activity in the UK countryside. *Journal of Rural Studies*, vol. 39, pp. 219–228.
- Thomas C., Milligan C. (2017) *Dementia, Disability Rights and Disablism: Understanding the Social Position of People with Dementia*, Lancaster University Press.
- Turbett C., Pye J. (2024) Introduction: Rurality and rural social work. *Rural Social Work in the UK: Themes and Challenges for the Future*. Ed. by C. Turbett, J. Pye, Cham: Palgrave Macmillan, pp. 1–38.

Д. М. Рогозин
Субъектность имеет значение: автотопнография ухода за дементным отцом в условиях сельских ограничений

«Развивая культуру доверия»¹

А. В. Гордеев, А. М. Никулин

*Алексей Васильевич Гордеев, доктор экономических наук, академик РАН, заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, 103265, Москва, ул. Охотный Ряд, 1.
E-mail: pr_gordeev@duma.gov.ru*

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Во второй части биографического интервью Алексея Васильевича Гордеева обсуждается его опыт и результаты работы на посту губернатора Воронежской области, связанные с созданием благоприятной среды для жизнедеятельности человека и развития предпринимательства. Рассматриваются особенности воронежского местного самоуправления на уровне отдельных сельских районов, различные аспекты интеграции воронежского сельскохозяйственного производства.

Особое внимание уделяется обсуждению эффективности взаимодействия федерального, регионального, районного уровней управления страной с точки зрения профессионализма и компетенций государственных и муниципальных руководителей, важности значения в этих вопросах понятия персональной репутации.

В области аграрной политики анализируется история формирования и развития аграрного лобби в постсоветской России, связанного с интересами различных форм крупного и мелкого аграрного производства, спецификой сельской регионалистики, сочетанием традиционного и современного образа жизни, в рамках дискуссионности понятий крестьянства, фермерства, казачества.

В заключение интервью обсуждается, что необходимо сделать для повышения эффективности выполнения программы комплексного развития сельских территорий (КРСТ) с точки зрения, прежде всего, современного научного обеспечения.

Центральная тема интервью — воспитание культуры доверия между обществом и властью, для которого на местном сельском уровне перспективной является организация территориального общественного самоуправления (ТОС).

Ключевые слова: сельская Россия, Воронежская область, местное самоуправление, аграрное лобби, комплексная программа развития сельских территорий, территориальное общественное самоуправление

EDN: PYKWUO

А. М. НИКУЛИН: Мы обсудили основные направления Вашей деятельности как министра сельского хозяйства. Давайте обратимся теперь к Вашему опыту работы губернатором Воронежской области.

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

А. В. ГОРДЕЕВ: Честно скажу, работая министром, хоть и прошел районный уровень власти, я всегда считал, что чтобы быть полноценным федеральным руководителем, надо иметь опыт работы губернатора. И я обратился к руководству страны с просьбой о назначении на новую должность. Первый раз у Владимира Владимировича Путина я попросил, когда прежний губернатор освобождал свою должность в Рязанской области. Но ко мне было хорошее отношение, президент сказал: ты эффективный министр, работай. Потом, когда президентом был избран Дмитрий Анатольевич Медведев, а Владимир Владимирович стал премьер-министром, я еще раз обратился с просьбой о назначении в Ставрополье. Но ответ был тот же — работай министром. И только позже на мою просьбу откликнулись — в конце 2008 года Президент России внес мою кандидатуру в Законодательное собрание Воронежской области. В феврале 2009 года меня избрали, и в начале марта я приступил к должности губернатора.

А. М. НИКУЛИН: С точки зрения «веса» субъекта Федерации — Рязанская область менее мощная, чем Ставропольский край или Воронежская область. Понято, что Рязань — Ваша родина, но...

А. В. ГОРДЕЕВ: Да, это был «порыв на малую родину». У меня не было цели выбрать крупный регион. Я считаю, что губернатор — это такой универсальный руководитель, независимо от масштаба субъекта Российской Федерации. Мне было интересно получить такой опыт в работе.

А. М. НИКУЛИН: Если Вы утверждаете, что для руководителя федерального уровня надо получить опыт губернатора, то как бы Вы в целом охарактеризовали руководителя федерального уровня? У нас принято с многозначительным почтением произносить: «Этот человек вышел на федеральный уровень власти!» или «Такой вопрос решается на федеральном уровне...».

А. В. ГОРДЕЕВ: Может быть, я тут старорежимный руководитель... Я вспоминаю, как строилась кадровая политика в советские годы в министерстве. Там были главки, отделы. Уже на уровень отдела выбирался лучший специалист в этой подотрасли, в конкретном направлении со всей страны. Он назначался начальником отдела с пакетом всех необходимых социальных и прочих обеспечений. Квартиру ему давали, возможность адаптироваться в Москве. Но это был лучший специалист в этой конкретной сфере, его брали именно как практика. Сейчас такой подход в кадровой политике вообще не рассматривается. Но я бы сделал простую вещь: хочешь быть заместителем министра России? Ты должен пройти регион. Не обязательно быть губернатором, но нужно поработать региональным руководителем какого-то из направлений. Тогда это дает понимание, как строится жизнь на местах. Как я уже сказал, для меня полноценный федеральный руководитель — это тот, кто прошел «школу» муниципального и регионального уровней, то есть понимает всю вертикаль государственных задач.

А. М. НИКУЛИН: Итак, Ваше пожелание сбылось, предстоит быть губернатором. Насколько Вы знали Воронежскую область, имели представление о людях, культуре, власти этого края?

А. В. ГОРДЕЕВ: Я, прежде всего, знал эту область в сфере сельского хозяйства. Этот регион всегда был одним из крупнейших, находился в десятке лучших аграрных производителей России. Конечно, пришлось изучать, вникать, опираться на профессионалов, которые знают специфику Воронежского региона. Это был вызов. Сама по себе задача очень интересная — сформировать модель и найти ниточки, которыми все в управлении обвязано, и пойти правильным путем. Но это такая каждодневная сложная работа...

А. М. НИКУЛИН: Мы с Вами из советских времен вышли. Как говорил Ленин: «Чтобы удержать всю цепь, надо уцепиться за основное звено». В замечательной книжке о Вашей деятельности на посту губернатора как раз описываются самые разнообразные ее направления: промышленность, бизнес, сельское хозяйство, местное самоуправление, культура². Там упоминается множество «ниточек», больших и маленьких, не только на уровне области, но и районов. И все-таки, как же Вы их организовали? Какой камень заложили во главу угла губернаторского созидания?

А. В. ГОРДЕЕВ: Мы определились с целью: создание благоприятной среды для жизнедеятельности человека и развития предпринимательства. Но было понятно, что если мы создаем правильную среду и возможность каждому жителю области почувствовать свою востребованность, которая предполагает активную самореализацию, то это возможно только при высоком уровне доверия между властью и людьми. Поэтому была разработана система формирования доверия — межличностного, человека к обществу и государственным институтам.

Для себя я так определил следующие функции управления. На начальном этапе понял, что моя первая и главная функция — давать результат. Если мы говорим о чем-то, то это и делаем, опираясь на запросы людей. И люди начинали верить — что мы «не болтаем». Затем — функция интеграции. Когда ты формируешь большую команду, то создаешь правильную среду отношений. Например, было принято такое решение: мэр областного города на постоянной основе становится членом областного правительства. Также членами правительства области, уже на ротационной основе, становятся шесть глав районов. Это давало возможность их слышать, и для них самих это была «школа понимания» — как на областном уровне вырабатываются и принимаются решения. Членом правительства области являлся председатель региональной Торгово-промышленной палаты. Я его рассматривал как ом-

2. Табачников Б. Я., Тулузов В. В. (2025). Стратегия лидерства. 3210 дней губернатора Гордеева. Воронеж: Фонд «Центр духовного возрождения Черноземного края».

будсмена по защите прав предпринимателей. То же самое — с Общественной палатой Воронежской области. Ее председатель также являлся членом правительства. Обе палаты были наделены правом законодательной инициативы.

Такие решения формировали устойчивую среду, которая позволяла не только выстраивать правильное взаимодействие с людьми и структурами власти, но и давала всем, включая инвесторов, уверенность на долгосрочный период. Когда к нам приходили инвесторы, они понимали: в области общие правила, все публично, обещания обязательно выполняются. И так шаг за шагом.

Потом мы создали общественные приемные губернатора в каждом районе, где обязательно по графику проводили встречи с населением все заместители губернатора, региональные министры, участвуя в процессе обратной связи с людьми.

Кроме того, была внедрена дополнительная система оценки глав районов. На федеральном уровне существует система оценки эффективности их работы, имеющая около 20 показателей. Понятно, что эти показатели зачастую даже не зависят от глав района, есть ведь и объективные обстоятельства. В нашей системе ключевыми показателями стала оценка, которую давали главе жители и предприниматели района — особенно в динамике. Опрос в отношении предпринимателей проводила Торгово-промышленная палата, в то время как Общественная палата проводила опрос населения. Это давало объективную оценку отношения к муниципальной власти. Если были устойчивые негативные результаты, главе района передавали эту статистику и приглашали на разговор, который обычно заканчивался написанием заявления об отставке.

А. М. НИКУЛИН: Я Вас встретил в Воронежской области в 2012 году. В то время Штефан Дюрр интенсивно развивал свою «ЭкоНиву» на землях Воронежской области. И в Лисках открывался большой животноводческий комплекс «ЭкоНивы». Вы тогда на открытие приехали. Дюрр организовал экскурсию по комплексу, дал возможность встретиться со специалистами. В то время главой Лискинского района был Виктор Владимирович Шевцов. Мне удалось с ним немного побеседовать, у него большой управленческий опыт еще с 1990-х годов.

А. В. ГОРДЕЕВ: Он был в свое время секретарем обкома партии по вопросам сельского хозяйства.

А. М. НИКУЛИН: Это чувствовалось. У него был свой взгляд, свои оценки, свое видение аграрного производства и сельского развития, связанных с привлечением крупного агробизнеса в район.

А. В. ГОРДЕЕВ: Да, Виктор Владимирович — уникальный руководитель, живая легенда в Лискинском районе. Он приверженец сохранения крупнотоварного производства — в Лискинском районе нет ни одного фермера. Все бывшие колхозы и совхозы практически были переданы новым инвесторам, сохраняя свои масштабы крупных хозяйств производства, включая границы земель сельхоз-

А. В. Гордеев,

А. М. Никулин

«Развивая культуру доверия»

назначения. Ведь он тогда угадал: если человека на селе спросить «что ты хочешь?», в большинстве случаев ответ такой: «хорошую зарплату и приличные условия жизни». Поэтому на сегодня Лискинский район — один из крупнейших районов по производству продукции растениеводства и животноводства не только в Воронежской области, но и по всей стране.

Гораздо шире необходимо рассматривать тему сельского развития: это не только увеличение производства, а более сложный и комплексный вопрос. Если же говорить о производстве, в сельском хозяйстве Воронежской области в то время мы стали применять модель агропромышленных кластеров. В регионе исторически сложилось так, что за пределы области вывозилось около 3 млн тонн зерна, а мяса и молочной продукции производилось недостаточно — даже для обеспечения собственных потребностей. Поэтому было создано несколько кластеров: молочный, по производству мяса свинины, говядины, кондитерских изделий... Например, как создавался молочный кластер: в области действовал крупный завод компании «Молвест», который перерабатывал 600 тонн молока в сутки. Дополнительно были созданы предприятия по переработке молока в Калачеевском, Бобровском, Лискинском районах... Смысл в том, что все молочное сырье должно максимально полно перерабатываться в области с выходом на готовую продукцию, включая продукцию глубокой переработки — казеин, сывороточный белок, детское питание... На сегодня только в Калаче перерабатывают 1200 тонн сырья в сутки, работают 750 человек, а годовая выручка составляет 23 млрд рублей. Согласитесь, для любого районного центра это мечта — иметь такое предприятие.

Как я уже говорил, дальше продвинулись по мясу свинины и говядины. Например, в Павловске построен комплекс по переработке мяса свинины, где работают 3000 сотрудников, производится 350 тысяч тонн готовой продукции с возможностью накормить 10 млн человек в год. Все выстроено в цепочке «от поля, фермы до прилавка». Обеспечена полная глубокая безотходная переработка. Даже свиные ушки и хвостики отправляют на экспорт. Кроме того, компания «Агроэко» взяла под патронат Павловский техникум и выстроила новый формат обучения, закупила современное оборудование, чтобы готовить квалифицированных специалистов.

А. М. НИКУЛИН: Виктор Владимирович Шевцов подчеркивал, что среди реформ 1990-х годов он был противником дробления земли, сохраняя массивы структур совхозов и колхозов.

А. В. ГОРДЕЕВ: Да, именно так. Вот и меня считают апологетом крупнотоварного производства. А в 1999 году — к сожалению, не все это помнят — когда мы начинали управлять отраслью, стояла задача: быстро насытить прилавки продовольствием. Было понятно, что это можно сделать через развитие крупнотоварного производства, используя преимущества современного управления и возможности оперативной доставки товаров в крупные промыш-

ленные центры. Все это — на основе внедрения новых технологий, повышения производительности труда, с использованием передовых методов управления и организации производства. Как показало время, эту задачу мы выполнили.

Сейчас очевидно, что необходимо менять приоритеты государственной аграрной политики. На первом месте должна находиться тема сельского развития. Это сложная и комплексная задача, которая состоит в том, чтобы сохранить и приумножить население на сельских территориях. В этом контексте особое внимание надо обратить на развитие малых и средних предприятий, собственники которых проживают в сельских населенных пунктах, — с пониманием, что они поддерживают экономику и решают социальные вопросы.

При всех проблемах и недостатках сельского развития, на первое место выходит вопрос, к которому мы толком не подошли, — это качество жилья. Когда едешь по селу — в основном видишь старые, неприглядные дома, и понятно, что молодежь не захочет в них жить. Надо предложить что-то новое. Например, сейчас в Боброве строится современный микрорайон — экодережня. Там есть дома-коттеджи наряду с многоквартирными домами, тут же парк, школа строится, физкультурный комплекс и другая необходимая для жизни инфраструктура. Вот это — сельский населенный пункт XXI века, здесь будут люди жить. К сожалению, это единичные примеры в нашей стране.

А. М. НИКУЛИН: Рыночная экономика, с одной стороны, стимулирует прогресс, с другой стороны — дифференциацию, при которой, если нет контроля со стороны государства, бедные становятся беднее, а богатые — богаче. В частности, проблема Российской Федерации — имеются в ней ведущие, богатые регионы, а есть так называемые «отсталые, депрессивные». Проблема дифференциации территориального развития проявляется на всех пространственных уровнях. В Воронежской области как Вы могли бы охарактеризовать пространственную дифференциацию? Вы упомянули сильных: Лиски, Бобров... Как работать в целом с пространственной дифференциацией сильных и слабых районов Воронежской области?

А. В. ГОРДЕЕВ: Федеральная сельскохозяйственная политика должна применять такую дифференциацию. Необходимо выделить либо три, либо четыре группы различных регионов России. Этот вопрос назрел. Очевидно, что внутри любого субъекта РФ присутствует та же проблема. У нас была такая история в Воронежской области: мы выделили 6 депрессивных районов с низким уровнем жизни и слабой экономикой и по ним выработали отдельный подход, более внимательный и дополнительно мотивирующий инвесторов для создания новых предприятий.

А. М. НИКУЛИН: На уровне субъектов РФ у нас в начале нулевых вырвалась в лидеры среди сильных сельхозпроизводителей,

А. В. Гордеев,

А. М. Никулин

«Развивая культуру доверия»

например, Белгородская область. И те районы, где больше сохранилась крестьянская ментальность, — Татарстан, Башкортостан. Вы упоминали, что подсмотрели опыт других стран — что не зазорно, Пётр Первый только и делал, что подсматривал разные зарубежные опыты, а потом использовал их на благо Отечества. А вот, например, российский, тот же белгородский опыт — Вы учитывали в своих преобразованиях?

А. В. ГОРДЕЕВ: Конечно, учитывали. Более того, все, что в Белгородской области тогда создавалось, Министерство сельского хозяйства России активно поддерживало и реализовывало вместе с администрацией региона. Все это происходило по инициативе губернатора Евгения Степановича Савченко, он очень много сделал для области.

А. М. НИКУЛИН: Он тоже делал ставку на крупный агробизнес?

А. В. ГОРДЕЕВ: Да, но в то же время уделял внимание развитию сельских населенных пунктов.

А. М. НИКУЛИН: Но в Белгородской области одновременно предпринимались попытки каким-то образом и фермерство развивать, поддерживая молочную кооперацию семейных хозяйств. Хотя это в целом не получилось. На мой взгляд, главная причина — обесцененность наших нынешних сельских домохозяйств и семейных экономик в целом.

А. В. ГОРДЕЕВ: Вот тут и надо смотреть на региональную специфику: если мы берем Татарстан и Башкортостан, у них сохранился во многом крестьянский уклад. Большие семьи, крупные села, работающий народ. Понятно, что есть смысл туда направлять государственную поддержку, помогая наладить переработку и сбыт продукции, развивать кооперацию. Там есть с кем и с чем работать. В большинстве наших российских регионов, к сожалению, сильно упала рождаемость и практически исчезли крупные семейные домохозяйства. Это тоже приходится учитывать.

Если рассматривать всю Россию, надо признать, что главным вопросом остается отсутствие доверия людей друг к другу, поэтому не развивается кооперация на селе, крайне необходимая для фермеров и ЛПХ. Когда ты объясняешь, например, людям, что каждый производит картофель, но всем же будет лучше, если создать картофельный кооператив: общее хранилище, одну систему сбыта. Невозможно объяснить — люди не доверяют друг другу. Боятся, что при этом найдется тот, кто обманет, украдет, деньги не вернет. Поэтому у нас в стране если и развивается кооперация, то под жестким административным контролем и при выделении больших средств из бюджета. Но это тоже так себе перспектива: пройдет два-три года, поддержка закончится, смотришь — все из кооперативов опять разбежались.

Мы нащупали возможный путь повышения уровня доверия через формирование территориальных общественных самоуправлений как эффективной формы самоорганизации и самоуправления.

Когда люди приходят на помощь друг другу, через ТОСы воспитывается культура доверия.

А. М. НИКУЛИН: Как Вы в области стали развивать идею ТОСов? Воронежская область не была еще 10 лет назад лидером по ТОСам. Изначально они успешно развивались в Архангельской области, впоследствии — в Пермском крае. Как Вы стали систематически прорабатывать организацию ТОСов в Воронеже?

А. В. ГОРДЕЕВ: Работая губернатором, я понял, что надо максимально открыто строить отношения с жителями области. Необходимо было создать прямую связь с каждым сельским населенным пунктом, городским кварталом и многоквартирным домом. И когда в рамках ТОС начинают звучать проблемы и формироваться запросы, ты как руководитель понимаешь приоритеты людей. В Воронежской области с 2015 года создано около 2500 ТОСов, которые объединили полмиллиона человек. Это большая армия лидеров общественного мнения, на которую могут опереться муниципальные и региональные власти.

А. М. НИКУЛИН: Мы в свое время в сельских полевых исследованиях разработали методику определения «видных людей» на селе, местных лидеров общественного мнения. Часто от композиции их мнений зависит, кому именно доверяет местное сообщество, зависят и выборы, и реальная власть.

А. В. ГОРДЕЕВ: Я ровно об этом и говорю. К этому я пришел, с одной стороны, через практику, с другой — читая научные статьи. Есть интересное исследование лауреатов Нобелевской премии, тех, кто анализировал историю, почему одни страны богатые, а другие бедные³, — они показали, что эффективные результаты были там, где были инклюзивные институты, представляющие как раз голоса местных общин, где система управления строилась на учете мнений людей из этих сообществ. А в местах, где отношения строились на рентном подходе, когда «вы обязаны нам отдать вот столько, а на остальное живите сами», совсем по-другому жизнь устроена — низкое качество жизни, высокая доля бедного населения и больше экономических проблем.

А. М. НИКУЛИН: В чем же именно привлекательность и сила ТОСа? В наших интервью часто местные жители говорят, что ТОСы кажутся гораздо интереснее и эффективнее даже самих официальных муниципальных органов власти.

А. В. ГОРДЕЕВ: 30 лет назад, когда у нас в стране начали создавать и воплощать в жизнь модель местного самоуправления, было предусмотрено два уровня власти: на уровне поселения и на уровне района. Но получилась лишь муниципальная надстройка. А надо было достроить фундамент местного само-

*А. В. Гордеев,
А. М. Никулин
«Развивая культуру доверия»*

3. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Почему одни страны богатые, а другие бедные / Пер. с англ. Д. Литвинова, С. Сановита, П. Миронова. М.: Издательство АСТ.*

управления именно из ТОСов, понимая, что их лидеры как представители местных сообществ (по сути — народной власти), должны входить в систему как первого, так и второго уровня местного самоуправления.

В прошлом году в семи районах Воронежской области созданы советы ТОС при главе района. Это пилотные площадки, где активисты ТОС и представители власти встречаются для обсуждения текущих вопросов. Например, бывший глава Бутурлиновского района Юрий Иванович Матузов по собственной инициативе создал совет из актива 50 ТОСов, которые представляют интересы всех населенных пунктов района. Тем самым он обеспечил прямое взаимодействие с лидерами общественного мнения.

А. М. НИКУЛИН: Да. Но эти 50 лидеров общественных мнений — председатели ТОСов, не во всяком районе они и найдутся из-за почти столетнего демографического отрицательного отбора в сельской местности. В наших исследованиях приходилось обнаруживать, что часто новые силы в современном селе представляют инициативные горожане — дачники. Такие горожане, что работают с селом, — это тоже большая сила. Например, по количеству дач на душу населения мы уверенно занимаем первое место в мире, на втором месте с большим отставанием от нас — скандинавы, которые тоже любят дачный образ жизни, и у них тоже народу мало, а сельских территорий относительно много. Грани между селом и городом сейчас размываются благодаря автомобилям, интернету, прочим средствам коммуникации. Сельско-городской континуум становится все более подвижным и динамичным. Некоторые исследователи у нас сетуют, говорят, дачники — большая сила, но часто тоже обособленная: дачники сами по себе, муниципальные организации — сами по себе, опять же относятся друг к другу с недоверием. Часто сельчане горожан критикуют, вот, мол, городские — побогаче, с какими-то своими инициативами к нам приезжают, чего-то непонятное предлагают.

А. В. ГОРДЕЕВ: Надо разделять: есть привычное классическое понятие — дачники, которые летом живут на дачах вокруг крупных городов. А есть «дачники», которые уезжают в другие области и, по сути, становятся жителями сельских населенных пунктов. Именно они часто становятся активистами, и их потенциал надо использовать. Вот военные пенсионеры на селе — у нас такие есть в Воронежской области — им надо находить применение как деятельным людям. Тем более опытным, образованным — они привнесут много полезных инициатив. В высоко урбанизированной Японии, например, люди достаточно поздно уходят на пенсию. Существуют специальные государственные программы, позволяющие городским пенсионерам освоить новую специальность в сфере сельского хозяйства — люди с удовольствием переезжают в сельскую местность, где выращивают различную продукцию и прино-

сят пользу обществу. Поэтому и средняя продолжительность жизни там высокая, около 90 лет.

А. М. НИКУЛИН: Для нашей постаревшей нации это тоже актуально — трансформация именно такого предпенсионного и пенсионного горожанина, его переквалификация для жизни и работы в сельской местности. У нас, впрочем, это и так идет спонтанно, стихийно, когда старшие поколения, часто уже после 40 лет, начинают испытывать ностальгический интерес к сельской жизни.

А чтобы это еще получалось, как в Японии, это же надо, чтобы в российской часто заброшенной сельской местности формировалась по-японски высокоразвитая культурная и комфортная среда, особенно необходимая для пожилых людей.

Вы в годы своего губернаторства в Воронеже много сделали не только для городского, но и для сельского развития через культуру.

А. В. ГОРДЕЕВ: Практика показала, что вопросы развития социокультурного пространства важнее, чем экономические показатели. Когда ты задаешь смыслы людям, когда ты повышаешь уровень образования, культурный уровень, «подтягиваются» все сферы экономической деятельности.

А. М. НИКУЛИН: Чаянов был блистательным экономистом, но именно он говорил, что развитие через культуру более сложно и актуально, чем развитие исключительно через экономику.

Тем не менее после руководства Воронежской областью Вам пришлось перейти к иным обязательствам и заботам. Как можно было бы охарактеризовать направление занятий, которые Вы сейчас, в новейший период, осуществляете?

А. В. ГОРДЕЕВ: Почти десять лет моего губернаторства подходили к концу, и я принял решение не идти на третий срок. При этом все основания и возможности успешно избраться у меня были, но, исходя из моих личных принципов, я всегда считал, что надо уходить вовремя. После Воронежа я был назначен полномочным представителем президента в Центральном федеральном округе, затем полтора года занимал пост вице-премьера, что дало мне возможность, основываясь на прошлом опыте, предложить руководству страны принять две государственные программы — это «Комплексное развитие сельских территорий»⁴ и госпрограмма вовлечения в оборот заброшенных земель сельскохозяйственного назначения⁵.

А. М. НИКУЛИН: Вот об этом последнем можно подробнее: у нас считалось, что советская власть перестаралась. Что она

*А. В. Гордеев,
А. М. Никулин
«Развивая культуру доверия»*

4. Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий»».

5. Государственная программа «эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации».

ни задумает, хоть за полярным кругом что-нибудь развивать и выращивать — так разовьет, только какой ценой? Для чего вообще в СССР так увлекались распашкой земель? На Русском Севере почвы малоплодородные, СССР рухнул, сразу вся земледельческая активность сосредоточилась на плодородном юге. У нас был небольшой социологический проект — исследование леса, выросшего за последние десятилетия на полях северного Черноземья. Здесь уже пора по примеру финских фермеров больше лесным, чем сельским хозяйством заниматься. Зачем опять поднимать эти нечерноземные неудобья, вновь тратить средства, тем более народу там почти совсем не осталось? Возможно, пускай уж лучше лесом дальше все зарастает, и переходить в тех местах преимущественно на лесную промышленность вместо сельского хозяйства.

А. В. ГОРДЕЕВ: Здесь не стоит так противопоставлять. Я сам понимаю, когда кто-то из депутатов Государственной Думы заявляет, что надо выращивать по тонне зерна на одного жителя страны, получать 150 млн тонн в год... Возникает сразу ряд вопросов — кто будет это зерно покупать, какие должны быть цены и будут ли нормальные доходы у селян? У нас рынок дает сигналы, сколько земель необходимо дополнительно распахивать. Тут ведь проблема, как дальше продукцию продать и получить доход. В госпрограмме реосвоения земель решается комплексная задача: нужно разобраться с землеустройством, в том числе с проблемой глупых решений, когда сеешь и получаешь крайне низкую урожайность. Но в то же время должно быть понимание потребности продовольствия на рынках ряда зарубежных стран. По данным ООН, в мире под два миллиарда человек недоедает. И перспектива есть, чтобы стать крупнейшим экспортером и позиционировать себя, как США, Бразилия, Аргентина, Канада.

Здесь уместно вспомнить программу развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР, принятую в советские годы...

А. М. НИКУЛИН: За успешную работу по этой программе медаль давали, не только за БАМ⁶.

А. В. ГОРДЕЕВ: У меня есть, кстати, и эта медаль. Да, внимание государства было большое. И госкомитет был отдельный, и председатель госкомитета одновременно был заместителем председателя Совета Министров. Пришло время вернуться к этой задаче, но уже с современным подходом — как технологическим, так и организационным.

А. М. НИКУЛИН: В значительной степени все это нечерноземное наследие оказалось заброшено, и это обидно, вбухивали такие средства в 1970–1980-е годы, мелиорацию там проводили, сельские клубы строили, и все это сейчас в разрухе и лесами зарастает.

6. Медаль «За преобразование Нечерноземья РСФСР» носится на левой стороне груди и располагается после медали «За строительство Байкало-Амурской магистрали».

А. В. ГОРДЕЕВ: Потому что не довели дело до конца. Например, по льну оставалось решить вопрос последнего звена — производства готовой продукции. Сегодня эту инициативу перехватил Китай. Развили семеноводство, технологию производства льна, переработку, получение качественной ткани, одежду — и сейчас по всему миру торгуют. А мы просто «недокрутили», хотя это было возможно.

А. М. НИКУЛИН: Многие фермеры признают, что да, истощаем землю, а куда деваться, рыночная конкуренция, надо зарабатывать любой ценой, тут не до плодородия.

А. В. ГОРДЕЕВ: Сейчас государство должно вместе с сельхозпроизводителями серьезно заняться проблемой плодородия земель. Должна возникать ответственность, должен быть налажен мониторинг за состоянием земли, понимание, как решать эти проблемы. Например, на юге страны идет опустынивание в областях Астрахани, Волгограда, Ставрополя — этим нужно заниматься, не откладывая в долгий ящик.

А. М. НИКУЛИН: Это значит не только Север, но и Юг?

А. В. ГОРДЕЕВ: Да, государственная программа, о которой мы говорили, предусматривает подход с учетом специфики регионов. В ней нет таких задач, что надо бездумно все снова распахивать и производить любой ценой. Надо заняться землей, начиная с научного обеспечения такой программы, соответствующих исследований вопросов регионализации, паспортизации земельных ресурсов, и вкладывать бюджетные деньги, понимая экономическую и социальную отдачу.

А. М. НИКУЛИН: Но для реализации аграрных программ, программ сельского развития необходима соответствующая политическая воля. В политике есть понятие аграрного лобби, подразумевающее существование и деятельность крестьянских партий, аграрных союзов. У нас ведь такие опыты в недавнем прошлом были: в 1990-е годы создавалась «Аграрная партия России», потом — аграрная фракция партии «Единая Россия». Вы не только в управленческой, но и в политической деятельности принимали и принимаете участие. Как возможно охарактеризовать политическое представительство российских аграриев?

А. В. ГОРДЕЕВ: В России Аграрная партия активно проявила себя в 1990-е годы. Это было достаточно мощное лобби — одной из сильнейших была именно аграрная фракция Государственной Думы в середине 1990-х годов. В конце 1990-х я даже был зампреда Аграрной партии. Но что обнаружилось дальше: если брать непосредственно граждан, кто живет и работает на селе, их не очень-то устраивала чисто сельская профессиональная партия. Жители села претендовали на большее: им, как и всем, хотелось участвовать в формировании политических институтов, влиять на курс развития страны, а не быть селянами, «бьющимися» лишь за коров и землю. В результате мы видели, что значительное коли-

чество сельских жителей отдавали свои голоса за КПРФ, ЛДПР — партии, очень популярные в середине 1990-х годов. Это первое.

Второе. Получилось так, что верхи партии — а это обычная болезнь роста — стали такими внешними представителями, а заказчиками у них становились люди, которые вообще к сельскому хозяйству отношения не имели и пытались сельскую тематику использовать в своих политических целях. Была даже попытка купить «Аграрную партию России», сам «бренд». Становилось понятно, что такая партия не имеет перспективы. В то время нарастали авторитет и мощь сначала партии «Единство», а затем уже «Единой России», и большинство лидеров Аграрной партии посчитало, что лучше туда войти таким мощным крылом, и уже там отстаивать сельские интересы, влияя на принятие решений на уровне президента и правительства. Я думаю, это был исторически правильный ход. Если сейчас посмотреть на страны, как принято говорить, развитые, мы там ведь не увидим узкопрофессиональных партий. А то ведь так возможно было бы создавать не только партии аграрников, но и партии шахтеров, сталеваров.

Если не рассматривать партийную принадлежность, то к концу 1990-х — началу 2000-х годов нам удалось создать мощное аграрное лобби. Назову имена таких известных аграрников-депутатов, как Николай Харитонов, Владимир Плотников, Геннадий Кулик, Александр Назарчук... Мы все объединились, защищая интересы сельского хозяйства на всех уровнях, во всех структурах, и в системе законодательной власти, и в системе исполнительной. Во главе с Василием Александровичем Стародубцевым действовала мощная организация «Агропромсоюз», которая объединяла всех производителей и участников сельскохозяйственной деятельности. Мы на этой площадке, общаясь, вырабатывали совместные решения, и каждый на своем месте их продвигал.

А. М. НИКУЛИН: Интересы аграриев могут быть и внутри между собой противоречивы. Из чего состояло аграрное лобби? У бразильцев, например, есть очень четкое различие: лобби агрохолдингов и лобби фермеров. У них три миллиона фермеров, мелких аграрных производителей. И есть у бразильцев холдинги, ну не такие громадные, как наши, но тоже, как говорится, крупный агробизнес. И те, и другие вроде бы аграрии, но между ними происходят политические конфликты. У нас, я так понимаю, «АККОР» пытался отстаивать интересы фермеров, а интересы крупного агробизнеса кто и как выражает в российской политике?

А. В. ГОРДЕЕВ: Надо, приводя в пример другие страны, учитывать, что в 1990-е годы мы начинали «с чистого листа». С точки зрения рыночной экономики у нас не было традиций, отраслевой и общественно-политической культуры, устоявшегося социального слоя.

Например, Германия — я был в Баварии вместе с немецким министром сельского хозяйства. Ездили по фермам, даже у него дома

останавливался. Видел я фермера, который имеет 200-летнюю семейную историю. У них в Баварии на одно фермерское хозяйство в среднем 15 га земли, 40 коров. Беседую с представителем фермерской семьи: отпусков нет, или надо родственников просить на это время подменить. Громадная господдержка, чтобы они просто выжили и были конкурентоспособными. Выстроены целые инфраструктуры вокруг них — производственная, социальная. Это некий фермерский уклад, который им достался исторически, они его вынуждены беречь, говоря о том, что это для них святое, как частная собственность, традиции и культура народа. И в понимании того, что это все надо сохранять, государство продолжает выделять большие субсидии. Почти половина бюджета Евросоюза — это поддержка сельского хозяйства. Притом что все равно тренд на укрупнение идет везде, и в Европе, и мы это видим. Взять Италию, когда мы ездили там к фермерам, спрашивали, а вот в Германии фермы по 40 голов скота, а у вас? В Италии уже понимали, что меньше 400 голов — убыточно. Они 25 лет назад стали строить большие фермы. То есть укрупнение хозяйства — это естественный процесс. А в нашей стране после революции вся сложившаяся веками структура сельского хозяйства была кардинально реформирована. И мы в очередной раз в 1990-е годы все отменили — и плохое, и хорошее. Взяли на вооружение лозунги, что у нас теперь будут частные собственники, фермеры накормят, будем жить, как на Западе. «Ноль» собирались взять из аграрного прошлого, а еще давали «ноль» для поддержки будущего села. Я считаю, что период начала 1990-х годов в плане экономических реформ — это был чистый большевизм: все сломать и строить заново. Открою, возможно, секрет: у нас до сих пор нет соответствующей идентификации, что есть «фермер». Во многих областях есть фермеры, у которых в обработке и 50 тысяч, и даже 100 тысяч гектаров земли и сотни человек в найме. По сути, это бывший крупный совхоз или колхоз, который теперь называется фермерским хозяйством. Потому запутались и до сих пор нет четкого понимания, что фермеры — это семейный тип организации производства. Соответственно, если мы имеем в виду, что это семья, несколько наемных работников, видим их роль в существовании и развитии страны, имея в виду как раз социально-культурный аспект, — спустя 30 лет уже можно найти классические фермерские хозяйства, которые требуют повышенной поддержки со стороны государства.

А. М. НИКУЛИН: Так вот в политике, что же представляет собой аграрное лобби на фоне иных отраслевых и региональных лоббистских организаций?

А. В. ГОРДЕЕВ: Я бы это объяснил достаточно просто: есть чисто отраслевые союзы. Объединяет этих производителей продукт, который они продают на рынке. Понятно, что, с одной стороны, должна существовать конкуренция, которая бы позволяла в лучшем случае развиваться, в худшем — умирать. А с другой

стороны — отраслевые союзы и ассоциации, которые могут взаимодействовать с государством, представляя интересы всей отрасли. Подчеркну, что в условиях конкуренции государство должно учитывать особое положение дел в сельском хозяйстве, потому что продовольственный продукт невозможно положить, как болванку, на склад. Производитель молока каждый день должен поставить его на переработку. В связи с этим над производителем довлеет вся цепочка сверху, включая молокозавод как локального монополиста. Сельхозник к ней привязан, у него договор, и если цены прыгают (то, что называется волатильностью), понятно, что в этих условиях трудно работать, так как корова — не станок, ее не выключишь.

Кроме того, аграрные лобби во всех странах существуют и потому, что сельское хозяйство напрямую связано с социальными задачами. Если ты живешь в городе — представьте, закрылся завод: жаль, наверное, трудно, но ты ушел на другой завод или в другую сферу занятости. А если закрылось сельскохозяйственное предприятие, его работники из села вынуждены подаваться на сторону, село начинает деградировать. В этом тоже сельская специфика. Разумная государственная власть это понимает. Отсюда и формирование лобби.

А. М. НИКУЛИН: Давайте вернемся к фермерству: неоднократно говорилось, что сам по себе статус крестьянско-фермерского хозяйства достаточно размытый, вообще между понятиями «крестьянство» и «фермерство» есть противоречия. Мы, как социологи, исследовали фермеров и меж ними обнаруживали громадную дифференциацию. Есть фермеры с несколькими десятками га, а есть с 25 тыс. га в Южной Сибири и более. Ясно, что это крупные аграрные предприятия с десятками, а порой сотнями наемных работников. И здесь внутри фермеров происходит дифференциация, они между собой не могут договориться, потому что хозяйство маленького фермера и вот такого громадного — это совершенно разные миры. Но, с другой стороны, Вы сказали, что смысл власти аграрного лобби — это поддержание развития сельских территорий, особенно на современном этапе. Касательно фермеров любопытен такой феномен в станице Должанской Краснодарского края: местные личные подсобные хозяйства — производители винограда сотрудничали с фермером, у которого был необходимый шлейф орудий, а у ЛПХ не было. Тогда между ЛПХ и фермером происходила такая своеобразная кооперация, где фермер являлся интеграционной опорой для ЛПХ. Отсюда пошла идея создания так называемого опорного фермерства. Даже одно время приняли региональный закон об опорном фермерстве Краснодарского края. Но идея того, что есть некий интегратор-фермер, который на взаимовыгодной основе помогает местным ЛПХ, хотя идею пробовали реализовать и в других регионах, местным хозяйствам, в целом поддержки и распространения не получила. А сегодня само по себе слово «опорный», применительно к сельскому хозяйству, все больше ста-

новится популярным. Те же самые сельские агломерации — как тоже некая опора, которая интегрирует всю остальную территорию. Еще, конечно, не появился термин «опорный агрохолдинг», но везде в этом «опорный» звучит одно: должен быть некий интегратор, связывающий разные сельские уклады, разных производителей, граждан и так далее. Кто в современных условиях сельского развития может выступать такими опорными интеграторами с Вашей точки зрения? Здесь мы выходим на современность, начинаются вопросы Вашего видения будущего.

А. В. ГОРДЕЕВ: Слова, конечно, играют свою роль, и к термину «опорный» возможно еще придумать несколько синонимов. Главный вопрос — в создании эффективной модели сельского развития. Сегодня, надо признать, такой модели нет, имея в виду наличие эффективных интеграторов в сельском хозяйстве. Я уже говорил о проблеме отсутствия доверия. У нас нет доверия межличностного, общественного к государственным институтам, в таких условиях ничего «летать» не может. Вот мы сейчас ТОСами занимаемся — стараясь создавать, образно говоря, те самые первичные ячейки интеграции на селе, развивая культуру доверия.

Вся история про интеграторов — абсолютно правильная. Весь вопрос заключается в самой этой «точке сборки». Меня в Канаде в свое время поразило: ты приезжаешь в провинцию, фермеры производят картофель. Дальше смотришь — стоит большая плодово-овощная база с подработкой — помыть, упаковать. А это что? Это их кооператив: они все туда картофель свозят, до товарного вида его доводят, там работает соответствующая команда специалистов, они все это продают. Это все прозрачно, фермеры понимают, как формируются цены, в чем себя надо ограничить, куда и какие инвестиции вкладывать. Прогнозируя спрос, специалисты этого кооператива рекомендуют, что больше определенного уровня не стоит производить, на какие перспективные сорта обратить внимание — давайте разберемся, кто сколько будет производить. Ценообразование здесь прозрачно. Вот вам вся кооперативная интеграция в наличии такой «точки сборки».

Сейчас у меня есть идея в рамках госпрограммы «Развитие сельского хозяйства»: я предложил найти финансирование, замотивировать губернатора и муниципальные районы, чтобы в каждом райцентре появился рынок сбыта продовольствия для местных фермеров. Сделать проекты нескольких форматов, — пять-шесть — сказать, что на федеральном уровне будет предусмотрено софинансирование. А районные муниципалитеты выберут хорошие места и предложат фермерам создать такие рынки сбыта сельхозпродукции. И эта «точка сборки» мотивировала бы их объединяться, совместно развиваться, вырабатывать культуру доверия.

А. М. НИКУЛИН: Интересно, что опять проблемы этого опорного института-интегратора Вы сводите к этой мучительной проблеме доверия, которого так не хватает нашему обществу.

*А. В. Гордеев,
А. М. Никулин*
«Развивая культуру доверия»

А. В. ГОРДЕЕВ: Вот когда мы говорим про высокие процентные ставки кредитов, это тоже проблема отсутствия доверия. Почему высокие проценты? Потому что никто не готов давать деньги, скажем, на 10 лет вперед. Чтобы положить деньги на 10 лет, в экономике все должно быть стабильно и предсказуемо развиваться. А мы живем в условиях постоянной неопределенности.

А. М. НИКУЛИН: А как обстоят дела с вопросом доверия к органическому сельскому хозяйству? Направление органических земледелия и продукции сейчас модное, развивающееся.

А. В. ГОРДЕЕВ: Первая проблема — вопрос покупательной способности. Для спроса на органическую продукцию, которая, как правило, в 1,5–2 раза дороже обычной, в стране должна быть ощутимая доля среднего класса. Когда человек самодостаточен и экономически свободен, он начинает думать о здоровом образе жизни. В России мы к этому вопросу стали подходить в конце нулевых. Действительно, эта тема вошла в моду. Но и здесь опять возникает вопрос доверия к производителям и торговым сетям. Да, пишут «эко», «органика», «фермерская продукция», но результаты исследования надзорных органов показывают: заявленная как органическая — это на самом деле самая обычная продукция, причем иногда даже хуже по качеству.

Да, в Германии я видел целую отдельную сеть магазинов, где продавалось все под брендом «эко»: ткани, продукты, посуда и другие товары повседневного спроса. Понятно, что в Германии, где высокий уровень доверия людей друг к другу, никто не сомневается, что при производстве продукции не нарушаются экостандарты.

В 2019 году, когда я был вице-премьером, нам удалось с министром сельского хозяйства Германии договориться о взаимном признании организаций, занимающихся сертификацией экологически чистой продукции. Мы стали выдавать международные сертификаты, так появилась цепочка контроля, и процесс пошел. Теперь какая-то часть экопродукции у нас уже есть, 3–4% на рынке присутствует. Уверен, за этим — будущее.

А. М. НИКУЛИН: Между прочим, по этому пути пошел и крупный агробизнес. Он создает мощные сектора органического производства, которые вытесняют мелких фермеров, специализирующихся на органике. Новейшие тенденции в Америке такие.

А. В. ГОРДЕЕВ: У нас в стране принят закон, по которому все названия типа «эко», «агро», «био» должны соответствовать стандартам органической продукции. По закону предоставлена возможность временного переходного периода на 5 лет компаниям, которые применяют соответствующие торговые знаки, дезориентирующие покупателя.

А. М. НИКУЛИН: Приходилось ли Вам бывать в экопоселениях? Есть достаточно идеалистическое, на мой взгляд, движение, прежде всего — городской интеллигенции — на природу. Если бы у нас в 1990-х годах кто-то всерьез заговорил о проекте экопосе-

ления, на такого человека посмотрели бы как на сумасшедшего. Но за 25 лет XXI века в России выросло около 400 экопоселений. Это больше, чем во всем ЕС. Уже и на законодательном уровне предпринимались попытки определить — что есть экопоселение, что есть родовое поместье. Как Вы относитесь к этому новейшему типу сельского населенного пункта?

А. В. ГОРДЕЕВ: К этому надо стремиться. Это нормальные процессы в государстве. Я уже упоминал, что в Бобровском районе Воронежской области строят современную экодеревню. Конечно, это мизерные масштабы для страны... Это комплексное развитие определенной сельской территории — ответ на вопрос о том, каким должен быть сельский населенный пункт в XXI веке. Между прочим, там планируемая численность населения около 5 тыс. человек. Новый микрорайон строится прямо в поле, недалеко от райцентра, и станет таким микрорайоном-спутником Боброва. Там есть уже что посмотреть. Дома, коттеджи построены, улицы, инфраструктура, и школа, и детсад. Все современное. А попытка заманить молодежь в разрушенные, покосившиеся, пусть и покрашенные дома наших традиционных сел и деревень — это иллюзия.

А. М. НИКУЛИН: Каково в целом Ваше видение эволюции и перспектив сельской России?

А. В. ГОРДЕЕВ: На мой взгляд, нужно еще раз оценить, что такое крестьянство, потому что в старом понимании крестьянства уже не осталось. Ушел тот уклад жизни, на селе сегодня новые технологии, цифровая экономика. Надо понимать, что люди живут современной повесткой и запросы у них другие.

Планировалось, что на вопрос «Каким должен быть сельский населенный пункт XXI века?» ответит госпрограмма «Комплексное развитие сельских территорий». Одно из главных условий ее успешного выполнения — научно-исследовательское обеспечение госпрограммы. Необходим исследовательский институт, который проводил бы междисциплинарные исследования, готовил форматы внедрения инноваций, конечно, с учетом региональной специфики, проводил бы паспортизацию населенных пунктов по определенной методике, предложил бы новые формы и современные технологии для современного уклада жизни. Следует изменить подход к пониманию опорных пунктов и постараться охватить не 15%, а более 80% населения сельских территорий. Использовать опыт других стран, включая Беларусь. Уверен, если на всех уровнях власти данная задача будет заявлена как приоритетная, все это можно реализовать.

“Developing a culture of trust”

Alexey V. Gordeev, DSc (Economics), Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Okhotny Ryad St., 1, Moscow, 103265.
 E-mail: pr_gordeev@duma.gov.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. The second part of the biographical interview with Alexey Vasilyevich Gordeev presents his experience and results of work as the Governor of the Voronezh Region, related to the creation of a favorable human environment and entrepreneurship development. The interlocutors discuss the Voronezh local self-government at the level of rural districts, various aspects of the integration of Voronezh agricultural production, effective interaction between federal, regional and district levels in terms of professionalism and competence of the state and municipal leaders, and the importance of personal reputation. In the field of agricultural policy, the article focuses on the formation and development of the agricultural lobby in post-Soviet Russia as associated with the interests of various large and small agricultural producers, features of rural regional studies, combination of traditional and today's lifestyles within the debatable concepts of peasantry, farming and Cossacks. The interlocutors conclude with what needs to be done to increase the efficiency of the program for the integrated development of rural areas mainly in the scientific support perspective, and to develop a culture of trust between society and the authorities, for which the territorial public self-government seems promising at the local rural level.

Key words: rural Russia, Voronezh Region, local self-government, agricultural lobby, comprehensive program for the development of rural areas, territorial public self-government

Попытка реконструкции поколенческой истории российского крестьянства в первой трети XX века¹

**Рецензия на книгу: Безгин В. Б., Вязинкин А. Ю.,
Ипполитов В. А., Сафонов Д. А., Слезин А. А., Якимов К. А.
«Российская деревня первой трети XX века: поколение
“революционного перелома”». М.: Квадрига, 2025. — 504 с.
ISBN 978-5-91791-551-7**

В. А. Ильиных

Владимир Андреевич Ильиных, доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной и демографической истории, Институт истории Сибирского отделения РАН. 360090, Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: agro_iwa@mail.ru

EDN: SPRCUN

Исторические судьбы российского крестьянства в значительной мере определяли цивилизационную специфику страны. В связи с этим данная проблема является одной из ключевых для понимания особенностей отечественной истории. Первая треть XX века стала переломным этапом развития российской деревни и этому периоду посвящено множество разнообразных работ отечественных и зарубежных исследователей аграрной истории. Однако в 2025 году в свет вышла оригинальная по замыслу монография, в которой впервые в историографии осуществлена попытка реконструировать судьбы российского крестьянства в указанный период через поколенческую историю. Так, один из основателей крестьяноведения Т. Шанин отмечал, что «без поколенческой истории, учета особого влияния поколений и влияния поколенчества на наше понимание истории и на историю нельзя понять многое из происходящего»².

Авторами книги являются ведущие российские историки-аграрники В. Б. Безгин и Д. А. Сафонов, руководитель научной школы «История молодежного движения в России» А. А. Слезин, их бо-

-
1. Публикуется в рамках госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX — начале XXI в.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).
 2. Шанин Т. (2005). История поколений и поколенческая история // Человечество. Сообщество. Управление. № 3. С. 10.

лее молодые, но уже доказавшие профессиональную состоятельность коллеги — А. Ю. Вязинкин, В. А. Ипполитов и К. А. Якимов.

Задача монографии сформулирована авторами как анализ феномена поколения «революционного перелома» российской деревни периода первой трети XX века, реконструкция особенностей его поведенческих практик и ментальных установок. Хронологические рамки появления искомого поколения обозначены пятнадцатилетним периодом с 1885 по 1900 год.

Стандартных показателей протяженности периода рождения одного поколения и времени появления следующего не существует: интервал между генерациями может составлять 10, 15, 20 либо 30 лет³. Экстраординарные факторы (революции, радикальные реформы, войны) могут вызвать досрочную смену поколений, отличающихся по своим ментальным установкам. В условиях ординарного развития происходит постепенное замещение поколений, границы между которыми размываются. К досрочной смене поколений крестьян в России приводили реформа 1861 года, коллективизация. Деревенские дети, родившиеся накануне и после начала форсированной коллективизации, осознали себя уже в условиях функционирования колхозного строя, который для них являлся обыденной реальностью, а единоличное существование крестьянства стало для них преданием. Для крестьян, рожденных ранее, ведение ими или их родителями единоличного хозяйства оставалось важным и значимым пластом их доколхозной жизни.

Избранные в монографии временные рамки появления исследуемого поколения на первый взгляд весьма условны, так как сколь-нибудь значимых событий для аграрной истории России в 1880–1890-е годы не произошло. Первая Русская революция, которая, по мнению авторов книги, стала для искомой генерации важным формативным этапом становления, затронула лишь ее часть. В протестном движении 1905–1907 годов участвовало от 20 до 30% сельского населения Российской империи⁴.

Однако проведенные нами изыскания показали, что данный период имеет для поколенческой истории статистически осязаемое операциональное значение. В 1885–1899 годах родилась большая часть лидеров и вожakov крестьянского повстанческого и партизанского движения 1918–1922 годов. Это подтверждается сделанным нами подсчетом по сборнику биографических материалов «Лидеры смуты»⁵: если в 1880–1884 годах на каждый год в сред-

3. См.: *Пушина Л. Ю.* (2011). Поколение как социокультурная общность // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 3. С. 28.

4. *Кондрашин В. В.* (2020). Крестьянское движение в годы Первой русской революции // Северо-Запад в аграрной истории России. № 26. С. 198.

5. *Лидеры смуты. 1918–1922 гг.* (2017). Биографические материалы / Под ред. А. В. Посадского. М.

нем приходится 10 рождений командиров/атаманов вооруженных групп, то в 1885–1889 годах — 23, в 1890–1894 годах — 37, в 1895–1899 годах — 33 рождения. До 1880 года на свет появилось незначительное их число. На лиц, родившихся после 1900 года, биографические справки в сборнике отсутствуют. Приведем в качестве подтверждающих примеров годы рождения П. Е. Щетинкина (1885), Н. И. Махно (1888), А. С. Антонова (1889), Е. М. Мамонтова (1889), Е. П. Ангела (батьки Ангела) (1896).

В советской официальной электоральной статистике 1925 года сведения о возрасте избранных в этом году в сельсоветы и волостные органы власти приводятся по следующим возрастным категориям: до 25 лет, 25–40, 41–60 и свыше 60 лет⁶. Крестьянские избранные от 25 до 40 лет родились, соответственно, между 1885 и 1900 годами и, таким образом, представляют поколение «революционного перелома». Их удельный вес в низовых органах власти позволяет определить степень их политического влияния в деревне (см. ниже).

Во вводной (первой) главе работы упомянуты точки зрения зарубежных социологов на протяженность отдельных циклов существования поколения. Хосе Ортега-и-Гассет выделял пять 15-летних периодов, из которых два являются сроком деятельного существования генерации. Н. Хоув и В. Шираус определили «жизнь» генерации в 80 лет, состоящую из четырех 20-летних периодов. При этом поколение, достигшее сорокалетнего возраста, начинает бороться с предыдущим за господство в социуме. Однако в основной части рецензируемой монографии обращение к проблематике внутренней цикличности жизни изучаемой генерации отсутствует. Между тем она имеет важное значение для поколенческой истории.

Т. Шанин в одном из своих устных выступлений указывал на то, что крестьянские волнения 1902 года, знаменовавшие собой начало перманентной крестьянской революции, произошли через 40 лет после реформы 1861 года. За это время случилась смена дееспособной генерации. Пророк Моисей водил евреев по пустыне сорок лет, чтобы те перестали быть рабами. В Землю обетованную должны были войти свободные люди. В России в начале XX века бывших крепостных заменило поколение, не знавшее крепостничества и придерживающееся иных поведенческих практик. Раскрестьянивание российской деревни, по нашему мнению, также в основном завершилось через 40 лет после начала массовой коллективизации⁷. Новое поколение сельских жителей, к которому относится отец автора рецензии (1928 года рождения), как указывалось выше, социализировалось уже в условиях колхозного строя.

6. Власть Советов. 1925. № 20. С. 5. В электоральной статистике второй половины 1920-х гг. приводятся данные по иным возрастным категориям.

7. *Ильины В. А.* (2012). Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // *Российская история*. № 1. С. 140.

Основное внимание искомому поколению уделяется во второй главе, которая начинается с реконструкции событий 1905–1907 годов в деревне. Детально описывается участие в них двух возрастных когорт исследуемой генерации: детей с подростками и молодежи⁸. Дети и подростки играли роль дозорных, а также могли непосредственно участвовать в погромах помещичьих усадеб: били окна камнями, помогали матерям грузить награбленное имущество. Молодежь выступала в роли «разведчиков», «застрельщиков» (провокаторов) погромных действий, а нередко и сама участвовала в избиениях, поджогах. Участвуя в коллективных формах протеста, подрастающее поколение убеждалось в допустимости и действенности насильственных акций. Карательные экспедиции рождали у молодых людей чувство ненависти к властям и местам.

Крестьяне поколения будущего «революционного перелома», получив опыт участия в «аграрных беспорядках» Первой русской революции, впоследствии применили его в годы дальнейших потрясений. Таковой стала общинная революция 1917 года, анализ событий которой осуществлен в рецензируемой монографии. В это время возраст искомой генерации варьировался от 18 до 32 лет. Составной частью «аграрных беспорядков» 1917 года наряду с «черным переделом» были погромы барских имений. Крестьянская молодежь в лице солдат-отпускников и дезертиров вносила в аграрное движение радикальные черты и находилась в первых рядах борцов с помещичьим землевладением. При этом дезертиры и возвратившиеся с фронта солдаты активно использовали огнестрельное оружие, которым нелегально завладели. Приход большевиков к власти в октябре 1917 года усилил протестную активность крестьян.

В третьей главе исследовательский фокус смещается на генерацию крестьян, родившихся в начале XX века, определяемую как «дети революции». При этом основными субъектами анализа становятся пионеры и комсомольцы. Противостояние между ними и основной массой крестьян из предыдущего поколения определяется авторами монографии как «межпоколенческий разлом». Однако члены пионерской и комсомольской организаций составляли абсолютно меньшую часть как сельского населения, так и соответствующей генерации. В 1924 году среди всей молодежи, занимающейся земледелием, комсомольцы составляли 0,9%, а среди сельских девушек — 0,16%⁹. К началу 1930-х годов удельный вес членов ВЛКСМ в составе сельской молодежи увеличился, но по-прежнему оставался мизерным. Незначительным было и их политическое влияние на крестьян. В РСФСР в 1925 году комсомольцы составля-

8. В революционных событиях относительно самостоятельно могли участвовать дети после 7 лет. Подростковый возраст у мальчиков наступал в 13 лет. Юноши с 17 до 21 года считались парубками (молодежью).

9. Виола Л. (2010). Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., С. 67.

ли лишь 3,4 и 3,5% от общего числа членов и председателей сельсоветов, а в 1929 году (в «год великого перелома») — 5,8 и 7,3% соответственно¹⁰.

Поколение «революционного перелома» отходит на второй план и уступает место авторам в основном обобщенных характеристик. Между тем его представители (в 1925 году им было от 23 до 40 лет, в 1930 году — от 30 до 45 лет) играли в жизни деревни несравненно большую роль, чем комсомольцы. В 1925 году в РСФСР возраст от 25 до 40 лет имело 58% членов сельсоветов, 67% их председателей, 60% делегатов волостных съездов советов, 74% членов волисполкомов, 88% председателей волисполкомов¹¹. Фактически именно у данной генерации в годы НЭПа была сосредоточена власть в деревне. Впрочем, ее представители могли занимать различные политические позиции. Они составляли значительную часть коммунистов, сельских функционеров, активистов. На момент партийной переписи 1927 года в РСФСР 51,4% членов и кандидатов в члены ВКП(б) родились в 1885–1899 годы, после 1900 года — 37,9%, до 1885 года — 10,7%¹². В то же время иные репрезентанты того же поколения противостояли провластным группам, боролись с ними за обладание сельсоветами. Часть из них были зажиточными, а потому подверглись раскулачиванию (см. ниже). На наш взгляд, в условиях НЭПа конфликт внутри поколения «революционного перелома» имел более острый характер, нежели соперничество между генерациями.

К концу 1920-х годов поколение «революционного перелома» в системе низового управления деревней стало активно вытесняться «детьми революции». В 1925 году в РСФСР доля лиц моложе 25 лет (т.е. родившихся в 1901 году и позднее) в составе членов и председателей сельсоветов составляла 16,6 и 14,5% соответственно. В 1929 году возраст до 29 лет включительно (родившихся в 1900 году) имело 46,4% членов сельсоветов, 50,1% их председателей, 47,7% делегатов районных съездов советов, 46,4% членов волостных и районных исполкомов¹³. Однако вытеснение еще было далеко от завершения.

В параграфах четвертой главы, касающихся проблем электропояса поведения сельского населения в условиях НЭПа, отношения крестьян к коллективизации, авторское внимание во-

10. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 г. Вып. 1: Выборы в сельские и волостные органы власти и городские Советы. М., 1927. С. 15; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1929 г. М., 1929. С. 67, 69.

11. Власть Советов. 1925. № 20. С. 5.

12. Всесоюзная партийная перепись 1927 года. Вып. 6: Численный состав ВКП(б) на 10 января, партийный стаж и возраст членов ВКП(б) и кандидатов в члены. М., 1927. С. 158.

13. Там же. С. 5; Выборы в Советы... С. 66, 68, 74, 76.

обще перемещается на крестьянство в целом, без его разделения на поколения.

Важным дополнением к основной части монографии является составляющие пятую главу так называемые социально-демографические этюды: «Фронтовики Первой мировой войны», «Женщины в революции и Гражданской войне», «Демографический портрет молодежи села первой половины 1920-х годов», «Провинциальные журналисты», «Сотрудники НКВД областного уровня 1930-х гг.», «Политкаторжане в изучаемой когорте», «Еврейская молодежь периода Гражданской войны», «Латыши на службе красному террору». Каждый из перечисленных очерков представляет самостоятельный историографический интерес. Из них основное внимание собственно крестьянскому поколению «революционного перелома» уделяется в этюдах, посвященных фронтовикам и демографическому развитию сельской молодежи. При этом в последнем из упомянутых очерков также дается демографическая характеристика молодых людей, родившихся в начале XX века. А на фронт в том числе призывались ратники ополчения 1873–1884 годов рождения.

Таким образом, в монографии детальная реконструкция поведенческих паттернов искомого поколения применительно к событиям 1905 и 1917 годов сменяется более схематичной для периодов НЭПа и рубежа 1920–1930-х годов. Кроме того, фактически за рамками исследования осталось массовое партизанское и повстанческое движение 1918–1922 годов, направленное как против белых, так и против красных. Наиболее активными его участниками (вожаками и рядовыми боевиками) являлись крестьяне из поколения «революционного перелома», вступившие в свой активный возраст (от 18 до 37 лет). Это был действительно звездный час поколения. На состоявшемся 21 мая 2025 года Межрегиональном круглом столе-конференции, посвященном обсуждению рецензируемой монографии, ее фактический ответственный редактор В. Б. Безгин объяснил, что выпадение событий Великой крестьянской революции 1918–1922 годов из базового предметного поля связано с тем, что он и ряд его соавторов уже детально их описали в своих предыдущих работах и решили не повторяться. Мы полагаем, что как минимум обобщенный материал по данной проблеме в работу включить было необходимо.

Мы положительно оцениваем обращение создателей монографии к иной генерации. Историю исследуемого поколения в полной мере невозможно реконструировать без изучения специфики прилегающих. Однако, в отличие от «детей революции», предшествующие генерации остались вне предметного поля. Между тем именно они были основными акторами «аграрных беспорядков» и 1905–1907 годов, и 1917 года. Их представители фактически возглавляли крестьянскую общину, которая являлась организатором аграрного движения, в том числе общинной революции. Согласно материалам составленной исследователями из Тамбова электронной базы

данных «Вожаки и участники крестьянских выступлений 1880-х — 1921 гг.», средний возраст участвовавших в крестьянских выступлениях 1917–1918 годов составлял 43,8 года (1874 год рождения)¹⁴. В 1920-е годы предшествующие генерации, а не поколение «революционного перелома», как это утверждается в монографии, являлись основными адептами традиционных крестьянских ценностей.

Недостаточно проработанными в монографии являются ряд региональных, национальных, субэтнических, групповых и гендерных аспектов поколенческой истории. За пределами анализа остались многие важные аграрные регионы России: Северо-Запад, Сибирь, Юг России (включая Дон, Кубань, Новороссию). Тема национальных особенностей поднимается лишь на примере групп (еврейской молодежи и латышских стрелков), которые прямого отношения к российской деревне не имеют. Специфика поведенческих практик казаков как субэтнуса русского этноса не раскрыта. Корпус документов хранящихся в фондах бывших партийных архивов достаточен для написания социально-демографического очерка истории сельских коммунистов, тем более что они имели в деревне, хотя и оспариваемое в середине 1920-х годов, но все же несравнимо большее политическое влияние, чем комсомолы. В годы Первой мировой войны на авансцену социальной жизни деревни выдвинулись оставшиеся «за бортом» монографии солдатки, которые стали весьма многочисленной и активной группой сельского населения. Значительная их часть представляла поколение «революционного перелома».

Несмотря на наличие в 4-й главе параграфа названного ««Жертвы» в поколении «революционного перелома»»¹⁵, проблема жертв коллективизации в монографии практически не поднимается. Между тем искомая генерация понесла значительные потери в ходе раскулачивания. По нашим расчетам, осуществленным на основе Базы данных о репрессированных крестьянах на спецпоселении¹⁶, которая была любезно предоставлена С. А. Красильниковым¹⁷,

14. Дьячков В. Л. (2017). Электронная база данных «Вожаки и участники крестьянских выступлений 1880-х — 1921 гг.»: структура и исследовательские возможности // Революция и бунт в российской истории. Материалы всероссийской научн. конф. М. С. 186.

15. В параграфе осуществляется репрезентация «типов риторик, в которых выражалось по преимуществу пассивное недовольство крестьян политической коллективизации».

16. В БД, составленную на основе обработки личных дел на глав семей, которые хранятся в ИЦ УВД Томской области, включались крестьянские семьи, высланные из районов Новосибирской области (в современных границах) в 1930-е годы.

17. БД была использована при написании монографии С. А. Красильникова, М. С. Саламатовой и С. Н. Ушаковой «Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е — начало 1950-х гг.)» Новосибирск, 2008; 2-е изд. М. 2010.

удельный вес глав семей спецпереселенцев, рожденных в 1885–1900 годах, составлял 46,2%; 34,6% из них родились до 1885 года, 18,2% — после 1900 года. При этом доля поколения «революционного перелома» в числе раскулаченных была больше. Часть крестьян, родившихся в начале XX века, стала главами семейств уже на спецпоселении. Они и другие депортированные вместе со своими родителями «кулацкие дети»¹⁸, которые представляют генерацию «детей революции», также стали жертвами трагедии советской деревни.

Высказанные нами критические суждения являются дискуссионными. Создавшие рецензируемый коллективный труд ученые имеют право на свою точку зрения. Очевидные тематические лакуны исследования возникли в силу обширности заявленной темы и требуют дальнейшей проработки. Важным итогом работы стало создание методологических принципов и методических наработок, позволяющих проводить дальнейшие исследования поколенческой истории на материалах отдельных регионов России и иных периодов ее истории. Монография «Российская деревня первой трети XX века: поколение “революционного перелома”» имеет новаторский характер и уже стала заметным явлением в отечественной аграрной историографии.

An attempt to reconstruct the generational history of the Russian peasantry in the first third of the 20th century

Review of the book: Bezgin V. B., Vyazinkin A. Yu., Ippolitov V. A., Safonov D. A., Slezin A. A., Yakimov K. A. Russian Village of the First Third of the 20th Century: Generation of the “Revolutionary Turning Point”. Moscow: Quadriga, 2025. 504 p.

Vladimir A. Ilinykh, DSc(History), Head of the Agrarian and Demographic History Department, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: agro_iwa@mail.ru

18. В 1931 г. на сто крестьянских семей спецпереселенцев, по нашим расчетам, приходилось более 170 детей. *Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н.* (2008). Корни и щепки. Новосибирск. С. 266.

Аграрное общество России на сломе эпох¹

**Рецензия на книгу: Безгин В. Б., Вязинкин А. Ю.,
Ипполитов В. А., Сафонов Д. А., Слезин А. А., Якимов К. А.
Российская деревня первой трети XX века: поколение
«революционного перелома». М.: Квадрига, 2025. — 504 с.**

Д. А. Ляпин

Денис Александрович Ляпин, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. 399770, Липецкая обл., Елец, ул. Коммунаров, д. 28. E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

EDN: VPZSWI

История аграрного общества в России — одна из важнейших тем, связанных с анализом изменений общественно-властных отношений в деревне под воздействием комплекса политических, экономических и культурных факторов. Особый интерес представляют «переломные периоды», сопровождающие переход на новые этапы в развитии государства. Потрясения первой четверти XX века, безусловно, были важнейшими из таких периодов, когда попытки модернизации страны столкнулись с целым рядом неразрешимых проблем и противоречий, вылившихся в системный кризис.

В этой связи большой интерес вызывают работы, в центре внимания которых находится аграрное общество в кризисный период. Вышедшая недавно коллективная монография «Российская деревня первой трети XX века: поколение «революционного перелома»» (М.: Квадрига, 2025) относится к числу таких изданий. Данное исследование стало результатом реализации большого проекта, поддержанного Российским научным фондом и направленного на изучение российской деревни в период с революции 1905 года до начала коллективизации. Структура книги определена ее целью — дать всесторонний анализ феномена «революционного» поколения, главным образом крестьянства. В основе внутреннего деления содержания лежит проблемный принцип. Монография состоит из пяти больших глав, каждая из которых посвящена определенной теме вне строгой хронологической последовательности:

1. Рецензия написана в рамках исследования, выполненного за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-68-00011, <https://rscf.ru/project/24-68-00011/>) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

первая глава — теоретическая, вторая связана с анализом группы «революционной молодежи», третья — с идеологической политикой советской власти в деревне, четвертая посвящена общественным настроениям, а пятая носит характер исторических эссе.

Безусловная сложность в работе над книгой заключалась при соединении усилий большого коллектива ее авторов (6 человек): все они являются признанными специалистами в аграрной тематике и каждый обладает собственным научным стилем, набором методов, принципов и «научным почерком». Можно представить, какие трудности возникли во время редактирования. Надо сказать, что книга вполне удалась как единое целое, несмотря на богатый фактологический и разносторонний источниковедческий материал.

В итоге предлагаемая читателю работа демонстрирует анализ важнейшего эпизода в новой истории России — слом традиционного аграрного общества, повлекший за собой трансформации в жизни массы низов огромной страны, включая изменения в сфере сознания. Безусловно, эта тема сложна и актуальна по своей сути. Однако читателю важно было бы познакомиться с развернутой характеристикой сельского «мира» до момента его разрушения и трансформации, понять его основные черты и факторы развития на протяжении длительного периода времени в хронологических рамках XVIII–XIX веков. С таких позиций исторического контраста понимание случившихся конструктивных перемен было бы нагляднее. Кроме того, при подобном сравнительном подходе можно было бы проследить, какие сферы ментальности оказались наименее затронутыми внешними преобразованиями первой четверти XX века, т.е. оказались наиболее устойчивыми к переменам эпохи и проявили себя в последующей истории советского общества (культ вождя, конформизм, понятия о земле как общем владении, «народное православие»).

Проведенное авторами исследование носит ярко выраженный социально-исторический характер. Подход к изучению прошлого через конструкт «поколение» действительно очень интересен и актуален. В этой связи следует обратить внимание на большие возможности, которые открывает эта работа, если расширить и продолжить изучение поставленных авторами задач в русле микроистории. Следующий логичный шаг — проследить судьбу отдельных лиц и семей столь насыщенного событиями «революционного периода» сельской истории. Тогда, изучая прошлое с позиций среза поколения, можно будет уловить перемены в судьбе отдельно взятой семьи, используя для этого комплексную просопографическую методику. В этой связи представленная книга может выступать отправной точкой для продолжения исследований в русле конкретных судеб, как отдельных людей, так и целых поколений крестьян. В несколько ином виде, более абстрактном (в качестве этюдов), это представлено в рамках главы 5. Отмечу, что последняя глава книги, помимо прочего, продолжает развитие повсeday-

но-бытовой тематики, представленной одним из авторов, В. Б. Безгиним, в работе о правосудии крестьян².

Рассуждения второй главы о самосознании простого населения и подходе к изучению ментальности сельской массы вызывают особый интерес. Авторы имеют большой опыт в данной проблематике и, как мне кажется, методически верно обращаются к постановке подобных вопросов. Однако, подходя к их рассуждению с позиций историко-антропологического метода, можно отметить, что за всеми крестьянскими выступлениями стояло вполне приземленное желание стабильного существования и благополучия. По всей вероятности, этим желанием и воспользовались большевики в своей широко развернутой пропаганде 1917–1923 годов. В конце концов, даже после революционных событий и случившегося социального перелома в деревне основным элементом сельской жизни оставался *обыватель*, на деле очень далекий от высоких идеалов и возвышенных целей, на которые ему теперь следовало ориентироваться согласно официальной идеологии новой власти. За этим поколением последуют другие: сельские жители, переехавшие в город во время индустриализации, но оставшиеся, по сути, такими же обывателями с весьма приземленными ценностями.

Следует отметить, что такого же сельского труженика, живущего земными заботами, выстраивающего свои семейные стратегии в контексте поисков пути к благополучию, можно встретить и в сельском обществе XVII века, т.е. в самом начале эпохи Нового времени, когда аграрное общество уверенно шло в сторону закрепощения³. Более того, само понятие «счастье» в массовом народном сознании всегда было синонимичным понятиям «богатство» и «достаток»⁴. Это наблюдение подчеркивает потенциальную востребованность новой книги для широкого круга специалистов и еще раз обращает внимание на необходимость обращения к корням традиционной российской деревни.

Продолжая тему аналогий в истории сельского мира, отмечим, что представленные в монографии особенности поведения крестьян и их самоорганизация в годы социальных потрясений вызывают интерес в общеисторическом контексте, поскольку проявили себя в том же виде во время событий «бунташного» XVII столетия. Даже выражение «кровопийца», употребляемое в революционные 1905 и 1917 годы, относится к лексикону бунтовщиков 1648 года. Схожесть поведенческих моделей заставляет задуматься о специфике традиционного аграрного общества, которое может периоди-

Д. А. Ляпин
Аграрное общество
России на сло-
ме эпох

2. Безгин В. Б. (2012). Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX — начала XX века. Тамбов.

3. Ляпин Д. А. (2019). Формы поведения сельского населения юга России в XVII // Факты и символы. № 1 (18). С. 41–53.

4. Кошелева О. Е. (2002). Ракурсы «счастья» в России XVII–XVIII веков // Казус. Индивидуальное в истории. С. 108.

чески допускать подобного рода коллективные практики (убийство и грабеж именем «мира»)⁵. В этой связи монография открывает новое и очень важное направление, связанное с изучением истории сельского общества в большом историческом ракурсе, что позволяет выявить общие, присущие низам нормы поведения, ценности и ментальные установки. В этом контексте было бы интересно изучить политические предпочтения сельского населения, поддержку партии эсеров, в том числе на выборах в Учредительное собрание, где за ними было почти 40% голосов. Между тем идеалы эсеров были, по своей сути, утопическими, и их популярность тоже показательна и может являться прямым отражением менталитета и ценностных ориентиров аграрного общества.

Таким образом, исследование «поколения революционного перелома» может быть продолжено в разных направлениях. Это еще раз подчеркивает, что монография является большим успехом современной исторической науки в изучении прошлого России, она позволяет увидеть особенности процессов, происходящих в тесном взаимодействии общественных масс и политических событий на сломе эпох. Важно и то, что книга ставит много новых задач, заостряет внимание на кризисных моментах нашей истории, в которых характерные особенности исторического развития России проявлялись наиболее отчетливо.

Russian agrarian society at the turn of the eras

Review of the book: Bezgin V. B., Vyazinkin A. Yu., Ippolitov V. A., Safonov D. A., Slezin A. A., Yakimov K. A. Russian Village of the First Third of the 20th Century: Generation of the "Revolutionary Turning Point". Moscow: Quadriga, 2025. 504 p.

Denis A. Lyapin, DSc (History), Associate Professor, Leading Researcher, Yelets State University named after I. A. Bunin. Kommunarov St., 28, Yelets, Lipetsk Region, 399770, Russia. E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

5. *Ляпин Д. А.* (2020). На окраине царства: повседневная жизнь населения Юга России в XVII веке. СПб. С. 79-88, 284-295.

Поколение «революционного перелома» и современность: поиск баланса между традицией и инновацией

**Рецензия на книгу: Безгин В. Б., Вязинкин А. Ю.,
Ипполитов В. А., Сафонов Д. А., Слезин А. А.,
Якимов К. А. (2025). Российская деревня первой трети
XX века: поколение «революционного перелома». М.:
Квадрига. — 504 с. ISBN 978-5-91791-551-7**

И. В. Гончарова, Г. С. Чувардин

Ирина Валентиновна Гончарова, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ государственной политики и управления отраслевой экономики, Государственный университет управления. 109542, Москва, Рязанский просп., 99. E-mail: 79208195393@yandex.ru

Герман Сергеевич Чувардин, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева. 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95. E-mail: wodantag@mail.ru

EDN: XPYMRH

История российской деревни первой трети XX века — это история глубоких социальных потрясений на фоне трансформации традиционного уклада и судеб поколения, оказавшегося на переломе эпох. Коллективная монография «Российская деревня первой трети XX века: поколение «революционного перелома»» предлагает анализ этого критического периода, раскрывая сложное переплетение революционных событий и советской модернизации, определившего жизненные стратегии молодых участников событий.

На протяжении последнего столетия российское сельское общество неоднократно сталкивалось с масштабными модернизационными вызовами, имеющими как принципиальные различия, так и поразительные сходства. В первой трети XX века радикальные преобразования начались со Столыпинской аграрной реформы, продолжились революционными потрясениями и достигли апогея в период коллективизации, что привело к коренной ломке традиционного уклада сельской жизни. Аналогичным образом первая треть XXI века ознаменовалась цифровой революцией, которая столь же кардинально трансформирует социально-экономические отношения, в том числе в аграрном секторе. Реалии современности актуализируют изучение исторического опыта.

Демографические процессы в обе эпохи развивались отчасти по схожим сценариям: массовая миграция молодежи в города, разрушение традиционной патриархальной семьи и фундаментальное изменение репродуктивных стратегий. Если в начале прошлого века эти процессы были связаны с индустриализацией и политической раскрестьянивания, то сегодня они обусловлены урбанизацией и изменением ценностных ориентаций новых поколений.

Параллель можно провести в сфере кризиса идентичности. В 1920–1930-е годы он проявлялся через разрушение религиозных и общинных ценностей, острый конфликт поколений и идеологизацию сознания посредством комсомольской организации и антирелигиозной пропаганды. Современный кризис идентичности, вызванный глобализацией и массовой культурой, особенно заметен в молодежной среде и проявляется в размывании традиционных ценностей и культурных ориентиров.

Наконец, в обе эпохи наблюдалось возникновение новых форм социального расслоения. В прошлом веке ключевыми факторами мобильности были партийная принадлежность и доступ к образованию, сегодня же социальные лифты связаны в первую очередь с доступом к цифровым технологиям и качественному образованию, что создает новые виды «цифрового неравенства» в сельской местности.

Сейчас как никогда важно изучать исторические аналогии. Анализ того, как сельское общество реагировало на модернизацию в начале XX века, помогает понять возможные сценарии развития современных сельских территорий. Постоянно действующим фактором остается конфликт поколений: молодежь была и остается агентом изменений, а старшее поколение — носителем традиционных ценностей. Исторический опыт показывает, как подобные конфликты могут как разрушать, так и обновлять социум.

В 1920–1930-е годы комсомол и коллективизация стали инструментами управления сельскими изменениями. Сегодня аналогичную роль могут играть новые формы гражданской активности.

Современные вызовы — цифровизация, демографический спад, кризис идентичности — во многом повторяют логику модернизационных потрясений начала XX века. Однако сегодня у нас есть уникальная возможность учиться на историческом опыте, чтобы не просто констатировать кризис, а находить пути устойчивого развития сельских сообществ.

Данная монография актуальна не только для историков, но и для социологов, политологов, специалистов по сельскому развитию и молодежной политике. Понимание того, как предыдущие поколения переживали эпохи радикальных изменений, позволяет выработать стратегии, способные смягчить социальные последствия современных трансформаций.

Новаторский подход монографии заключается в рассмотрении первой трети XX столетия как целостного революционного трансформационного периода, преодолевающего традиционную совет-

скую историографическую схему с ее жестким разделением на эпохи «до» и «после» 1917 года. Об этом методологическом выборе писал В. В. Бабашкин¹, отмечая, что такой подход позволяет по-новому осмыслить глубинные социальные процессы, выходящие за рамки формальных политических событий.

Концептуальным стержнем исследования становится анализ истории через призму поколенческого подхода. Авторы рассматривают, как сменяющие друг друга поколения русских крестьян переживали и осмысливали череду радикальных изменений, акцентируя внимание не столько на институциональных изменениях, сколько на процессах политической социализации различных возрастных групп. Как справедливо отмечает В. Б. Безгин: «Повзрослевшие дети, побывавшие на фронтах Первой мировой войны и привитые насилием, вернулись домой, многие с оружием, чтобы отомстить за порки отцов, и посредством “черного передела” обрести вождеденную землю»².

Особую ценность представляет исследование механизмов формирования политического сознания: 1) поколения, вступившего в сознательную жизнь в 1900-е годы и пережившего крушение монархии; 2) «фронтowego поколения» 1914–1917 годов; 3) молодежи 1920-х годов, чье мировоззрение складывалось под влиянием советской власти.

Такой подход позволяет проследить преемственность и разрывы в ценностных ориентациях, выявить как постепенную эволюцию, так и революционные скачки в массовом сознании: «Оценивая в целом взаимоотношения “отцов” и “детей” в крестьянской среде после революции, правильнее говорить даже не о конфликте поколений, а о глубоком разломе, разрыве поколений» (с. 216).

Авторы анализируют, как различные возрастные группы адаптировались к меняющимся политическим реалиям, как происходила трансляция ценностей, представлений о власти, справедливости, социальном порядке.

Важным достижением исследования становится демонстрация того, что ключевые изменения в крестьянском менталитете и поведенческих моделях не укладываются в рамки официальной периодизации, а представляют собой протяженный во времени процесс, где политические события 1917 года стали скорее катализатором уже идущих глубинных трансформаций, чем их началом.

Такой хронологический и поколенческий подход важен для понимания природы революционных изменений как длительного социального процесса и особенностей передачи политического опыта между поколениями в условиях этих изменений.

Историческое исследование представляет интерес для современного читателя и с точки зрения исторического опыта молодежной по-

1. Бабашкин В. В. (2024). История России. Крестьянская революция 1902–1935 гг.: закономерности и особенности отечественной модернизации. СПб.: Лань.

2. Безгин В. Б. (2023). Крестьянские дети и подростки в аграрных выступлениях 1905–1907 годов // Крестьяноведение. Т. 8. № 3. С. 74.

политики. На данном отрезке времени особую значимость приобретает формирование национальной идентичности. Этот процесс, имеющий глубокие исторические и культурные корни, напрямую связан с вопросами государственного суверенитета, гражданской консолидации и стратегического развития общества. Особую роль в данном контексте играет молодежь, которая не только отражает текущие социокультурные тенденции, но и формирует образ будущего. Поэтому изучение исторического опыта реализации молодежной политики представляется крайне важным для выработки эффективных механизмов воспитания новых поколений в условиях современных вызовов.

После революции 1917 года большевики осознали ключевую роль молодежи в укреплении новой политической системы. Молодое поколение рассматривалось не только как движущая сила социальных преобразований, но и как гарант преемственности власти. В годы Гражданской войны поддержка молодежи стала одним из факторов победы. К концу 1920-х годов комсомол и пионерская организация превратились в мощные институты политической социализации, обеспечивавшие массовую мобилизацию молодых людей для проведения индустриализации, коллективизации и культурной революции.

Сложившаяся в СССР система воспитания («октябрята — пионеры — комсомольцы — партия») демонстрировала высокую эффективность в формировании лояльного и идеологически мотивированного поколения. Этот опыт, несмотря на свою противоречивость, представляет значительный интерес для современных исследований в области молодежной политики.

В условиях информационных войн вопросы идентичности становятся ключевыми для обеспечения суверенитета и социальной стабильности. В этой связи актуализируется проблема поиска оптимальных моделей молодежной политики, сочетающих традиционные ценности и современные технологии воспитания. Исторический опыт СССР, несмотря на идеологические различия, позволяет выделить ряд принципиально важных механизмов, в том числе системность, идеологическую мобилизацию, а также создание условий для самореализации и карьерного роста в рамках официальных институтов — социальных лифтов.

Изучение механизмов формирования идентичности, методов политической социализации и роли молодежных организаций дает возможность определить потенциал адаптации исторических моделей к современным условиям.

Особое внимание в монографии уделяется вопросам преемственности поколений, влияния идеологии на массовое сознание и баланса между традиционными ценностями и модернизационными процессами. Полученные результаты будут способствовать углубленному пониманию роли молодежи в сохранении национально-культурного кода России.

Осмысление роли молодежи как одновременно агента изменений и объекта идеологического воздействия приобретает особую значимость в контексте современных информационных войн. Истори-

ческий опыт 1920–1930-х годов наглядно демонстрирует, как молодежь, будучи наиболее восприимчивой социальной группой, может становиться инструментом масштабных социальных преобразований, а также жертвой манипулятивных технологий. В условиях сегодняшней цифровой реальности, когда информационное воздействие приобрело глобальный характер и невиданную ранее интенсивность, эти исторические уроки требуют особого осмысления.

Проблема этичности методов идеологического воздействия на молодое поколение, поднятая в исследовании советского периода, трансформировалась в вопрос о границах допустимого в пропаганде. Современные технологии позволяют осуществлять влияние на сознание молодежи с беспрецедентной точностью и персонализацией, что ставит новые этические дилеммы перед обществом. Как и в 1930-е годы, когда антирелигиозная пропаганда сознательно разрушала межпоколенческие связи, сегодня мы наблюдаем попытки различных сил искусственно конструировать ценностные разрывы между поколениями через цифровые медиа.

Особую тревогу вызывает воспроизводство исторического феномена вовлечения молодежи в борьбу с «пережитками прошлого» — теперь эта риторика эволюционировала в различные формы «отмены истории». Современные информационные войны, как и столетие назад, эксплуатируют естественный юношеский максимализм и протестный потенциал, но делают это с применением алгоритмов социальных сетей.

Проблемы, затронутые в монографии, напоминают, как важен исторический опыт для выработки этических стандартов работы с молодежным сознанием и сбалансированных подходов к патриотическому воспитанию, избегающих крайностей как огосударствления, так и полного невмешательства.

Изучение механизмов социальных лифтов и трансформации сознания молодежи в 1920–1930-е годы представляет особую ценность для формирования современной молодежной политики. Исторический анализ показывает, что такие инструменты, как образование и участие в молодежных организациях (на примере комсомола), действительно становились мощными каналами социальной мобильности для крестьянской молодежи. Однако монография убедительно демонстрирует и «цену» этих преобразований — болезненный разрыв с традиционными ценностями, подмену религиозных символов квазирелигиозной советской мифологией (замена религиозного чуда «советским чудом») (с. 266).

Современный поиск объединяющих идеологических конструктов и культурного кода, акцент на духовно-нравственных ценностях требуют вдумчивого осмысления этого исторического опыта. Важно понимать, с точки зрения организационной модели, советская система («октябрята — пионеры — комсомол») демонстрирует эффективность последовательной системы вовлечения молодежи через все возрастные группы. Современные попытки создать сквозное

движение («Движение Первых») действительно учитывают этот организационный урок, но должны избегать идеологического моноцентризма 1930-х годов. С точки зрения идеологической работы урок заключается в необходимости избегать радикального отрицания традиций (как в 1920-е) и находить баланс между инновациями и преемственностью. Главным антиуроком советского опыта является разрушенная межпоколенческая коммуникация, которая привела к тяжелым социальным последствиям. Современные программы должны выстраивать диалог, а не конфронтацию возрастов.

Важно подчеркнуть: речь не о копировании советских моделей, а о творческом переосмыслении их эффективных элементов с учетом современных реалий и при обязательном учете «опыта боли», зафиксированного в монографии. Историческая перспектива позволяет отделить организационно-методические находки (которые могут быть адаптированы) от идеологических крайностей (которые должны служить предостережением).

Такой аналитический подход особенно важен сегодня, когда молодежная политика находится в поиске между инновационностью и традиционностью, создавая новые форматы гражданской социализации молодого поколения.

Научная значимость данной работы определяется тем, что впервые реконструированы судьбы крестьянства в контексте поколенческого подхода, продемонстрирована роль молодежи как агента изменений и жертвы идеологического воздействия и озвучена проблема этичности методов советской пропаганды, вовлекавшей детей в борьбу с «пережитками прошлого».

Необходимо отметить, что этот труд вносит вклад в понимание механизмов социальных изменений в кризисные периоды и имеет значение для современных исследований сельских сообществ и исторической памяти.

Generation of the “revolutionary turning point” and the present time: In search of a balance between tradition and innovation

Review of the book: Bezgin V. B., Vyazinkin A. Yu., Ippolitov V. A., Safonov D. A., Slezin A. A., Yakimov K. A. Russian Village of the First Third of the 20th Century: Generation of the “Revolutionary Turning Point”. Moscow: Quadriga, 2025. 504 p.

Irina V. Goncharova, DSc (History), Associate Professor, Leading Researcher, Research Institute of Public Policy and Management of Industrial Economy, State University of Management. Ryazansky Pr., 99, Moscow, 109542, Russia.
E-mail: 79208195393@yandex.ru

German S. Chuvarin, DSc (History), Professor, Department of Russian History, Oryol State University named after I. S. Turgenev. Komsomolskaya St., 95, Oryol, 3022026, Russia. E-mail: wodantag@mail.ru

«Революционные» поколения: между «жаждой земли» и модернизационными вызовами

**Рецензия на книгу: Безгин В. Б., Вязинкин А. Ю.,
Ипполитов В. А., Сафонов Д. А., Слезин А. А.,
Якимов К. А. (2025). Российская деревня первой трети
XX века: поколение «революционного перелома». М.:
Квадрига. — 504 с.**

В. П. Николашин

*Вадим Павлович Николашин, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 181к.
E-mail: nikolashin.vadim@yandex.ru*

EDN: ZBUTYU

Социально-экономический анализ положения дел в российской деревне в конце XIX — начале XX века позволяет сделать вывод о предкризисном ее состоянии. «Догоняющая», задержанная модернизация страны объяснялась в основном тем, что крестьянство являлось наиболее массовым слоем населения. Сохранявшиеся в деревне нормы, практики дореформенных экономических отношений, институты обычного права тормозили интенсификацию сельскохозяйственного производства. И именно на подрастающее поколение крестьянства должны были лечь основные тяготы по разрешению потенциального экономического и политического кризиса, становлению новых производственных отношений в России.

В коллективной монографии «Российская деревня первой трети XX века: поколение “революционного перелома”» проведен подробный анализ процесса включения младших поколений сельских жителей России в ход отечественной модернизации. Для этого в рамках исследования применяется достаточно широкий набор методологических подходов, включая историческую антропологию, историческую психологию, просопографию, крестьяноведение и др. Представленные в монографии материалы и документы помогают в осмыслении малоизученных в рамках заявленной тематики феноменов, отражая палитру сюжетных поворотов в жизни крестьянской молодежи поколения «революционного перелома» (1885 — начало 1900-х годов рождения) и «революционного поколения» (1905–1930-е годы рождения). Эта коллективная монография, по сути, является фундаментальной работой, которая концентри-

рует потенциал для дальнейшего углубленного исследования социально-экономических и общественно-политических процессов российской деревни через призму поколенческой истории, в том числе на мезо- и микроуровнях.

Трудность, которая стояла перед авторами коллективной монографии, заключалась в возможности мобилизовать корпус источников, которые бы в достаточной мере могли раскрывать положение и деятельность поколения крестьян, родившихся в 1885 — начале 1900-х годов, отражать их «включенность» в процессы эпохи социальных, политических и военных потрясений первых десятилетий XX века. Зачастую по целому ряду причин в первичных источниках не указывается возраст акторов, принимавших участие в общественно-политических погромных акциях. Однако авторам исследования удалось выявить целый комплекс таких документов, посвященных теме участия детей и подростков (в том числе с указанием возраста) в погромах помещичьих усадеб в 1905 году (с. 98, 100).

Жизненные стратегии крестьян на рубеже XIX–XX веков, оказавшихся за чертой бедности или же искавших выход в отличном от общепринятого в общине образе жизни, зачастую предполагали путь в города в качестве отходников. Именно они и становились источником социального радикализма деревни. Город для них становился «школой жизни». Но важно учитывать и то, что независимость и потенциальный бунт в целом характерны для молодежи на этом жизненном этапе¹.

Вместе с нарастанием уровня социального напряжения в деревне начала XX века происходил поступательный переход от пассивных к активным формам борьбы крестьян с крупными землевладельцами. Эти акции и становились первым опытом включения молодежи в такую борьбу. Формативным периодом для поколения «революционного перелома», как отмечают авторы монографии, стала эпоха Первой русской революции 1905–1907 годов. Именно тогда, еще детьми, они получили возможность соприкоснуться с аграрным протестом как формой заявления собственных позиций и решения экономических задач общинами. Принципы «моральной экономики», справедливости (в крестьянском понимании), сплочения расширяли потенциал и уровень погромных настроений в деревне.

По нашему мнению, эпоха деятельности поколения «революционного перелома» может быть расширена до 1902 года. Аграрное движение 1902 года проходило на глазах «ранних представителей» (некоторым из них в это время могло быть 16–17 лет) этой социальной группы. В частности, это касалось крестьян, проживавших на ряде территорий Курской, Воронежской, Тамбовской губерний и др. (пусть это и были отголоски более широких выступ-

1. *Хобсбаум Э.* (2020). Бандиты. М. С. 49.

лений в Полтавской и Харьковской губерниях). Безусловно, такой подход усложняет стройность, структурированность, общую логику исследования, но он позволяет выявить более ранние «ростки» протестности в среде подрастающего поколения.

В дальнейшем революционные события 1905–1907 годов, Первая мировая война, а затем события 1917 года, социокультурная активность большевиков открыли новые возможности для эмансипации крестьянской молодежи, интеграции в политическую жизнь страны.

В монографии поднимается и находит достаточно широкое освещение вопрос рецепции революционных идей в деревне. Имеются материалы, которые позволяют сделать выводы о том, на какие крестьянские взгляды они опирались. В частности, представлен сюжет о встрече жителя с. Спасского Оренбургской губернии И. Филатова с агитаторами и чтении брошюры «Пауки и мухи» (с. 139–140). Этот пример показателен. Также представлено описание встреч в банях и в удаленных местах агитаторов с крестьянами. Но, как отмечается в одном из материалов монографии, «Капитал» К. Маркса крестьянам не поддавался, им требовалась школа рабочей молодежи для усвоения сложных политических идей и социальных моделей (с. 191).

Авторы монографии отмечают коллективизм общин в принятии решений о погроме имений («Куда мир, туда и я, мне от мира нельзя»). И здесь возникает вопрос: дети и молодежь в данном случае становились слепым орудием в руках старшего поколения или все же могли выступать в качестве инициаторов пассивных форм борьбы с помещиками? Видимо, здесь имела место некая эволюция, поступательное накопление протестного опыта. Именно поэтому интересно рассмотреть в динамике взгляды детей-погромщиков 1905 года, их деятельность в 1920-х годах, определить поведенческие модели в ходе крупных крестьянских выступлений (например, в Тамбовской губернии, в Западной Сибири и др.). А также выявить возраст осознанного участия в революционных процессах.

При этом, как отмечают авторы монографии, внутри одного поколения существовали различные когорты, субпоколения. Этот тезис особенно значим, так как позволяет прийти к более глубокому осмыслению событий, развернувшихся в российской деревне в ходе Гражданской войны. Приведем один пример. В Тамбовской губернии в среде молодежи в годы «Антоновского восстания» сформировались как минимум две поколенческие когорты, которые оказались по разные стороны условного фронта борьбы большевиков и повстанцев. Среди первых были, прежде всего, комсомольцы и представители советских и партийных органов, в антисоветском лагере оказывались члены семей повстанцев, отходники, дезертиры, вернувшиеся из армии демобилизованные солдаты.

Данные исследователей «Антоновского восстания» демонстрируют, что основную массу повстанцев составляли крестьяне в возрасте 25–35 лет², т.е. среди них были и «ранние представители» поколения «революционного перелома». Это подтверждают и архивные данные, где сообщается, что в числе повстанцев были и те, кому было двадцать три года в 1921 году³. Более того, для некоторых поручений «антоновцы» привлекали молодежь с 18 лет⁴. В 1921 году по заявлению комвойска Тамбовской губернии «порядочная, если не большая часть бандитских шайк состояла из “зеленой молодежи”»⁵.

Э. Лэндис объясняет такую ситуацию тем, что молодым крестьянам участие в движении повстанцев доставляло моральное удовлетворение. Кроме того, это позволяло решить ряд материальных проблем путем грабежа «советских складов и хозяйств»⁶. Л. Виола называет данный процесс «архаичной формой протеста против нового порядка и его институтов»⁷.

На другом полюсе «Антоновского восстания» находились про-советские силы. И особое место здесь занимал комсомол. Деятельности этой молодежной организации авторы монографии уделяют большое внимание, выделяя ее роль в формировании советского человека. Еще в 1919 году в резолюции по работе коммунистического союза молодежи в деревне отмечалось, что «работа среди РКСМ для крестьянской молодежи является одним из главных условий осуществления полного политического завоевания деревни»⁸. Это было важно и в период Тамбовского восстания, когда работа в молодежной среде приобретала «вербовочно-агитационной» характер⁹ и такие формы, как борьба с «подпольной контрреволюцией»¹⁰, несение сторожевой службы¹¹, борьба с дезертирством, участие в продотрядах и т.д.

2. *Иванов Д. П.* (2009). Предпосылки и мотивы участия крестьян в Тамбовском восстании 1920–1921 гг.: микроисторический подход. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тамбов. С. 24.

3. Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-5201. Оп. 2. Д. 1812. Л. 227 об.

4. Государственный архив общественно-политической истории Тамбовской области (далее — ГАСПИТО). Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1037. Л. 32 об.

5. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 467. Л. 2.

6. *Новикова Л. Г.* (2013). Рецензия на книгу: Landis E. C. Bandits and Partisans: The Antonov Movement in the Russian Civil War. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2008 // Российская история. № 1. С. 217.

7. *Виола Л.* (2010). Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: Российская политическая энциклопедия. С. 219.

8. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 5. Д. 15. Л. 11.

9. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 467. Л. 2.

10. ГАСПИТО. Ф. П-1205. Оп. 1. Д. 139. Л. 56.

11. ГАСПИТО. Ф. П-1205. Оп. 1. Д. 139. Л. 65-об.

Таким образом, даже в тамбовской деревне в период восстания существовало минимум две когорты-антагониста, мировоззренческие модели которых были полярно противоположными. И в дальнейшем, уже после подавления восстания, крестьяне сохраняли двойственность сознания. Так, верой в Бога характеризуется подавляющая часть населения, даже несмотря на активную антирелигиозную пропаганду большевиков. Об этом свидетельствуют и данные Всесоюзной переписи населения 1937 года, приведенные в монографии (с. 232). Но в то же время привнесенные советской властью социокультурные нормы и практики причудливо трансформировались и интегрировались в советские реалии.

На фоне отраженных выше социальных противоречий в деревне 1920-х годов наблюдались не только негативные процессы, но и социально-экономическая модернизация, где молодежь играла важнейшую роль. Ввиду этого сфокусируемся на созидательном потенциале советских новаций, включенности в данный процесс поколения «революционного перелома» и «революционного поколения». С одной стороны, это открывало новые возможности для молодежи, повышало ее социальную мобильность и давало возможность ее представителям повышать свой социальный статус. С другой стороны, нарастал модернизационный, цивилизационный потенциал деревни. Авторы коллективной монографии, не выделяя данный сюжет в отдельную главу или раздел, акцентировали внимание на данном вопросе.

После завершения Гражданской войны большевики развернули широкую программу по привлечению молодежи «на свою сторону», стремясь оторвать основную ее часть от традиций «отцов». С одной стороны, это осуществлялось в 1920-е годы посредством организации вступления сельской молодежи в ряды пионерии и комсомола, и даже поощрения приема в РКП(б) «крестьян от сохи». С другой — это был путь поступательного вовлечения молодых крестьян в новые реалии, приобщения к советским ценностям. В деревне была развернута целая сеть организаций: школы, избы-читальни, клубы и т.д. Читались газеты, все больше распространялось радиовещание, появилось кино. Важную роль в процессе формирования «нового человека» начинало играть развитие советского просвещения, агитации и пропаганды. Появлялось все больше «писем во власть» от деревенской молодежи, многие из которых публиковались в «Крестьянской газете».

Практические навыки и опыт работы на современных аграрных машинах, развитие других технических навыков происходило в рамках обучения новым для деревни профессиям в коллективных и советских хозяйствах. Также повышение уровня технической грамотности осуществлялось на специализированных курсах. В качестве примера можно отметить подготовку трактористов-рулевых в Курской губернии, которая проводилась в 1926–1927 годах. На данные курсы в первую очередь привлекались представители

коллективных и кооперативных объединений. Преимущество отдавалось «достаточно грамотным», окончившим сельскую школу и, по возможности, владевшим кузнечным делом и другим ремеслом по обработке металла¹².

Все это — детали довольно широкой картины социокультурной модернизации деревни при участии молодежи, которую разворачивают перед читателем авторы монографии о российской деревне первой трети XX века, убедительно показывая, насколько важная роль во всех этих процессах принадлежала комсомольцам.

Как отмечают историки, один из наиболее успешных способов обучения крестьян, который сами «обучающиеся» часто предпочитали другим, представляла собой «карнавальная» методика. Эта работа, как правило, «дополнялась... четкой вслух присланных из центра текстов лекций», хотя не всегда сложный материал был понятен «самим новоиспеченным “лекторам”» (с. 205).

Члены многих комсомольских ячеек считали важным делом привлекать крестьян-передовиков к работе в «сельскохозяйственных товариществах, кружках, секциях» (с. 238). Немаловажным считалось и развитие навыков чтения и привычки читать — как газеты, так и книги. Считалось, что «читать — значит, думать с кем-нибудь, создавать собственные мысли при помощи мыслей чужих...» (с. 238). Авторы монографии приводят и еще один яркий пример борьбы комсомола с безграмотностью: «На VIII съезде ВЛКСМ специально заседание посвятили участию молодежи в культурной революции. Каждый грамотный комсомолец обязывался найти одного неграмотного и обучить его читать и писать» (с. 239–240).

Особое место в формировании «нового человека» в деревне занимала советская периодическая пресса, а также стенгазеты, которые «будоражили общественное мнение, их заметки нередко становились поводами к обсуждению на сельских сходах» (с. 239).

Среди газет, содержавших практические советы для ведения крестьянского хозяйства, выделялась «Пионерская правда». В ней с 1926 года появилась рубрика «Пионерская деревня». Здесь была информация про содержание скота, посадку и сбор урожая и т.п. (с. 207). В других изданиях внимание крестьян привлекали рубрики «Советы крестьянину», «Быт деревни», ответы на вопросы крестьян (с. 239).

Другими, более понятными способами донесения информационных посланий для деревни были различные постановки, попытки влиять на народное творчество, фольклор. По свидетельству авторов, «в деревнях ставились антирелигиозные пьесы (например, «Кто помог: агроном или Бог»)» (с. 222). В народе ходила частушка: «Совхозами, колхозами / И трактором стальным / При помощи безбожия / Коммуну создадим» (с. 218). А «рупорами» таких строк становились зачастую свои же комсомольцы-гармонисты.

12. Государственный архив Курской области. Ф. Р-583. Оп. 1. Д. 884. Л. 2.

В целом же, обобщая опыт социокультурного развития деревни в 1920-е годы, специалисты по методикам политической пропаганды приходили к выводу, что для просвещения крестьянства «не годятся лекции, создающие предпосылки для “ненужных дискуссий”, малограмотным слушателям тяжело слушать длинные и непонятные доклады. Для отвлечения детей в праздники советовали проводить игры, в крайнем случае — легкие уроки» (с. 223).

В 1920-е годы большевики, проводя просветительскую и образовательную политику в деревне, особое внимание уделяли антирелигиозной пропаганде. При этом председатель детских коммунистических групп Тамбовской губернии Б. Брюханенко довольно тонко подмечал, такую пропаганду среди детей нужно «углублять, не проводя кампаний, но наталкивая лишь детей на размышления о правильности религиозных учений и верований, о явлениях в природе, как гром и молния и проч., объясняя летние деревенские праздники, носящие полуязыческий характер» (с. 204). В 1924 году он требовал от председателей уездных и районных бюро юных пионеров «обратить внимание на изучение естествознания как на один из методов антирелигиозной пропаганды» (с. 204–205).

На IV съезде РЛКСМ, проходившем в сентябре 1921 года, также отмечалось, что для реализации данного курса комсомольские организации должны перейти в «практическую плоскость», противопоставить знания в сфере сельского хозяйства и религиозные верования. В частности, подчеркивалось, насколько важной была задача увязать «изучение естественных наук с практической работой по агрономической пропаганде в целях “закрепления безверия”» (с. 249).

Пока риторика комсомольцев и пионеров не увязывалась в умах крестьян-прагматиков старшего поколения с некой практичностью, возможностью получить от всего этого какую-то пользу здесь и сейчас, основная масса селян воспринимала их критически и даже враждебно. Но по мере того как их деятельность стала приносить некоторую пользу, в деревне стали прислушиваться к их советам. Как отмечают авторы монографии, крестьяне, по советам комсомольцев, сэкономленные на религиозных требах и праздниках средства начали тратить на хозяйственные нужды, например, возведя мост через реку и приобрев в общее пользование быка-производителя в Усть-Ваге Архангельской губернии (с. 253).

В целом проводимая советской властью в деревне политика просвещения имела значимый эффект для новых поколений крестьян. Авторы монографии обращают внимание, что впоследствии комсомольцы стали редакторами газет, адмиралами, генералами, партийными работниками, производственниками и т.д. (с. 197). Также и селькоровское движение, став важнейшим институтом неповской деревни, позволило воспитать целый ряд советских писателей (с. 239).

В середине 1920-х годов под влиянием провозглашенной советской властью политики «лицом к деревне» начали формироваться условия для расширения крестьянских свобод в области социальных, экономических и религиозных отношений. Об этом пишут и авторы монографии. Но дальнейшие события, связанные с коллективизацией и раскулачиванием, остановили данный процесс. Все без исключения страты деревни столкнулись с новыми и тяжелыми, отличными от реалий НЭПа условиями жизни и труда.

В то же время, рассматривая исторический опыт 1920-х годов в «позитивной проекции», с позиции возможностей «мобилизовать» исторический опыт для решения современных проблем, встающих перед молодежными сообществами, необходимо дефрагментировать как негативные явления, так и те процессы, что способствовали повышению уровня знаний и технической грамотности крестьянства. Приходившие на смену социальной агрессии времен Гражданской войны поведенческие модели трансформируются в нормы трудовой этики и отчасти энтузиазм.

Большая заслуга авторов рецензируемой коллективной монографии состоит именно в такой постановке вопроса, а также в том, что приведенные в книге материалы оказывают историку существенную помощь в поиске ответа на этот непростой вопрос. Исследователи сумели представить целостную научную работу, в которой достаточно четко отражено место поколения «революционного перелома» и «революционного поколения» в процессе становления преобразования российского общества в течение первых трех с лишним десятилетий XX века. Несмотря на социальные, политические, военные и другие потрясения, молодые люди той эпохи сумели сохранить моральные ценности, интеллектуальные ресурсы для того, чтобы повести за собой следующие поколения и, главное, выдержать удар со стороны внешних врагов, в дальнейшем передав «эстафетную палочку» новому поколению для восстановления и модернизации страны уже во второй половине XX века.

“Revolutionary” generations: Between “thirst for land” and modernization challenges

Review of the book: Bezgin V. B., Vyazinkin A. Yu., Ippolitov V. A., Safonov D. A., Slezin A. A., Yakimov K. A. Russian Village of the First Third of the 20th Century: Generation of the “Revolutionary Turning Point”. Moscow: Quadriga, 2025. 504 p.

Vadim P. Nikolashin, DSc (History), Associate Professor, Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G. R. Derzhavin. Sovetskaya St., 181k, Tambov, 392008, Russia. E-mail: nikolashin.vadim@yandex.ru

Международный день кооперативов 2025¹

Л. А. Овчинцева

Овчинцева Любовь Александровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1.
E-mail: lovchintseva@rambler.ru

EDN: ZEXTWQ

Международный день кооперативов (Coops Day) отмечается по всему миру в первую субботу июля, так было установлено в резолюции Генеральной ассамблеи ООН № 47/90 от 16 декабря 1992 года. В 2025 году этот праздник проходит в рамках Международного года кооперативов ООН (IYC2025), который отмечается раз в десять лет. Девиз этого года «Кооперативы: поиск инклюзивных и устойчивых решений для лучшего мира». Именно под таким названием в Москве прошла научно-практическая конференция, инициатором проведения которой выступили Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ» и Общественное движение кооператоров. Непосредственное участие в конференции приняли более девяноста российских и зарубежных ученых и практиков, представителей малого и среднего бизнеса, госкорпораций и общественных деятелей, вносящих свой вклад в создание лучшего будущего на основе общепризнанных мировых принципов устойчивого развития. Немалое число участников следило за работой конференции онлайн.

В программе конференции было четыре панели. Темой первой — история кооперативного движения в контексте развития социального предпринимательства. Панель модерировал сопредседатель комитета по развитию кооперативного предпринимательства ОПОРА РОССИИ *А. В. Шутов*. Директор музея предпринимателей, меценатов и благотворителей *Н. С. Смирнова* напомнила собравшимся о традициях российской благотворительности, об истории развития российской молочной кооперации, ее достижениях в области масло- и сыроделия, а также о социальном значении маслодельных артелей и их роли в формировании ценностной ориента-

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

ции предпринимателей XIX века. Генеральный директор фонда социальных инвестиций *С. В. Голубев* обрисовал современную картину развития социального предпринимательства, процедуру получения соответствующего статуса и возможности господдержки для реализации социально значимых проектов, обозначил широкий диапазон направлений работы социального предпринимательства на конкретных примерах в России и за рубежом, в частности в сфере заботы о пожилых. Использованию кооперативных форм для реализации проектов в области образования было посвящено выступление эксперта профильного комитета ОПОРА РОССИИ *М. В. Дергуновой*. Она отметила положительные стороны кооперативных учреждений образования, отвечающих запросам общества на создание локальных, безопасных, аутентичных форм обучения, в контроль за которыми вовлечены родители, а также сослалась на зарубежный опыт США и Испании, где кооперативные учреждения образования успешно функционируют уже более полувека.

Выступления и дискуссии второй панели сосредоточились на теоретических и практических сторонах деятельности потребительской кооперации. Тон дискуссии задал модератор панели профессор РГЭУ им. В. Г. Плеханова *В. Г. Егоров*. В своем вступительном слове он подчеркнул, что кооперация является формой сотрудничества субъектов хозяйственной деятельности в самом широком смысле слова и при этом успешно сочетает частные и общественные интересы, объединяет труд и собственность. Развитие кооперации в историческом контексте в России частично было сопряжено с идеями соборности, развитием частной инициативы, которую поддерживало как государство, стремившееся снизить уровень бедности, так и крупные предприниматели, дальновидно вкладывавшиеся в формирование активной деловой среды и использовавшие кооперацию в своих интересах. Кооперация неоднократно становилась инструментом, который использовали политические движения, так, социал-демократы видели в ней способ консолидации масс, а в годы военного коммунизма от кооперативов ожидали улучшение обмена товарами между селом и городом. По мере усиления плановых начал и государственного контроля за сырьем кооперация всех видов оказалась поглощена плановой экономикой. В годы перестройки кооперация оказалась инструментом разгосударствления, что привело к ее криминализации и дискредитации. Практика показывает, что все попытки использовать кооперацию не по прямому назначению снижали устойчивость и эффективность кооперативной формы хозяйствования. Навязывание кооперации сверху, пренебрежение прямой демократией вело к разрушению кооперативов. Вопреки всему в настоящее время общественный интерес к идее кооперации растет. Благоприятной предпосылкой для развития кооперации является внедрение современных технологий, которые снимают ограничение принципа радиуса действия, облегчают коммуникацию между членами кооператива. Также кооперативная идея поддерживается сохраняющимся в обществе

запросом на существование справедливых экономических механизмов, приносящих общую пользу.

Вслед за недавними нобелевскими лауреатами по экономике² понятия инклюзивных и экстрактивных институтов применительно к кооперации озвучил в своем выступлении д.э.н. *А. В. Соболев*. Он подчеркнул, что инклюзивность подразумевает равные права участия членов кооператива в его деятельности. Даже при успешном развитии кооператива отрицание кооперативных принципов справедливости, солидарности, прямой демократии ведет к перерождению кооператива. Докладчик обратил внимание участников конференции на создание Научного центра кооперативных исследований им. И. В. Емельянова. Популяризацию трудов И. В. Емельянова как незаслуженно недооцененного представителя русского зарубежья можно только приветствовать. Первые упоминания о нем в отечественном научном дискурсе появились в начале 1990-х в статье И. А. Бродской, сравнившей теоретические подходы к кооперированию мелких сельхозтоваропроизводителей *А. В. Чаянова* и *И. В. Емельянова*³, однако, учитывая малый тираж издания, эта публикация прошла практически незаметной. Затем привлечь внимание к наследию ученого в своих выступлениях и публикациях старался известный тюменский кооперативный деятель *С. А. Пахомчик*⁴. Через десятилетия эстафету принял *С. Н. Скорохов*, благодаря его усилиям прошла серия конференций⁵, посвященных памяти *И. В. Емельянова*, предпринято переиздание книги о теории кооперации, причем размещение электронной версии сделало ее широкодоступной⁶. Деятельность Научного центра кооперативных исследований, без сомнения, будет способствовать дальнейшему расширению наших знаний о научном наследии Емельянова.

Не могу оставить без комментария небесспорное сравнение Соболевым теоретических трудов по кооперации Чаянова и Емельянова. Попытки уменьшить значение кооперативной теории Чаянова ничем иным, как слишком глубоким увлечением идеями Емельянова,

Л. А. Овчинцева
Международный
день кооперати-
вов 2025

2. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* (2021). Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ.
3. *Бродская И. А.* (1991). О двух концепциях кооперации в сельском хозяйстве: *А. В. Чаянов* и *И. Емельянов* (США) // Кооперация. Страницы истории. Вып. 2. М. С. 131–133.
4. *Пахомчик С. А.* (2000). Наследие *И. В. Емельянова* как ученого-кооператора // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. СПб.: Институт Российской истории РАН. С. 175–178; *Емельянов И. В.* (2005). Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций. Тюмень.
5. *Овчинцева Л. А.* (2023). Новейшие формы и модели кооперативного движения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 23. № 3. С. 661–667.
6. *Антонова М. П., Скорохов С. Н., Царев В. М.* (2020). *И. В. Емельянов. Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций.* М. URL: <https://www.litres.ru/book/i-v-emelyanov/ekonomicheskaya-teoriya-kooperacii-ekonomicheskaya-struktura-66270850/chitat-onlayn/>

объяснить сложно. Ведь любому исследователю, знакомому с трудами обоих ученых, очевидно, что кооперативная теория Чаянова построена на доскональном изучении организации крестьянского хозяйства, обосновании экономических механизмов кооперирования мелких крестьянских хозяйств, в устойчивости существования которых Чаянов был убежден, и эта устойчивость подтверждается исследованиями сельского хозяйства Глобального Юга вплоть до настоящего времени. А Емельянов рассматривает кооперирование, ассоциацию в самом широком смысле и в самых различных формах, исходя из доступного ему эмпирического материала о деятельности фермерских хозяйств в США, именно поэтому его определения столь широки в попытке осмыслить самые разные экономические формы как единое целое. Какие-либо упреки в отношении трансформации взглядов Чаянова на роль кооперации в период осуществления большевистской политики массовой коллективизации, на наш взгляд, некорректны и неэтичны, учитывая исторический контекст, в котором находился выдающийся ученый. Широкое международное признание трудов обоих ученых доказывает их значимый вклад в мировую экономическую и кооперативную теорию.

В следующем выступлении руководитель общественного движения кооператоров *А. С. Чернышев* сделал важное сообщение о создании Национальной ассоциации кооперативов. Ассоциация была официально зарегистрирована в конце июля 2025 года с целью расширять сеть взаимодействия кооперативов с другими организациями, разделяющими кооперативные принципы.

О развитии кооперации в Португалии в последней трети XX века рассказал *М. Нобрега*. Кооперативное движение в этой стране получило широкое распространение именно как инициатива жителей сельской местности в сложный период смены политических режимов. В последнее время вследствие изменения институциональной и экономической среды в стране в общем числе кооперативов доля и численность сельскохозяйственных кооперативов сокращается, но зато растет число кооперативов в других отраслях, в частности, в образовании и в сфере услуг. В 2010 году общее число кооперативов в Португалии составило более 3 тыс., в том числе сельскохозяйственных 870, в сфере услуг — более 500. Подробнее с кооперативным движением в Португалии можно ознакомиться по ссылке⁷.

Практическим сторонам деятельности потребительских кооперативов было посвящено выступление *А. Л. Казачкова*, начальника управления по работе с регионами Центросоюза. Потребительские общества в России действуют уже почти два века, устав первой артели был принят в 1831 году. К концу XIX века число зарегистрированных потребительских обществ исчислялось сотнями, были созданы региональные

7. *Nóbrega João Paulo Caldeira* (2021). O papel da automação e das cooperativas para uma redistribuição solidária de tempo livre. Instituto Universitário de Lisboa.

союзы, координировавшие свою деятельность через Всероссийский кооперативный центр при Московском союзе. После событий 1917 года кооперация в значительной степени была огосударствлена, тем не менее возникший в то время Центросоюз продолжал оказывать помощь крестьянам в обмене излишков продукции на промышленные товары. В советское время торгово-заготовительная сеть потребительской кооперации взяла на себя социально значимую функцию по обеспечению доставки товаров и товарообмену с самыми отдаленными населенными пунктами в сельской местности, которую выполняет по сей день, несмотря на драматические события 1990-х годов. И сегодня более 70% торговых предприятий Центросоюза находятся в сельской местности. В настоящее время сеть магазинов Центросоюза действует в 74 регионах России, насчитывает 492 райпотребсоюза, 1700 потребительских обществ и около 1 млн пайщиков. Благодаря Центросоюзу созданы и успешно действуют кооперативные учреждения образования. Именно Центросоюз представляет сегодня российскую кооперацию в международном кооперативном движении.

Третья сессия была посвящена кооперации в сельском хозяйстве. Ее модерировал известный практик кооперации из Липецкой области *А. С. Коротяев*, директор ООО «Кооперативные системы». Сессия началась с выступления *В. Ф. Вершинина*, выдающегося кооперативного деятеля современности, руководителя СРО Россоюз «Чаянов». Он напомнил собравшимся, что кооперирование позволяет мелким сельхозтоваропроизводителям повысить конкурентоспособность и выйти на уровень производства, сопоставимый с крупнейшими капиталистическими хозяйствами. История дает нам массу примеров успешных кооперативов, действовавших в начале 10-х годов XX века: Московский народный банк, Сибирский союз маслодельных артелей, Центральное товарищество Льноводов, в 20-е годы — Лыноцентр, Союзкартофель. В настоящее время показательны зарубежные примеры — кооперативы по сбыту молока в Голландии и по закупке сельхозтехники в Германии. Но в нашей стране доля кооперативных услуг сельхозтоваропроизводителям, являющаяся важным показателем развития кооперации, чрезвычайно мала, так, в сбыте молока она всего около 1%, а в остальных отраслях менее процента. Для сравнения, во многих зарубежных странах она достигает 70%. И это притом, что государство выделяет на поддержку развития кооперации значительные бюджетные средства, а по числу потребительских сельхозкооперативов Россия превосходит США и ФРГ вместе взятые. Подавляющее число кооперативов в нашей стране малочисленные, маломощные, порой это просто семейные хозяйства. По мнению докладчика, органы управления сельским хозяйством и сегодня должны были бы занять более активную роль в формировании кооперативных сетей, как это было в начале XX века, и как это происходит в других странах, поскольку практика показывает, что ожидать от мелких сельхозтоваропроизводителей инициативы к объединению не приходится, участие в ревизионных союзах не является обязательным, частная собствен-

ность на землю не способствует устойчивости кооперативов в сельском хозяйстве, а изменение сознания и распространение кооперативных идей не происходит одновременно.

В выступлении *А. А. Куракина*, научного сотрудника НИУ ВШЭ и РАНХиГС, акцент был сделан на теоретическом осмыслении внутренних вопросов организации работы кооператива. Докладчик выделил две проблемы: управление кооперативом и механизмы голосования. В вопросах управления есть немало нюансов, например, контроль за действиями руководителя кооператива, и возникает множество вопросов, на которые было бы интересно получить ответы. Известно, что при укрупнении масштаба деятельности кооператива и усложнении решаемых задач, управление зачастую переходит к наемному менеджеру, а рядовые члены все более отстраняются от принятия решений, снижается их интерес к голосованию, и возникает вопрос, утрачивается ли при этом кооперативный характер предприятия? Известно ли, какие типы характерны для руководителей отечественных кооперативов: лидеры, администраторы, пассивные? Какова доля членов кооперативов, активно участвующих в его деятельности, а какова доля пассивных «безбилетников»? Как организована деятельность наблюдательных советов? Насколько принцип «один член — один голос» соответствует интересам членов кооперативов, внесших больший вклад в его создание? Докладчик подчеркнул, что в зарубежной практике имеется множество исследований, посвященных конкретным внутренним вопросам деятельности кооператива, у нас же таких исследований явно недостаточно.

На роли ревизионных союзов в укреплении устойчивости сельскохозяйственной кооперации и их взаимодействию с наблюдательными советами было сфокусировано выступление исполнительного директора РСО «Агроконтроль» *Г. И. Явкиной*. В своем выступлении она отметила, что порой кооперативы недооценивают значимость ревизионных союзов, рассматривают их лишь как инстанцию, где можно взять необходимую для получения средств господдержки справку, а между тем ревизионный союз является институтом, который предоставляет руководству кооператива важную информацию о том, имеются ли риски в его деятельности, а членам кооператива — информацию о компетентности и добросовестности работы руководства кооператива. Кооперативы, которые создаются лишь для получения средств господдержки, подвергаются риску быть привлеченными к ответственности за нецелевое использование бюджетных средств. Сейчас ревизионный союз может отметить недостатки и выдать отрицательное заключение о деятельности руководства кооператива. Однако он не имеет права обратиться в правоохранительные органы, если есть риск нарушения закона, а между тем пострадать от неправомерных действий руководителя кооператива могут именно рядовые члены кооператива, семейные хозяйства.

Участию семейных ферм в кооперации был посвящен доклад *А. А. Иншакова*, доцента РЭУ им. В. Г. Плеханова. Доклад был по-

строен на анализе статистических данных. Выступавший отметил, что число публикаций о кооперации и солидарной экономике растет год от года, составляет не менее 800 единиц ежегодно. Согласно данным ФАО, число семейных ферм в мире составляет более 500 млн ед., им принадлежит 90% земельных участков, из которых 84% имеют площадь не более 2 га. Три четверти семейных ферм находится в Китае, Индии и других странах Азии, 9% — в странах Африки к югу от Сахары. Более 70% ферм имеют площадь менее 1 га.

По данным международного кооперативного альянса, сельскохозяйственные кооперативы составляют 32% от общего числа кооперативов в мире. Крупнейшие сельскохозяйственные кооперативы (по размеру оборота) находятся в Корее, Японии, США, Нидерландах, Германии, Бразилии. Они объединяют десятки тысяч членов, а сам оборот исчисляется миллиардами долларов.

Опираясь на данные статистики США, докладчик показал, что крупные фермы отличаются более высокой продуктивностью. Они составляют 3% от общего числа ферм США, владеют 27% земель и производят 46% сельскохозяйственной продукции, тогда как мелкие фермы, доля которых в общем числе ферм приближается к 90%, владеют 45% сельскохозяйственных земель, но при этом производят 18% продукции. Мелкие фермы носят более натуральный характер, производят продукцию для собственного потребления, а крупные фермы сосредоточены на производстве товарной продукции: хлопок, молоко, зерновые культуры и соя, говядина, свинина, специальные культуры.

Из данных европейской статистики следует, что 27 тыс. сельскохозяйственных кооперативов объединяют 7 млн фермеров и создают 607 тыс. рабочих мест. В 2024 году доля кооперативов в европейском производстве молока составляла более 55%, в производстве фруктов, овощей, вина и оливкового масла — около 40%, зерновых культур — одну треть, сахара и свинины — одну четверть.

Сравнение с Россией показывает, что в нашей стране на 1 января 2023 года число КФХ и занимающихся сельским хозяйством ИП составляло 164 тыс., сельскохозяйственных потребительских кооперативов — 6,3 тыс., сельскохозяйственных производственных кооперативов — 3,6 тыс. По данным опроса, проводившегося автором доклада, около двух пятых опрошенных фермеров были бы готовы кооперироваться в сбыте продукции, 16–17% — в обработке земли и снабжении материалами, 8–11% — в совместном владении техникой и переработке продукции. Основной поддержкой, которую получают кооперативы в нашей стране, является предоставление субсидий и грантов, консультаций и обучения. По данным опроса, две трети членов кооперативов проходили какое-либо обучение.

Завершил сессию директор РСО «Агроконтроль» *А. В. Морозов*. Он проанализировал государственную политику в отношении кооперации в сельском хозяйстве, отметил положительную динамику в развитии нормативно-правовой базы (закон о сельскохозяйственной кооперации), расширение консультационной поддержки (региональные

центры компетенций), значительный объем финансовой поддержки (субсидии и гранты). Докладчик отметил, что развитие носит двойственный характер, с одной стороны, число СПоК с 2018 по 2024 год выросло с 4,5 тыс. до 5,8 тыс., увеличилась членская база, регулярно проводятся кооперативные съезды, но с другой стороны, создаваемые кооперативы носят нередко формальный характер, ориентированы только на получение средств господдержки, доля услуг, которые они оказывают агробизнесу, невелика.

По мнению докладчика, несмотря на значительную финансовую поддержку, подлинных устойчивых кооперативов возникает немного, знания и предпринимательские компетенции фермеров невысоки. Фермеры недооценивают значение планирования своей деятельности и грамотного управления, что мешает развитию устойчивой кооперации. Как полагает *А. В. Морозов*, функцию кооперативного обучения могли бы взять на себя консультационные кооперативы второго уровня.

Завершающая сессия была посвящена общим вопросам солидарной экономики и кооперирования, ее модерировал сопредседатель Комитета по развитию кооперативного предпринимательства ОПОРА России, сооснователь производственного кооператива «РАД КОП» *Р. М. Гусейнов*. Открыл сессию *Г. В. Тюрин*, президент фонда «Инициатива», известный своей деятельностью, направленной на поддержку местных сообществ. В его докладе было высказано немало идей о механизмах консолидации сил на местах, поддержке соборности в самом широком смысле слова, масштабировании положительного опыта и создании кооперативной экосистемы. Чем сильнее государство и корпорации, выше уровень принятия решений, тем больше локальных задач остается без внимания. Поддержка местных инициатив создает благоприятную среду для локального развития и для кооперирования. Тренд на локальное развитие усиливается стремлением горожан к переезду из городов в сельскую местность, цифровизацией, созданием в последнее время благоприятных условий для иммиграции в Россию.

Тема самоуправления была продолжена *И. Молчановым*, имеющим опыт организации самоуправления в экопоселении. Он предложил задуматься над тем, почему успех отдельных кооперативов не превращается в массовое движение и каким образом трансформируется стремление к кооперированию по мере развития и изменения ценностной ориентации кооперирующихся индивидуумов.

Созвучно прозвучало выступление *Г. Орловского*, представившего пример создания и существования event-коммуны. Если экопоселения помогают горожанам обосноваться в сельской местности, то event-коммуна в миллионном городе решает задачи по адаптации молодых людей в городской среде, а именно создает условия для проживания, безопасности, горизонтальной коммуникации, организации общежития, осмысленного досуга. По мнению *Г. Орловского*, такие коммуны должны строиться на принципах взаимного до-

верия, кооперативизма, антиавторитаризма, благотворительности, создания общего блага. При этом молодые люди активно используют современные технологии, социальные сети, группы в мессенджерах для коммуникации и информирования о своей деятельности.

Далее эта тема была развита в докладе *М. В. Шutowой* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург), представившей результаты научных исследований, опирающихся на концепции меритократии, благодарности и создания пространства доверия. Хотя эти исследования проводились в проектах по формированию корпоративной культуры, их результаты имеют значения для осмысления условий развития местных сообществ, самоуправления и кооперирования.

Пример развития корпоративной культуры на принципах меритократии озвучил *Г. А. Назаров* (генеральный директор дивизиона Росатом — Возобновляемая энергия). Он положительно оценил интеграционные связи госкорпорации с предприятиями малого и среднего бизнеса и интерес корпораций к созданию бирюзовых компаний⁸.

В заключительном сообщении *Д. Н. Панюков* (Русское кооперативное общество) подчеркнул, что вследствие конкуренции на рынках и по мере увеличения масштаба деятельности кооперативная идентичность может теряться. На рынках развивающихся стран кооперация развивается пусть и хаотично, но вполне успешно, тогда как на рынках развитых стран кооперация переходит в корпоративный формат и порой вырождается. И все же постоянно возобновляющийся интерес к кооперации в самых разных слоях общества отражает неослабевающий поиск новых смыслов экономики.

В резолюции конференции было отмечено, что конференция способствовала осмыслению и интеграции российского опыта в общее русло мирового кооперативного движения. Из содержания докладов стала очевидной востребованность кооперативной модели, в центре которой находится человек и его потребности. На примере развития кооперации в сельском хозяйстве были проанализированы проблемы развития кооперативов: дефицит управленческих кадров, необходимость создания скоординированной системы кооперативного образования, распространения информации, формирования кооперативной базы данных. Стала очевидной перспективность создания кооперативных экосистем, формирования кооперативной культуры, масштабирования и интеграции кооперативного опыта в работу и практику корпораций.

International Cooperative Day 2025

Lubov A. Ovchintseva, PhD (Economics), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp. 82, Moscow, 119571. E-mail: lovchintseva@rambler.ru

8. *Лалу Ф.* (2020). Открывая организации будущего. Изд. ООО Манн, Иванов и Фербер. URL: <http://www.litres.ru>

Крестьяноведение

2025. Том 10. №3

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 01.10.2025. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ 1791
Тираж 51 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru